

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА КОРЯКОВ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Дальневосточное отделение
Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА КОРЯКОВ

Под общей редакцией
академика А. И. Крушанова

Санкт-Петербург
«Наука»
1993

В коллективной монографии на большом фактическом материале, охватывающем период с XVII в. до наших дней, рассматриваются вопросы этногенеза, этнической истории и культуры коряков. Монография содержит новые сведения о создании национальной государственности, социально-экономическом развитии и проблемах современного состояния народности. Показано влияние социально-экономических преобразований на материальную и духовную культуру, семейно-брачные отношения коряков.

Книга предназначена для этнографов, историков, социологов, филологов, краеведов и всех интересующихся историей и культурой народностей Дальнего Востока.

Редакционная коллегия:

Н. В. ВАСИЛЬЕВА, Л. Я. ИВАЩЕНКО, Н. В. КОЧЕШКОВ (отв. редактор),
В. Е. СИНЬКО, В. А. ТУРАЕВ (отв. редактор), Л. Е. ФЕТИСОВА.

Рецензенты:

С. Ф. КАРАБАНОВА, А. Ф. СТАРЦЕВ

Редактор издательства А. Ф. ВАРУСТИНА

И $\frac{0505000000-563}{042(02)-93}$ 112—92, II полугодие

ISBN 5—02—0010114—1

© Коллектив авторов Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока, 1993 г.
© Российская академия наук, 1993 г.

ВВЕДЕНИЕ

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока в содружестве с научными учреждениями Москвы и Ленинграда более 10 лет назад приступил к созданию многотомной серии историко-этнографических трудов под общим названием «Народы Дальнего Востока СССР». Уже вышли в свет несколько книг этой серии.¹

Предлагаемая вниманию читателей коллективная монография посвящена исследованию различных аспектов истории и культуры коряков, коренной народности Камчатки. Коряки составляют одно из этнических подразделений северо-восточных палеоазиатов в Арктике, относясь в целом к большой монголоидной расе. Говорят они на корякском языке, входящем в чукотско-камчатскую языковую семью.²

История формирования корякского этноса уходит своими корнями в глубь тысячелетий. Древнейший субстратный пласт, легший в его основу, связан с мезолитической культурой бродячих охотников и рыболовов, обитавших в VI—VIII тыс. до н. э. на территории обширной культурной провинции, в состав которой входили: северо-восток Сибири, Прибайкалье, Приамурье и север Монголии.

Следующий этап этногенеза коряков связан с эпохой позднего неолита, когда в северной части Тихого океана возникла специализированная культура морских зверобоев. Переход к морскому зверобойному промыслу и оседлости способствовал обособлению локальных культур. Именно в этот период происходят становление специфических черт древнекорякского этноса, ярко проявившихся в носителях охотской и близкой к ней камчатской культур, дробление корякского языка на диалекты, становление современного физического типа коряков. Значительные изменения в культуре корякского этноса вызвало восприятие оленеводства — на этом этапе происходит окончательное складывание традиционного облика корякской народности, какой и застали ее первые русские люди.³

С приходом на Камчатку русских начинается новый этап этнической истории коряков. Вовлечение их натурального хозяйства во всероссийскую экономику способствовало разрушению первобытной замкнутости и изолированности и в конечном счете вело к приобщению к русской культуре. Прогрессивным следствием вхождения коряков в состав России было установление на их землях элементарного, хотя и феодального, правопорядка,

что сократило кровавые межплеменные и межродовые столкновения аборигенов. Однако фискальная политика царизма способствовала известной консервации архаичных общественных отношений, обрекала коряков на жестокую эксплуатацию, сковывала свободный рост и развитие национальной культуры.

За годы Советской власти в жизни коряков произошли глубокие изменения. Наиболее плодотворным для их этнокультурного развития было первое советское десятилетие, когда все мероприятия по ликвидации политической, экономической и культурной отсталости коренного населения осуществлялись постепенно, с учетом реального состояния народов, их специфики, в формах, доступных для понимания, путем приспособления сложившихся общественных и экономических структур к новым задачам и потребностям. В результате к началу 30-х гг. у коряков был создан национальный округ — специфическая форма советской государственности, в функции которой входила защита национально-культурных интересов местного населения. Была разработана письменность, на родном языке велось обучение в школах, появилась национальная литература.

Национально-государственное строительство, ликвидация культурной отсталости, новые формы хозяйственной жизни ускоряли консолидационные процессы, разрушали обособленность и стойбищную замкнутость, способствовали осознанию этнического единства, общности национальных интересов. К сожалению, со второй половины 30-х гг. в осуществлении национальной политики в СССР все отчетливее стали проявляться серьезные деформации. Наметилось стремление к упрощению национальной структуры страны, ее национально-государственного устройства. Национальные округа и Советы теряют свои автономные права и перестают отличаться от обычных территориальных образований, упраздняются Комитет Севера и национальные районы. Приоритетным направлением в деятельности местных органов власти становится безоговорочное подчинение интересов отдельных народов общегосударственным задачам. Всякое проявление национального самосознания, стремление сохранить родной язык и культуру рассматриваются как проявление национализма.

В результате такой политики у коряков, как и у других народов Дальнего Востока, стали быстро нарастать национально-культурные, социальные, экологические проблемы. Особенно заметными стали они со второй половины 60-х гг., когда параллельно с ростом культуры, образцованности, благосостояния начали усиливаться ассимилятивные процессы, отход от традиционной культуры, утрата языка, разрушение семейных связей, резкое сокращение рождаемости. Анализу причин, приведших к глубокому кризису всех сфер жизнедеятельности коряков, посвящено немало страниц настоящей книги.

Предлагаемая читателю работа не претендует на исчерпывающую полноту. В литературе достаточно подробно отражены традиционное хозяйство и материальная культура коряков, их общественные отношения, этнографические особенности большинства локальных групп, многие другие вопросы. В этой части авторы ограничились лишь сведениями, необходимыми для общего представления о народности, дополнив их новыми, неопубликованными материалами. Наибольшее внимание уделено этногенезу и этническим связям коряков, малоисследованным проблемам их духовной

культуры, а также этническим процессам, характерным для коряков в советский период. В целом же читатель увидит из этой книги, что коряки обладают богатой историей, составляющей нераздельную часть всемирной истории человечества. Несмотря на свою малочисленность, они создали яркую, самобытную культуру, внесли оригинальный и весомый вклад в сокровищницу человеческого опыта.

История изучения коряков. Начало исследованиям коряков положили участники академического отряда Второй Камчатской экспедиции, в задачу которого входило изучение языков, верований, обрядов, обычаев и других сторон жизни коренного населения. В результате их работы был осуществлен сбор материалов по истории, этнографии и языку коряков: Г. Ф. Миллер представил первые достоверные сведения о жилищах, селениях и промыслах; ⁴ натуралист И. Г. Гмелин о шаманстве; ⁵ Г. В. Стеллер составил первый словарь корякского языка; ⁶ интересные описания коряков, к сожалению оставшиеся неопубликованными, составили И. Э. Фишер ⁷ и Я. И. Линденау. ⁸ Особенно ценную и значительную работу по изучению народов Камчатки провел С. П. Крашенинников. В его классическом труде ⁹ корякам посвящена специальная глава, в которой содержатся сведения об их расселении, материальной культуре, религиозных представлениях и обрядах.

В 1788 г. у коряков побывал французский консул Ж. Лессепс, участник экспедиции Лаперуза. В 1790 г. он опубликовал дневник своего путешествия, в котором содержатся наблюдения корякского быта, описание селений коряков. ¹⁰

В середине XIX в. изучением коряков занимался чиновник особых поручений при губернаторе Камчатки К. Дитмар. ¹¹ Конец XIX в. в истории изучения коряков ознаменовался выходом в свет нескольких работ — двухтомного труда Н. В. Слюнина, статей А. А. Ресина и В. П. Маргаритова. ¹² Несмотря на их описательность, авторам удалось показать многие существенные стороны жизни и быта коряков в период сильного влияния на их культуру русского населения.

Выдающуюся роль в деле этнографического изучения коряков сыграла Северо-тихоокеанская экспедиция К. Дезюпа (СТОЭ), организованная Американским музеем естественной истории совместно с Российской академией наук в 1900—1902 гг. В состав экспедиции от Российской академии вошли В. Г. Богораз и В. И. Иохельсон. Корякский отряд этой экспедиции под руководством В. И. Иохельсона работал на северном побережье Охотского моря, обследовал береговые поселения Пенжинской губы, кочевья оленеводов полуострова Тайгонос и внутренних тундр Камчатки до хребта Пал-Пал. Результатом этой работы явилась публикация на английском языке двухтомной капитальной монографии «Коряки». ¹³ В ней исследованы материальная и духовная культура коряков, общественный строй, религия и искусство. До сих пор эта обстоятельно написанная монография, содержащая великолепные иллюстрации, служит незаменимым источником для этнографов, историков, археологов. На основе полевых материалов В. И. Иохельсон, уже находясь в эмиграции, написал целый ряд других работ, посвященных корякам. ¹⁴

Другой участник экспедиции, руководитель Анадырского отряда В. Г. Богораз посетил большинство корякских селений западного побережья Камчатки, побывал у карагинских и олюторских коряков. Особое внимание В. Г. Богораз уделил изучению диалектов корякского языка и обработке лингвистических материалов В. И. Иохельсона.¹⁵

Работы СТОЭ среди коряков были продолжены в 1910—1911 гг. Камчатской экспедицией, организованной на средства промышленника Ф. П. Рябушинского. К сожалению, ценные этнографические сведения об оленных коряках Тигильского района, собранные экспедицией, до сих пор не опубликованы.

В советское время начинается новый этап в деле изучения коряков. В 1922 г. среди тигильских коряков работала Шведская ботаническая экспедиция проф. С. Бергмана,¹⁶ а у гижигинских коряков побывал выдающийся исследователь Дальнего Востока В. К. Арсеньев, собравший богатый материал по экономике и промыслам.¹⁷ С 1924 г. вся работа по изучению и преобразованию быта малых народов Севера сосредоточивается во вновь созданном органе — Комитете народов Севера. Для практической и исследовательской работы привлекаются молодые этнографы — выпускники и студенты Ленинградского университета. Немало этнографических материалов было опубликовано ими в журналах «Северная Азия», «Советский Север», «Советская Арктика».

Из этнографических работ по корякам, опубликованных в 20—30-х гг., следует назвать прежде всего труд Н. Н. Беретти, написанный на полевых материалах, собранных в Пенжинском, Олюторском и Карагинском районах.¹⁸ В 1926—1927 гг. много новых сведений о коряках было получено работниками Статистического управления, проводившими на Камчатке Приполярную перепись. Так, К. И. Бауэрман описал современные занятия и традиционную культуру коряков Пенжинской губы;¹⁹ К. Б. Шавров — культуру паланцев, карагинцев, чавчуменов и олюторцев;²⁰ Е. П. Орлова — оленных коряков Тигильского района.²¹

С 1930 г. начинается этнографическое изучение коряков сотрудниками Пенжинской культбазы А. Г. Апполовым, Н. Н. Билибиным, В. М. Крыловым.²² Особенно выделялся среди них Н. Н. Билибин, который сделал первую попытку проанализировать социально-экономические отношения у коряков, детально рассмотреть структуру стойбищ, имущественное и социальное неравенство, правовые нормы и другие вопросы социальной организации коряков. Все его работы написаны на солидном фактическом материале с привлечением статистических данных.

Огромен вклад в этнографию и лингвистику коряков С. Н. Стебницкого. Научное наследие этого ученого велико, хотя при жизни ему удалось опубликовать всего семь работ.²³ Его интересовали сложные вопросы происхождения диалектов корякского языка, проблема генезиса отдельных локальных групп коряков. Он широко известен как переводчик на корякский язык лучших произведений русской художественной литературы. Особого внимания заслуживает чрезвычайно ценная в научном отношении неопубликованная монография «Очерк этнографии коряков».²⁴ В этом труде С. Н. Стебницкий рассмотрел этногенез и этническую историю народа, его хозяйство, культуру, верования, фольклор, народное декоративное искусство, семейные обряды и обычаи, экономические взаимоотношения оленеводов и приморских жителей.

Из других работ довоенного времени необходимо назвать статьи Н. Б. Шнакербурга и П. И. Борисковского, диссертационное исследование Г. Н. Корсакова,* И. И. Гапановича, М. А. Сергеева.²⁵

В послевоенные годы этнографическое изучение коряков получило свое дальнейшее развитие. Больше внимания стало уделяться этническому процессам на современном этапе, описанию нового быта и культуры, появились исследования по антропологии и археологии коряков, изобразительному искусству, этногенезу, этнической истории и другим проблемам.²⁶

В 1956—1957, 1960—1961 и в 1964 г. среди коряков работали этнографические отряды Северной экспедиции Института этнографии АН СССР под руководством И. С. Гурвича, К. Г. Кузакова и В. В. Антроповой. По результатам этих исследований И. С. Гурвич и К. Г. Кузаков написали книгу очерков «Корякский национальный округ» и ряд отдельных статей.²⁷

Много сделала для исследования культуры и быта коряков В. В. Антропова. Ей принадлежит значительное число статей, посвященных различным аспектам их истории и этнографии, а также первая в советской историографии обобщающая монография.²⁸ В. В. Антропова рассмотрела в ней основные виды хозяйственной деятельности коряков в XIX—начале XX в., их традиционную материальную культуру и семейные отношения, национально-государственное и хозяйственное строительство у коряков в 1922—1965 гг., преобразование быта, здравоохранение и культурное строительство.

Событием в этнографической науке явилась публикация в 1973 г. капитального труда И. С. Вдовина, посвященного этнической истории коряков.²⁹ В нем впервые полно и обстоятельно показаны этническое состояние народности в XVII—XIX вв., общественный строй, хозяйство и быт по всем основным территориальным подразделениям коряков. В заключительной главе автор рассматривает их этническое развитие в годы Советской власти. В книге использован богатейший архивный материал.

В 70—80-х гг. появился ряд трудов, в которых уделено внимание проблемам, ранее не освещавшимся или освещавшимся весьма поверхностно. Так, например, одежда коряков исследована Н. Ф. Прытковой,³⁰ украшение одежды — В. Г. Смолицким,³¹ традиционное народное декоративное искусство — в работах Н. И. Каплан, Н. В. Кочешкова, Л. И. Смирновой и Л. И. Чубаровой.³²

Первую монографию по хореографическому искусству коренного населения Северо-Востока Сибири опубликовала М. Я. Жорницкая.³³ Специальная глава в ней посвящена народному хореографическому искусству коряков. Мифологический эпос и фольклор коряков исследованы в работах Е. М. Мелетинского,³⁴ праздники и музыкальный фольклор и музыкальные инструменты — в работах В. Н. Малоковича, В. Т. Романова, Ю. И. Шейкина и др.³⁵

Нельзя не упомянуть и тематические сборники Института этнографии, в которых рассмотрены малоизученные проблемы семейной обрядности, этногенеза и этнической истории народов Севера, в том числе и коряков.³⁶

* Георгий Николаевич Корсаков подготовил кандидатскую диссертацию по исследованию корякского и кетского языков и защитил ее в декабре 1941 г. в Ленинградском государственном университете. Возвращаясь домой после защиты, умер от истощения прямо на улице.

Подводя общий итог этнографическому изучению коряков, можно сказать, что к 90-м гг. XX в. нам известны многие стороны их этнической истории и этногенеза, материальной и духовной культуры, мировоззрения и социальной истории. Однако имеется еще немало вопросов, ждущих своего исследования. До сих пор почти нет сведений о языке и фольклоре паренцев. То же следует сказать и об апукинцах. Не завершено антропологическое изучение корякской народности, особенно апукинцев, олюторцев, карагинцев, паренцев. В археологическом отношении территория их обитания только начинает исследоваться, требуют дальнейшего изучения диалекты корякского языка, грамматика, лексика, топонимика.

Авторы настоящей монографии широко использовали имеющуюся литературу о коряках, дополнив ее материалами новейших этнографических исследований. Мы прибегли и к такому важному источнику, каким являются музейные коллекции. Богатые собрания по материальной и духовной культуре коряков были изучены авторским коллективом в фондах Музея антропологии и этнографии АН СССР,* Государственного музея этнографии народов СССР, Музея Арктики и Антарктики, Приморского краеведческого музея им. В. К. Арсеньева, Хабаровского краеведческого музея, Камчатского областного краеведческого музея, других музеев Сибири и Дальнего Востока.

Использован в книге большой и ценный архивный материал, извлеченный из фондов Центрального государственного архива древних актов (ЦГАДА), Архива Академии наук СССР (ААН), Архива Института этнографии АН СССР (АИЭ), Государственного музея этнографии народов СССР, Центрального государственного архива Октябрьской революции СССР (ЦГАОР СССР), Центрального государственного архива народного хозяйства СССР (ЦГАНХ СССР), Центрального государственного архива РСФСР Дальнего Востока (ЦГА ДВ РСФСР), Государственного архива Корякского автономного округа (ГАКАО), Государственного архива Камчатской области (ГАКО), Государственного архива Хабаровского края (ГАХК), текущих архивов Корякского автономного округа и другие неопубликованные источники.

Таким образом, современный уровень изученности коряков позволил авторскому коллективу создать настоящую обобщающую монографию, отражавшую историю и культуру народности с XVII в. до наших дней.

Численность и расселение коряков. Первые упоминания о коряках относятся к середине XVII в. Уже тогда они отчетливо распались на две культурно-хозяйственные группы — береговых (или нымьланов) и тундровых (или чавчувенов). По оценке Б. О. Долгих, общая численность коряков в конце XVII в. составляла 10 785 человек, в том числе чавчувенов около 2,5 тыс. Чавчувены представляли собой четыре территориальные группы: тайгоносские (около 300 человек); чавчувены бассейна Пенжины (около 900); камчатские, кочевавшие к северо-востоку и юго-западу от реки Тигиль (около 400 человек); чавчувены, обитавшие в верховьях Омолона, Коркодона, в бассейнах Колымы, Гижиги, Парени и других рек, впадающих в Охотское море (900 человек).

* Названия учреждений даны по состоянию на 1990 г.

Среди коряков-нымыланов наиболее многочисленной группой в конце XVII в. были паланцы (2580 человек). Они жили в Тигильском, Напанском, Утхоловском, Аманинском, Воямпольском, Кахтанинском, Паланском, Лесновском и Подкагерном острожках. Другие территориальные группы нымыланов значительно уступали им в численности. Так, ямские, туманские и наяханские коряки насчитывали всего 1250 человек. Примерно по столько же было карагинцев и олюторцев, расселявшихся по восточному побережью Камчатки. Совсем немногочисленными были апукинцы и каменцы — примерно по 640 человек, паренцы — 450 и итканцы — 180.³⁷

В последующие два столетия территория расселения нымыланов существенно не изменилась, хотя в целом этнический ареал коряков сузился. Оленные коряки вынуждены были уступить часть своей территории чукчам и эвенкам, откочевав в глубинные районы Камчатки. В результате военных столкновений с казаками и чукчами, эпидемий оспы и других инфекционных болезней, а также вследствие ассимилятивных процессов общая численность коряков сократилась в 1897 г. до 7284 человек (причем сокращение шло за счет оседлых групп), число чавчуменов к этому времени увеличилось до 2913 человек.³⁸ По данным Приполярной переписи их было 3,5 тыс.³⁹

К 1926 г. у коряков-нымыланов сохранялись все локальные группы с присущими им культурно-бытовыми и языковыми особенностями, правда численность этих групп изменилась. Самыми многочисленными теперь были олюторцы, насчитывающие около 2 тыс. человек. Они жили в поселках Тымлат, Кичига, Анапка, Вывенка, Тилички, Култушное, Олюторка, Рекинники и Ветвей. С момента знакомства русских с олюторцами территория их обитания не изменилась, выросло лишь число поселков. Так, в XVIII в. появился Ветвей, в середине XIX в. Тымлат.⁴⁰

Южные соседи олюторцев — карагинцы к началу XX в. в результате эпидемий и значительной метисации с ительменами потеряли более половины своей первоначальной численности. В 1926 г. насчитывалось около 300 карагинцев, которые сосредоточились всего в трех поселках — Караге, Дранке и Ивашке, причем, по словам С. Н. Стебницкого, карагинским в полном смысле этого слова можно было назвать только поселок Карагу.⁴¹

Апукинцев (по Переписи 1987 г.) насчитывался 341 человек. Эту цифру подтвердил и В. Г. Богораз, побывавший у апукинцев в 1901 г. Однако данные эти, по мнению И. С. Вдовина, были явно завышенными, поскольку к апукинцам причислялись кочевые малооленные коряки, обитавшие на этой же территории.⁴² По данным Приполярной переписи, апукинцев было около 200 человек, жили они в поселках Пахача, Апука, Кавача, Тамак, Мачевна и Ватина.

Более компактным стало к началу XX в. расселение паланцев: население сместилось ближе к морю, уменьшилось число населенных пунктов, оставшиеся стали более многолюдными. В 1926 г. паланцы проживали в поселках Воямполка, Кахтана, Палана, Кинкиль, Лесная и Подкагерная и насчитывали около 1 тыс. человек.

Аналогичные изменения произошли и в расселении оседлых коряков побережья Пенжинской губы. Их поселения перебазировались ближе к морю, к местам промысла рыбы и морского зверя. Каменцев в середине

20-х гг. насчитывалось 500—550 человек, жили они в поселках Мамеч, Таловка, Каменское, Лываты, Орночки, Ягач, Шестаково, Микино и Тылхой. Близкие к ним по хозяйственному укладу паренцы (около 150 человек) — в поселках Парень и Куэл, а итканцы (около 100 человек) — на восточном побережье полуострова Тайгонос в селениях Большая, Южная и Малая Иткана.

За годы Советской власти в расселении коряков произошли значительные изменения. Колхозное и совхозное строительство, создание предприятий государственной рыбной промышленности способствовали концентрации населения в наиболее крупных населенных пунктах. До середины 50-х гг. эти процессы шли в основном в рамках сложившихся локальных групп. Так, например, все каменцы оказались сосредоточенными в новом селе Манилы в устье р. Пенжины, в Вывенке сосредоточилась значительная часть олоторцев, в Алуке и Пахачах — большинство алукинцев и т. п. Начавшееся во второй половине 50-х гг. укрупнение колхозов положило начало интенсивному сближению береговых групп и чавчувенов. Все они стали членами единых хозяйств. Ликвидация «неперспективных» сел в середине 60-х гг., усиление миграционных процессов в последующие годы окончательно перемешали представителей различных этнографических групп. Специфические обычаи, характерные для них в прошлом, унифицировались, менее заметными стали диалектные различия. Сегодня очень многие, особенно среди молодежи, уже не в состоянии определить свою принадлежность к той или иной локальной группе.

Всесоюзная перепись населения 1989 г. зафиксировала в СССР 9242 коряка.⁴³ Абсолютное большинство из них по-прежнему живет в традиционных для этой народности районах: в Корякском автономном округе на Камчатке (6572 человека), в Северо-Эвенском районе Магаданской области (820 человек). Внутри округа коряки распределяются следующим образом: в Тигильском районе 2460 человек, в Карагинском 1552, в Пенжинском 1361 и в Олиторском 1199 человек.⁴⁴ Сопоставление с данными предыдущих переписей показывает, что в Тигильском районе численность коряков выросла в 1970—1989 гг. на 19%, в Карагинском — почти на 50%. Сокращается численность коряков в Пенжинском районе. Наиболее крупные населенные пункты, где живут сегодня коряки, в Карагинском районе — Тымлат (около 600 человек) и Карага (более 400 человек). В Тигильском районе: Палана (более 700 человек), Седанка (более 600) и Лесная (около 400 человек). В Пенжинском районе абсолютное большинство коряков сосредоточено в Манилах (более 600 человек) и в Славутном (более 300 человек), в Олиторском районе — в Вывенке (более 400) и в Тиличихах (около 300 человек).

В последние десятилетия все более заметной становится миграция коряков за пределы традиционной территории обитания. Так, если общая численность коряков выросла в 1970—1989 гг. на 23,4%, то в Корякском автономном округе лишь на 11,5%. Многие коряки уезжают в Петропавловск-Камчатский, их численность здесь выросла в 1970—1989 гг. более чем в 2 раза и составляет в настоящее время около 400 человек. Более 300 коряков были зафиксированы Переписью 1989 г. за пределами Российской Федерации — в Узбекистане, Украине, Казахстане и других республиках.

Географические условия. Сурова природа Корякского автономного округа, занимающего всю северную часть Камчатского полуострова, площадью 301,5 тыс. км², превышающей площадь такого крупного государства Европы, как Италия. Из-за экстремальных условий борьбы за выживание на всей территории округа сегодня проживают лишь 34 тыс. человек (1 человек на 10 км²).⁴⁵

Среднегодовая температура здесь отрицательная, зимы продолжительные, более 7 месяцев, с частыми и длительными метелями, а лето очень короткое — всего около 2 месяцев. В течение всего года отмечаются сильные ветры. В местах проживания коряков распространена многолетняя мерзлота, вызывающая образование грунтовых наледей, бугристых болот, что оказывает влияние на деятельность эрозии почвы. Вечная мерзлота усложняет выбор участков под сельскохозяйственные культуры, здания, дороги, затрудняет разработку рыхлых пород открытым способом. Следствием суровости климата является значительная ледовитость Охотского и Берингова морей, особенно их северных частей, где льды держатся 7—8 месяцев в году. И если животный мир тундры и лесотундры небогат по своему видовому составу, то ресурсы морей и рек велики и разнообразны. Однако северная природа легко ранима — после прохождения по тундре мощного вездехода почва и ее растительный покров очень долго не могут восстановиться, а всеобщее интенсивное загрязнение рек и морей приводит даже здесь, в малонаселенных районах, к резкому уменьшению рыбных запасов, к исчезновению многих видов гидрофауны.

И все же климатические и почвенные условия допускают выращивание скороспелых сортов картофеля, овощных и кормовых культур, а обширные пастбища благоприятствуют оленеводству, особенно в глубинных районах округа.

Заселив несколько веков тому назад в циркумполярной зоне тундру и лесотундру, коряки приручили северного оленя, вышли к берегам Берингова и Охотского морей и начали смело плавать по их водам. Они соорудили жилища, максимально приспособленные к суровым природным условиям, создали орудия для охоты, рыболовства, морского промысла. Они явились творцами своеобразной духовной культуры и народного декоративного искусства, внесшими уникальный вклад в общую мировую культуру.

Настоящую книгу подготовил коллектив авторов:

Введение — *Н. В. Кочешков и В. А. Тураев;*

Этногенез и этнические связи коряков — *В. В. Подмаскин;*

Материальная культура и хозяйство — *Н. В. Кочешков и В. А. Тураев;*

Социально-экономическое развитие — *В. А. Тураев;*

В разделе «Духовная культура»:

Мировоззрение — *Е. Г. Демидов;*

Народные знания — *В. В. Подмаскин;*

Праздники и обряды — *В. В. Горбачева;*

Хореографическое искусство — *М. Я. Жорницкая;*

Музыкальная культура — *В. А. Королева;*

Фольклор — *Л. Я. Иващенко;*

Народное декоративное искусство — *Н. В. Кочешков.*

Культурное строительство — *Л. Я. Иващенко и В. Е. Синько;*

Национально-государственное строительство — *В. А. Тураев.*

ЭТНОГЕНЕЗ И ЭТНИЧЕСКИЕ СВЯЗИ КОРЯКОВ

Этногенез. Существует ряд гипотез, касающихся этногенеза коряков: сближение с северо-американскими общностями; континентального происхождения (азиатского); автохтонности населения.

На основе сравнительно-исторического изучения материальной и духовной культуры палеоазиатов Северо-Восточной Азии и индейцев Северо-Западной Америки Ф. Боас, В. Богораз и В. Йохельсон разрабатывали концепцию об азиатско-американской цепи родственных племен. В. Йохельсон, в частности, считал, что культуры народов Северо-Западной Америки (атапаски, тлинкиты и др.) и Северо-Восточной Азии (коряки, чукчи, ительмены, юкагиры и гиляки) очень близки между собой и составляли раньше одно целое. Впоследствии они были разделены двигавшимся с севера эскимосским клином, острие которого составляли алеуты.¹

Развивая положение об американском происхождении палеоазиатов, В. Йохельсон пришел к выводу, что «племена американской расы двинулись к северу, перешли на азиатский материк и заняли северо-восточную часть Сибири».² В. Г. Богораз, солидаризуясь с В. И. Йохельсоном в вопросе эскимосского клина, резко возражал против точки зрения на их американское происхождение. Он считал, что азиатские эскимосы — это остатки очень древнего народа и что эта «древнейшая культура распространилась некогда из Азии через Берингов пролив (перешеек) в Америку».³ В дальнейшем теория американского происхождения палеоазиатов не нашла большого числа сторонников.

Теория «эскимосского клина» заняла ведущее положение в работах советских и американских ученых. С критикой этой теории выступил А. М. Золотарев. Он, основываясь на этнографических и археологических данных, устанавливает три ступени хозяйственного и культурного развития: «Первая ступень — оседлая культура морских охотников, вторая ступень — комплексное хозяйство, соединяющее морской промысел с маломощным оленеводством, третья ступень — разделение комплексного хозяйства на две специализированные (в производстве), отдельные, но связанные обменом ветви — промыслово-морскую и оленеводческую».⁴ По мнению А. М. Золотарева, формирование корякско-чукотского этноса происходило на основе древней эскимосской культуры. Это положение было подвергнуто справедливой критике М. Г. Левиным. Он считал, что формирование беринго-

морского (эскимосы) и камчатского (чукчи, коряки) типов происходило на разных территориях.⁵ Об этом, в частности, говорят исследования Г. Ф. Дебеда, который устанавливает, что берингоморский антропологический тип складывался на побережье среди морских зверобоев; в отличие от него камчатский тип распространенялся преимущественно в континентальных районах среди охотников на дикого оленя. Эти последние, говорившие на палеоазиатских языках чукотско-ительменской группы, позднее вышли на побережье и лингвистически ассимилировали эскимосов.⁶

«Область первоначального расселения и формирование северо-восточных палеоазиатов, — по мнению М. Г. Левина, — лежали в северной части Охотского побережья, охватывая прибрежные районы как на материке, так и на Камчатке».⁷ Этот ареал в значительной степени совпадает с ареалом камчатского антропологического типа (в современном населении). М. Г. Левин выступил против миграционистских концепций происхождения эскимосов и считал, что они сформировались в результате длительных и сложных процессов в области Берингоморья. Из этих районов шло их расселение на канадский Север и в Гренландию. По мнению многих ученых, эскимосы являются наиболее древними жителями субарктического азиатского побережья Тихого океана, предшествовавшими широкому распространению здесь чукотско-корякских племен.⁸ Предки коряков, вероятно, пришли на северо-восток с юго-запада и запада. Действительно, их образ жизни характеризуется гораздо более сухопутной, континентальной направленностью хозяйства и культуры.⁹ Археологические материалы свидетельствуют, что морские зверобой — коряки жили на обоих берегах Северной Камчатки уже в 500—800 гг. н. э., а может быть, и раньше. И это обстоятельство должно было способствовать развитию культурных связей древних коряков с древними эскимосами, что и проявляется, в частности, в сходстве наконечников гарпунов.¹⁰

Известно, что на протяжении I тыс. н. э. в бассейне Охотского моря развивалась так называемая охотская культура, обладающая ярко выраженным морским зверобойнорыболовецким хозяйственным типом. Хронологические рамки древней культуры Охотского побережья очень широки. Р. С. Василевский выделяет в ней четыре основных этапа: неолитические стоянки; поселения древнекорякской культуры пережиточного неолита; поселения древнекорякской культуры с изделиями из железа; поселения коряков XVI—XVII вв.¹¹ Каждый из отмеченных периодов характеризуется своеобразием и наличием общих черт. Неолитическая культура Охотского побережья сложилась на основе внутриконтинентальных культурных традиций неолитических охотников и «формировалась под влиянием двух культурных течений: одно из них шло из Прибайкалья, другое — с юго-востока, из Приморья. Вместе с тем ясно, что эта древнейшая, известная нам сейчас культура Охотского побережья предшествовала формированию морских зверобоев».¹² Более поздний этап в развитии неолитической культуры, вероятно, связан со становлением древнекорякской этнической общности.

Предки коряков постепенно перешли к оседлому образу жизни. Они жили в землянках округлой формы, умели выделывать тонкостенные и круглодонные глиняные горшки, украшая их текстильными оттисками, различными глубоковрезанными точечными или линейными узорами, орна-

ментальными валками. Как и их южные соседи, они изготовляли всевозможные инструменты и оружие из камня, умели шлифовать и ретушировать камень. В их быту широко употреблялись лампы-жирники, грузила, каменные топоры и тесла, наконечники стрел, дротиков, копий, скребки и ножи. Выделывали они и различные орудия из кости: наконечники стрел, крючки, лопаты, ложки, полозья и другие части собачьих нарт. В небольших количествах к ним уже начало проникать железо. В отличие от рыболовов Центральной и Южной Камчатки предки коряков занимались не только рыбной ловлей, но и охотой на диких оленей и от случая к случаю охотой на морских млекопитающих.¹³

Своеобразная и самобытная корякская культура генетически связана со всей общей охотскоморской культурой и восходит своими корнями к палеоэскоалеутским прототипам, которые лежат в основе охотскоморских культур.

Теория о местном, автохтонном происхождении коряков в северо-западной части Камчатки и Охотского побережья нашла свое подтверждение в археологических, этнографических и лингвистических материалах. Благодаря сумме всех накопленных данных к настоящему времени удалось довольно полно восстановить картины жизни и быта древнего населения Охотского побережья, Камчатки и Чукотки, последовательно проследить основные этапы исторического развития местной, во многом своеобразной культуры, выявить ее взаимоотношения с соседними областями.¹⁴

Естественно-географические условия оказали влияние на формирование материальной и духовной культуры коряков, их языка, мифологии, мировоззрения, а также расовых особенностей, общественных отношений и социальных норм.

Как уже отмечалось, коряки вместе с чукчами, ительменами, эскимосами и алеутами выделяются антропологами в особую арктическую расу. При этом коряки, чукчи и ительмены имеют между собой больше общих черт, чем с эскимосами. Антропологические исследования на Камчатке и Чукотке показали своеобразие арктической расы по сравнению с внутриконтинентальными монголоидами. Формирование арктической расы, сохранение ее признаков могли осуществляться лишь в результате общей изоляции и весьма длительного пребывания ее носителей в этом регионе. Имеющиеся в настоящее время археологические и палеоантропологические данные позволяют с достаточным основанием полагать, что на Камчатку и Чукотку человек пришел уже в неоплейстоцене — не позже 27—25 тыс. лет назад.¹⁵

Длительное и обособленное формирование корякского этноса именно в континентальных условиях Севера подтверждается древними чертами комплекса их культуры. Прежде всего в ней отчетливо выделяется ведущая роль охоты на дикого северного оленя, который являлся в свое время основным источником пищи и материала для одежды и жилища. Еще сравнительно недавно коряки дважды в году во время сезонных миграций вели массовую добычу этих животных на воде. Древность такого способа добычи несомненна.

Охота на дикого северного оленя и соответствующий образ жизни определяли содержание многих форм общественного сознания коряков. С нею связаны у них названия ряда созвездий, месяцев корякского народного календаря.¹⁶ Образ оленя отражен в декоративном искусстве коряков,¹⁷ в

обрядовых танцах оленных коряков, составляющих органическую часть праздничных церемоний. Многие культовые отправления также были связаны с охотой на дикого оленя.¹⁸

О тесной, устойчивой связи коряков с Севером свидетельствует характерный для палеоазиатов вороний эпос. Ворон, согласно мифам, принимает непосредственное участие в создании Земли и всего живого на ней, где фигурируют только арктическая природа, ее флора и фауна. Ворон создает оленей и других животных северной зоны, учит людей жить в арктической природной среде. Мифы, сказки, предания коряков отражают занятия и быт; характерные именно для такой территории. Это вполне согласуется с археологическими данными наиболее древних стоянок, которые обнаружены в континентальных частях Камчатки.

Решению проблем этногенеза коряков помогает и топонимика Северо-Востока. По данным В. В. Леонтьева и К. А. Новиковой, чукотско-корякская топонимика широко распространена на территории Северо-Востока и составляет большую часть.¹⁹ Распространение топонимов соответствует характеру расселения народностей: на морских побережьях распространены эскимосская, чукотская, корякская и ительменская топонимика; в континентальной части территории — юкагирская, эвэнская, якутская, кочевых чукчей и коряков. Особенно близка к чукотскому и корякскому языкам топонимика Охотского моря от полуострова Кони до полуострова Тайгонос. По своей структурной модели чукотские и корякские топонимы имеют больше топологического сходства, чем различий, поэтому представляют собой единый топонимический древнейший слой.

Согласно принятой во второй половине XIX в. гипотезе Л. И. Шренка, коряков относят к палеоазиатам, т. е. остаткам древнейшего населения Азии, предки которых были отгеснены на Крайний Северо-Восток движением с юга тунгусо-маньчжурами и тюрками.²⁰ Советские ученые на основе языковых данных различают внутри палеоазиатской группы пять родственных в языковом отношении подгрупп: эскимосско-алеутскую (эскимосы, алеуты); чукотскую (чукчи, коряки, ительмены); юкагирскую (юкагиры и чуванцы); нивхскую (нивхи); кетскую (кеты, котты, арины, ассаны).

Чукчи и коряки — две родственные народности по языку, материальной и духовной культуре. Близкими к ним считали и ительменов, но в последнее время появилась вполне обоснованная точка зрения, что ительмены генетически не связаны с чукчами и коряками.²¹

Чукотская народность сохранила свою компактность и единство в языке. У коряков же произошло дробление одной, а возможно, и нескольких этнических групп, на более мелкие подразделения, которые имеют существенные различия в языке и хозяйственных занятиях. По языковым данным и хозяйственным особенностям коряков принято делить на итканцев, паренцев, каменцев, апукинцев, олоторцев, карагинцев, паланцев и чавчуменов.²²

Корякский язык включают в «чукотско-камчатский ареал» так называемых палеоазиатских языков. Общность этой группы языков обнаруживается во всех основных элементах грамматики. По своей структуре эти языки «резко отличаются от других языков не только частными грамматическими признаками, но также наличием особых грамматических рядов слов и даже, вероятно, своеобразных языковых единиц».²³ На уровне

морфологии корякский, чукотский, олюторский и керекский языки характеризуются более тесной близостью, чем ительменский, по отношению к этой группе в целом и к каждому языку в отдельности. В области синтаксиса различия значительно меньше, чем соответствия. Языки чукотско-камчатской группы имеют номинативную и эргативную конструкцию предложений. На уровне лексики эти языки имеют тождество в обозначении возрастных групп людей, родства, свойства, частей тела и терминологии из областей материальной и духовной культуры, общих для всех народов Чукотки и Камчатки. Эта лексика может рассматриваться и как взаимозаимствованная и как субстратная. Подавляющая же часть лексики ительменского и остальных языков не может считаться идентичной. И. С. Вдовин считает, что ительменов ни в языковом, ни в культурном отношении нельзя считать генетически причастными к чукотско-корякскому ареалу.²⁴ «Есть основание полагать, — утверждает А. Я. Скорик, — что языковый субстрат ассимилированных племен явился одной из основных причин, обусловивших образование чукотско-камчатской языковой группы. Ярко выраженные отличительные особенности ительменского языка (в частности, отсутствие в нем инкорпорации), очевидно, явились результатом того, что он имел длительный период обособленного развития и подвергался интенсивному влиянию извне. Значительно позднее обособились чукотский и корякский языки, уже после них — олюторский и керекский. При этом олюторский обособился от чукотского, а керекский — от корякского (о чем свидетельствует степень общности их грамматического строя). Затем олюторский испытал и продолжает испытывать на себе влияние корякского языка, а керекский — чукотского (о чем свидетельствует степень близости их лексики).²⁵ Суммируя сказанное, следует отметить прежде всего инородный характер чукотско-камчатских языков по отношению к североамериканским языкам и уральской языковой семье; значительно позднее (даже по сравнению с ительменами) — появление в высоких широтах носителей чукотского и корякского языков при сравнительно небольшой территории их распространения.

Приведенные сведения со всей очевидностью свидетельствуют, что коряки являются автохтонным населением Камчатки, что их предки освоили эту территорию давно и сложились на ней как этнос. Вероятнее всего, предки коряков мигрировали на северо-восток из более южных районов и, по-видимому, ассимилировали ряд неродственных им племен. Последние исследования подтверждают эти предположения, в значительной мере уточняют и дополняют их.²⁶ Вместе с тем остается совершенно невыясненным вопрос о характере этнических процессов в тундровой зоне Крайнего Северо-Востока Азии.

В XVIII в. существовало довольно отчетливое представление о коряках как особой этнической группе, граничащей на северо-востоке с чукчами, на севере и северо-западе — с юкагирами и эвенками и на юге — с ительменами. В это время коряки расселялись по побережью Охотского моря от Тауйска до Пенжинской губы, по западному побережью Камчатки от Пенжинской губы до р. Быстрая и на восточном побережье Камчатки от Укинской губы на север до м. Олюторский. В континентальных районах, сопредельных с этими участками, кочевали чавчулены. К началу XX в. происходят изменения в расселении коряков. Исчезают и ассимилируются

с русскими и эвенками ямские, туманские и гижигинские коряки, получив название камчадалы. Общего самоназвания не было до XVII в., когда появилось «корак», как полагают, из *кор* — «олень», *ак* — форма локатива (местного падежа) — «при оленях», т. е. оленные. Чукчи называли коряков «тангто», ительмены — «таулуган». Вначале эти слова означали противника, врага, но, став этнонимами, они утратили исходный смысл.²⁷

Памятники устного народного творчества народов Крайнего Северо-Востока свидетельствуют о тесных взаимоотношениях коряков с соседними народностями — эскимосами, чукчами, эвенками, юкагирами, ительменами. Эти взаимоотношения, с одной стороны, выражались в межплеменном обмене, с другой — в военных столкновениях. Причины столкновений — захват рабов, месть за кровь, стремление овладеть богатством соседей: оленями или запасами лахтачьего мяса, китового жира, ремнями и шкурами.²⁸ Многочисленные чукотские и корякские предания сообщают, что северные соседи коряков — чукчи — нападали на них, угоняли оленей, захватывали в плен мужчин и женщин. Корякский фольклор повествует также о враждебных столкновениях между приморскими и оленными коряками, происходивших до прихода русских.

Корякско-эскимосские связи. На побережье моря коряки вышли значительно позднее эскимосов. И. С. Вдовин, основываясь на данных топонимики, предполагает, что эскимосы в далеком прошлом жили по восточному берегу Камчатки и даже на побережье Охотского моря.²⁹ При постоянном освоении Тихоокеанского побережья континентальные охотники одну часть эскимосского населения ассимилировали, другую вытеснили с восточного побережья Камчатского полуострова. От эскимосов коряки усвоили основы культуры морского зверобойного промысла.

Корякско-эскимосские связи и отношения своими корнями уходят в далекое прошлое. Глубокое эскимосское влияние на развитие культуры коряков обнаружил В. И. Иохельсон. Он высказал предположение, что между коряками и эскимосами в какой-то минувший период существовало непосредственное соприкосновение.³⁰ Сопоставляя основные элементы материальной и духовной культуры чукчей, коряков, ительменов и эскимосов, В. Г. Богораз пришел к выводу, что «материальная и духовная культура чукок и коряков, а также отчасти камчадалов обнаруживает глубокие следы эскимосского влияния».³¹ Реальные связи коряков-олюторцев и апукинцев с эскимосами отмечены в их исторических преданиях. Различные стороны корякско-эскимосских связей подробно рассмотрены в специальной работе И. С. Вдовина, по мнению которого следы эскимосского субстрата прослеживаются в языке коряков-олюторцев, в топонимике восточного побережья Камчатского полуострова и далее на север.³²

Значительная часть терминов, связанных с морским зверобойным промыслом, в языке коряков — эскимосского происхождения, а термины, отражающие оленеводческий быт в языке эскимосского населения, — корякские. У эскимосов имеется много сказок, преданий, отображающих оленеводческий быт, не свойственный быту приморских охотников. Эти сюжеты пришли к ним, вероятно, от коряков и чукчей.³³ В свою очередь эскимосские

сюжеты сказок вошли в фольклорный фонд коряков. Данные антропониимии свидетельствуют об историко-культурных связях коряков и эскимосов: у коряков встречаются личные имена эскимосского происхождения.³⁴

Убедительное подтверждение продолжительных, устойчивых и тесных контактов между эскимосами и народами Камчатки дает декоративное искусство, особенно орнамент. При внимательном рассмотрении орнамент коряков, как справедливо заметил С. В. Иванов, весьма близок к алеутскому и к эскимосскому, который еще в XIX в. удерживал целый ряд мотивов, характерных для древнеберингоморской орнаментики.³⁵

Следы эскимосского влияния обнаруживаются в материальной культуре. Сходство выделяется в конструкции землянки, одежде, орудиях морского промысла.

Вместе с материальной культурой, бытовой обстановкой приморских охотников коряки восприняли значительное количество черт мировоззрения эскимосов. Все главные праздники приморских коряков, сопутствующие производственной деятельности морских охотников в разные сезоны года, соответствуют аналогичным праздникам эскимосов и проводятся почти так же, как у эскимосов. К числу таких праздников относились: жертвоприношения морю для получения удачи в предстоящем промысле; праздник спуска байдар на воду; праздник Кита.³⁶ Много общего в плясках-пантомимах береговых коряков с эскимосами в сопровождающей эти танцы музыке.

Наиболее существенное последствие корякско-эскимосских связей — возникновение общественного разделения труда на основе пришедших в соприкосновение двух охотничьих культур — сухопутной (коряков) и культуры охотников на морских млекопитающих (эскимосы), оказавшего устойчивое влияние на весь ход экономического и этнического развития этих этносов.

Корякско-чукотские связи. Эти связи и отношения, как считал И. С. Вдовин, нужно рассматривать в двух аспектах: генетическом и историческом. «Коряки и чукчи связаны общностью происхождения, антропологического типа, единством характера материального производства, общими чертами материальной и духовной культуры, единными основами фонетики, грамматики и лексики их языков. Наряду с этими общими, сближающими их чертами были и существенные сейчас отличия, которые развивались на протяжении длительного времени и привели в конце концов к этническому и языковому обособлению, к территориальной разобщенности, к проявлению этнического самосознания у них, как у отдельных народностей».³⁷

Определенную роль в процессе обособления двух этносов сыграли юкагиры, отделившие территориально коряков от чукчей. Вероятно, они появились в долине р. Анадырь в XIV—XV вв. в результате вынужденного давления со стороны тунгусов и якутов.³⁸ Юкагирский клин привел к сокращению территории, ранее занятой предками чукчей и коряков. В это время чукчи и коряки стали интенсивнее переходить, с одной стороны, к оседлости, с более устойчивыми занятиями морским зверобойным промыслом и рыболовством, а с другой — развивать пастушеское оленеводство. Историческая обстановка последующих веков способствовала дальнейшему сложению и формированию этнических особенностей, отличающих коряков от чукчей.

Первые сведения о корякско-чукотских отношениях появляются в середине XVIII в. Согласно С. П. Крашенинникову, чукчи в районе р. Анадырь «разоряют наших коряк, убивая, отводя в плен и табуны оленей отгоняя».³⁹ Нападения чукчей на коряков с целью захвата оленных табунов составляли важное звено процесса перехода чукчей к новым общественным отношениям, являлись следствием нарушения равновесия в их промыслах, сокращения охоты на диких оленей. Коряки, лишившись домашних оленей, вынуждены были перейти к оседлости, охоте и рыболовству.

Иногда коряки вели ответные войны с целью возвращения захваченного чукчами имущества и пленных. В 1730 г. ясачные коряки явились в Анадырский острог и жаловались, что на них нападают чукчи, берут в плен их жен и детей, отнимают оленей. Коряки просили защитить их, указывая, что они платят ясак, и предлагали свои услуги в случае похода на чукчей. По данным анадырских служилых людей, чукчи убили в 1730 г. до сотни оленных коряков. В 1731 г. капитан Павлуцкий совершил карательный поход против чукчей. В нем в качестве вспомогательной военной силы приняли участие 160 коряков. Во время похода у чукчей отбито 42 пленных коряка. В 1737—1738 гг. чукчи вновь совершили несколько набегов, во время которых убили 45 ясачных коряков, взяли в плен 66 человек, захватили 21 тыс. оленей.⁴⁰ На протяжении полустолетия коряки, в особенности северные группы, вынуждены были защищаться от набегов чукчей. По мнению А. Сгибнева и Б. О. Долгих, коряки потеряли в этой борьбе около половины своих соплеменников.⁴¹ В сложной исторической обстановке XVIII в. коряки проявили большую стойкость. К концу XVIII в. они представляли собой ряд обособленных групп, развитие которых протекало независимо друг от друга. Этническая территория коряков резко сузилась. Оленные коряки оказались прижатыми к Пенжинскому заливу. На территории Гижигинского округа они стали кочевать совместно с эвенгами и чукчами.

В 1781 г. при посредничестве начальника Гижигинской крепости была достигнута договоренность об установлении мирных отношений коряков и чукчей. Этот пункт договора соблюдался с двух сторон. Наладились торговые отношения коряков с русскими и чукчами через Гижигу, Каменское и Парень. Упрочились дружеские связи некоторых групп северных оленных коряков с чукчами. Как доносил из Гижиги в 1825 г. штурман Неродов, «Аматовский род оленных коряк с самого замирения с чукотским Тумманским родом совокупились неразрывною дружбою и утвердились на твердых основаниях иметь всегда вместе по прибытии на ярмарку общий лагерь и с тем еще, что Тумманский род чукок довольствуется всегда пищею (оленьями) от Аматовского рода оленных коряк в оба пути как вперед, так и обратно».⁴² Налаживанию хороших отношений между ними содействовали ярмарки, организованные русскими. К середине XIX в. экономические и культурные связи коряков и чукчей упрочились.

Корякско-юкагирские связи. Юкагиры пришли в соприкосновение с коряками приблизительно в XIII—XIV вв. Заселив р. Колыму, небольшая группа их проникла в верхнее течение рек Пенжины, Гижиги, Парени, Анадыря и Омолона. Территориальное соседство юкагиров не

оказало непосредственного влияния на экономику, культуру и язык коряков. Юкагирские охотники на диких оленей не внесли ничего нового в развитие производительных сил коряков, а сами подверглись сильному влиянию своих новых соседей. Как справедливо отмечает И. С. Вдовин, «вскоре после прихода юкагиров начался процесс постепенной физической, культурной и языковой их ассимиляции коряками, чукчами и в еще большей степени — эвенами».⁴³

Юкагиры не оставили следов влияния на культуру и язык коряков. Языковые материалы свидетельствуют о поверхностном, непрочном, каком-то скользком контакте между этими народами.⁴⁴ Юкагиры не оказали заметного влияния и на декоративное искусство коряков и чукчей, хотя и сами ничего не заимствовали от них. Тем не менее появление юкагиров на Камчатке не прошло бесследно для этнической истории коряков. Юкагирский клин разъединил чукчей и коряков. Появление юкагиров на Колыме, Анадыре и притоках этих рек привело к сокращению территории, ранее занятой предками чукчей и коряков. В это время часть коряков начала продвигаться на юг Камчатки, на территории, ранее занятые ительменами.

Во второй половине XVII в. усилились столкновения между юкагирами и их соседями — чукчами, коряками и ламутами. Военные столкновения коряков с юкагирами, несомненно, отрицательно сказались на благосостоянии обеих групп. Это привело к сокращению численности и тех и других. Однако не следует преувеличивать значение междоусобиц. В основном отношения между ними носили мирный характер. Анадырские юкагиры — чуванцы и ходынцы — в начале XVIII в. были привлечены служилыми людьми к походам на Чукотку и Камчатку. Во второй половине XVIII в. часть юкагиров-ходынцев, поддержавших коряков, сблизилась с ними. Небольшая группа чуванцев, ассимилированная чукчами и коряками, осваивает верхний и средний бассейны Анадыря. Основой их существования является оленеводство. Язык чуванцев-оленоводов, именующих себя «этэл», близок к диалекту оленных коряков.⁴⁵ Вместе с тем в XVIII—XIX вв. среди оленеводов-коряков было зарегистрировано много случаев смешанных браков с юкагирами и эвенами. Коряки брали в жены женщин этих народов. Со времени основания Анюйской ярмарки между коряками и юкагирами наладился оживленный торговый обмен. В местах наиболее близкого соприкосновения коряков с юкагирами шел процесс ассимиляции юкагиров.

Корякско-ительменские связи. Исторические судьбы этнических общностей, живших на территории Камчатки в древности и в более позднее время, всегда были тесно переплетены. Сравнивая современные элементы культуры коряков и ительменов, следует учитывать, что их культура развивалась в тесном контакте в течение многих тысячелетий в одинаковых естественно-географических условиях. И. С. Вдовин считает, что «соседство ительменов с коряками уходит своими истоками в глубины веков и характеризуется взаимовлиянием, которое содержит многообразные следы на всем комплексе культур этих этносов».⁴⁶ О глубине взаимосвязей предков коряков и ительменов Камчатского полуострова свидетельствуют данные археологии и антропологии, как уже отмечалось выше. В итель-

менском языке примерно одна треть словаря совпадает с корякским. Это, видимо, результат длительного исторического контакта ительменов с оседлыми коряками. Влияние корякского языка на диалекты ительменского заметно не только в контактных зонах. Как полагает И. С. Вдовин: «Можно говорить с большей долей уверенности о том, что соседство и взаимодействие ительменов с коряками существовали с весьма давнего времени и породили имеющиеся очевидные следы естественного процесса постепенной ассимиляции коряками ительменов, в том числе частично их языка... Показательно также то, что многие герои ительменских сказок и мифов носят корякские имена — свидетельство заимствования этих сюжетов ительменами из корякского фольклорного багажа». ⁴⁷

Взаимодействие коряков и ительменов отразилось на материальной и духовной культуре обеих народностей. Сопоставляя культуры оседлых коряков западного побережья Камчатки и ительменов, С. П. Крашенинников выделяет общие черты: «Род жития их (оседлых коряков. — *Ред.*) весьма сходствует с камчадалами... сидячие празднуют в одно время с камчадалами, свадьбы по-камчадатски отправляют, берут на себя больше из своего роду сестер двоюродных, теток и своячин». ⁴⁸ При этом важно отметить, что в декоративном искусстве ительменов мотивы орнамента на деревянных предметах, как верно заметил С. В. Иванов, сходны с корякскими. ⁴⁹ М. Я. Жорницкая, изучая народное хореографическое искусство коренного населения Северо-Востока Сибири, отметила, что в танцах ительменов издавна сочетаются движения, преобладающие в корякских танцах. ⁵⁰

Наиболее тесные связи коряков-оленеводов с ительменами существовали на западном побережье Камчатки. Здесь поддерживались обменные отношения, имевшие характер взаимного одарения. ⁵¹ В результате этих связей оленеводы перешли на оседлость и постепенно растворились в ительменской среде к началу XVIII в. ⁵²

На западном побережье Камчатского полуострова в тесном соприкосновении находились оседлые коряки-паланцы, на восточном — карагинцы. Между оседлыми коряками и ительменами не было строгой территориально-лингвистической границы. В Укинской губе, например, в некоторых острожках, по свидетельству С. П. Крашенинникова, жители говорили на корякском языке (оленный диалект), укинском (один из диалектов сидячих коряков) и камчадалском. ⁵³ Ко времени присоединения Камчатки строгих границ между ительменами и коряками-паланцами не было. В XVIII в. на реках Гохлин, Авача, Хайрюзова и к югу от Тигиля коряки жили в острожках, далеко отстоящих друг от друга, в сплошном ительменском окружении. ⁵⁴ К началу XIX в. многие корякские селения прекратили свое существование. Коряки переселились или перемешались с камчадалами.

Наиболее тесными были контакты в местах сопредельного расселения, на реках Оманиной, Напане и по Тигилю. Именно здесь шло активное взаимодействие этих этносов, сформировались общие элементы культуры и языка. Этот район был местом наиболее интенсивного смешения ительменов с коряками. Отсюда распространились ительменские элементы культуры и языка, к корякам на север и от коряков — к южным ительменам. Связи ительменов с паланцами продолжают развиваться и в настоящее время.

На восточном побережье Камчатки взаимодействие ительменов с коряками также началось давно. С. П. Крашенинников, разбирая вопрос об

этнической принадлежности жителей о. Карагинского, писал: «На помянутом острове живут коряки, которых, однако, прочие за свой род не признают, но называют их Хамшарен, то есть собачьим отродьем...».⁵⁵ С. Н. Стебницкий, используя материалы С. П. Крашенинникова, убедительно доказал, что образование коряков-карагинцев явилось результатом тесных связей между коряками-олюторцами и ительменами.⁵⁶ Исследователи обнаружили в духовной культуре карагинцев достаточно много ительменских аналогий. В XIX в. связи ительменов с карагинцами практически прервались.

Корякско-русские связи. Корякско-русские отношения, начало которым было положено в конце XVII в. включением Камчатского полуострова в состав Русского государства, явились для коряков следствием целого ряда больших исторических перемен и поворотом в их этнической истории. С этого периода начинаются связи коряков с цивилизованным миром, значительно ускоряется общее развитие экономики и общественных отношений.

В развитии корякско-русских отношений обнаруживаются противоречивые факторы, свойственные эпохе присоединения и освоения русским государством новых территорий. Первые встречи коряков с русскими произошли во время похода Семена Дежнева и Федора Алексеева (1648 г.). В конце XVII в. в связи с походами служилых людей из Охотского острожка на север, а из Анадырского — на юг усилились контакты русских с коряками. Казаки пытались объяснить коряков. Произвольное взимание ясака и особенно злоупотребления со стороны представителей царской власти встретили сопротивление коряков, которое выразилось в форме вооруженных нападений на отряды ясачных сборщиков.⁵⁷ Почти на полстолетие растянулась борьба с охотскими береговыми коряками, оказавшими сопротивление строительству военных укреплений. В 1739 г. был возведен Ямский острог, в 1751 — Туманский, в 1753 г. — Гижигинская крепость. Это вынудило охотских береговых коряков отказаться от дальнейшей борьбы.⁵⁸

Объясчавание отрицательно сказалось на численности оседлых коряков. Они лишились значительной части боеспособных мужчин. Нарушились традиционные обменные связи с оленными коряками. Этот период, растянувшийся на несколько десятилетий, был вместе с тем и временем широкого проникновения к корякам новых элементов культуры — железных изделий, орудий для подледного лова рыбы, неводной дели, сукна. Глубокие изменения произошли в технике изготовления орудий труда, в способах ведения промыслов. Это интенсифицировало охотничий промысел и рыболовство. Коряки быстро овладели огнестрельным оружием, научились использовать пушки.

В XVII в. значительное влияние на коряков оказали культура и быт пришлых русских. Способствовали культурно-бытовому сближению браки между русскими и женщинами из среды коряков. Все это привело уже в XVII в. к глубоким преобразованиям хозяйства, культуры и быта коряков, вызвало значительные перемещения населения.

Со второй половины XVIII в. в связи с изменением ясачной политики царского правительства (уменьшение ясачного обложения и установление

твердых его размеров) прекращаются вооруженные нападения коряков на русские отряды. Со стороны царского правительства были также сделаны попытки использовать в своих интересах богатую верхушку коряков. По новым правилам ясак вносили богатые коряки, получившие право сбора ясака с населения. Поддерживая и укрепляя таким образом эксплуататорскую верхушку, царское правительство допустило некоторых ее представителей и к управлению. Так, крещеный богатый тойон с. Каменское Семен Умьявин во времена Екатерины II был даже членом нижнего земского суда.

Организуя ясачное обложение, местная русская администрация образывала административные единицы — «роды», которые включали в себя соседние селения приморских коряков и определенные территориальные группы оленных коряков.

Береговые коряки в ряде районов сблизились с русским населением. Часть этих коряков уже в 1760-х гг. была обращена в христианство. Метрические книги Гижигинской церкви конца XVIII в. свидетельствуют о том, что служилые люди и крестьяне нередко брали в жены новокрещеных корячек.⁵⁹ В целом быт и культура оседлых береговых коряков на протяжении XVIII в. претерпели изменения, хотя направление их хозяйственной деятельности осталось прежним. Пушной промысел, поощрявшийся русской администрацией, способствовал росту обменных связей, проникновению в коряцкие селения и стойбища новых орудий труда. Можно полагать, что значительная часть береговых коряков в это время была двуязычна.

Быт и хозяйство тигильских оседлых коряков также стали уподобляться русскому. Жители селений Напана, Палана заменили землянки избами. Балаганы — летние жилища на сваях — стали использоваться как хозяйственные постройки. Традиционный облик хозяйства и быта сохраняли пенжинские и олиторские береговые коряки. Но и в их поселки, удаленные от русских форпостов, проникло огнестрельное оружие. Видимо, наиболее оторванными, замкнутыми группами в конце XVIII в. были малочисленные северные оседлые коряки — апукинцы и пахачинцы, так как территория расселения их была труднодоступной и лежала в стороне от основных путей русских землепроходцев, а затем и торговцев.

Со второй половины XVIII в. установились более тесные связи между коряками и русскими. В этот период возникают на территории коряков русские поселения: Пенжино, Гижига и др. От русских коряки получали железные орудия промысла, готовое прядево для сетей, более совершенные инструменты для обработки дерева, кости и т. д. Под воздействием русской культуры у оседлых коряков появились срубные избы. В быт прочно вошли товары русского производства: металлическая утварь, пищевые продукты; в более слабой степени — мануфактурные изделия и др. Наибольшее культурное влияние русских испытали на себе южные коряки. Среди них преобладали даже русские имена и фамилии. Определенную роль в сближении коряков и русских сыграли христианизация и духовенство, способствовавшие возникновению школ и распространению русского языка. Хотя в целом у коряков во второй половине XVIII в. господствовало натуральное хозяйство, наряду с обменом между оленными и приморскими коряками некоторое развитие получает торговля с русскими.

Исторические события XIX—XX вв., возникновение элементов капитализма на северо-востоке, глубокие изменения в административной

практике, стихийные бедствия повлекли за собой значительные этнические изменения. В первой половине XIX в. наметились прогрессивные изменения в хозяйственной деятельности коряков южных селений Камчатки, у гижигинских, ямских и туманских коряков.

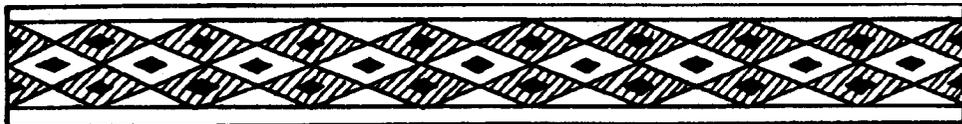
Традиционным оставалось хозяйство северных коряков, пенжинцев и олюторцев. Они по-прежнему занимались рыболовством и морским зверобойным промыслом. Оленные группы коряков во второй половине XIX в. стали втягиваться в торговые отношения с русскими. Они уже не могли обойтись без привозных русских товаров: котлов, железных изделий, табака, чая и др. Охотские коряки-гижигинцы, ямские жители охотно вступали в брак с русскими и усваивали их образ жизни. Как отметил К. Дитмар в 1853 г., пять южных селений — Лесная, Кинкиль, Палана, Кахтана и Во-ямполка — имели русский облик. «Жители их все крещенные и имеют в каждом селении часовню, а в Палане церковь. Почти все без исключения говорят несколько по-русски... Все живут в порядочных избах с окнами, печами и трубами. У них заметно начало разведения лошадей и рогатого скота, а также они стараются о произращивании овощей, картофеля, капусты, свеклы, но без большого успеха».⁶⁰

Этническая история коряков на протяжении XVII—XIX вв. свидетельствует о жизнестойкости как береговых, так и оленных групп. Сплачивающие тенденции не получили здесь серьезного развития. Различия в диалектах, особенности хозяйственной деятельности и натуральное производство не способствовали сближению. Традиционный архаичный облик имело хозяйство пенжинских и олюторских береговых коряков. Отличались по хозяйству и культуре полуобруселые охотские коряки и сблизившиеся с камчадалами паланские и укинские коряки. В их хозяйстве сочетались корякские и русские начала — рыболовство, морской промысел, охота с огородничеством и скотоводством.

В настоящее время процессы сближения русских и коряков развиваются на общих экономических и социально-политических основах. Одновременно с процессом консолидации идут усиленный процесс сближения коряков с русским населением и приобщение их к русской культуре.

В результате повседневных деловых и общественных контактов, увеличения количества смешанных браков коряки постепенно приобщаются к образу жизни русского населения. Через школу, культурно-просветительные учреждения, радио, кино, печать и т. д. коряки воспринимают теперь достижения не только русской, но и мировой культуры. Большую роль в сближении коряков с русскими играет русский язык. Он стал межнациональным средством общения, с его помощью стало возможным освоение культурных ценностей.

Таким образом, на этническую историю коряков решающее влияние оказали не столько внутренние факторы — развитие исконных отраслей хозяйства, естественный рост населения, передвижки, связанные с характером промыслов, сколько внешние обстоятельства — природные, с одной стороны (эпидемии, голодовки, эпизоотии, изменения в промысловой фауне), и политические — с другой: междоусобные столкновения, включение в состав Русского феодального государства, колониальные условия существования, административная практика последних десятилетий.

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

оселения. К началу послеоктябрьских преобразований у коряков имелось два типа населенных пунктов: стойбища оленеводов («ямкын») и береговые поселки оседлых жителей. О характере этих поселений можно судить по материалам Приполярной переписи.¹ Стойбища, а их было зафиксировано более 180, представляли собой крохотные временные поселения, каждое из которых состояло в среднем из двух хозяйств. Имелись и более крупные, но их было мало и принадлежали они, как правило, богатым оленеводам. Стойбище Иныло, наиболее известного в свое время у коряков ставладельца, состояло, например, из 7 хозяйств, а общая численность жителей в стойбище достигала 52 человек.

Чавчуненское стойбище состояло из двух-пяти яранг. Чаще всего их ставили на берегу реки, в местности, защищенной от ветра, недалеко от зарослей кедрового стланика или тальника, которые служили топливом. Выбрать такое место удавалось далеко не всегда, и за дровами нередко приходилось ездить на оленях.

В стойбище богатого оленевода яранга, в которой жил хозяин стада с родственниками, считалась главной, ее легко было отличить от других жилищ. В повести Кеца Яккетына «Хоялхот» дано яркое описание такой яранги.²

Большинство стойбищ входило в состав кочевых объединений. В 1927 г. в Пенжинском районе их было 12, в Тигильском — 10, в Карагинском — 6. Стойбища в границах кочевий территориальной группы размещались довольно компактно, примерно в 10—15 км друг от друга, иногда в 20—30 км. В среднем каждое кочевое объединение состояло из 7 стойбищ, а самые крупные из них — из 14—16. Каждое стойбище в территориальной группе обладало известной автономией, хорошо знало границы своих пастбищ, маршруты кочевий и передвигалось на новое место исходя из своих потребностей. Границы всего кочевого объединения при этом никогда не нарушались, а в каждом стойбище всегда знали, где располагаются соседи.

В летний период все стойбища собирались на берегу реки, в местах традиционного промысла рыбы, образуя довольно многочисленные временные поселки, большинство жителей которых составляли женщины, старики и дети. Взрослые оленеводы уходили со стадами на летние пастбища, иногда за сотни верст от поселка.

Никаких хозяйственных построек в стойбищах чавчуменов не было. Летом зимнюю одежду хранили в тундре на нартах, над которыми сооружался примитивный остов, покрытый старыми покрышками от яранги. Иногда делали помосты из жердей на треногах. У оленеводов-олюторцев имелись травяные шалаши на высоких помостах для хранения юколы.

Поселки береговых коряков располагались на морском побережье или вдоль рек (чаще всего в их приустьевой части) и представляли собой довольно беспорядочное скопление жилых и подсобных построек. В 1927 г. имелось 57 таких селений, многие из которых существовали уже в середине XIX в., а некоторые упоминались еще С. П. Крашенинниковым.³ В среднем в каждом поселке насчитывалось 8—10 хозяйств. В Тигильском районе — по 25—30 и даже по 50 хозяйств.

У коряков-апукинцев береговые поселки сильно напоминали поселения оленеводов, в точности повторяя структуру кочевых объединений. Так, например, поселок Апука состоял из шести самостоятельных селений-стойбищ: в устье реки Апуки, в 8 км выше устья, на реке Тылмай, в Тэмискене и др. В каждом из них находилось от 2 до 6 хозяйств и только в устье Апуки 11. Береговые поселения, состоящие всего из одного хозяйства, имелись также у олюторцев. Такого не было у оседлых коряков Пенжинского и Тигильского районов. Скорее всего, это свидетельствует о сравнительно недавнем оседании коряков Апуки, Пахачи, некоторых других сел этого района. Лишившись оленей, они вынуждены были обосноваться на постоянное жительство по берегам Апуки и Пахачи, но еще долго сохраняли привычку и вкусы оленеводов: поселки, похожие на стойбища кочевников, жилища, мало отличающиеся от яранг, и т. п.

К началу XX в. береговые поселки паланцев, карагинцев и особенно гижигинских коряков испытали уже сильное влияние русской культуры. Они состояли из бревенчатых изб, перемежающихся с землянками якутского типа. Селения подразделялись на зимние и летние. Зимние находились, как правило, в 10—30 км от устьев рек, летние располагались на местах промысла и состояли в основном из шалашей и палаток.

Своеобразный вид поселкам оседлых коряков придавали хозяйственные постройки «мэмиймэн», известные у русских как балаганы. Это помост на сваях высотой 3—4 м, над которым устанавливали пирамидальный или двускатный шалаш, крытый сухой травой. Подняться в балаган можно было по приставному бревну с зарубками. В балаганах хранились орудия промысла, лыжи, покрышки байдар и прочее снаряжение, но главным их назначением было хранение пищи: юколы, тюленьего жира, который предварительно заливался в большие мешки «калаус» из цельной шкуры тюленя.

Балаганы строились нередко и за чертой поселка. Так, у олюторцев, карагинцев и паланцев они тянулись длинными рядами по берегам рек в местах промысла рыбы. В древности балаганы использовались не только как хозяйственные постройки, но и как летние жилища.⁴

Формирование современных населенных пунктов Корякского автономного округа тесно связано с процессами советского и колхозного строительства, с развитием рыбной и других отраслей промышленности. Уже к 1937 г. в округе появились такие новые поселки, как Хайлюлино, Анапка, Корф, Олюторка, Корн, Славутное, Усть-Белоголовое, Хайрюзовский аэропорт, Культбаза и другие. Формирование колхозных и совхозных усадеб заметно

ускорились во второй половине 30-х гг. Третья советская пятилетка должна была стать в северных районах Дальнего Востока пятилеткой оседания, внутрихозяйственного устройства колхозов и совхозов. На эти цели предполагалось израсходовать 8 млн. руб.⁵ И хотя планы эти не были осуществлены в полном объеме, к концу войны тем не менее абсолютное большинство хозяйств уже имело свои усадьбы.

В большинстве случаев базой концентрации коренного населения служили уже существующие корякские поселки. У оленеводов села образовывались иногда на новом месте. Расположение их оказывалось далеко не всегда удачным, и они нередко по нескольку раз переезжали на новое место. Особенно это характерно для Пенжинского района. Дважды, например, переезжала центральная усадьба совхоза «Пенжинский». Неудачно был выстроен поселок колхоза имени Водопьянова. В 1948 г. его перенесли в устье реки Манилы. «Кочевой болезни» были подвержены не только колхозы и совхозы. Многократно перемещалась Пенжинская культбаза, пока не оказалась совсем в другом районе, и даже райцентр трижды менял свое расположение.

Национальные села создавались вначале на основе хозяйственного и этнического принципов, но со второй половины 40-х гг. они стали все чаще нарушаться. Оленеводческие колхозы объединялись с рыболовецкими артелями, население поселков стало формироваться из чавчуменов и оседлых жителей, при этом оленеводы селились чаще всего на отдельной улице. Подобный принцип расселения сохраняется в большинстве случаев и сегодня. Длительное совместное проживание не изгладило окончательно культурные различия, профессиональную направленность. Береговые коряки, например, и в настоящее время не работают оленеводами, в лучшем случае их можно встретить в бригадах в качестве хозяйственных рабочих.

Со второй половины 50-х гг. в связи с новой волной укрупнения колхозов начал меняться национальный состав сел. Коряки стали жить совместно с эвенками, ительменами, чукчами, быстро увеличивалось приезжее население. В свою очередь многие коряки стали переселяться в рабочие поселки, окружной и районные центры. Тесное соседское общение, совместный труд в колхозах и совхозах ускорили сближение различных групп населения, с этого времени начинается быстрый рост числа межнациональных браков.

Развернувшееся во второй половине 50-х гг. массовое жилищное строительство быстро изменило традиционный облик корякских сел. Повсеместно появились четко спланированные улицы, колодцы. Каждое село стало представлять собой комплекс производственных, жилых и общественных зданий: правление колхоза или совхоза, сельсовет, школа, медпункт, почта, пекарня, клуб, баня, животноводческая ферма и т. п. В качестве хозяйственных построек сохранялись традиционные крытые лабазы-помосты, амбары-балаганы, конические шалаши-кладовки из жердей. В некотором отдалении от сел располагались вешала для юколы. Новой характерной чертой внешнего облика корякских сел стали приусадебные участки.

К 1959 г. в Корякском национальном округе появилось более 25 новых национальных сел, а всего имелось 169 населенных пунктов. 130 из них были мелкими, с численностью жителей до 200 человек. В среднем на один населенный пункт приходилось 126 жителей.⁶ Поселения, в которых

жило большинство коряков, по своему характеру делились на три основных типа: центральные усадьбы колхозов и совхозов, их отделения, а также временные поселки в тундре — оленеводческие бригады и звенья, промысловые участки.

В результате последующего укрупнения колхозов, реорганизаций их в совхозы, ликвидации рыбообрабатывающих предприятий число поселений в округе сильно сократилось. К 1976 г. были закрыты 30 населенных пунктов, в том числе такие известные, как Анапка, Белоголовое, Ветвей, Кавача, Кичига, Кинкиль, Культбаза, Олюторка, Ука, Усть-Воямполка, Ягодное и другие.⁷ Ликвидация «неперспективных» сел продолжалась во второй половине 70-х гг. Последним по времени было ликвидировано в 1982 г. старинное корякское село Рекинники. Ликвидация национальных сел в большинстве случаев проводилась вопреки желанию людей, с большими нарушениями законности и социальной справедливости. Так, колхозные олени, являвшиеся коллективной собственностью колхозников, безвозмездно передавались совхозам, без какой-либо компенсации забирали нередко и личных оленей.⁸ Люди потеряли также лодки, балаганы, амбары, юкольники, летние поселки — эти своеобразные северные «дачи», удобные промысловые и охотничьи угодья.

Округ оказался не готовым к столь массовой переселенческой компании, жилье для переселенцев не было своевременно подготовлено, жителей одного поселка приходилось поэтому расселять в разных населенных пунктах. Тем самым разрушались соседские, общинные, даже родственные связи. Члены одной большой семьи оказывались иногда разбросанными по многим селам; старики — в райцентре, дети — в интернате, трудоспособные члены семьи — в колхозе или совхозе. В конечном итоге все это отрицательно сказалось на этнокультурном развитии народа, дало мощный импульс деэтнизации: ослабли родственные связи, семейные традиции, преемственность поколений, резко изменилось языковое общение, разрушился традиционный уклад жизни, началась ускоренная и потому болезненная интернационализация материальной сферы быта, всего образа жизни.

Ликвидация национальных сел породила или обострила многие проблемы социально-экономического развития, осложнила социально-демографическую ситуацию; усилилась безработица, сократилась сфера традиционного труда, ускорилась алкоголизация коренного населения, увеличилась смертность. Если в 1959—1970 гг. численность коряков увеличилась более чем на 19%, то в 1970—1979 гг. — лишь на 3.7%.⁹

В результате ликвидации «неперспективных» сел, концентрации населения в административных центрах, на центральных усадьбах колхозов и совхозов характер населенных пунктов в округе заметно изменился. В настоящее время здесь имеется пять поселков городского типа и 27 сельских населенных пунктов. В среднем на каждое сельское поселение в 1979 г. приходился 721 житель — почти в 6 раз больше, чем в 1959 г.

Коряки живут сегодня во всех населенных пунктах. У них быстро увеличивается число городских жителей. Если в 1959 г. таких было всего 345 человек, то в 1979 г. — 2045. К 1989 г. эта цифра выросла до 2571 человек. Это значит, что 28.6% коряков Российской Федерации живет в городах и поселках городского типа.¹⁰ Набирает силу и миграция коряков за пределы округа.

Большинство сел, в которых живут сегодня коряки, — это крупные многонациональные поселения. В Манилах, например, живут и работают представители 23 национальностей, в Слаутном — 16, в Тиличихах и Вывенке — 27, в Тымлате — 14 и т. п. Доля коряков в общей численности населения сел снижается. В 1987 г. больше половины жителей они составляли лишь в Парени, Тымлате, Караге, Заречном, Воямполке, Лесной, Седанке и Верхнем Хайрюзово.

В 80-е гг. внешний вид северных поселков заметно преобразился. Для многих из них разработаны генеральные планы развития. В соответствии с ними по существу заново отстроены Средние Пахачи, Хаилино, Седанка, Ачай-Ваям, Вывенка и другие. Завершается перевод сел на круглосуточное электроснабжение, на всей территории округа принимаются программы Центрального телевидения. Усилилось внимание к благоустройству сел: прокладываются тротуары, появились первые улицы с твердым покрытием, проезжие дороги стали выноситься за черту сел, приусадебные участки огораживаются аккуратным штакетником, во многих селах имеются стадионы, зимой строят хоккейные площадки. На центральных усадьбах колхозов и совхозов, в некоторых отделениях смонтированы автоматические телефонные станции.

В последнее время оленеводческие совхозы проявляют большой интерес к возрождению тундровых поселков оленеводов — культбаз. Решено восстановить ликвидированные ранее села — Култушное, Рекинники и некоторые другие.

Жилище. Общераспространенным жилищем кочевых коряков являлся особый тип шатра, известный в литературе под чукотским названием «яранга». Коряки называли его «яян,а». Основу корякской яранги составляли три главных шеста в виде большой треноги высотой до 5 м, в зависимости от размера яранги. Вверху шесты связывали ремнями. Вокруг основной треноги ставили по кругу вертикальные колья (14—16 штук) высотой до двух метров. Колья соединялись горизонтальной обвязкой из шестов. От обвязки к вершине основной треноги тянулись длинные стропильные жерди. Остов яранги покрывали двумя большими полотнищами из оленьих шкур с подстриженной шерстью. Благодаря распоркам верхняя часть яранги имела вид купола, типичного для тюрко-монгольской юрты.

На основной треноге над очагом, на высоте чуть больше двух метров, укрепляли горизонтальный шест, который носил оригинальное название «яньяхливол» («отдельный муж»). С шеста свисали цепи с котлами и чайниками. Очаг всегда помещался в центре жилища несколько ближе к входу. К стенам яранги с трех сторон подвешивали спальные пологи ёёна. В этом было одно из отличий корякской яранги от чукотской, имевшей всего один полог и рассчитанной на одну малую семью. В корякской же яранге обычно жило несколько семей — например, родителей и взрослых сыновей, или семьи двух-трех братьев и замужней сестры.¹¹

Главным считался полог, расположенный прямо против входа. В нем жил хозяин яранги. Полог имел вид большого мехового ящика из оленьих шкур. Передняя его стенка могла подниматься и опускаться, задняя и боковые всегда были опущены и подогнуты под настил из прутьев и шкур,

которыми покрывался пол яранги. Ночью, когда опускалась передняя стенка, полог оказывался плотно закрытым, поэтому даже при очень сильном морозе минут через десять после того, как в полог забирались члены семьи, в нем становилось настолько тепло, что можно было раздеться догола. Спали в пологе ногами к задней стенке. Вдоль передней лежали две-три подушки из стриженной оленьей шкуры, набитые волосом. Под них и подтыкали на ночь переднюю стенку. Одеялом служили шкуры оленей.

Полог — одно из хитроумнейших изобретений палеоазиатской культуры. Тепла, выделяемого телами людей в замкнутом пространстве, оказывалось вполне достаточно, чтобы, не расходуя ни одного полена дров, чувствовать себя комфортно даже в суровых условиях субарктической зоны.

Яранга являлась зимним и летним жилищем чавчуенов, а также оленеводов-олюторцев. В конце XIX — начале XX в. количество обитателей в одной яранге достигало 25 и более человек.¹²

У оседлых коряков преобладающей формой жилища являлась особая разновидность полужемлянки с оригинальным сооружением на крыше в виде воронки. Такое жилище называлось «лымгыян», было восьмиугольным в плане и углублялось в землю на полтора-два метра. Основу жилища составляли четыре столба высотой 5—7 м, которые вкапывали в землю, посередине круглой ямы глубиной 1—1.5 м. Стенки ямы укрепляли толстыми плахами, концы которых выступали над поверхностью земли. Снаружи их обкладывали сухой травой, затем дерном. Крыша землянки состояла из таких же плах, укрепленных в наклонном положении на перекладинах, соединяющих основные столбы. Их также покрывали сухой травой и обкладывали дерном.

Снаружи землянка имела вид невысокого полого холмика. С одной ее стороны, чаще всего обращенной к морю, делали небольшой коридор, служивший летним входом. Зимой он был наглухо закрыт, внешняя его дверь закладывалась дерном и засыпалась снегом. Зимним входом служило дымовое отверстие йыногыйнын размером около 1 м², являвшееся одновременно и окном.¹³ Спускались в землянку по приставному бревну гийгий, укрепленному почти вертикально. Поверхность тщательно обтесанного бревна впоследствии приобретала еще большую гладкость. На нем на расстоянии 25—30 см делались выемки, служившие ступенями.

Обитателям землянки в течение дня приходилось по многу раз подниматься и спускаться по бревну, и благодаря постоянной тренировке они достигали большой ловкости. Женщины ухитрялись даже легко и быстро, не глядя себе под ноги, спускаться по бревну, неся на спине длинный деревянный сосуд с водой или держа в руке ребенка.

Когда горел костер, спускаться приходилось в сплошном дыму, но дым застаивался только в верхней части землянки. Достигалось это посредством оригинального приспособления. В потолке входного коридора имелось небольшое отверстие, выполняющее функции поддувала. Во время топки очага оно открывалось, открытой была и дверь из коридора в землянку. Тем самым создавалась сильная тяга воздуха по направлению к дымовому отверстию.¹⁴

У каменских коряков на крыше вокруг дымового отверстия делался заслон из досок или деревянных плах, чтобы поземка не засыпала вход в землянку. Землянки олюторцев и апукинцев не имели такого заслона.

Иногда возле дымового отверстия сооружалось нечто вроде полукруглой ширмы из циновки и прутьев. Но чаще не делали и этого, снега на Восточном побережье выпадает обычно очень много, и землянки олюторцев и апукинцев оказывались занесенными до самого дымового отверстия. С. Н. Стебницкий отмечал, что «во время пурги можно въехать на землянку и заметить ее только тогда, когда нарта наткнется на верхушку входного бревна, торчащую из дымового отверстия».¹⁵

Когда очаг не топили, дымовое отверстие закрывали крышкой тыллытыл. Верхний конец входного бревна у каменцев, паренцев и итканцев вырезали в форме примитивного изображения человеческого лица, имеющего только глаза и рот. Бревно это считалось охранителем землянки. Летом же, когда открывали входной коридор, бревно либо лежало на крыше землянки, либо служило лестницей для подъема в балаган.

Землянки оседлых коряков, без сомнения, ведут свое происхождение из весьма давних времен. В. И. Иохельсон в своей работе о подземных жилищах писал: «Характерными признаками того или иного типа можно считать следующие черты постройки: 1. Туннель или другое приспособление мы встречали у камчадалов, коряков, айнов, курильцев, алеутов, калифорнийских индейцев. 2. Два входа, один для зимы и другой для лета, мы находим у коряков, чукчей, эскимосов Северо-Западной Америки и у индейцев тессаут из группы атапасков, т. е. у племен, живущих в землянках круглый год. 3. Квадратное отверстие в крыше служит одновременно дымовым и световым у индейцев Британской Колумбии, камчадалов и коряков зимой, а в древности у гиляков и индейцев Калифорнии. 4. Отверстие в крыше служит окном и для выхода дыма, но не служит дверью у современных гиляков, айнов, у коряков летом, у аляскинских эскимосов и современных калифорнийских индейцев. 5. Воронкообразный щит от ветров и снежных заносов имеется только у коряков. Из намеченных мною главных признаков жилищ рассматриваемого культурного круга мы видим, что сходные черты встречаются часто в жилищах племен, весьма удаленных друг от друга. Это дает нам право предположить, что в далеком прошлом эти племена имели сношения между собой».¹⁶

В. И. Иохельсон отмечал также, что в прошлом у коряков землянки были по размерам значительно больше, чем те, в которых ему довелось бывать. Об этом, в частности, свидетельствуют археологические раскопки, проведенные им на Охотском побережье.¹⁷ С. Н. Стебницкий в с. Подкагерном тоже видел остатки землянки древнего типа, своими размерами значительно превосходившей обычные постройки береговых коряков. По его мнению, в древности землянка была жилищем очень большой семьи, состоящей из представителей нескольких поколений».¹⁸

Перепись 1926—1927 гг. зафиксировала у коряков четыре основных типа жилых построек: у кочевых — ярангу, у оседлых — дома, землянки и деревянные юрты. Как видно из этой классификации, жилище кочевых коряков к началу 20-х гг. практически не изменилось. Традиционная яранга сохраняла свое значение в качестве основного жилья у оленеводов примерно до середины 50-х гг., а в тундре и в более поздний период. У оседлых же коряков традиционное жилище существенно изменилось уже к началу XX в., что и отразила Приполярная перепись. Архивные документы, свидетельства очевидцев позволяют представить себе эту эволюцию.

Землянка — это не что иное, как традиционное полуподземное жилище лымгыян. К середине 20-х гг. такие жилища уже выходили из употребления. В 1927 г. их было всего 72, или 13% от общего числа жилищ у оседлых коряков. Дальше всего землянки сохранялись у коряков Пенжинской губы. В Тигильском, Карагинском и Олюторском районах они перестали быть жилыми постройками в годы войны.

Наиболее распространенным типом жилища у оседлых коряков в середине 20-х гг. была деревянная юрта — нечто среднее между традиционной корякской полуземлянкой и якутским жилищем типа дьээ (не случайно, видимо, и в материалах Переписи она была зафиксирована как юрта). Врач Корякской культбазы И. И. Сабельников, описавший в 1935 г. такое жилище у коряков Апуки, характеризовал его как переходный тип от яранги к землянке, свойственный периоду оседания кочевников.¹⁹ С последним вряд ли можно согласиться. Это действительно было переходное жилище, но не от яранги к землянке, а от землянки к якутской юрте. Стены и потолок такого жилища делались из жердей и обкладывались дерном. От якутской юрты его отличало отсутствие окон — их функцию выполняло дымовое отверстие. Им пользовались также и для хозяйственных надобностей: подавали в него дрова, воду, но в отличие от землянки лымгыян оно уже не служило входом в жилище. Другим отличием юрты от землянки было наличие в ней железной печки, хотя часто ее еще заменял более привычный очаг. Подобные юрты-землянки составляли у оседлых коряков в 1926 г. более половины всех жилищ.

Другим переходным типом, но уже более современным, было жилище, отнесенное Переписью к категории «дом». Точнее его было бы назвать юрта-дом. Сооружалось оно из специально заготовленного леса или хорошего плавника. В нем не было потолка, но уже имелись небольшие одинарные окна, иногда настилались и полы. Стены дома вначале обкладывались дерном или присыпались землей, потом их стали обмазывать глиной. В жилище обязательно имелась железная печь. Чаще всего состоял такой дом из коридора и комнаты, но встречались дома и из 2-3 комнат, которые располагались с одной или по обе стороны от коридора. Строились также и дома-юрты, состоящие из одной комнаты.

В середине 20-х гг. в округе существовал уже и другой тип дома — рубленый на мху, с потолком, полом, одинарными окнами и перегородками, во многом напоминавший русские избы.

В домах-землянках долгие годы располагались и различные учреждения и организации, больницы, культпросветучреждения и т. п. Строительством домов-землянок для них занимался специально созданный в 1932 г. при окрисполкоме строительный «трест».²⁰

Из домов-землянок, например, наполовину состояла в 1936 г. Корякская культбаза. В селе Анапка во второй половине 30-х гг. в современных зданиях размещались лишь склад рыбокоопы и школа. Все остальные постройки были домами-землянками, которые, по словам очевидца, казались «аккуратными и по-своему красивыми».²¹ Почти до середины 50-х гг. из таких жилищ состояло абсолютное большинство национальных сел. В них жили и русские семьи.

Жилищное строительство в 30—40 гг. велось коряками по собственной инициативе. Необходимый для строительства лес отпускался народам Севера

по решению Далькрайисполкома бесплатно.²² Дом-землянку строили и затем жили в ней несколько семей. Они выбирали для нее по своему вкусу место, сами определяли форму и размеры. Жилищное строительство заметно ускорилося в связи с коллективизацией. Колхозы стали оказывать строящимся всяческое содействие. В 1935 г., например, в Апуко-Корякском и Култушинском сельских Советах за лето и осень колхозники выстроили более 10 таких домов.²³ Постепенно наружные стены стали обиваться дощечками от бочек и ящиков, внутри — фанерой и картоном, для обивки использовали также ткань. Увеличились размеры окон, стали вставлять двойные рамы, кроме пола настигались потолки. Еще позже — стены белились известью или белой глиной, красились масляной краской.

В конце 30-х, в начале 40-х гг. в округе начинается новый этап жилищного строительства. С помощью государственных кредитов в оленеводческих колхозах началось строительство домов для кочевников. Во многом они напоминали русские избы: рубленые на мху, с крышей, потолком, полом, нормальными окнами и перегородками. Они имели железные или чугунные печи, позднее печи стали делать из кирпича-сырца местного производства. Подобные дома существовали в 20-е гг. у ительменов и эвенов. Для коряков тогда они не были характерны, хотя отдельные корякские семьи их также имели.

Новое жилище предназначалось для одной семьи. Оно состояло обычно из комнаты площадью от 6 до 18 кв. м. Иногда к ней пристраивались сени. В некоторых, более просторных домах, из общей комнаты выгораживалась кухня. В сравнении с юртами и землянками такое жилище было, безусловно, большим шагом вперед, но массовое строительство рубленых домов было сопряжено с большими трудностями. Строили их из местного леса — тополя и березы, которые росли далеко не везде. Доставка его к месту строительства требовала больших затрат. К тому же, чтобы поставить сруб, нужна была соответствующая квалификация, которой местное население не имело. В таких условиях организовать строительство удавалось далеко не каждому колхозу, не говоря уже об отдельных семьях. В колхозах Пенжинского района, например, первый рубленый дом был построен лишь в 1943 г.²⁴ И все же, несмотря на эти и многие другие трудности военного времени, за годы войны для кочевников было построено 250 домиков.²⁵

В 1945 г. из 2562 хозяйств колхозников Корякского округа дома-землянки и рубленые домики имели 835, или 32,5%, жителей. Остальные жили в землянках, юртах, снимали квартиры. 800 корякских хозяйств продолжали кочевать. Наиболее успешно жилищное строительство велось в Тигильском и Карагинском районах, где жилье имело более половины хозяйств народов Севера. В Олюторском районе таких было 18%, в Пенжинском — только 9%.²⁶

В послевоенный период общая стратегия жилищного строительства в округе не изменилась. Оно по-прежнему велось хозяйственным способом, но строить стали больше. К этому времени у коряков появились собственные плотники, печники, столяры, возросли государственные кредиты по программе оседания, большими возможностями стали обладать колхозы. Рублеными домами застраивались не только села оленеводов, но и береговые поселки. Тип строящихся жилищ при этом оставался прежним, но их

внешний и внутренний вид претерпел некоторые изменения. Практически все дома строились с пристройкой, в которой размещалась кладовка. Повсеместным явлением стала кирпичная плита с обогревателем, расположенная почти в центре комнаты, а также дощатая перегородка или занавеска, отделявшая жилое помещение от кухни. Стены и потолок изнутри начали штукатуриться, на окнах появились ставни, обшитые оленьими шкурами. К настоящему времени большинство первых рубленых домов коряков не сохранилось. Они исчезли вместе с «неперспективными» селами и только в Парени, Оклане, Верхнем Хайрюзове, некоторых других старых поселках можно увидеть еще такие домики.

В 1949 г. Хабаровский крайисполком принял важное для северного жилищного строительства решение: на предприятиях местной стройиндустрии началось изготовление стандартных разборных домов. Это позволило уже в 1950 г. отправить в северные районы края более 190 добротных домов.²⁷ Так было положено начало плановому капитальному строительству жилых домов для коренного населения. Наиболее активно развернулось оно уже после известного постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 16 марта 1957 г. Только за три года, прошедших после его принятия, в округе было построено 1278 квартир.²⁸ С этого времени корякские села стали застраиваться преимущественно типовыми одно-, двух-, четырех-, восьми- и шестнадцатиквартирными домами европейского типа. В последние годы стали строить и двадцатичетырехквартирные дома. Каждая квартира состоит из одной, двух или трех комнат, кухни и коридора-тамбура. До конца 60-х гг. дома строились в основном с печным отоплением. В годы IX пятилетки начался перевод жилищного фонда на центральное, а также строительство квартир со всеми коммунальными удобствами. В XI пятилетке было построено 388 таких квартир.

Уровень комфортности жилищ у коряков растет быстрыми темпами. Так, число домов с центральным отоплением в оленеводческих совхозах в 70-е гг. увеличилось в 15 раз, с водопроводом и канализацией — в 12, появились дома с горячим водоснабжением. К настоящему времени в селах округа на центральное отопление переведено около половины всего жилого фонда, 20% квартир имеют водопровод, 15% — канализацию.

Жилищным строительством по-прежнему занимаются колхозы и совхозы, а также различные ведомства. За годы X и XI пятилеток по всем источникам финансирования в округе было введено в эксплуатацию более 170 тыс. кв. м жилья — около 3 тыс. квартир. Несмотря на весьма интенсивное жилищное строительство, ведущееся в округе последние 30 лет, обеспечить современным жильем коренное население до сих пор не удалось. В 1989 г. более 170 семей народностей Севера вообще не имело квартир. Еще больше живет в так называемом «обвальном фонде», т. е. в домах постройки 50-х — начала 60-х гг., которые давно уже устарели и морально, и физически.

Главная причина столь затянувшегося решения острой социальной проблемы — резкое сокращение в 70-е гг. жилищного строительства на селе. Большая часть средств в эти годы расходовалась на строительство и благоустройство окружного и районных центров, где коренного населения сравнительно немного. Имели место также нарушения социальной спра-

ведливости при распределении жилья. Нельзя не сказать и об объективных причинах. Округ мог бы строить гораздо больше. Выделяемые на это средства систематически не осваивались на селе. Сказываются дефицит стройматериалов, особенно стандартного домостроения, слабость сельской строительной базы.

Ситуация со строительством в национальных селах стала меняться к лучшему лишь в годы перестройки. В 1985 г. в Славутном, Таловке, Хаилино, Тымлате, Седанке, многих других селах были созданы вахтовые строительные участки. Некоторые хозяйства взяли курс на строительство жилья из местных материалов. В колхозе им. Горького, например, стали строить из шлако-бетонных блоков, производство которых организовали на месте. В колхозе «Ударник» построили собственный кирпичный завод, выпускающий за сезон до 300 тыс. штук кирпича. Все это сразу же принесло результаты. В 1986 г., например, в Седанке ввели в эксплуатацию 14 квартир, в Лесной — 10, в Тымлате — 12, в Ачай-Ваяме — 22 и т. п.

Нужно сказать, что секционные квартиры, которые составляют сегодня основу жилищного строительства, устраивают далеко не всех коряков. Охотно селятся в них молодежь, представители интеллигенции. Люди старших возрастов, а также связанные с промыслово-оленоводческим хозяйством зачастую категорически отказываются жить в многоквартирных и особенно в двухэтажных домах, поскольку они не отвечают особенностям хозяйственно-бытового уклада народов Севера. Опыт жилищного строительства в северных районах показывает, что наилучшим типом жилища, в котором современный комфорт сочетался бы с национальными особенностями, может быть лишь дом усадебного типа. Строится таких домов мало, так как они в полтора-два раза дороже секционных квартир. В XI пятилетке дома усадебного типа составили лишь 8% от всей введенной площади. В генеральных же планах застройки национальных сел на их долю приходится около 40% общего числа квартир.

Неудовлетворительно решается до сих пор проблема создания современного мобильного жилья для оленеводов. Многолетние попытки ученых Ленинграда, Ростова-на-Дону, Якутска, Киева, других городов страны создать такое жилище заметных успехов не имели. Последняя новинка — жилищно-бытовые комплексы, состоящие из нескольких жилых блоков-домиков «Север-3», каждый из которых рассчитан на отдельную семью. В жилищно-бытовой комплекс входят также теплый гараж с небольшой электростанцией, баня, хозяйственный блок. Оценки оленеводами нового образца технической мысли противоречивы. Во всяком случае жилищно-бытовой комплекс не составил пока достойной конкуренции меховой палатке. Успешно вытеснившая из обихода традиционную ярангу в конце 60-х гг., она и поныне является основным зимним жилищем оленеводов. Летом используются брезентовые палатки и яранги.

У т в а р ь. В интерьере корякского традиционного жилища имелось лишь самое необходимое для жизни в суровых условиях Севера. Главной принадлежностью был светильник-жирник эк. У оленеводов он употреблялся для освещения и отопления спальных пологов, у оседлых — только для освещения. Жирник, сохранившийся у коряков вплоть до 20-х гг. нашего

столетия, представлял собой сосуд из песчаника на сравнительно высокой (до 50 см) подставке. В качестве горючего использовался олений и тюлений жир. Фитиль делали из моха, торфа или простой тряпки.²⁹

Коряки до советского времени не знали кроватей, постельного белья, мебели. Спали на оленьих шкурах, в качестве подголовников служили кожаные валики чоччот, набитые оленьей шерстью, или мешки с одеждой. Ящики для хранения посуды использовались как стол и стулья. В некоторых жилищах оригинальными стульями служили олени рога, которые спиливали с головы убитого оленя вместе с теменной костью.³⁰

Посуда была в основном деревянная: поднос для мяса (иччулькын), блюдо (камана), ковши (мимылкойнын), чашки (койнын), ложки (в,ойны), долбленные сосуды (уккам), в которых носили и держали воду, ягоды, мясо, жир, похлебку для собак. До знакомства с русскими коряки приготавливали пищу в глиняных котлах, разогревая в них воду раскаленными камнями. После XVIII в. во многих жилищах коряков стали появляться фаянсовые чашки, кружки и тарелки, металлические чайники и котлы.

Русские спички долго не принимались коряками. Еще в начале XX в. В. И. Иохельсон почти в каждой яранге встречал специальный прибор для добывания огня (гыйгын) в виде антропоморфного изображения с лучком. Позже этот способ получения огня сохранялся только в ритуальных целях. Деревянная доска от этого прибора считалась главным покровителем семьи и защитником от злых духов.³¹

В домашнем хозяйстве оседлых коряков применялись разнообразные по размерам и форме мешки (маниг) из морской травы и корзины (кокаёлгын) из прутьев. Они служили для переноски мяса, рыбы, орехов, ягод, лекарственных трав и другой клади. Кроме того, корякские женщины изготавливали разнообразные сумочки (чеючгын) для хранения предметов шитья и рукоделия. Шкафы для одежды заменяли большие мешки из нерпичьей шкуры (кимитаёчгын), в которых зимнюю одежду хранили в балаганах, а летнюю — дома.³²

У коряков-оленеводов имелись особые колотушки (тэвланан) в виде изогнутой пластины из кости. Они служили для выбивания пыли, для отряхивания снега с обуви. Из других предметов традиционной утвари следует назвать прибор для дробления костей (йыпэнэ), который состоял из каменного пестика и плоского камня. На нем резали вяленую рыбу, съедобные корни, приготавливали толкушу.³³

Жидкие продукты коряки-олюторцы хранили в мочевых пузырях тюлений, моржей, в кишках китов. С. П. Крашенинников писал, что кишки китов коряки «чистят начисто, и наливают жиром... ибо они другой посуды не имеют». ³⁴ Г. В. Стеллер, отмечая широкое применение в быту олюторцев китового уса, писал, что из целого китового уса они умели делать ведра для воды.³⁵

В обиходе у женщин были каменные сланцевые ножи (пакул). Позднее их заменили металлическими (пылвынтыпакул), напоминавшими по форме старинные каменные. Весьма богатым был у корячек ассортимент швальных игл, каждая из которых имела свое назначение: титин,а — игла вообще; омти — большая игла для шитья прочных материалов; так,ати — трехгранная игла для шитья одежды из оленьих кож; кытвилти — обычная круглая игла; к,эти — маленькая игла для вышивания. Они хранились в специальном

игольнике-трубке (вэсинтийолгын) наколотыми на кусочек замши. К игольнику привязывался и наперсток.³⁶

По мере замены традиционных жилищ новыми менялись их внутреннее убранство, мебелировка, набор хозяйственной утвари, сложившиеся привычки и нормы поведения в жилище. Если в землянках лымгыян и юртах неизменным элементом интерьера были меховые пологи, по одному на каждую семью, то в домах-землянках настилали уже общие нары, которые служили одновременно и сиденьем. На ночь каждая семья натягивала на нарах легкий ситцевый полог. В рубленых домах потребность в пологах отпала окончательно. Вместо них начинают появляться деревянные топчаны, а вслед за ними и кровати, нередко спали также на полу на оленьих шкурах. Если в доме жило две семьи, комнату стали разделять занавеской или невысокой перегородкой. У оленеводов роль рубленого дома сыграла меховая палатка. С ее появлением перестали пользоваться меховыми пологами, начали использовать простейшие виды мебели.

Привычка лежать на полу землянки или яранги, спасаясь тем самым от едкого дыма костра, долго сохранялась у коряков и в жилищах с печным отоплением. Этим же, видимо, объясняется и стойкая привязанность к низким столикам, которые долгие годы предпочитали обычным обеденным столам. Да и сейчас они еще довольно распространены во многих корякских семьях. Традиционная обстановка яранги или землянки не исчезла окончательно и в современных квартирах. Некоторые женщины, например, предпочитают заниматься хозяйственными делами на полу. Так, в частности, кроют и шьют одежду и обувь. Неоднократно приходилось наблюдать, как члены семьи разговаривают между собой в квартире, сидя на корточках.

Покупная посуда и домашняя утварь достаточно широко использовались коряками уже в начале 20-х гг. Особенно ценились тогда большие медные чайники и котлы, эмалированные тазы, которые использовались вместо деревянных корытц для мяса, фаянсовая чайная посуда: кружки, пиалы, блюдца и т. п. Все это имелось практически в каждой яранге или землянке. Ложки и тарелки до начала 40-х гг. имели лишь отдельные семьи оседлых коряков, а у кочевников были редкостью. Их держали иногда специально для русских гостей. Вилки стали входить в употребление в основном уже в 50-е гг. К началу 60-х гг. хозяйственная утварь, предметы домашнего обихода в корякских селах почти полностью утрачивают свои национальные черты. И лишь в оленеводческих бригадах, да в отдаленных маленьких поселках можно было встретить деревянные ведра и подносы, плетеные мешки и корзины из прутьев для ношения их на спине, меховые сумки, некоторые другие предметы традиционного хозяйственного обихода.

Отдельные из них не исчезли совсем и сегодня. Используются деревянная посуда, железные крючки для вытаскивания мяса из котла, сумки для швейных принадлежностей. Тщательно берегут в оленеводческих бригадах медные котлы и чайники, ставшие сегодня невероятным дефицитом, кое-где можно даже встретить американские керосиновые лампы из толстого зеленого стекла, широко бытовавшие у коряков в конце 20-х гг.

Современная обстановка квартир коряков включает в себя различную мебель, бытовую технику, ковры, дорожки и паласы, настенные украшения, в том числе по национальным мотивам. Все зависит от вкусов и достатка хозяев, а также от наличия нужных вещей в магазине. Следует все же

сказать, что многие квартиры до сих пор выглядят примитивно: минимум самой необходимой, и как правило старой, мебели, занавески на окнах, чаще всего тюлевые, обязательные оленьи шкуры и телевизор. Квартиры подолгу не ремонтируются, выглядят неухоженными, во дворах домов грязно и неуютно.

Внедрение в быт коряков общепринятых норм санитарии и личной гигиены происходило непросто и в значительной степени определялось типом жилища. В яранге, землянке не было условий для ежедневного утреннего туалета. Даже школьники, привыкшие в интернатах умываться, прекращали это делать, как только оказывались на каникулах в жилищах родителей. Не стало массовым умывание и в домах-землянках, и лишь с появлением рубленых домов эта «проблема», так беспокоившая в свое время медиков, отпала сама собой. С переходом в дома срубного типа началась также стирка белья (до этого заношенные вещи просто выбрасывались), мытье посуды (раньше она в лучшем случае вытиралась сухой тряпкой или ополаскивалась водой перед очередным употреблением). Женщины регулярно начали мыть в домашних условиях голову, раньше волосы лишь расчесывались гребнем. Мужчины постепенно перестали брить голову, в обиход стали входить европейские прически.

Весьма болезненный характер носило приобщение коряков к банным процедурам, пока единственным типом бани была русская «каменка». Раскаленный воздух, горячая вода, обжигающие стены и скамейки неизменно вызывали у них чувство «разбитости», физической слабости, после купания начинались сильные головные боли, и это было главной причиной отказа от посещения бани. Люди жаловались: «Шибко худо ваша баня мыться».³⁷ Нежелание понять физические особенности организма северян порождало административный раж в деле ликвидации «культурной отсталости» народов Севера. На этой почве нередко случались серьезные конфликты, но «банный вопрос» мгновенно потерял остроту, как только в национальных селах появились бани городского типа. По нашим наблюдениям, неприятие банного жара характерно для значительной части коренного населения и сегодня. Во всяком случае увидеть в парной коряков, представителей других северных народов удается далеко не всегда.

Переход коряков в стационарные, улучшенного типа жилища положил начало отмиранию многих обрядов и обычаев, поскольку следовать им в новых условиях становилось затруднительно. Интересное свидетельство на этот счет есть в отчете уже упоминавшегося врача Корякской культбазы И. Сабельникова: в 1934 г. в Алуке один из коряков по традиции покинул землянку русского типа (которую перед этим выстроил своими руками) после того, как в ней умерла жена. Никто из соседей тоже не пожелал в ней жить, хотя село испытывало явный жилищный кризис. Колхоз вынужден был продать ее приезжему. Но уже в 1935 г. в аналогичной ситуации никто землянок не покидал.³⁸

Пища. Структура питания оседлых и кочевых коряков существенно отличалась. У оседлых жителей основными продуктами были рыба, мясо и жир морских животных. Большая часть рыбы потреблялась в виде юколы (тэв'г'эл). Когда ее запасы заканчивались, в пищу шел сушеный уёк, который заготавливали летом в больших количествах на корм собакам. В голодные годы употреблялась нередко и «кислая рыба». Свежую рыбу

коряки варили или жарили на вертеле. Зимой популярным блюдом была строганина — тонко наструганная мороженая рыба. Сырыми съедались рыбки головы, которые и поныне считаются лакомством.

Мясо морских животных ели в вареном виде. Туши зверей, убитых поздней осенью, замораживали. Таким же образом сохраняли и жир морских животных. Его ели сырым или топленным с юколой или мясом. Дополнением к основным продуктам служило мясо оленя, горного барана, медведя, а также дичь. Пенжинские коряки собирали яйца птиц, а также съедобных моллюсков, которые в прошлом, видимо, играли в пищевом рационе коренного населения более значимую роль. В. И. Иохельсон неоднократно находил на побережье остатки древних корякских землянок с большим количеством раковин.³⁹ О широком употреблении морских моллюсков свидетельствует и фольклор коряков.⁴⁰

Одним из любимых блюд коряков являлась толкуша. Береговые жители приготавливали ее из протертого тюленьего мяса, юколы или сушеной икры, кочевые — из оленины. В толкушу добавлялся нерпичий жир, ягоды, съедобные растения, которые служили приправой и ко многим другим блюдам традиционной кухни — различным супам, похлебкам из крови и т. п. Корни сараны, шавеля ели также в сыром и вареном виде, обмакивая в жир. Точно так же использовались стебли кипрея, мякоть которых предварительно высушивали, а затем толкли.

Свежие листья кипрея заваривали вместо чая. В пищу шли также сладкий борщевик, ивовая кора, морская капуста и др.

Из ягод собирали шикшу, голубицу и морошку, большая часть которых употреблялась в сыром виде, иногда их сушили. Долго сохраняющиеся ягоды — рябину, шиповник, бруснику и др. заготавливали впрок. На зиму создавались запасы орехов кедрового стланика.⁴¹

Основной пищей кочевых коряков являлось оленье мясо. Его потребляли в вареном и сыром виде. Для варки супов и бульонов использовали толченые кости, вымя, кровь. Из крови, смешанной с содержимым оленьего желудка, варили похлебку ыпана. Вяленое мясо шло на приготовление особого кушанья тылкытыл. Замороженным питались в дороге. Сырыми съедались свежие почки, хрящи и костный мозг оленя, который считался особым лакомством. В пищу употреблялись и другие части туши оленя: копыта (их квасили в крови), молодые отростки рогов (ели вареными), уши, глаза, хвосты.

У некоторых групп оленных коряков значительное место в пищевом рационе занимала рыба. Все оленеводы-олюторцы и часть чавчуменов сами заготавливали юколу. Питались и свежей рыбой, когда оказывались на берегах рек. Охотно употреблялись в пищу продукты морского зверобойного промысла, которые получали в обмен от своих оседлых соплеменников.

В качестве наркотического и опьяняющего средства использовали мухомор. Этот гриб даже служил предметом обмена и ценился очень дорого. Н. Н. Беретти сообщает, что «цена на мухоморы в разных местах различна, колеблется от одного до трех за оленя-самца».⁴² С приходом русских широкое распространение среди коряков получили спиртные напитки и табачные изделия. На основе табака и золы древесной губки коряки научились приготавливать особую жевательную смесь ялуп. Раньше ее употребляли все мужчины с 12—13 лет, а также многие женщины. Без ялупа

ни один коряк не представлял себе жизни. Охотник уходил на промысел обычно натошак, он ел только вечером, по возвращении из тундры, но обязательно брал с собой полный колтын (табакерку) ялупа.⁴³ Используется ялуп и сегодня, особенно в оленеводческих бригадах, но больше распространено обычное курение. До войны курили преимущественно трубки, их изготавливали из зуба моржа и непременно украшали орнаментом. С начала 60-х гг. трубки стали выходить из употребления, теперь их курят в основном старики. Молодежь предпочитает папиросы и сигареты с фильтром.

Привозные продукты оседлые коряки широко употребляли уже в конце XIX—начале XX в. Постепенно приобщались к ним и оленеводы. Е. П. Орлова писала в 1926 г.: «Все настойчивее в обиход корякской жизни входят рис, чай, табак, сахар и соль. Дети некоторых коряков „без хлеба жить не могут“... Хлеб из муки выпекается для коряков оседлыми „приятелями“; сами коряки пекут очень редко пресные лепешки».⁴⁴

Употребление покупных продуктов в первые советские годы сдерживалось трудностями со снабжением. Для народов Севера в плановом порядке завозились лишь табак, чай да сахар, поэтому рыба и мясо по-прежнему составляли основу пищевого рациона. В 1932 г. структура потребленных мясных продуктов в округе выглядела следующим образом: оленина — 83%, мясо морского зверя — 13.5%, медвежатина — 1.5%, дичь — 1%. В среднем у кочевников в начале 30-х гг. потреблялось в год 5 оленей на едока, у оседлых — 1.5 оленя. Всего, по данным Корякского окрисполкома, на питание коренного населения убивалось ежегодно около 35 тыс. животных.⁴⁵

Во второй половине 40-х гг. общее потребление мяса у коряков стало быстро сокращаться. К этому времени олени сосредоточились в общественных стадах, забой животных на питание стал строго регламентироваться. Основу пищевого рациона коренного населения в колхозных и совхозных поселках с этого времени стали составлять рыба и привозные продукты — крупы, хлеб, макаронные и кондитерские изделия, консервы, овощи и т. п. У оленеводов главным продуктом питания по-прежнему было мясо. В Тигильском и Олюторском районах, например, на эти цели расходовалось в 50-е гг. до половины продукции оленеводства, в хозяйствах Пенжинского района — от 30 до 54%, в Карагинском районе — 72%.⁴⁶

В 60-е гг. ассортимент продуктов питания в оленеводческих бригадах стал намного разнообразнее, но потребление мяса не уменьшилось. В отдельных совхозах оно достигло 2.5 кг на взрослого пастуха в день.⁴⁷ Сегодня по нормам положено пастуху 6.7 кг в месяц, но расходуеться значительно больше — до 1 кг ежедневно. Совхозы округа ежегодно расходуют на эти цели около 6 тыс. ц оленины, правда часть ее идет на нужды общественного питания на центральных усадьбах.

Долгое время коряки относились к мясу домашних животных с большим предубеждением, употребляя его неохотно, преимущественно в консервированном виде — тушенка, колбасный фарш и т. п. С появлением в национальных селах предприятий общественного питания привыкание ускорилося. Немалую роль сыграли здесь и школьные интернаты, через которые прошло несколько поколений коряков. В настоящее время абсолютное большинство коряков употребляет в пищу все виды мяса, при этом из говядины, свинины чаще всего готовят новые блюда (котлеты, пельмени, жаркое), которые получили широкое распространение уже в 60-е гг.⁴⁸

Оленину предпочитают есть вареной, ее, как прежде, варят крупными кусками, до конца не проваривают, котел снимают сразу, как только закипит вода. Оленина с сырцом считается особенно вкусной.

Сохраняются и другие традиционные способы приготовления и употребления мясных блюд: похлебка из крови с кусочками печени и корешками съедобных растений (ыпана), различные супы, приправленные крупами и макаронами, содержимое такого блюда едят раздельно — вначале мясо, потом суп. Во время забоя животных пьют теплую кровь. Большим лакомством по-прежнему считаются олени языки, костный мозг, хрящи, почки, которые употребляют сырыми. В оленеводческих бригадах и домашних условиях мясо едят, как правило, с использованием ножа — кусочки мяса отрезаются у самых губ пилящим движением снизу вверх. Кое-где еще вялят оленину.

Другим важнейшим компонентом современного пищевого рациона коряков является рыба. Ее употребляют в сыром, вареном и жареном виде. В последние десятилетия широкое распространение получила соленая и копченая рыба. Сами коряки балыки делают редко. Обычно их покупают в магазинах. Лососевую икру готовят многие семьи, но в основном на продажу. Икра выступает обычно в роли местной «валюты», на нее выменивают бензин, спиртное и другие дефициты. Особой любовью, как прежде, пользуется у коряков традиционная юкола. Ее янтарная пластинка — самое желанное блюдо и в тундре, и в поселках. Раньше ее ели без дополнительной обработки, сегодня нередко поджаривают на углях. К сожалению, в настоящее время этот традиционный продукт питания все чаще попадает в разряд дефицитных. Места промысла, как правило, удалены от сел. Чтобы заготовить юколу, многие берут в это время отпуск, для других ее готовят родственники, соседи, обычно пенсионеры, которые с наступлением лета покидают поселок и живут на рыбалках до глубокой осени, но обеспечить всех юколой они тоже не в состоянии.

В округе сложилась определенная система обеспечения коренного населения рыбой. Ежегодно на эти цели выделяются лимиты. Размеры их в разные годы колебались от 60 до 80 кг на человека. В настоящее время норма повышена до 100 кг. Желающим ловить рыбу самостоятельно выделяют промысловые участки. Тех, кто не в состоянии это делать, рыбой обеспечивают Советы. Для оленеводов рыбу готовят совхозы — в среднем около 1 тыс. ц ежегодно.

Приправой к блюдам из рыбы и мяса до сих пор нередко служат традиционные растительные продукты, а также различные овощи и картофель. Картофель вошел в массовое употребление уже в середине 50-х гг. Потребности в нем были иногда даже побудительным мотивом к объединению колхозов. По этой причине, например, объединился в 1957 г. с ительменской сельхозартелью «Интернационал» оленеводческий колхоз имени Жданова. «Колхозники рассчитывали на картошку и овощи, к которым успели привыкнуть», — так прокомментировал решение собрания проводивший его представитель Тигильского райкома партии.⁴⁹

Первоначально картофель ели отварной или в жареном виде.⁵⁰ В качестве гарнира к мясным и рыбным блюдам он стал использоваться уже в 70-е гг., когда в округе сложилась сеть предприятий общественного питания. Сегодня его потребляют в больших количествах. Например, семья Н. Н. Косыгиной

из Тиличек, состоящая из шести человек, съедает ежегодно до 100 ведер картофеля. Значительная часть потребностей в картофеле удовлетворяется за счет собственного производства.

Медленнее входили в употребление капуста и другие овощи, но сегодня и они уже являются обычными. Капусту солят («без квашеной капусты уже не можем»), из свежей готовят салаты, борщи. В начале 80-х гг. в употребление вошли свежие огурцы и помидоры из собственных теплиц. В оленеводческих бригадах потребление овощей ограничено. Используются в основном овощные консервы, сушеные фрукты для компотов.

Заметно изменилась за последние десятилетия сфера использования ягод. Практически вышла из употребления толкуша. С середины 30-х гг., по примеру русских, из ягод стали изготавливать бражку.⁵¹ Теперь из них варят варенье, кисели. А вот грибы так и не заняли в пищевом рационе коряков сколько-нибудь заметного места. Блюда из них считаются «не-вкусными», и лишь отдельные представители корякской интеллигенции заготавливают их на зиму и едят в свежем виде.

В связи с упадком морского зверобойного промысла вышли из массового употребления мясо и жир морских животных. На питание коренного населения округа в 80-е гг. разрешалось использовать немногим более 200 животных, но есть основания считать, что не используется и это количество. Коряки по-разному относятся к блюдам из мяса и жира нерпы. Многие, преимущественно пожилые люди, по-прежнему их очень любят, но немало и таких, которые не испытывают в них уже никакой потребности. В Оссоре, например, в 1986 г. заявки на нерпичье мясо подали всего 12 семей из 126.

Новые продукты, блюда и способы приготовления пищи входили в обиход коряков по-разному. Крупы, кроме гречневой и манной, макаронные изделия, мучные блюда признавались сразу же, поскольку хорошо дополняли традиционную кухню. На их основе появлялись даже новые блюда, например юп'пын — пережаренная с жиром мука. Консервы и сухари вначале использовались лишь охотниками на промысле. Медленно входила в употребление соль (к ней привыкали главным образом через хлеб и соленую рыбу), не пользовались спросом молочные продукты. Сладости, наоборот, вошли в употребление быстро, но рассматривались вначале как обычная пища — съедались сразу и в больших количествах. Долгое время коряки не могли пить воду комнатной температуры. Школьники в интернатах, например, бегали к ручью или проруби, при этом пили только лежа на животе. В домах воду обязательно держали в холодном коридоре.

Не меняется пристрастие коряков к чаю. По традиции предпочитают кирпичный (плиточный), крепко заваренный. Чаепитие предшествует завтраку, обеду и ужину, им же, как правило, и заканчивается каждая трапеза. Нередко чай заменяет обед или завтрак. В этом случае к чаю подают юколу, холодное мясо, галеты, печенье, хлеб, сливочное масло и т. п. Пожилые коряки любят пить чай по-русски: из блюдца, которое держат на растопыренных пальцах, с сахаром вприкуску.

В настоящее время важную роль в организации питания коряков играют столовые. Они имеются во всех совхозах и колхозах. Меню в них обычно состоит из одного-двух первых блюд и двух-трех вторых. Это различные супы, в том числе молочные, борщи, рассольники, котлеты, шницель,

гуляш, плов, жареная рыба, блины, оладьи и т. п. Мясные блюда готовят обычно из оленины, свинины и говядины, в столовых Пенжинского района нередко бывает мясо лося. Готовят в небольших столовых по-домашнему, вкусно и дешево. Поварами работает много женщин-корячек. Местное население охотно пользуется столовыми, приходят семьями, регулярно посещают их школьники. Многие берут обеды на дом. В повседневный обиход коряков давно вошел европейский столовый этикет.

Следует сказать, что значительная часть коряков, преимущественно старших возрастов, трудно расстается с привычной пищевой моделью. Особенно болезненно воспринимается дефицит юколы. В разговорах со стариками постоянно присутствуют жалобы по этому поводу.

Одежда. К концу XIX—началу XX в. основным материалом для изготовления одежды у коряков служили олени шкуры, сменившие и окончательно вытеснившие к этому времени шкуры горного барана. В меньшей степени употреблялись тюленьи и собачьи шкуры и мех волка. К началу XX в. заметное распространение получила одежда из покупных материалов. Для обозначения понятия одежды у коряков существует два термина: «кимитган» и «лыл'лгын». Первый употребляется в значении «носильные вещи», «пожитки», «товар», второй — «одежда», «наряд».⁵²

Повседневная одежда. Мужская и женская повседневная одежда состояла из верхней и нижней, обуви, рукавиц и головных уборов и различалась по сезонам.

Мужские зимние штаны к,онаё, к,онайтэ как оленные, так и приморские коряки делали двойными. Покрой их совпадает с покроем чукотских, но они менее широкие и плотнее прилегают к телу. Материалом для верхних зимних штанов служили олени шкуры и камусы. В верхний край штанов, загнутый внутрь в виде рубца, продергивали ремешок или шнурок из сухожильных волокон, сплетенный в косичку. Концы штанин подшивали загнутым рубцом или пришивали к ним полоску ровдуги, сложенную вдвое.

Летние штаны по покрою не отличались от зимних; шили их из ровдуги. Осенью и летом носили также одинарные зимние штаны или специально сшитые для этого сезона из дымленины ятыкм,онайтэ. В яранге мужчины находились полуголыми, в одних штанах. меховая одежда одевалась на голое тело...⁵³

У оленных коряков нательной одеждой служила короткая рубаха из двух некроенных шкур мехом вовнутрь. Для улицы в холодное время надевали поверх вторую такую же рубаху, но мехом наружу. Рубахи украшались пришитой к подолу полосой ыпван из меха иного цвета, чем вся одежда (подробнее о декоративном искусстве коряков см. с. 153—181). Корякский термин «ыпван» вошел в употребление у местного русского населения в несколько измененном виде — «упован», что и зафиксировано в словаре В. И. Даля.⁵⁴

По возвращении из стада мужчины-оленоводы снимали для просушки рабочую одежду и надевали легкую ровдужную гагаглю. Ее всегда подпоясывали нерпичьим ремнем с пряжкой из железа или из мамонтовой кости. У коряков бухты Корфа были распространены широкие пояса йийит, расшитые цветным бисером.⁵⁵

У оленных коряков верхняя и нижняя кухлянки скреплялись между собой в нескольких местах по подолу и плотно сшивались по краям капюшонов вокруг лица. Спереди у выреза ворота пришивали меховой нагрудник в, анализ, который нередко украшали меховой мозаикой.

Поверх кухлянки коряки надевали своеобразный чехол — манив (ичг,ын), известный у русских как камлейка. Шили ее из ровдуги, из дымленины, позже из фланели и ситца. Главное ее назначение — защищать кухлянку от снега и влаги.

Нательной одеждой у женщин служил комбинезон кейкей из оленьих пыжиков мехом вовнутрь. Лишь очень состоятельные корячки надевали под комбинезон покупные рубашки из ткани. Во всяком случае в начале XX в. это было большой редкостью. Женский комбинезон коряков был значительно легче чукотского. Боковины его состояли из двух продольно согнутых шкур, между которыми спереди и сзади вшивались клинья. У одних комбинезонов рукав был длинный, широкий, у других — короткий и узкий. Зимой поверх нижнего комбинезона надевали верхний мехом наружу. По форме и покрою он ничем не отличался от нижнего. На улице или в дороге корякские женщины пользовались кухлянками, аналогичными мужским.

Корякские женские комбинезоны были богато декорированы, причем оседлые коряки на отделку своей одежды обращали больше внимания, чем оленные. Эту особенность заметил еще С. П. Крашенинников. В своей «Инструкции по покупке корякского платья для Кунсткамеры» он записал: «А ежели в оленных коряк с подзором платья не сыщется, то купленное без подзоров платье променять сидячим корякам на платье с подзором...»⁵⁶

В отличие от чукчей коряки считали комбинезон нижней одеждой. В. И. Иохельсон отмечал, что «корячки стыдятся, если чужой увидит их в одном комбинезоне, и ни одна приморская корячка не согласилась стать перед фотоаппаратом только в комбинезоне, т. е. без верхней одежды».⁵⁷

Повседневной верхней женской одеждой у кочевых и оседлых коряков была кагавлен, которую русские называли гагаглей. Кроили гагалью из летних или подстриженных зимних оленьих шкур мехом вовнутрь, снаружи ее окрашивали в темно-красный цвет настоем коры кедровника.⁵⁸ Женская гагалья в отличие от мужской имела специфический покрой, который можно условно назвать фигурным: перед и спинка выкраивались из отдельных кусков, в бока вшивались куски квадратной формы, а широкие рукава и боковые части капюшона кроились из одного куска и составляли одно целое.

Эту одежду женщины носили круглый год в качестве домашней рабочей, была она легкой и удобной. Праздничные гагагли отличались от рабочих более тонкими шкурами, обильными украшениями, более длинными и широкими рукавами. У женской гагагли, которая была длиннее мужской, украшали капюшон, перед и спинку, рукава и упованы. Нагрудник иногда орнаментировали меховой мозаикой или пришивали к нему низки из бисера.

Мужскую обувь коряков по покрою подошвы можно отнести к так называемой башмаковидной.⁵⁹ Меховая зимняя обувь носит название «пыла-кыт». Ее шили из камуса с запасом, так чтобы нога в чулке из пышного оленьего меха (памьят) свободно в нее помещалась. Носок обуви и чулок

делались всегда широкими, полукруглой формы, это позволяло пальцам ноги легко двигаться. Для подошвы обычно использовали лахтачью или моржовую кожу, реже — шкуру из оленьих щеток или с медвежьих лап. Характерной особенностью зимней обуви является способ пришивания подошвы к головке: в шов вставляли прокладку из сложенной вдвое полоски кожи, окрашенной в яркий цвет. Над пяткой пришивали парные ремни, которые завязывали вокруг ноги на подъеме.⁶⁰

Обувь у коряков была высокая — лагот (до колен) и короткая — лулат (чуть выше щиколотки). У высокой обуви голенища натягивались на штаны и крепко завязывались повыше икр ремешками, короткую обувь завязывали под нижними концами штанов. Летняя обувь носилась без чулок, с травяной плетеной стелькой. Шили ее из телячьего камуса, подошвы делали из лахтачьих или моржовых шкур.⁶¹

Зимняя женская обувь отличалась от мужской лишь тем, что шили ее до колен, и не из камуса, а из стриженного меха осенних телят. Ноги женщины в такой обуви в области икр казались чересчур толстыми. Летняя обувь для женщин шилась из ровдуги. Ее обычно украшали зубчатыми полосками тонкой мягкой белой шкурки с шеи собаки. Носок до подъема нередко делался из шкурки акибы, выкрашенной в черный цвет, а сам подъем и голенища — из шкурки оленя, окрашенной бурой краской.

Зимний мужской костюм коряков дополняли рукавицы лилит из камуса мехом наружу или из шкур собачьих лап. Это были одинарные одношовные рукавицы, скроенные из одной целой шкурки с большим пальцем сбоку. Перчатки йылгылилит делали из ровдуги. Обе их части, тыльную и внутреннюю, кроили одинаково, складывая вместе. Края сшивали сухожильными нитками. Большой палец выкраивали отдельно и вшивали его в отверстие ладонной части перчатки.⁶²

Женские рукавицы были обязательно двойными, с обшивкой по запястью из собачьего, волчьего или лисьего меха. Верх рукавиц делался из пыжика. Самыми теплыми и красивыми считались рукавицы из волчьих лап с подкладкой из выпорotka. По покрою женские рукавицы не отличались от мужских.⁶³

Мужским и женским головным убором служил капор: зимой — двойной меховой, летом — одинарный (меховой или ровдужный). Наиболее распространенной формой зимнего капора был пэнкэн с торчащими уголками по бокам. Его делали на подкладке из шкур молодых телят, сшивая верх и подклад наглухо. По лицевому краю пришивали двойную меховую опушку. Женщины надевали капор только при перекочевках. В стойбище или поселке они ходили с непокрытой головой.

С. Н. Стебницкий обратил внимание на то, что головные уборы различных групп коряков отличаются, и отличия эти могут дать интересный материал для изучения культуры народности. Он писал: «Малахай каменца... широкий, плоский, пушистый, с двумя уголками или ушками по обе стороны. У алюторца малахай тоже с уголками по бокам, но уголки эти не острые, а прямые. Сбоку малахай алюторца выглядит совсем так же, как капюшон кухлянки. У паланцев форма малахая иная: малахай круглый с мохнатой опушкой из лисьего, собачьего или росомашьего меха, уголков по бокам нет; когда бока малахая подвязаны назад, опушка торчит как пушистый чуб. У карагинцев форма зимней шапки близка к паланской,

однако все же отличается тем, что карагинский малахай не имеет густой опушки». ⁶⁴

Ни у какого другого народа Севера не было такого разнообразия головных уборов, как у коряков. Они, как и монголы, могли легко отличить по головному убору представителя того или иного корякского племени, и в этом смысле головные уборы, их форма, покрой и декор могут служить хорошим историко-этнографическим источником.

Пастухи и охотники постоянно находились в движении, поэтому их производственная одежда должна была быть легкой и удобной. В стаде пастухи надевали кухлянку большей частью на ночь, днем носили одну кукашку (разновидность гагагли), сшитую из двух некроенных шкур мехом вовнутрь. Летом у каждого пастуха вместо капора была шапочка уккампанкэн, которая выкраивалась из дымленины мехом вовнутрь в виде круга с четырьмя надрезами. Сшивали ее с широким околышем, опущенным спереди полоской меха выдры, сзади — собачьей шерстью. На макушке прикреплялись розетка из цветного бисера и кисточка из нерпичьей шерсти, окрашенной в яркий цвет с подвесками из ниток бисера.

В комплект производственной одежды непременно входил накомарник илюмгин из ровдуги. Он состоял из двух прямых полотнищ, прикрывающих грудь и спину ниже бедер. Бока полотнищ не сшивали. К вырезу ворота притачивали ромбовидный капюшон с небольшим нагрудником. На боках крепилась ременные завязки. Капюшон украшался кисточками из окрашенной шерсти нерпы и цветного бисера. ⁶⁵

Об одежде морских охотников имеются отрывочные сведения. В сырую погоду они носили кукашку из собачьих шкур мехом вовнутрь, иногда с капюшоном, а также непромокаемые сапоги из дубленой тюленьей шкуры с голенищами до бедер. Их поршневидные подошвы из лахтачьей шкуры делали с высоко загнутыми краями. ⁶⁶

Погребальная и праздничная одежда. Подготовка погребальной одежды коряков требовала много времени. Как правило, ее никогда не заканчивали полностью: существовало представление, что, если закончить погребальную одежду при жизни человека, то это ускорит наступление смерти. Погребальный костюм хранили в незаконченном виде — без опушки у капюшона или у подола одежды, без подошв у обуви, без пряжки у пояса и т. д.

Отличительной особенностью погребальной одежды был прежде всего богатый и характерный орнамент, а также цвет: она шилась из белых или из светло-серых оленьих шкур. Подол рубахи сзади делали удлиненным, наподобие хвоста. Такой тип одежды описан С. П. Крашенинниковым и Г. В. Стеллером под названием «хвостатой». ⁶⁷ Интересной деталью мужского погребального костюма был головной убор в виде чепца с пришитыми наушниками. Погребальную мужскую обувь всегда делали короткой. ⁶⁸

Женская погребальная одежда представляла собой гагаглю, сшитую мехом вовнутрь и окрашенную снаружи в темно-красный цвет. Она богато украшалась вышивкой, расположение которой отличалось своеобразием. В собрании ГМЭ (колл. № 7113-51; -52/2; -53 и -55) представлен полный женский погребальный костюм, привезенный Е. П. Орловой от тигильских коряков и описанный ею в специальной работе. ⁶⁹ Костюм ильчичан шит из белого оленьего меха шерстью наружу, капюшон и рукава у него скроены

вместе. Он отделан белым собачьим мехом, украшением служат выпушки из окрашенной нерпичьей шерсти и полоски вычерненной кожи с прорезами, в которые протянуты две узкие полоски светлой кожи горла нерпы. Костюм дополняют передник палляйнанат, капор и обувь из камусов с выворотной подошвой из оленьего меха.

У коряков-оленоводоов существовала особая танцевальная одежда — мылауисьян. Коряки-олоторцы называли ее млаввитьэн (плясовая кухлянка). Надевали ее мужчины и женщины во время обрядовых празднеств или камлания. По покрою — это гагагла мехом вовнутрь, с вшивными рукавами, большим капюшоном, соединенным с нагрудником общей широкой опушкой из собачьего меха. Наружная ее сторона была окрашена в красно-коричневый цвет. Отличало эту одежду разнообразие украшений, состоящих из бахромы и кисточек, медальонов, расшитых оленьим волосом или цветным бисером, из пронизок цветного бисера на кожаных ремешках и аппликаций, вырезанных из белой кожи. Кроме верхней танцевальной одежды, мужчины надевали специально сшитые штаны и обувь, не отличавшиеся по покрою от обычных, но имевшие особые украшения.⁷⁰

Женская танцевальная одежда, по наблюдениям Н. Н. Беретти, не отличалась по покрою от обычной, «только сшита более аккуратно, на ней много сделанных из меха вышивок, а у некоторых одежда расшита шелками и бисером. На праздничные гагагли нашивают так называемые корольки и шаркунцы. Франтихи делают одежду из белых и черных меховых полос, скомбинированных во всевозможные рисунки».⁷¹

Детская одежда представлена у коряков комбинезоном калныкэй. Зимой его шили из меха, летом — из ровдуги. Между штанинами делали широкий разрез, который закрывался клапаном. Под него подкладывался мох и куски истлевшей древесины для впитывания испражнений ребенка. Грудным детям делали два комбинезона: дневной и ночной, облегченный. Такую одежду носили лет до пяти-шести, переходя постепенно к той, которую носили взрослые. Многие украшения детской одежды играли роль амулетов, оберегов.

Современная одежда и обувь коряков весьма разнообразна и сочетает в себе как традиционные, так и покупные виды, при этом в населенных пунктах преобладает покупная матерчатая одежда. У оленоводов и охотников в тундре, особенно зимой, широко используется традиционный костюм в сочетании с отдельными элементами европейской одежды — бельем, рубашками, брюками, сапогами и т. п.

Замена традиционной одежды и обуви покупной весьма интенсивно проходила в довоенные годы, причем связано это было чаще всего с желанием быть похожим на русских работников. М. А. Сергеев писал: «Отдельные представители населения, особенно активисты и молодежь, в начальные годы советизации полагали, что френч, кепка, кожаная куртка, русские сапоги и пр. служат непременно принадлежностью „русского большевика“».⁷² Подобные наивные заблуждения всемерно поощрялись, поскольку многие совершенно искренне считали, что достаточно заменить кухлянку на европейский костюм — и все проблемы ликвидации культурной отсталости коренного населения будут успешно решены.

Наиболее быстро в 30-е гг. менялась на европейскую традиционная летняя одежда оседлых коряков. Большой спрос был на русские сапоги,

гимнастерки, белье и легкую женскую одежду. Что касается оленеводов, то у них на этом этапе сколько-нибудь существенных изменений в костюме не произошло. В годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период процесс замены традиционной одежды на европейскую замедлился. Завоза готовой одежды и тканей в округ почти не было. В эти годы активизировался обратный процесс — заимствование русскими традиционной одежды коряков, особенно зимней обуви.

В 50-е гг. изменения в костюме начинают проникать к оленеводам, причем происходит вытеснение не только летней одежды, но и многих видов зимней. На смену им приходят полушубки, меховые куртки, телогрейки, валенки, шапки-ушанки. С этого времени в обязательный гардероб коряка-мужчины входят матерчатые рубашки и брюки, пиджак или куртка, свитер, плащ, кирзовые или резиновые сапоги, шапка-ушанка или кепка. У женщин — платье, вязаная кофточка, жакет или куртка, платок, демисезонное пальто, туфли, резиновые сапоги. Характерной особенностью летнего костюма корячек в 60-е гг. являлись лыжные штаны, их носили с платьем или вязаной кофтой. У женщин старших возрастов бытовали также гагагли и камлейки, расшитые бейками из разнотонной материи.⁷³

В зимней одежде коряков сохранялось тогда больше национальных элементов, чем в летней. Широко продолжали использоваться, в частности, меховые куклянки, гагагли, традиционная обувь и головные уборы. Употребление двойной меховой одежды значительно сократилось. Вместо двойных меховых штанов или керкера стали носить одинарные в сочетании с бельем, брюками или платьем. Сильно сократилось также изготовление ровдужной одежды. Из ровдуги шили в основном обувь и детские комбинезоны. Шкуры морских животных, ставшие к этому времени редкостью, шли лишь на изготовление подошв. Совершенно исчезла одежда из собачьих шкур.

В 70—80-е гг. продолжалось дальнейшее вытеснение традиционной зимней одежды и обуви из повседневного ношения. В таком качестве сегодня они сохраняются лишь в оленеводческих бригадах, у оленеводов, вернувшихся из тундры. У тех же, кто живет в селе постоянно, в повседневной носке используются лишь отдельные элементы такой одежды — торбаса, чжи, рукавицы и т. п. В целом традиционный меховой костюм используется лишь в качестве дорожной или промысловой одежды — в нем ходят на подледную рыбалку, выполняют хозяйственные работы, ездят на собачьих и оленьих упряжках и т. п.

В последние годы в связи с ростом национального самосознания коряков все заметнее стремление придать современному традиционному костюму роль символа национальной культуры. В нем выступают в коллективах художественной самодеятельности, в спортивных соревнованиях, его нередко одевают на различные общественные торжественные мероприятия.

Наряду с вытеснением традиционной одежды покупной, европейской для этой сферы материального быта характерны и другие изменения. При изготовлении традиционной одежды используются новые материалы. Так, корякские капоры шьют теперь из мерлушки, шапки-ушанки — из оленьего меха августовского забоя. Изменились функции некоторых видов одежды. Камлейку, например, теперь носят поверх костюма и телогрейки, женщины используют ее как платье. Меховые гагагли исполняют функции верхней одежды.⁷⁴

Происходит унификация типов традиционной одежды, причем не только в региональном масштабе, но и в сезонно-климатическом. Так, например, арктический глухой комплекс одежды, характерный в прошлом для чукчей, коряков и эскимосов, сегодня широко распространен по всему Северо-Востоку и даже за его пределами. Кроме расширяющихся этнических контактов, этому в немалой степени способствует и ведомственная регламентация видов одежды оленеводов, которая рассматривается как спецодежда. В оленеводческих совхозах Севера много лет действует единая номенклатура табельного снаряжения оленеводов, которая не очень-то учитывает национальные особенности отдельных районов.

В то же время корякская меховая одежда, ранее отражавшая природно-климатические особенности времени года, утратила эти свои особенности. Еще в конце 60-х—начале 70-х гг. корякские оленеводы имели для каждого сезона свой комплекс одежды. Поздней осенью, например, большинство пастухов носило только одну, но толстую и пышную куклянку, сделанную из шкуры олененка октябрьского забоя, тонкие брюки из августовского «неблюя» и высокие торбаса — до колен и выше. В декабре одевали двойную куклянку: тонкую неблюевую рубашку мехом внутрь и вторую мехом наружу: Тонкие брюки менялись на толстые из октябрьского олененка, могли одеваться и вторые брюки, потоньше и мехом наружу. Чтобы легче менять отпотевающие чижы, торбаса меняли на невысокие, по шиколотку. Соответствующий набор одежды имелся для ранней и поздней весны, для жаркого лета и бесснежной осени и т. п.⁷⁵

Сегодня подобное разнообразие одежды оленевода стало большой редкостью. В большинстве случаев довольствуются одним меховым костюмом на все случаи жизни, дополняя его при необходимости другим табельным снаряжением — резиновыми и кирзовыми сапогами, валенками, энцефалиткой или брезентовым костюмом, телогрейкой и т. п. Исчезновение сезонной меховой одежды связано прежде всего с дефицитом оленьих шкур. Для того чтобы обеспечить оленеводов меховой одеждой, округу необходимо ежегодно 32 тыс. камусов и 5 тыс. летних шкур. От внутрихозяйственного убоя совхозы имеют лишь 19 тыс. камусов и 2 тыс. шкур. Остальное приходится добывать на стороне, причем это, как правило, шкуры позднего забоя, из которых нужную одежду не сошьешь.

Есть и другая немаловажная причина. Раньше потребности в одежде и обуви удовлетворялись каждой корякской семьей самостоятельно. Их шили жены и дочери пастухов. Навыками этой работы девочки овладевали в раннем детстве. Сегодня многие женщины не владеют искусством шитья такой одежды. Ее изготавливают в совхозных мастерских, где производство сильно унифицировано. К тому же долгие годы труд швей в мастерских оплачивался по чрезвычайно низким расценкам. Работать уборщицей или дворником было выгоднее, чем шить меховую одежду. Выделка шкуры, например, стоила 8 руб., камуса — 2 руб., а за месяц по традиционной технологии удастся выделать 2—3, максимум 4 шкуры. Такой же мизерной была оплата этого труда и у чумработниц в бригадах, где и поныне производится значительная часть меховой одежды для оленеводов.

О количестве производимой в мастерских совхозов одежды можно судить по следующим данным. В 1981 г. в 12 оленеводческих совхозах Камчатской области работало 8 пошивочных мастерских, а в них 32 швеи. За год они

выпустили продукции на 72 тыс. руб., в том числе куклянок — 263 штуки, брук двойных из камусов и телячьих шкур — 283, торбасов — 612, чижей — 932, шапок — 164, рукавиц — 537, плащей-совиков из ткани — 68. Если учесть, что в том году непосредственно в оленеводческих бригадах только в одном Корякском округе работало более 700 человек, станет ясным, что совхозные мастерские далеко не удовлетворяли их потребности в меховой одежде. Были совхозы, где одежда и обувь почти совсем не производились. В совхозе «Карагинский», например, в 1980 г. сшили всего две куклянки, меховой обувью было обеспечено лишь 32% оленеводов.

Дефицит меховой одежды отрицательно сказывается на здоровье людей. Медицинские осмотры оленеводов с середины 70-х гг. регулярно фиксировали рост числа заболеваний, особенно простудных. В округе прилагалось много усилий по улучшению медицинского обслуживания оленеводов, создавались дополнительные медицинские отряды и...; сокращалось число мастерских по пошиву меховой одежды. К 1983 г. из-за отсутствия швей не было мастерских в совхозах «Пенжинский», «Карагинский», «Корфский», «Паланский», «Тигильский», «Полярная звезда». Производством одежды здесь занимались только чумработницы в бригадах.

Положение с обеспечением меховой одеждой стало улучшаться во второй половине 80-х гг. В 1986 г. существенно повысили расценки на производство одежды в совхозных мастерских, в 1988 г. — в оленеводческих бригадах. Это подняло материальную заинтересованность мастериц. В школах открылись профориентационные классы, где опытные мастера-практики помогают девочкам овладевать секретами изготовления традиционной одежды.

Несмотря на то что в настоящее время все большим спросом у коряков пользуется современная модная одежда (джинсовые костюмы, куртки «Аляска», пальто, кроссовки, женские меховые шапки и сапоги и т. п.), что свидетельствует о приобщении их к общесоветским формам быта, традиционная зимняя одежда по-прежнему остается не только незаменимым элементом материального быта, но и символом национальной культуры. Использование ее в условиях Севера — острая необходимость. Спрос на нее велик, и, чтобы удовлетворить его, необходимы активная подготовка кадров швей, расширение сети мастерских, улучшение условий труда работниц, перевод производства на современную технологию.

Определенные шаги в этом направлении делают предприятия службы быта, местной промышленности. Корякская меховая фабрика в Тиличихах, фабрика художественных промыслов в Палане, сувенирные мастерские госпромхозов наладили производство отдельных видов традиционной одежды и обуви коряков — чижей, торбасов, рукавиц, которые пользуются большим спросом у жителей округа. Некоторые из них делаются по современным моделям, например торбаса с твердой подошвой и каблуком. Шире стали использоваться при изготовлении современной одежды традиционные материалы: Из оленьих шкур и камусов шьют тапочки, унты, шапки-ушанки, детскую одежду, но развитие такого производства сдерживается нехваткой сырья. Потребности Корякской меховой фабрики, например, в камусах составляют 60 тыс. штук, а получает она 30—35 тыс.

В целом для современной одежды коряков, как и других народов, проживающих в Корякском автономном округе, характерны общие для всей

страны тенденции к замене национальных особенностей региональными, свойственными определенной природно-хозяйственной зоне.

Средства передвижения. У оленных коряков-чавчувенов единственным транспортным животным был олень, а у большинства оседлых — собаки. Оленеводы-олюторцы наряду с оленьим транспортом применяли и собачий. Кроме того, некоторые хозяйства к началу XX в. имели уже и лошадей.

Коряки, как и чукчи, пользовались оленями для езды только в упряжи. Летом пастухи совершали перекочевки пешком, неся на себе и все свое имущество. Только в районах, где чукчи и коряки были смешаны с тунгусами, они ездили на оленях верхом, но и то лишь летом. Таковы были обычаи коряков, живших на реках Вархалам и Гижига, и чукчей, обитавших близ Индигирки.⁷⁶

Основным средством передвижения и перевозки грузов в зимнюю пору оленным корякам служили нарты двукопыльные — гэкэнуетик. Каждая пара копыльев представляла собой одну дугу, концы которой укреплены ремешками в отверстиях обоих полозьев. Дуга изготовлялась из рога или березового корня с естественным изгибом. Упряжка была обычно парной, но иногда впрягали и одного оленя.

Конструкция мужских, женских и грузовых нарт у коряков была различной. Мужская нарта (кэет) имела длину до 2 м, была узкой, до 35 см, и низкой, до 25 см, на 6—7-ми копыльных дугах, расположенных в задней части полозьев. Полозья были загнуты кверху и связаны с изогнутым вниз нащепом, задний конец которого был соединен с ободом, огибающим спинку сиденья. Справа к третьему или второму копылу и полозу привязывали изогнутый комель гыткавав, ёёл, на который ставил ногу ездок, и, когда нужно было, на него нажимали, тормозя движение.

Женская ездовая нарта была длиннее, шире, выше мужской. Устройство ее нижней части было таким же, однако передние концы полозьев соединялись деревянной поперечиной, а над настилом имелся бортик, окаймляющий сиденье и открытый с правой стороны. Женщина сидела на нарте боком справа.

Грузовые нарты (инэнэны) отличались массивностью полозьев и несколько иным устройством передка: конец полоза соединялся с нащепом под углом.⁷⁷

Особую разновидность представляла нарта-кибитка для перевозки грудных детей: на грузовой нарте сооружался свод из прутьев, который обтягивали меховой покрывкой. Посуда и съестные припасы перевозились на нарте кокай. Особенностью ее являлась продолговатая корзина из прутьев, укрепленная на настиле обычной грузовой нарты. Существовали также специальные нарты для перевозки жердей яранги — ялкылинан. Они были меньших размеров, имели только два дугообразных копыла, или две пары прямых, которые соединялись двумя жердями.

Олень как ездовое животное удобен для передвижения на короткие расстояния. Для длительного пути он маловынослив. В этом отношении собака обладает лучшими качествами, хотя она и уступает оленю в скорости бега.

Для собачьей упряжи коряки употребляли общераспространенный в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке тип нарты — с тремя-четырьмя парами копыльев и двумя дугами — вертикальной и горизонтальной.⁷⁸ Все части ее соединялись между собой полужестким креплением: заостренные концы одних вставлялись в углубления других, а для большей прочности скреплялись еще ремнями. В нарту впрягали от 8 до 14 собак цугом: к длинному ремню-потягу с помощью постромок (коротких ремней) попарно привязывались собаки. Возница (каюр) сидел с правой стороны. Для понукания и остановки собак служил остол (пруйила) — палка с железным острием длиной около 1 м.⁷⁹

Важным средством передвижения для приморских оседлых коряков были различного типа лодки. Они имели много общего с чукотскими и эскимосскими. Основная промысловая лодка-байдара (култаатвыт) (лодка из лахтачьих кож) была значительно короче, но шире эскимосской. Длина ее редко превышала 10 м, ширина же была около 2.5 м. Отношение длины к ширине выражалось как 4 : 1, в то время как в чукотско-эскимосской байдаре 11.5 : 1.5 или 23 : 3. К корме и носу байдары привязывались дуги, придающие им полукруглую форму. У чукчей и эскимосов сближающиеся концы бортов соединялись простой перекладной.

Киль чилег (спинной хребет) делался из длинной доски, согнутой к носу, вроде санного полоза. Заканчивался он вилкой, через которую пропускался линь гарпуна, когда его бросали в морского зверя. Иногда на вилке вырезалось изображение человеческого лица, «покровителя» лодки. На корме киль согнут под тупым или прямым углом. Обыкновенно эту его часть делали из куска дерева с корнем и крепили к килю ремнями через просверленные отверстия. Дно байдары образуют прямая часть киля и боковые выгнутые бимсы. Киль и бимсы соединялись рядом поперечин, привязанных ремнями, протянутыми через просверленные дырочки.⁸⁰

В большой байдаре размещалось восемь гребцов и рулевой. Она приводилась в движение однолопастными веслами, в петлях заменяющих уключины. Управляли байдарой кормовым веслом, отличавшимся от гребного более широкой лопастью. При ветре ставили треугольный парус.⁸¹

Байдара, по данным В. И. Иохельсона, могла поднимать довольно тяжелый груз. Осенью 1900 г. ему довелось переезжать из Парени в Куэл. В двух байдарках находилось свыше тонны клади, 25 человек и 16 собак с упряжью. Несмотря на это, лодки сидели в воде только до половины и проплыли 30 км за 3.5 часа.⁸²

Коряки Пенжинской губы делали маленькие лодки на одного человека типа каяков, широко распространенных у алеутов и эскимосов. Корякский каяк матыв, как и байдара, отличался от эскимосского только деталями. Он был короче, круглое отверстие для сидящего человека не закрывалось чехлом и занимало всю ширину каяка, нос и корма имели одинаковую форму. Остов каяка состоял из узкой деревянной доски, загнутой с обеих сторон. Она служила килем, к обоим его концам привязывались ремнями выгнутые прутья — ободки бортов. Тоненькие дощечки, прикрепленные ремешками к внутренней стороне шпангоутов и идущие во всю длину каяка, придавали ему добавочную прочность. Как и у байдары, чехол каяка делался из шкуры лахтака. Когда он был натянут, вставлялся овальный обруч для отверстия.

Каяк коряков очень легкий, в среднем 14 кг. Длина его около 3 м, наибольшая ширина — 75 см, высота — до 30 см. На корме и носу пришивались кожаные ручки, за которые каяк можно было вытащить на землю или лед. В движение каяк приводился одним двухлопастным или двумя однолопастными веслами длиной до 40 см. Гребли ими по очереди правой и левой рукой, опуская их почти до уровня воды. Внутрь каяка укладывались гарпуны, копья, стрелы, метательная доска, ружье. Ход каяка в тихую погоду очень быстр, но плавать на нем небезопасно при волнении. Поэтому в ненастье коряки не рисковали выходить в море на каяках.⁸³

Долбленные лодки у коряков были двух типов: так называемый стружок (каюк чайнятват) и бат (ылавит). Каюки выдалбливали из стволов тополя или осины так искусно, что они оказывались не тяжелее кожаной байдары. Их двигали двухлопастным веслом, а в мелких и быстрых реках — двумя короткими шестами. Это были речные лодки, но выходили на них и в бухты на охоту за тюленями.⁸⁴

Другая долбленная лодка — бат — представляла собой узкое, тяжелое, грубо отесанное и выдолбленное как корыто сооружение до 12 м длиной. На нем переезжали реки, совершали небольшие поездки вверх и вниз по течению. Вмещал бат двух человек, по одному на носу и корме, которые отталкивались шестами. Для транспортировки грузов и людей два бата соединяли настилом. Этот своеобразный плот-паром был очень удобен и безопасен.

Остановимся теперь на таких средствах передвижения коряков, как лыжи. Им были известны лыжи ступательные — в,алвыягыт (вороньи лапы) и обычные скользящие — тигыт. Ступательные состояли из двух планок, соединенных концами и разведенных посередине тремя-четырьмя поперечными распорками. Их длина была до 1 м. На средних распорках делали крепление для ноги, такое же как на лыжах чукчей, эскимосов и ительменов.⁸⁵ Ступательные лыжи употреблялись повсеместно для ходьбы по твердому снегу, при прокладывании пути собачьей упряжке.

Скользящие лыжи коряки подклеивали оленьим камусом или нерпичьей шкурой. Ими пользовались при передвижениях по рыхлому снегу. Сами коряки, вероятно, таких лыж не изготавливали, а приобретали их у своих соседей — тунгусов.

Для ходьбы по гладкому льду у коряков существовало особое приспособление типа коньков — костяные или железные пластинки с зубцами, которые привязывали к подошвам обуви.⁸⁶

Присоединение Камчатки к России привело к значительным изменениям многих элементов материальной культуры коряков, что же касается средств передвижения, то они вплоть до середины 50-х гг. XX столетия повсеместно сохраняли свое значение. Особенно важную роль в народном хозяйстве играли перевозки на собаках. Никакой другой вид транспорта в условиях Камчатки не мог конкурировать с ними по степени эффективности. Обычная собачья упряжка перевозила, кроме каюра, не менее 160 кг груза со средней скоростью 10 км в час на весьма большие расстояния. Вообще следует сказать, что отношение местных органов власти к этому виду транспорта было весьма противоречивым. Решение о его развитии неизменно наталкивалось на ограничения в добыче рыбы для корма собак. На эти цели действительно уходило немало ценной рыбы. Тем не менее упряжное

собаководство в довоенные годы в целом развивалось успешно. В 1940 г. в округе имелось около 20 тыс. ездовых собак.⁸⁷ Помимо населения, их держали промышленные предприятия, различные организации и учреждения.

Перевозки на собаках осуществлялись по традиционным, хорошо набитым тропам, которые связывали между собой все прибрежные селения. Существовали и «трансконтинентальные трассы», тянувшиеся на многие сотни километров. Такими были, например, знаменитый «тракт» из Гижиги в Марково на Чукотке, дороги из села Лесное в Дранку и Карагу на Восточном побережье, из Тигиля в долину реки Камчатки и т. п.⁸⁸ На собаках перевозили грузы, почту, пассажиров. Потребности в таких перевозках неуклонно росли.

В мае 1941 г. Корякский окрисполком утвердил план развития транспортно-собаководства в Тигильском, Олюторском и Карагинском районах. Он предусматривал улучшить породность ездовых собак, увеличить их численность к 1 января 1942 г. на 30%, создать прочную кормовую базу за счет организации добычи малоценной рыбы.⁸⁹ Осуществлению этих планов помешала война, к концу которой поголовье собак сильно сократилось и продолжало уменьшаться в послевоенный период. На 1 января 1950 г. в округе насчитывалось 1 1646 упряжных собак, в основном в личном пользовании.⁹⁰

Со второй половины 50-х гг. в связи с укрупнением колхозов, ростом их технической оснащенности, развитием общественного механического транспорта значение упряжного собаководства начинает быстро падать. Немалую роль сыграла и ликвидация «неперспективных сел», в результате чего расстояния между населенными пунктами многократно возросли. Сузилась сфера использования собак внутри хозяйства. В 60-е гг. собачьи упряжки держали уже лишь коряки, занимавшиеся охотой.

В глубинных тундровых хозяйствах, преимущественно в Пенжинском районе, основным средством передвижения долгое время оставались олени упряжки. В оленеводческих бригадах их значение сохранялось до конца 60-х гг. В типах нарт, оленьей упряжи не произошло сколько-нибудь существенных изменений. Правда, в отдельных совхозах пытались внедрить якутскую прямокопильную грузовую нарту, но она так и не получила широкого распространения. Не удалась и попытка применить верховую езду на оленях. Зато сфера применения гужевого транспорта в колхозах и совхозах заметно расширилась. Если в 1935 г. в округе имелось 497 лошадей, то в 1955 г. — более 1200.⁹¹ В зимний период вследствие глубоких снегов лошадей почти не использовали, но летом они находили широкое применение на внутрихозяйственных перевозках, в пастушеских бригадах, особенно у оленеводов Тигильского района.

Упадок зверобойного промысла не мог не сказаться на водных средствах передвижения коряков. Уже в начале 50-х гг. почти полностью вышли из употребления кожаные байдары и каяки. Дольше сохранялись долбленые лодки. На севере Пенжинского района, например, в конце 60-х гг. встречались челноки-каюки, еще дольше использовались для хозяйственных надобностей в Тигильском, Олюторском и Карагинском районах баты, но и они почти вышли из употребления в 70-е гг.⁹² Их заменили повсеместно более устойчивые плоскодонные дощатые или заводские металлические

лодки с подвесными моторами. Они имеются сегодня у многих коряков, особенно в прибрежных селениях. В Караге, например, в 1987 г. по данным похозяйственных книг их имели 18 семей. Все большее распространение находит у коряков и сухопутный механический транспорт: мотоциклы, снегоходы, которые используются обычно для промысловых целей.

Средством сообщения внутри округа и между селами в настоящее время служит в основном воздушный транспорт. Все национальные села связаны с районными центрами местными авиалиниями. Связь с областным центром осуществляется самолетами ЯК-40. Следует сказать, что существующая схема воздушного сообщения в округе уже не удовлетворяет потребностей населения. Необходимы новые, более современные машины, аэровокзальные комплексы и аэродромы.

В навигацию на Восточном и Западном побережьях осуществляют пассажирские и грузовые перевозки теплоходы Камчатского морского пароходства. Значительный морской и речной флот имеют рыболовецкие колхозы, рыбокомбинаты, многие совхозы округа, торговые организации. Регулярные перевозки грузов самоходными баржами и катерами осуществляются по реке Пенжине от устья до Каменского, весной грузы забрасываются по этой реке в глубинные поселки — Слаутное, Аянку. Для перевозки грузов мелкосидящим флотом используется частично река Тигиль.

В последние годы заметно возрастает роль автомобильного транспорта. В отдельных селах проложены дороги к аэропортам и морским портпунктам. Автобусное сообщение связывает Карагу с Оссорой. Строятся автодороги из Оссоры в Тымлат, из Манил в Каменское, из Тигиля в Седанку. На внутрихозяйственных перевозках широко используются трактора и вездеходы. По зимникам в отдаленные совхозы автотракторные поезда забрасывают тысячи тонн грузов.

Несмотря на определяющее значение новых видов транспорта сохраняются и традиционные средства передвижения — собачьи и оленьи упряжки. Хозяйственная их роль не велика, но они олицетворяют собой символы национальной культуры. Эта их функция стала особенно заметной во второй половине 80-х гг. в связи с ростом национального самосознания коряков. Число собачьих упряжек у населения увеличивается. В 1987 г. в Вывенке их имели 13 хозяйств, в Караге — 15, в Оссоре — 8 и т. п. Современная упряжка состоит обычно из 6—7 собак. Конструкция нарт, способ запряжки сохраняют традиционные черты. Стали проводиться спортивные гонки на собаках.

С большим вниманием начали относиться к использованию оленей в качестве транспортных животных в некоторых оленеводческих совхозах. Так, например, совхоз «Корфский» довел стадо ездовых оленей до 500 голов, увеличивается их число в некоторых других хозяйствах.

ХОЗЯЙСТВО

Для традиционного хозяйства коряков была характерна комплексность. Наиболее ярко проявлялась она у оседлых жителей, которые занимались рыболовством, морским зверобойным и охотничьим промыслами, а коряки-олюторцы еще и оленеводством. Коряки-чавчувены основную отрасль — оленеводство — дополняли пушной охотой и отчасти рыболовством. За годы Советской власти хозяйственный комплекс коряков существенно изменился, тем не менее и сегодня их хозяйство сохраняет свою традиционную направленность. Оленеводство, рыболовство и охота — основная хозяйственная триада, с которой в той или иной степени связано большинство занятого населения. Рассмотрим подробнее основные изменения в хозяйстве коряков за последние сто лет.

Рыболовство. Рыбный промысел более всего был развит у карагинцев, олюторцев и паланцев, для которых рыба являлась основным продуктом питания. Другие группы оседлых коряков занимались рыболовством в меньшей степени, компенсируя его промыслом морского зверя. Важную роль играло рыболовство и для оленных коряков-олюторцев.

Главным объектом промысла у коряков была кета, которую они называли «лотианал» (настоящая рыба). Из других лососей добывали горбушу, нерку, чавычу, кижуча. Морскую рыбу тоже ловили, но в небольших количествах. О подходе лососей коряки узнавали по скоплению тюленей, поджидавших косяки в устьях рек. Через день-два после этого действительно появлялась горбуша — и сразу же начинался промысел. Рыболовный сезон продолжался с середины июня до середины сентября. На это время приморские коряки переселялись к местам промысла. На берегах нерестовых рек проводила лето и значительная часть чавчуенов. Наиболее распространенными орудиями лова лососей являлись ставные и закидные сети. Вначале их плели из крапивных или жильных ниток, с конца XIX в. стали использовать привозную дель. Длина ставных сетей достигала 20 м, ширина 2 м. Дискобразные грузила изготавливали из китовых позвонков, а поплавки — из лиственницы. Верхняя подбора нанизывалась на ремень. Устанавливали сеть с берега с помощью шеста, равного длине сети. У пенжинских и тайгоносских коряков существовал другой способ постановки сети. Во время отлива ее расстилали на обнаженном русле реки. В полную воду сеть сама принимала нужное положение.¹ Подобные сети, но с петлями меньшего

размера, применяли также для добычи ленка и гольца. Закидные или плавные сети использовались преимущественно на восточном побережье. По конструкции они мало отличались от ставных, но имели большую длину. Чаще всего закидная сеть состояла из нескольких ставных, принадлежавших разным хозяйствам, которые объединялись в одну артель на время промысла. Сеть спускали на воду из лодки. Второй ее конец рыбаки удерживали на берегу. Закончив постановку, лодка поворачивала к берегу, и сеть описывала большой полукруг по течению реки. Этого было достаточно, чтобы в ней запуталась идущая на нерест рыба.

У некоторых групп коряков, кроме ставных и закидных орудий лова, применялись сети сачкового типа. Имелись две их разновидности: обычный сачок для мелкой рыбы (в основном уйка) и черпушка — глубокий сетной мешок с конусообразными стенками. Черпушку опускали в воду и быстро поднимали. Такое рыболовство носило, как правило, индивидуальный характер и было распространено у пенжинских, гижигинских и рекинниковских коряков.²

У паланцев и олюторцев весьма распространенными орудиями промысла лососевых были крупные ловушки-запоры. Их устанавливали на мелководных участках рек, преимущественно в среднем и верхнем течениях. Русло перегораживалось изгородью с узкими проходами, в которых размещались сетчатые мешки «чируч» («морды») — ловушки из длинных узких дранок и прутьев. Рыба, наталкиваясь на изгородь, в поисках выхода устремлялась в проходы и оказывалась в западне. Другим, довольно распространенным, типом ловушки были мережи — сетевой конусообразный мешок с двойными стенками.

Кроме сетей и ловушек, широко применялись удочки и различные крючковые снасти. Удочка состояла из удилица с костяным наконечником и рукоятки. Леска с крючком и грузилом продевалась в отверстие на верхнем конце удилица. Другой ее конец наматывался на рукоятку по типу спиннинга. Удочками ловили гольцов, хариусов и особенно навагу в начале зимы. «Женщины, девочки, мальчики — все были заняты ужением, и реки, усеянные прорубями и закутанными фигурами, сидящими около них, представляли своеобразное зрелище», — писал В. И. Иохельсон.³ Среди крючковых снастей наиболее распространенным орудием промысла был марик, действовавший по принципу остроги.

Большая часть уловов лососей шла на изготовление юколы. Разделяли рыбу женщины. Олюторцы, перед тем как разделать рыбу, двое суток держали ее в воде. Юкола из такой рыбы лучше провяливалась и считалась более вкусной. Для сушки рыбы сооружали вешала, хранили юколу в шалашах на сваях. Заготавливалась также «кислая рыба». Для этого ее сваливали в ямы, закрывали крышкой и засыпали землей. Квашеная рыба предназначалась главным образом для собак. Коряки северо-западного побережья Охотского моря по примеру эвенов запасали на зиму значительное количество рыбной муки — порсы. С конца XIX в. некоторые коряки стали применять новые способы консервации рыбы, в том числе соление.

Значение рыболовства в жизни всех групп коряков заметно выросло в начале XX в., когда хозяйство народов Камчатки стало вовлекаться в сферу рыночных отношений. Эти изменения объективно отразили материалы Приполярной переписи. В 1926/27 г. у оседлых коряков на долю рыболовства

приходилось 49.7% всей валовой продукции, у кочевых — 18.3%. Рыболовство стало вторым по значению (после пушного промысла) поставщиком товарной продукции. Было продано или обменено на товары более четверти добытой рыбы, в том числе у оседлых — 36%.⁴

Техническая реконструкция рыболовства, предусматривавшаяся первыми советскими пятилетними планами, должна была существенно обновить орудия промысла, расширить породный состав добываемой рыбы, ввести в хозяйственный оборот новые водосемы, перейти к современным способам обработки и консервации рыбы и на этой основе еще более поднять товарность рыбного промысла. Для перевода отрасли на новую техническую основу планировалось строительство моторно-рыболовецких станций (МРС).

По целому ряду причин, в том числе и объективных, большинству этих планов в довоенные годы не суждено было сбыться. В рыболовстве на этом этапе произошли незначительные изменения. Сократилось применение вредных и примитивных орудий лова. Некоторые колхозы вместо традиционных байдар и батов стали использовать более современные кунгасы, вельботы и кавасаки. Кроме рыбы-сырца, государству стала продаваться соленая, но в незначительных количествах — главным образом из-за отсутствия соли. Способы заготовки рыбы для внутреннего потребления почти не изменились — сократилась лишь закладка «кислой» рыбы вследствие административных запретов. С половины 30-х гг. некоторые колхозы стали готовить для продажи балыки, солить брюшки кеты, но объемы такой продукции были незначительны. Апуко-Корякский колхоз, например, использовал для этих целей в 1935 г. менее 1% общего улова.⁵

Традиционными оставались и объекты промысла: кета, горбуша, другие лососевые. На восточном побережье, кроме того, добывали сельдь и треску, на западном — навагу и корюшку. Как и прежде, оседлые коряки продолжали рыбачить в устьях рек, небольших заливах и бухтах, оленеводы — в местах летовок в тундре, но со второй половины 30-х гг. и они стали все чаще выходить на побережье. Слабая техническая оснащенность сдерживала рост добычи рыбы. Уловы наращивались медленно и главным образом за счет привлечения на промысел большого числа людей.

Традиционная технология, сам характер рыболовства быстрее всего начали меняться в колхозах Карагинского и Олюторского районов, где располагались основные государственные рыбопромышленные предприятия. С их помощью корякские колхозы в 1939 г. впервые стали использовать для лова сельди морские ставные невода. Это позволило значительно увеличить общий вылов, поднять его товарную часть. В 1940 г. колхозами округа было продано государству 85 760 ц рыбы, в том числе 51 240 ц сельди.⁶ Для обеспечения собственных нужд в колхозах оставалось в предвоенные годы примерно 20—25% общего улова — преимущественно рыба лососевых пород. Этого количества чаще всего не хватало. Юкола у колхозников заканчивалась в марте—апреле, и с этого времени начинался индивидуальный подледный промысел гольца, корюшки и наваги. Ловили удочкой на блесну — оловянную пластинку, похожую по форме на личинку. Привязанный к ней крючок маскировался красной шелковой кисточкой. Такой же снастью добывали летом и хариуса.

В годы Великой Отечественной войны за счет интенсификации труда колхозников, привлечения к рыбному промыслу сельскохозяйственных кол-

хозов, мобилизационных компаний среди трудящихся (на путину привлекалось более 60% всех жителей округа) добыча рыбы и в колхозах увеличилась почти в 2 раза и составила в 1945 г. 164 148 ц. Товарная часть улова в годы войны поднялась до 85—90%.⁷ Заметную роль в наращивании уловов в этот период сыграли Корфская и Карагинская МРС, которые на договорных началах стали обеспечивать корякские колхозы моторным флотом, орудиями лова, специалистами.

В первые послевоенные годы в развитии колхозного промысла произошел спад — в 1950 г. было добыто лишь 109 617 ц рыбы. Сказался ряд неблагоприятных факторов: обветшали и пришли в негодность многие орудия лова, обновления требовала материальная база заводов и комбинатов, куда колхозы сдавали рыбу, некоторые из них вообще были закрыты. К тому же колхозы исчерпали возможности экстенсивного развития отрасли — у них уже не было больше свободных рабочих рук, техническая же оснащенность оставалась крайне слабой.

Немаловажную роль сыграли и перемены в системе управления рыболовецкими колхозами и всей рыбной промышленностью на Камчатке. После ликвидации в 1936 г. интегральной кооперации рыболовецкие колхозы Корякского национального округа вошли в Союз рыбацких колхозно-кооперативных организаций (Рыбакколхозцентр), который имел на Камчатке два своих подразделения — Восточно-Камчатский и Западно-Камчатский рыбацкоюзы. Они объединяли более 60 рыболовецких колхозов полуострова.⁸ Государственная рыбная промышленность находилась в руках Акционерного Камчатского общества (АКО). АКО являлось хозрасчетной организацией, хорошо знало местную обстановку, могло оперативно влиять на положение дел, было кровно заинтересовано в высокопроизводительной работе колхозов, от которых зависел его собственный успех. В 1945 г. АКО ликвидировали, все его рыбокомбинаты и заводы перешли к Министерству рыбной промышленности. Это была не просто смена вывесок. Менялись экономические методы управления на командно-административные. Если АКО видело в колхозах своих союзников и всячески укрепляло и поддерживало этот союз, то Минрыбром рассматривал их как конкурентов.

Реорганизация началась и в самой системе Рыбакколхозцентра. В 1946—1948 гг. были образованы межрайонные рыбацкоюзы — Паланский и Карагинский. В 1950—1951 гг. их ликвидировали, создав единый для всей области облрыбакколхозсоюз. Эти реорганизации мало способствовали успешной работе колхозов. Вообще следует сказать, что с появлением Министерства рыбной промышленности для сложившейся в стране кооперативной системы рыболовецких колхозов началась полоса испытаний. В 1955 г. она была вообще ликвидирована — облрыбакколхозсоюз объединили с управлением моторно-рыболовецких станций при Камчатрыбпроме. В 1957 г., когда МРС были ликвидированы, управление по делам рыболовецких колхозов создали при Камчатском совнархозе. В 1961 г. облрыбакколхозсоюз был восстановлен.⁹

Многочисленные реорганизации руководства колхозами сопровождались значительной перетряской самих колхозов — они укрупнялись, менялась направленность их деятельности, шло интенсивное пополнение рабочей силой из центральных районов страны. Рыболовецкие артели целенаправ-

ленно приспособлялись к главной задаче Министерства рыбной промышленности — максимальному наращиванию объемов промысла. Все, что не вписывалось в ее решение, безжалостно отбрасывалось. В условиях командно-административной системы задачи могущественного ведомства неизменно становились задачами местных партийных, советских и хозяйственных органов.

Укрупнение рыболовецких артелей, концентрация трудовых и материальных ресурсов, безусловно, повысили промысловые возможности колхозов. В 1954—1955 гг. они выловили почти 354 тыс. ц, их доля в общей добыче поднялась до 47%. 93% колхозного улова были взяты на восточном побережье.¹⁰ Цифры эти красноречиво характеризуют промысловую обстановку, которая сложилась к середине 50-х гг. в камчатских водах. Главным объектом промысла стала сельдь, добыча лососей сильно сократилась. В этой связи в округе началась перестройка рыбного хозяйства. Были ликвидированы МРС, десятки комбинатов, консервных заводов и рыбобаз, ориентированных на добычу лосося. Оставшиеся предприятия, рыболовецкие колхозы оснащались промысловым флотом для добычи морской рыбы. За годы семилетки колхозы добыли 3822 тыс. ц. Колхозные рыбаки освоили дрейфтерный и близнецовый лов сельди, снюрреводный лов камбалы, стали пользоваться глубокостенными кошельковыми неводами, усовершенствованными тралями.¹¹

В колхозах появилась новая отрасль хозяйства — обработка рыбы. Первыми к выпуску готовой рыбной продукции приступили в 1958 г. колхозы им. Бекерова, «Ударник», им. Горького. В 1964 г. этим занималось уже 11 колхозов из 12. Колхозные обрабатывающие базы работали в Пахачах, Вывенке, Костроме, бухтах Лавровой и Южно-Глубокой. В Магаданской области работала межколхозная база обработки. С 1958 по 1968 г. колхозы Корякского округа обработали 2 млн. 235 тыс. ц рыбы.¹² Обработка подняла товарность хозяйств, обеспечивала работой в общественном производстве вторых членов семей, значительно увеличила доходы колхозов и заработка колхозников.

По мере того как рыболовецкие колхозы переходили к промышленному рыболовству, к освоению новых пород и районов лова занятость коряков, других народов Севера в этой отрасли неуклонно снижалась. Многие руководители округа объясняли это издержками научно-технического прогресса, особенностями здоровья и психического склада народов Севера. Между тем это далеко не так. В 1957—1963 гг., когда корякские колхозы еще не потеряли окончательно своего национального лица, коряки успешно осваивали многие технические профессии. Из их среды быстро выдвинулись знающие специалисты в различных, в том числе и в самых сложных сферах нового колхозного производства. В 1963 г., например, на промысловом флоте только судоводителями и механиками работали 20 представителей коренного населения. Широкой известностью среди них пользовались капитаны МРС-80 П. Яганов, Н. Ивкуннин, В. Цыструк и др.¹³ Этот процесс не менее успешно продолжался бы и далее, если бы не та успешность, с которой уничтожала государственная рыбная промышленность природные ресурсы Корякского национального округа.

С развитием государственной промышленности воды, омывающие Камчатский полуостров, быстро превратились в «промысловый огород» всего

Дальнего Востока. Дружными усилиями камчатских, сахалинских, приморских рыбаков к концу 50-х гг. была уничтожена пенжинская сельдь, южно-камчатская (явинская) треска и камбала. В 60-е гг. пришла очередь олюторской сельди. В результате бесконтрольного, варварского промысла рыбы больше гнило, чем превращалось в продукцию. К 1969 г. запасы ее сократились в 8 раз и промысел прекратили.¹⁴ То, чего национальным колхозам хватило бы на долгие десятилетия, что могло дать новые стимулы социально-экономическому развитию коряков, других народов Севера, исчезло всего за несколько лет.

С прекращением промысла сельди стали закрываться колхозные обрабатывающие базы. Хозяйства, пытавшиеся перепрофилировать их на выпуск другой продукции, испытали ожесточенный административный нажим. Минрыбхозу, ставшему к этому времени полновластным хозяином Камчатки, в лице колхозов нужны были поставщики сырья. Чем будет заниматься местное население, ведомство не заботило. В VIII пятилетке колхозный флот пополнили океанскими траулерами. Львиную долю рыбы колхозы стали добывать в дальних промысловых экспедициях. Участвовать в них народы Севера, конечно же, не могли. Непривычные условия работы в длительных рейсах закрыли коряками дорогу на промысловые суда. После образования госпромхозов, к которым перешел промысел рыбы на внутренних водоемах, колхозы вынуждены были сократить пассивное рыболовство. Это лишило работы многих колхозников. Если в 1964 г. в колхозах округа в рыбной отрасли работало 786 человек народностей Севера, то в 1973 г. лишь 167. На промысловом флоте их число сократилось с 79 до 8, на прибрежном лове — с 271 до 128, на обработке — с 416 до 31 человека.¹⁵ Рыболовство, исконное занятие многих коряков, стало делом избранных. В 1983 г. в колхозах и государственных предприятиях на добыче и обработке рыбы работало лишь 220 человек коренных национальностей.

Абсолютное большинство коряков, работающих сегодня в отрасли, занимаются традиционным пассивным промыслом. Ловят лососей, навагу, корюшку. Каждый колхоз выставляет ежегодно (в зависимости от местных условий и лимитов) до 10 ставных неводов, ловят также закидными и сетями. Ставной невод обслуживает бригада численностью до 40 человек, закидной — до 10. Коряков в составе бригад немного, преобладают приезжие. Подобное отношение, характерное в последние десятилетия почти для всех колхозов, по существу разрушило традиционную культуру рыбного промысла коряков. Бесследно исчезли целые школы рыбацкого мастерства, а ведь еще в 60-е гг. на всю область были известны имена рыбаков-коряков: Ахайми, Лаупата, Милико, Амакухи.

В 1987 г. в колхозе «Ударник» решили сформировать бригаду прибрежного лова преимущественно на национальной основе. Грустно, но жители Караги восприняли это как крупное событие национальной жизни. В дни нашего пребывания в селе почти каждый из коряков, с кем довелось беседовать, считал своим долгом сообщить об этом. Первую свою путину бригада В. Перевертуна провела отлично. План добычи лосося был перекрыт в 2.5 раза, успешно сработали и на добыче наваги.

Прибрежный промысел лососей чрезвычайно выгоден колхозам. Составляя в общем вылове всего 4—5%, они дают более половины всей прибыли.

Запасы лососей в округе серьезно подорваны — уловы к уровню 30-х гг. в 10 раз меньше, но с середины 80-х гг. ученые фиксируют увеличение их численности.

В связи с возрастанием добычи лососей стали восстанавливать колхозные цехи обработки рыбы. Это дает хозяйствам большую выгоду. Если центнер лосося, принимаемый у колхоза в виде сырца, обходится в среднем в 50 руб., то, посолив рыбу в бочки, можно получить за тот же центнер уже 350 руб. Госпромышленность, привыкшая за последние десятилетия использовать рыболовецкие колхозы в качестве поставщиков сырья, болезненно реагирует на их попытки стать предприятиями законченного цикла, самим распоряжаться произведенной продукцией. Но в условиях кризиса командно-административной системы с этим приходится считаться. На смену ведомственному диктату приходят договорные отношения. В 1987 г. базу обработки лосося открыл колхоз им. XX съезда КПСС, возобновляют выпуск готовой продукции колхозы им. Горького, «Ударник», «Тумгутум». Все это открывает благоприятные возможности для более активного участия коряков в работе отрасли.

Морской зверобойный промысел. Судя по материалам Переписи 1926/27 г., а она в целом отразила традиционную направленность хозяйства народов Севера и по существу его предреволюционное состояние, морским зверобойным промыслом занималось 63% хозяйств коряков, в том числе 82% оседлых и 41% кочевых.¹⁶ Примерно у трети из них он был главным источником доходов (заметим, что его роль возрастала с юга на север). На западном побережье наиболее интенсивное развитие охота на морских животных получила у пенжинских и охотских коряков, на восточном — у олюторцев и апукинцев. Столицей зверобойного промысла коряков была, без сомнения, Парень. Здесь проходили праздники кита, на которые съезжалось население всего побережья, здесь жил знаменитый зверобой Тутав, на счету которого девять убитых китов.

Охота на китов и моржей, почти исчезнувшая у коряков уже в конце XIX в., некогда была широко распространена и в Беринговом, и в Охотском морях. О китовом промысле олюторцев и охотских коряков в XVIII в. писали Г. Стеллер, С. П. Крашенинников, Я. Линденау.¹⁷ В XIX в. добыча китов у олюторцев, по словам самих коряков, носила уже попутный, случайный характер. Резко сократилась она и в Охотском море. Если в 1848 г. коряки Пенжинской губы добыли 22 кита, то в 1886 г. — только 6.¹⁸ В начале XX в., по данным В. К. Арсеньева, здесь отлавливали за сезон всего 1—2 кита.¹⁹ Упадок этого промысла был вызван, несомненно, хищническим истреблением животных американскими китобойными шхунами. Такая же участь постигла к началу XX в. и моржей на восточном побережье Камчатки.

Главными объектами морского промысла коряков со второй половины XIX в. стали ларга, акиба, лахтак и нерпа. На западном побережье иногда промыслили белуху, на островах Верхотурова и Карагинском — сивучей. Систематических данных о промысле морского зверя в XIX в. нет, имеются лишь сведения об отдельных поселках, но о размерах его можно достаточно уверенно судить по материалам Приполярной переписи. Общая добыча

ластоногих составила в 1926/27 г. 11 764 животных, в том числе нерп — 3991, лахтаков — 1920, ларг — 1788, акиб — 4037, сивучей — 8, белух — 18. Было убито также два моржа. Несмотря на значительный объем промысла добыча не покрывала потребностей, часть продукции в порядке товарообмена поступала к корякам с Чукотки.²⁰

Техника промысла, как она сформировалась в XIX в., долгие годы сохраняла традиционные черты и в советское время. Неизменным оставался и промысловый календарь. В апреле начиналась подготовка к охотничьему сезону — чинили байдары, готовили снасти. С конца мая выходили на охоту. В это время море относительно спокойно, поэтому за зверем уходили на 10—15 км от берега. На байдарках подкрадывались к льдинам, на которых отдыхали звери, и убивали их. Весенний промысел был наиболее массовым, в нем принимали участие даже женщины. Они выполняли функции гребцов и получали равную долю с охотниками. Некоторым преимуществом при распределении добычи обладал хозяин байдары, но и это не было строгим правилом. В 1931 г., например, в Парени из 7 хозяев байдар правом собственника воспользовалось лишь три человека.²¹

У олоторцев и карагинцев весенняя охота начиналась раньше. Уже во второй половине марта охотники на собачьих упряжках выезжали к месту промысла и подкарауливали животных у кромки льда или у полыньи.

Основным оружием зверобоев был гарпун («вэмэк»). До знакомства с железом коряки делали наконечники гарпунов из костей или клыков. Имелись два основных типа гарпунов. К первому относился гарпун с поворотным наконечником, наподобие чукотского или эскимосского. Его крепили с помощью петельки к костяному или деревянному колку, который вставлялся в гнездо древка. Кроме того, наконечник привязывался к древку длинным ремнем. Когда гарпун попадал в животное, наконечник освобождался от петельки и соскакивал с колка. Древко при этом служило поплавком.

Второй тип гарпуна имел неповоротный наконечник. Его вставляли непосредственно в гнездо древка. Размеры и формы наконечников были весьма разнообразны. Внешним видом такое орудие промысла походило на копье с отделяющимся наконечником и широко известно под названием «спица» или «носок». С конца XIX в. металлические орудия стали вытесняться нарезным огнестрельным оружием, но еще долго сохраняли свое значение. С конца июня по август включительно на промысле морского зверя, как правило, наступал перерыв — в этот период занимались добычей рыбы. Охота возобновлялась в сентябре. Теперь ластоногих ловили сетями с крупными петлями, которые ставили в лиманах или на озере во время отлива. Сети имелись у каждого охотника, но промысел вели коллективно. Все сети связывались в одну общую. В чью сеть попадала нерпа, тот и считался хозяином добычи. Ему доставалась шкура зверя, мясо делили поровну между всеми участниками промысла. Осенний промысел завершался обычно в октябре, когда начинались затяжные осенние штормы.

На западном побережье, кроме ластоногих, коряки иногда охотились на белух. Добывали их гарпунами и ружьями. Иногда белухи попадали в сети, поставленные на нерп. Использовался и такой прием. Во время отлива охотники на каяках преграждали животным, оказавшимся в устье реки, выход в море. Когда вода окончательно спадала, животные оказывались

на мелководье и легко становились добычей. В 1899 г. таким образом коряки добыли в устье реки Овековой сразу 16 белух. Но в целом существенной роли в хозяйстве коряков белуший промысел не играл.²²

Многообразие способов охоты на морского зверя, хорошо развитая промысловая терминология, археологические находки, специфика орудий промысла, тесная связь промысла с общественной жизнью и верованиями дают основания считать охоту на морских животных очень древним занятием коряков.

В начальный период коллективизации морской зверобойный промысел выступал в качестве самостоятельной отрасли во многих артелях и товариществах, что также свидетельствует о его важном значении в жизни коренного населения. Создавались даже чисто зверобойные артели, однако из-за низкой товарности морской охоты просуществовали они недолго. Промысел ластроногих как самостоятельная отрасль производства быстро прекратил существование и в смешанных товариществах. Во многом это было связано с неудачными попытками АКО наладить скуп продукции и организовать государственный промысел, который бы содействовал развитию колхозного. В 1932 г. АКО окончательно отказалось от этой идеи. Некоторое время отрасль еще существовала благодаря интегральным кооперативам, которые пытались придать ей товарный характер, но после их ликвидации колхозы быстро потеряли к зверобойному промыслу всякий интерес, сосредоточив свое внимание на высоко доходном рыболовстве. Правда, в годы войны на о. Верхотурова был организован государственный промысел сивуча, который давал много ценной продукции, но и он вскоре был прекращен.

В послевоенные годы основными районами промысла на восточном побережье были лежбища на мысах Говен и Олюторский, в бухтах Укитава, Натальи, Гека, Сибирь, Скобелева, в устье реки Алкаваям. Здесь охотились исключительно для личных нужд. Животных отгесняли от кромки воды в глубь берега и там убивали палками или спицами. Частично ластроногих добывали и в море. Традиционных байдар к этому времени у коряков уже не было, для этих целей приспособливали лодки, так называемые есабунки и баты. Традиционный сетной промысел к концу 40-х гг. почти повсеместно вышел из употребления. Зверя стали добывать в основном ружьями.

На западном побережье в 50-е гг. в незначительных объемах еще существовал и колхозный промысел морского зверя. Колхозы арендовали у рыбокомбинатов сейнеры, охотники выходили на них в море и били животных на льдинах. Вся продукция сдавалась государству. В среднем на один колхоз в Тигильском районе доход от зверобойного промысла колебался в 1959 г. от 7—8 до 15—20 тыс. руб. Доля продукции морской охоты в общей товарной массе района составляла чуть больше 1%.²³

Для внутрияхозяйственных нужд и личного пользования колхозников зверя на западном побережье добывали на лежбищах у мыса Пятибратского, на камнях между мысами Промежуточном и Омгон, в бухте Квачина и в других местах. Вместе с колхозным промыслом в Тигильском районе ежегодно добывалось 2.5—3 тыс. голов ларги, акибы и лахтака и около 50 белух, в Пенжинском районе — до 2.5 тыс.²⁴ Объемы промысла ластроногих к концу 50-х гг. в известной степени отражали состояние промысловых ресурсов. Численность морского зверя в Охотском море к этому времени сильно сократилась, чему в немалой степени способствовала работа госу-

дарственной промышленности. С начала 30-х гг. здесь работали зверобойные шхуны «Темп», «Нажим», «Капитан Поспелов», «Крестьянка», «Работница» и др. В 1954—1956 гг. зверобойная флотилия пополнилась более современными судами, объемы промысла увеличились. Ежегодно добывалось более 80 тыс. тюленей.²⁵ Промысловый пресс оказался настолько силен, что в 1969 г. пришлось запретить промысел лахтака и акибы в Беринговом море и существенно ограничить его в Охотском. Строго лимитированной оказалась и добыча для нужд местного коренного населения.

Промысел морского зверя в 60—70-е гг. осуществлялся в округе силами госпромхозов в весьма незначительных количествах. К тому же госпромхозы не выполняли свои задания. Низкая закупочная цена делала невыгодным для них этот вид промысла. Лимиты на добычу зверя, как правило, не выполнялись, потребности оленеводческого хозяйства в продукции зверобойного промысла не удовлетворялись. Дефицитом стали ремни для чаутов, лахтачи подошвы для обуви, нерпичьи шкуры для подбивки лыж.²⁶

К началу 80-х гг. поголовье ластоногих в Охотском и Беринговом морях в результате охранных мер заметно увеличилось, особенно лахтака, ларги и крылатки. Это позволило существенно повысить лимит добычи. Кроме госпромхозов, морским зверобойным промыслом стали заниматься оленеводческие совхозы «Манильский», «Пенжинский», «Карагинский» и др. В настоящее время округу разрешается добывать ежегодно 3,3 тыс. голов морского зверя, в том числе 215 голов для личного потребления населением.

Охотничий промысел. До прихода русских охота на пушного зверя не играла в хозяйстве коряков сколько-нибудь существенной роли. По этому поводу русский землепроходец В. Атласов писал об олюторцах: «А промышленяют де они те лисицы себе на одежду близь юрт своих, а соболи де от них по горам недалече бегают, и соболей де они не промышленяют, потому что в соболях они ничего не знают».²⁷

В XVIII в., после включения Северо-Востока Азии в состав Русского государства, положение в корне меняется. Ясачные повинности и большой спрос на пушнину со стороны русских купцов стимулировали развитие пушной охоты у коряков. С этого времени соболь, лисица и горностай становятся постоянными объектами промысла. Особенно в больших количествах добывалась лисица, ее шкурки составляли основную часть вывозимой пушнины. Охотились на нее с собакой, догоняли на нартах, запряженных оленями, и убивали палками, выгоняли из норы рогатиной или выкуривали дымом. Использовали также самострелы ыйтын, капканы с пружиной из скрученных сухожилий. Со второй половины XIX в. наиболее распространенным способом добычи стало ружье.

Важное значение в экономике коряков имела охота на соболя. Охотились на него коллективно, выезжая артелями в соболиные угодья на 1—1,5 месяца. Зверька выслеживали и добывали сетью-обметом, а также капканами в зарослях кедрового стланика или у входа в норку. Соболи шкуры высоко ценились (до 20 руб. и более), и это привело к быстрому сокращению поголовья животных. К началу XX в. почти совершенно исчез знаменитый пенжинский соболь, сильно упала его добыча и в других районах.²⁸

Еще одним массовым объектом промысла был горноста́й. Ловили его капканами, плашками и черканами. Промысел росوماхи и выдры был развит слабо, не существовало специального промысла и на зайца. В целом для пушного промысла коряков характерны однообразные приемы и способы охоты. Собственные, оригинальные орудия промысла отсутствовали, пушного зверя добывали орудиями и ловушками, заимствованными у русских промышленников.

В отличие от пушного промысла охота на зверей ради мяса была, по-видимому, очень древним занятием коряков, предшествовавшим оленеводству.²⁹ Известно, например, что некогда коряки вели значительную охоту на дикого оленя. Они знали несколько ее способов, описанных В. И. Иохельсоном.³⁰ К началу XX в., однако, этот вид промысла уже потерял свое значение — дикий олень на Камчатке стал редкостью.

Среди приморских коряков Северной Камчатки были специальные охотники, уходившие в горы осенью или в начале зимы для промысла горного барана. В давние времена на него охотились с луком, а после контактов с русскими — исключительно с ружьем. Кроме мяса и шкур, баран давал великоленные рога, из которых делали ложки, черпаки, чашки, а также произведения мелкой декоративной пластики.

Заслуживают внимания корякские способы охоты на медведя. Чаще всего охотились на него осенью. На медвежьей тропе ставили деревянные плахи с зубьями, похожими на наконечник стрелы или копья. Медведь, проходя по тропе, наступал на острие. От боли и злости он бил плаху второй лапой, которая попадала на другой зубец. Зверь начинал рваться и в конце концов все четыре лапы его оказывались пригвожденными к тяжелой плахе. Эта хитроумная ловушка называлась «вэмэк», а сам способ охоты — «насыгк».

Существовал и другой способ добычи медведя. На медвежьей тропе рыли глубокую яму, которую покрывали тонкими жердями и забрасывали травой и ветками. Медведь, проходя по тропе, проваливался в яму и застревал, повисая на шестах. Его лапы не доставали до дна ямы, и, не имея нужного упора, он так и не мог из нее выбраться. Такая ловушка называлась «лагып». Способы охоты вэмэк и лагып в Пенжинском районе применяли до середины 30-х гг. Кроме того, медведей ловили и петлями. Молодой коряк из Пенжинского района Авьегыйн рассказывал С. Н. Стебницкому в 1933 г.: «Я добыл петлями пять медведей. На летней тропе ставят петли из толстых ремней. Поставил такую петлю, пришел посмотреть, а в ней медведь уже мертвый...».³¹

По данным В. И. Иохельсона, интенсивная охота на медведя наблюдалась в 1899 г. Только из Гижиги и Олюторки было вывезено во Владивосток 330 медвежьих шкур.³² До XVIII в. животных били из луков, а затем стали пользоваться огнестрельным оружием. Зимняя охота на медведя была типичной для всей Сибири: вход в берлогу заделывали бревнами так, что разбуженный зверь не мог выйти, крышу выламывали и через нее убивали копьём или пулей.

В. И. Иохельсон неоднократно отмечал, что у коряков слабо развита охота на птиц. Несмотря на обилие весной и осенью гусей, уток, лебедей, убивают их редко и не заготавливают впрок, а едят только свежими.³³ Более распространенной была добыча куропаток. Ловили их петлями из жильных

нитей, загоняли в силки (сети), убивали камнями из пращи «выевый». Во время линьки гусей и уток били палками или метали в них с каяков дротики.³⁴

К началу послеоктябрьских преобразований охотничий промысел играл в жизни коряков важную роль. Добычей пушнины занималось 78.8% оседлых хозяйств и 86.7% кочевых. Она составляла более половины всей товарной продукции коряков, у кочевых этот показатель был еще выше — 84%.³⁵ В собственном хозяйстве в незначительных количествах оставался лишь мех россомахи, лисицы и зайца. Охота на копытных и медведя велась в основном для удовлетворения личных потребностей. Несмотря на большую значимость в жизни коряков, охота в большинстве своем являлась все же подсобной отраслью. Главным источником существования она была лишь у 8% кочевых и 10% оседлых хозяйств.³⁶

Реконструкция охотничьего хозяйства в 1923—1936 гг. шла по пути превращения индивидуального, во многом стихийного, промысла в самостоятельную отрасль со своими органами управления и регулирования. Первоначально охотничий промысел находился в ведении АКО. Появление в середине 20-х гг. отраслевой кооперации привело к образованию охотничьей кооперативной системы — Дальохотсоюза. Одновременно заготовкой пушнины продолжало заниматься и АКО. Наличие двух заготовительных организаций порождало ажиотажный спрос на пушнину, вело к хищнической эксплуатации промысловых ресурсов. Стремясь положить конец конкуренции, Далькрайисполком в октябре 1931 г. сосредоточил все заготовки в руках государственного объединения «Союзпушнина».³⁷

В соответствии с постановлением СТО «О пушно-меховом хозяйстве» от 31 октября 1931 г. в системе «Союзпушнины» предусматривалось создание производственно-охотничьих станций (ПОС), в задачу которых входила организация комплексного промыслового хозяйства. В Корякском национальном округе одна из таких станций создавалась в селе Пенжино, но к работе она, как впрочем и абсолютное большинство других ПОС, так и не приступила.³⁸ «Союзпушнина» не располагала для этого финансовыми и материальными ресурсами. Даже закупку пушнины она вынуждена была вести вначале через интегральные кооперативы. Собственные заготпункты «Союзпушнины» открывались лишь там, где не было кооперативов.

Несмотря на многочисленные реорганизации органов управления, характерные для этого периода, охотничий промысел развивался в Корякском округе довольно быстрыми темпами. Пушнина была главной товарной продукцией Севера, ее заготовкам уделялось большое внимание со стороны местных органов власти. Закупки ее выросли со 173 тыс. руб. в 1926 г. до 752 тыс. в 1936 г.³⁹ Основными объектами охоты в этот период, как и прежде, оставались красная лисица, соболь, горностаи, но все большее значение стала приобретать добыча белки. В 1931—1936 гг. в округе добывалось ежегодно в среднем около 3 тыс. лисиц, 385 соболей, 4600 горностаев и 10.5 тыс. белок.⁴⁰

Сложившаяся к середине 30-х гг. система организации охотничьего хозяйства в округе действовала с небольшими изменениями до начала 60-х гг. В каждом районе работали отделения «Союзпушнины», позднее «Заготживсырья» с сетью заготовительных пунктов. Они заключали с

охотниками и колхозами договора на добычу пушнины, следили за соблюдением правил охоты, принимали меры по рациональной эксплуатации охотугодий, восстановлению промысловых ресурсов. В Тигильском районе, например, длительное время запрещалась добыча белки. В 1935—1939 гг. в округе вводился запрет на добычу соболя, в 1938 г. — выдры. Проводились акклиматизационные работы по соболю на о. Карагинском и в Пенжинском районе. Пенжинский выпуск соболя (1951 г.) дал особенно хорошие результаты. Соболь широко расселился в бассейне Пенжины, в верховьях Гижиги и Парени. В сезон 1956/57 г. состоялся первый опытный отстрел. С тех пор в районе добывают ежегодно до 500 соболиных шкурок.

Несмотря на то что с конца 20-х гг. охотничий промысел считался отраслью колхозного производства, фактически он никогда ею не был. Охота носила форму отходничества колхозников. Колхозы не вкладывали в развитие промыслового хозяйства средств. В их функции вменялась единственная обязанность: по договору с заготовительной организацией отпустить на промысел оговоренное число колхозников. Охотники сами обеспечивали себя транспортом, боеприпасами, снаряжением. «Союз-пушнина» и ее преемники, стремясь заинтересовать колхозы в развитии охотничьего хозяйства, перечисляли им часть стоимости добытой пушнины, обычно от 4 до 8%. В денежном выражении это были мизерные суммы, которые никак не могли изменить отношение колхозов к охотничьему промыслу. В колхозе им. Ленина, например, они составили в 1950 г. 1424 руб., в «Тумгутуме» — 548 руб. и т. п.⁴¹

Предпринимались неоднократные попытки поднять заинтересованность колхозов за счет изменения оплаты труда охотников. К концу 40-х гг. заготовители стали выплачивать охотникам не всю стоимость сданной пушнины, а лишь часть ее, остальное перечислялось в колхоз и должно было выдаваться на трудодни. Однако колхозы начисляли на трудодни далеко не эквивалентные суммы. Это снижало материальную заинтересованность охотников, они стали отказываться от промысла.

К началу 50-х гг. участие коряков в охотничьем промысле заметно сократилось. В целом по округу число охотников уменьшилось в 1945—1955 гг. более чем на 40%,⁴² хотя охота не перестала играть в жизни коренного населения важного значения. Доходы от пушнины по-прежнему составляли большую часть всех денежных поступлений семьи, достигая 74%. Причина была в другом: вопрос об участии в промысле решался теперь не самим охотником, а администрацией колхоза. Она могла отпустить на промысел, могла и не отпустить, что чаще всего и случалось. По мере того как росли у колхозов государственные планы добычи рыбы, расширялось общественное животноводство, хозяйства все неохотнее отпускали на промысел колхозников. В оленеводческих колхозах, например, практически весь четвертый квартал люди были заняты на инвентаризации оленьих стад. В рыбартелях, имевших молочно-товарные фермы, до самого снега заготавливали корма. Вырвавшись на промысел в лучшем случае в конце декабря, без соответствующей подготовки, охотник не мог рассчитывать на хорошие результаты. Многие предпочитали в таком случае вообще не участвовать в промысле.

Организация труда охотников долго сохраняла черты, сложившиеся у коряков к началу XX в. Ловушки ставили недалеко от жилищ и проверяли

их каждые 3—4 дня. Многочисленные береговые поселки и стойбища оленеводов, разбросанные по тундре, позволяли охватить промыслом значительную территорию, не удаляясь от жилья. По мере истощения промысловых ресурсов вблизи поселений стали уходить на охоту далеко в тундру. В таких случаях формировалась небольшая бригада из 3—4 человек, но каждый охотился для себя. С собой брали палатку, печку, продукты, корм собакам и необходимые снасти. Бригадный метод позволил вовлечь в хозяйственный оборот ранее не использовавшиеся угодья, заметно повысился выход пушнины. Во второй половине 30-х гг. ежегодные ее заготовки устойчиво держались на уровне 750—780 тыс. руб.,⁴³ хотя именно в эти годы в округе действовал пятилетний запрет охоты на соболя.

Постепенно в охотничьем хозяйстве сложилась определенная схема организации труда. В ее оптимальном варианте она выглядела следующим образом. Летом охотники заготавливали для собак корм, иногда в этом помогали колхозы. Осенью, за 2—3 недели до начала промысла, начиналась подготовка к охотничьему сезону. Вьюком на лошадях завозилось на участки необходимое снаряжение, ремонтировали зимовья, готовили приманку. С середины октября приступали к охоте. Сделанных по осени запасов хватало, как правило, до конца декабря, поэтому к новогоднему празднику большинство охотников возвращалось на несколько дней в поселки. До конца января охотились преимущественно на соболя. К февралю лимит его обычно выбирался и начинался промысел «цветной» пушнины. В южных районах охота продолжалась до 1 марта, в северных — до 20-х чисел.

Основу снаряжения охотников составляли капканы и различные ловушки. Ружья имелись не у всех, причем значительную их часть составляли американские винчестеры, к которым вечно не хватало патронов. В 1941 г. снабжение округа охотснаряжением прекратилось и не было возобновлено в послевоенные годы. В результате положение дел с экипировкой промысловиков сильно ухудшилось. К началу 50-х гг., например, в Пенжинском районе одно ружье приходилось на 2,5 охотников, в Тигильском районе нарезное оружие имел лишь каждый пятый. Дефицитными стали капканы. В таких условиях широко использовались самодельные орудия промысла — самострелы, курковки, слабцы, колодцы, плашки и др. С ружьем охотились на копытных и медведя. Все другие способы их добычи почти повсеместно вышли к этому времени из употребления. Пушных зверей добывали преимущественно ловушками.

Наиболее доходной и престижной была охота на соболя и лису. Их добывали тремя способами. В самом начале сезона, когда снежный покров был еще неустойчив, охотились со зверовой собакой, но охотничьих лаек держали лишь некоторые коряки, преимущественно в Карагинском районе, где в охотничьем промысле было сильно влияние русских.⁴⁴

Любимым способом добычи соболя и лисицы у коряков оставалась традиционная охота «на переногу» (или «гоньбой»). «Перенога» — след на снегу. Обнаружив его, охотник преследовал зверька на лыжах, соревнуясь с ним в ловкости и выносливости, и, догнав, убивал из малокалиберной винтовки или ружья, заряженного 2—3 мелкими дробинками. Если зверек успевал спрятаться, его подкарауливали, а соболя добывали чаще всего сетью-обметом.

Наиболее производительным был капканный промысел. На лису капканы ставили обычно в поймах рек, в местах отнерестившейся рыбы, на соболя — на его традиционных переходах под след. В качестве приманки использовали мясо глухаря, куропатки, медведя или лося. Для соболя нередко устраивали в зарослях каменной березы подкормочные площадки. Куропаток ловили засеками — загородками из веток и колышков, между которыми натягивались нитяные петли или устанавливались давушки — небольшие ловушки типа пасти. В качестве приманки туда клали прутья с набухшими почками.

Очевидцы и участники первых лет строительства новой жизни в округе С. Н. Стебницкий и Е. П. Орлова писали об особом характере отношений коряков с волком.⁴⁵ В их представлении волк был идеалом ума, хитрости и ловкости, многие охотники испытывали суеверный страх перед этим зверем. Перепись 1926/27 г. дала статистическое подтверждение этим наблюдениям. У коряков было зафиксировано всего 12 добытых волков — цифра явно незначительная, учитывая численность этого зверя в округе и тот ущерб, который приносил он оленеводческому хозяйству.

Судя по промысловой статистике, мало изменилось отношение к волку и в последующие годы. В Тигильском районе, например, в 1939 г. было добыто всего 8 волков, в 1950 г. — 12, в 1953 г. — 4 волка.⁴⁶ Корякские оленеводы и поныне несут от набегов волков неоправданно большие потери, не оказывая при этом сколько-нибудь серьезного отпора. Все это невольно приводит к мысли, что избавиться от суеверного страха перед волком не удалось до сих пор.

Весьма живучими оказались и некоторые обряды, сопутствующие охотничьему промыслу. Долгое время коряки приносили заготовителям шкурки зверей с обрезанными или оторванными носами, с переломанными или выдернутыми когтями, и хотя терпели от этого немалые убытки, поскольку цена на такую шкурку сильно снижалась, упорно продолжали «калечить» убитого зверя. У него выкалывались глаза, чтобы не видел, обрезал нос, чтобы не чуял, ломались ноги, чтобы не убежал от охотника в будущем. Такое отношение к убитому зверю Е. П. Орлова наблюдала в конце 20-х гг.⁴⁷ Подобные случаи, по свидетельству охотоведов, не были редкостью и в 50-е гг.

Результаты промысла во многом зависели от наличия транспорта. Для осмотра ловушек коряки использовали ездовых собак и очень редко оленей. Охотник с собачьей упряжкой добывал пушнины в 3—4 раза больше, но упряжки в середине 50-х гг. имелись лишь у 58% охотников, причем большая их часть была некомплектной. В среднем на одну упряжку приходилось 5,5 собак при норме 8—10. Отрицательно сказывалось на результатах и слабое обустройство охотугодий. В начале 30-х гг. в округе развернулось довольно активное строительство охотничьих избышек. Поварни, зимовья, дорожные юрты и землянки имелись на всех основных участках. К началу 50-х гг. большинство зимовий пришло в негодность. Охотники вновь стали пользоваться палатками, резко сократилось время их пребывания на промысле. В 1950—1954 гг. в округе использовалось всего 66% угодий. Позднее в связи с укрупнением колхозов, ликвидацией «неперспективных» сел неосваиваемые площади еще более увеличились.

В целом к середине 50-х гг. эффективность системы организации охотничьего хозяйства, созданной в 30-е гг., заметно снизилась. После

Великой Отечественной войны наблюдалось неуклонное падение заготовок пушнины. Правда, в 50-е гг. закупки ее несколько выросли, но прирост был достигнут за счет роста закупочных цен, которые с 1 января 1950 г. увеличились в среднем в 2,4 раза. Физические же объемы заготовок, кроме соболя и выдры, неуклонно снижались: добыча лисицы сократилась в сравнении с 40-ми гг. на 34%, горностая — на 29%, зайца — на 36% и т. п.

В целях улучшения руководства промысловым хозяйством, повышения его продуктивности, улучшения воспроизводства и охраны животных Совет Министров РСФСР осуществил в конце 50-х—начале 60-х гг. ряд мер: было утверждено новое положение об охоте, при исполкомах областных и краевых Советов создавались управления охотничье-промысловым хозяйством, улучшилось материально-техническое снабжение охотников, они были освобождены от государственных поставок сельхозпродукции, началось создание специализированных государственных и кооперативных промысловых хозяйств. В Корякском округе первое такое хозяйство было создано в 1963 г. — Тигильский госпромхоз. В 1965 г. приступили к работе Олюторский и Пенжинский госпромхозы, в 1966 г. — Карагинский, в 1969 г. — Лесновский. Кроме пушнины и мехового сырья, они стали заготавливать и перерабатывать грибы, ягоды, орехи, черемшу, на внутренних водоемах вести добычу рыбы, готовить из нее деликатесную продукцию, шить меховую одежду, изготавливать сувениры, оказывать населению различные услуги.

В 70-е гг. материально-техническая база госпромхозов была заметно обновлена. К ним поступило много техники, хозяйства выстроили пошивочные и сувенирные мастерские, цехи по обработке дикоросов, коптильни и т. п. Это позволило в 1972—1982 гг. более чем втрое увеличить выпуск товарной продукции.⁴⁸ Во второй половине 80-х гг. ее ежегодное производство достигло 5 млн. руб. Следует, однако, сказать, что из-за несовершенства реализационных цен из 29 наименований продукции, выпускаемой госпромхозами Камчатки, убыточны 22, в том числе и пушнина.

Промысловая пушнина в структуре товарной продукции госпромхозов занимает небольшой удельный вес. В начале XI пятилетки ее ежегодно закупалось на 230—240 тыс. руб. После очередного повышения закупочных цен в 1983 г. заготовки в стоимостном выражении более чем удвоились и достигли в 1986 г. 590 тыс. руб. Главный промысловый объект — соболь. Его добыча за последние 30 лет сильно выросла. На него приходится более 80% всех пушных заготовок, в то время как в 1955 г. — 58%. Сейчас ежегодно добывается в округе 3500—3700 соболей. Потеряла свое важное значение добыча лисицы, доля которой в пушных заготовках сократилась с 27% в 1955 г. до 2,5% в 1986 г. Сильно уменьшилась также добыча белки и зайца.

Изменения в ассортименте заготовок связаны не столько с колебаниями численности пушных зверей, сколько с погоней за более выгодной пушшиной. Теперь нередкость, когда охотник, выбрав положенный ему лимит соболей, вообще прекращает промысел. Особенно это характерно для охотников-любителей, численность которых в 2—3 раза превышает число штатных, а сдают они пушнины едва ли 25—30% от ее общего объема.

Условия труда и быта охотников-профессионалов за последние годы существенно улучшились. В среднем на каждого приходится по меньшей

мере две промысловые избушки, практически все имеют снегоходы «Буран», портативные радиостанции, ружья, малокалиберные винтовки и карабины, а также до 100 капканов. Многие промысловики снегоходам предпочитают традиционные собачьи упряжки. Капканный промысел в большинстве районов становится чуть ли не единственным. Все другие способы охоты быстро выходят из употребления как более трудоемкие и малопродуктивные.

Несмотря на улучшение условий труда, повсеместно ощущается дефицит охотников-профессионалов. Их число сокращается, кадровый состав стареет. Коряков среди профессионалов мало. Из тех, что заняты в настоящее время в госпромхозах, а это примерно 120 человек, большинство не связаны с промысловой деятельностью. Правда, среди коряков многие занимаются любительской охотой. Сокращение числа охотников в значительной степени объясняется системой воспитания молодежи. За годы учебы в школах-интернатах, не имея повседневного контакта с родителями, молодые люди неизбежно теряют интерес к профессии. Сказываются также низкая техническая оснащенность отрасли, несовершенная система оплаты труда.

Для повышения эффективности комплексного охотничьего хозяйства, возрождения былой славы охотников-коряков необходимо решение многих организационных, экономических, технических, социальных и правовых вопросов.

Оленеводство являлось основным занятием всех коряков-чавчуинов, а также большинства коряков-олюторцев. В этой отрасли хозяйства четко выделялось два основных типа: крупнотабунное чавчуиновское и мелкотабунное олюторское. У чавчуинов количество оленей в стаде нередко доходило до 2—3 и более тысяч голов. В среднем же на одно чавчуиновское хозяйство в Пенжинском районе в 1926/27 г. приходилось 468 оленей, в Тигильском районе — более 400. У олюторцев преобладали небольшие по численности стада: 76% кочевых хозяйств имело до 50 оленей, 13% — от 51 до 100.⁴⁹

Корякское оленеводство относится к особому типу тундрного оленеводства. Для него характерны слабая приученность оленя, отсутствие пастушеской собаки, использование оленя в качестве транспортного животного только в упряжке.

Хозяйственный год корякских оленеводов состоял из четырех основных перекочевок. Весной, перед отелом, стадо делилось на две части. Стельных важенок перегоняли на пастбища, богатые мхом и защищенные от холодных ветров. Здесь они находились до конца мая, пока не заканчивался отел и не подрастали немного новорожденные телята. В этот период все стойбище, включая стариков и маленьких детей, находилось в стаде, охраняя телят от всевозможных хищников.

Вскоре после отела, когда телята несколько окрепли, начиналась кочевка на летние пастбища. Само стойбище оставалось на берегу реки, а с оленями уходили в горы или на морское побережье пастухи-мужчины. В конце июля—начале августа стадо начинало двигаться в обратном направлении и в октябре возвращалось к стойбищу. Вскоре все его обитатели вместе со

стадом перекочевывали на зимние пастбища. Зимой оленей пасли в речных долинах, закрытых от ветров и с неглубоким снеговым покровом.

У различных кочевых групп коряков существовали свои маршруты передвижений. В Пенжинском районе, например, парапольские кочевые коряки зимой перемещались по западным острогам Срединного хребта в районе плоскогорья Палпал и в бассейне реки Пенжины. Весной перекочевывали на восточную сторону и все лето пасли оленей к северо-востоку от Олюторского залива, медленно продвигаясь к Берингову морю.⁵⁰ К началу сентября стада возвращались на исходные рубежи, проходя за лето до 800 км.

Другие группы пенжинских чавчуменов, обитавших зимой в долинах притоков Пенжины Шайбовсема и Тылхой, уходили на летние пастбища в верховьях рек, текущих в Омолон, где летом постоянно дули холодные ветры, спасавшие стада от гнуса. Чавчумены Тигильского района лето проводили на побережье Охотского моря или в отрогах хребтов, где имелись хорошие летние пастбища.

Корякский тип оленеводства, как и чукотский, принято относить к первобытному. В. Г. Богораз неоднократно подчеркивал, что олень у чукчей и коряков — полудикий, его нельзя назвать в полном смысле слова домашним.⁵¹ Стоит пастуху упустить небольшую группу животных в тундру — вернуть их в стадо будет весьма непросто. Олени быстро дичают, они трудноукротимы даже в упряжке. Приучить взрослого оленя к упряжи почти невозможно, поэтому пастухи отбирают для этих целей менее пугливых телят в первую зиму их жизни. И даже в этом случае требуется значительное время, чтобы олень стал ездовым. Собрать ездовых оленей перед дорогой — тоже весьма непростое дело. Широко использовался, в частности, такой прием. Олени имеют пристрастие к моче. Зная об этом, пастухи постоянно носили с собой небольшой кожаный сосуд гычек'-иньн и в случае необходимости наполняли его. Затем издавался особый горловой звук-призыв, и олени сразу же бросались к пастуху.⁵²

Чтобы перевезти стойбище на новое место, хозяину даже небольшого стада требовалось много ездовых животных. Известно, например, что для перекочевки стойбища богатого тайгоносского оленевода, имевшего 12 пастухов с семьями и три большие яранги, запрягалось не менее 150 нарт. Вот как выглядел, по описанию В. И. Иохельсона, корякский кочевой обоз конца XIX века. Впереди ехал хозяин на легкой нарте, запряженной парой беговых оленей. По дороге он примечал удобные пастбища и выбирал место для стоянки. За ним следовали нарты с домашними вещами и принадлежностями для юрт. В каждую грузовую нарту запрягался один олень. Перевоз домашнего скарба поручался женщинам — каждая вела за собой по семь—восемь нарт. На передней ехала сама, за ней следовали закрытые повозки с детьми, нарты с одеждой, посудой, провизией, покрывками юрты и т. п. Нарты с жердями для юрт, как правило, замыкали обоз.⁵³

Оленеводство кочевых олюторцев имело ряд весьма характерных отличий от чавчуменов. У олюторцев редкий табун превышал тысячу голов. Интересно, что еще задолго до коллективизации олени у них представляли собою коллективную собственность: 4—6 хозяев, связанных узами родства или свойства. Типичным соотношением частей пяти совладельцев, по данным С. Н. Стебницкого, можно считать такое: 5% + 10% + 20% + 25% + 30%.

Остальные 10% принадлежали оседлым родственникам.⁵⁴ У олюторцев-оленеводов нередко один из братьев был оседлым, но при этом имел одного или нескольких оленей, находившихся в стаде его кочующего родственника.

С. Н. Стебницкий сообщает и такой интересный факт: при рождении ребенка в семье оседлых олюторцев в стаде родственников клеймили важенку тавром новорожденного. Весь приплод от нее впоследствии считался собственностью его владельца. Если последний был «удачлив на оленей», т. е. если его важенка и приплод от нее не погибали, то со временем он переходил жить в кочевье и становился равноправным совладельцем стада.

Главным ездовым животным у олюторцев была собака, а не олень. Каждая оленеводческая семья имела минимум одну собачью упряжку. Важно заметить при этом, что вся терминология, относящаяся к езде на собаках, у олюторцев происходит от корней их родного языка.

Различия в оленеводческом хозяйстве чавчуменов и олюторцев указывают на то, что хозяйство чавчуменов имело, несомненно, более давние традиции, в то время как олюторское оленеводство было сравнительно молодым, возникшим и развившимся на базе уже сложившегося рыболовецко-приморско-охотничьего хозяйства.

До недавнего времени хозяйство коряков-оленеводов было почти натуральным, все необходимое для жизни они получали от оленей. Буквально каждая часть оленьей туши использовалась в хозяйстве: мясо и внутренности шли в пищу, жилы употреблялись в качестве ниток, считалось, что такие нитки значительно прочнее привозных. Они действительно не подвержены гниению. Обувь шили из камусов — шкур, снятых с оленьих ног. Они удобны тем, что камус не задерживает снег, влагостоек.

В хозяйстве широкое применение находили оленьи рога и кости. Из них делали иглы, табакерки, игольники, гребни для расчесывания травы и т. п. Подшейным волосом оленя вышивали узоры на различных поделках из оленьей замши — на мешочках для кремня и для женского рукоделия, на кисетах и прочих вещах обихода.

К середине 20-х гг. оленеводство коряков сохраняло натуральный характер. Товарность отрасли не превышала 7%. Основу товарной продукции составляли выпоротки — шкуры новорожденных телят, высоко ценившиеся при изготовлении меховой одежды. Несмотря на то что почти вся продукция использовалась внутри хозяйства, оленеводство не могло удовлетворить нужды кочевого населения полностью. Анализ, проведенный в начале 30-х гг. Корякским окрисполкомом, показал, что 44% хозяйств могли рассчитывать на самостоятельное существование за счет оленеводства лишь при исключительно благоприятных условиях. Что же касается товарной продукции, то ее могли получать лишь 24,9% оленеводческих хозяйств.⁵⁵

Низкая эффективность отрасли была обусловлена экстенсивным характером оленеводства. Доля важенок в стаде не превышала 45%, соответственно невысоким был и ежегодный приплод. Непроизводительные потери — падеж оленей от эпизоотий, отравы хищников и т. п. — составляли до 30% стада. Нередко животных погибало больше, чем их убивалось для нужд человека.⁵⁶

Социалистическая реконструкция оленеводства коряков с первых дней связывалась с созданием крупных государственных хозяйств — совхозов. Практическая работа по их организации была поручена АКО. Раньше других начал создаваться совхоз «Карагинский» в Олжоторском районе. В 1929 г. для него были закуплены первые 200 оленей. Тогда же в верховьях реки Тылги была заложена совхозная усадьба. Зимой 1931/32 г. на левом берегу Пенжины в 18 км выше современного села Каменское началось строительство второго оленеводческого совхоза — Пенжинского.⁵⁷

Оленеводческие совхозы задумывались как образцово-показательные хозяйства. Они должны были пропагандировать передовые методы ведения оленеводства, преимуществва коллективных форм труда. При совхозах планировалось создание ветеринарно-зоотехнических станций, кожевенных и консервных заводов и т. п. Это должны были быть агроиндустриальные города-комбинаты. Строительство их предполагалось осуществить в чрезвычайно сжатые сроки. Ежегодный прирост поголовья оленей в совхозах Госплан РСФСР планировал во второй пятилетке на уровне 12—15%. В соответствии с контрольными цифрами окрисполкома, более реальными, в 1937 г. в них должно было быть 94 тыс. оленей.⁵⁸

Суровая действительность вносила в масштабные планы серьезные коррективы. Формирование совхозных стад встретило большие трудности. Коряки отказывались продавать живых оленей. Приходилось прибегать к твердым заданиям, навязывать оленеводам договора контрактации. Животные приобретались, как правило, в обмен на товары, но местные органы власти боялись передавать крупным оленеводам, у которых покупались олени, значительную товарную массу, чтобы тем самым не усилить их влияние. Расчеты за оленей производились нерегулярно, иногда вообще не производились. Все это вызывало законное недовольство оленеводов.

Отношения населения с совхозами часто обострялись в результате всевозможных злоупотреблений хозяйственных работников. Так, например, в Карагинском совхозе, чтобы скрыть крупные потери животных из-за бесхозяйственности в 1933 г., начали срочно «закупать» животных у окрестных оленеводов, творя при этом настоящий произвол. Кочевников запугивали: «...всех, кто откажется продавать оленей, большой советский начальник посадит в тюрьму». Закупка превратилась в конфискацию. Как результат — всплеск антисоветских настроений в тундре, появление вооруженных дружин для защиты от закупщиков, серьезное расстройство оленеводческого хозяйства коряков.⁵⁹

Как видно из табл. 1, поголовье животных в округе в 1926—1935 гг. сократилось в 2.7 раза. Вместо ежегодного прироста в 7—10%, характерного для середины 20-х гг., отмечалась точно такая же ежегодная убыль. Безусловно, к цифрам этим следует относиться критически. Численность оленей в 1926 г. была явно завышена Переписью. Первый более-менее достоверный учет оленей был проведен в 1931 г. Тогда было учтено 172.7 тыс. оленей. Примерно столько же было их, скорее всего, и в 1926 г. Но даже и в этом случае поголовье оленей снизилось к 1935 г. в 1.7 раза. Прежде всего это, безусловно, результат массового убоя животных в период коллективизации, но не меньшую лепту внесла и безалаберность совхозного строительства. Закупленные олени использовались крайне нерационально. Их некому было пасти, они терялись. Немало оленей гибло в результате всевозможных

Численность оленей в Корякском автономном округе в 1926—1989 гг.
(голов, на конец года)

Годы	Всего	В том числе			
		в колхозах	в совхозах	в личных хозяйствах	в организациях и учреждениях
1926	264564	—	—	264564	—
1931	172745	—	10000	162745	—
1933	129672	38437	23679	67556	—
1935	96685	2610	28425	65650	—
1940	125424	10928	39339	75157	—
1945	172199	52522	69699	49868	—
1950	161144	71070	65481	23593	—
1955	130891	68994	45579	16318	—
1960	140095	59952	63937	15675	531
1970	154707	36314	107140	11253	—
1975	154235	20399	121578	11665	593
1980	157118	5170	140064	11018	866
1985	158440	4395	143373	9390	1282
1989	154832	—	—	9421	—

Примечание. Составлена по: Итоги переписи северных окраин Дальневосточного края. Благовещенск, 1929. С. 208—209; ГАХК. Ф. 137. Оп. 11 Д. 3 Л. 43, 51, 56, 66; Ф. 389. Оп. 1. Д. 67. Л. 9; Антропова В. В. Культура и быт коряков. Л., 1971. С. 146; Гурвич И. С., Кузаков К. Г. Корякский национальный округ. М., 1960. С. 193; Народное хозяйство Камчатской области: Стат. сб. Хабаровск, 1966. С. 41—44; Народное хозяйство Камчатской области. 1971—1975. Петропавловск-Камчатский, 1977. С. 49; Основные показатели развития экономики и культуры малочисленных народов Севера (1980—1989 гг.). М., 1990. С. 31.

экспериментов, проводившихся в совхозах. В Пенжинском, например, пытались внедрить стационарное содержание животных. Естественно, что эксперимент закончился плачевно.⁶⁰ Не менее пагубные последствия имела затея сельхозотдела АКО в одночасье заменить пастухов оленегонными лайками. Корякским оленеводам было неизвестно применение пастушеской собаки. Новшество обернулось большими потерями животных.⁶¹

Несмотря на то что начиная с 1931 г. для совхозов ежегодно закупалось и реквизирувалось у богатых оленеводов до 10 тыс. оленей, совхозное стадо практически не росло. В 1937 г. в нем насчитывалось столько оленей, сколько было в 1933 г. Издержки социальной реконструкции оленеводства явно не соответствовали достигнутому в этой области результатам. Социалистический сектор в оленеводстве к концу 30-х гг. не только не стал господствующим, но и явно уступил свои позиции.

Глубокую депрессию, в которой оказалось корякское оленеводство к середине 30-х гг., было бы не совсем верным объяснять лишь практикой колхозного и совхозного строительства. В неменьшей степени сказывалась общая хозяйственная политика на Севере — политика некомпетентности и шапкозакидательства. Оленеводство рассматривалось как неисчерпаемый источник продуктов питания, богатая сырьевая база для развития промышленности. При этом организации, осуществлявшие хозяйственное строительство на Севере, руководствовались лишь ведомственными интересами. Массовыми заготовками оленины и оленного сырья, например, торговля покрывала орехи в снабжении северных районов продуктами и одеждой. В результате потребление оленины достигло громадных размеров. В Тигильском районе ею кормили даже собак на перевозке грузов.⁶² Подобному

расточительству способствовала бездумная политика цен на продукцию оленеводства. В Пенжинском районе килограмм оленины стоил от 6 до 15 коп.

Предпринимались неоднократные попытки вообще изменить характер корякского оленеводства. Растущие объемы хозяйственных перевозок, дороговизна содержания собачьих упряжек побуждали местные органы власти всячески пропагандировать транспортное оленеводство. Имел место откровенный административный нажим. Коряки, у которых оленеводство всегда носило мясо-шкурное направление, долго сопротивлялись этим нововведениям, и все же то, чего не смогли сделать «агитпробеги» Госземтреста, сделали новые социальные отношения.

В процессе коллективизации стада богатых оленеводов сильно сократились и уже не обеспечивали потребности семьи. Оленей гораздо выгоднее стало использовать на перевозке грузов. За эту работу хозяйственные организации рассчитывались товарами и продуктами. В итоге доля ездовых животных стала быстро увеличиваться. В Куюлваямском Совете, например, она выросла в 1930—1934 гг. с 4.6% до 37.8%, а в целом по Пенжинскому району — до 10.5%. В Карагинском и Тигильском районах была еще выше.⁶³ Непомерное транспортное использование оленей, особенно в совхозах, которым категорически запрещалось держать ездовых собак, сильно подорвало оленеводство.

К середине 30-х гг. и в центре, и на местах все отчетливее стали осознавать всю глубину кризиса северного оленеводства. Начинается пора трезвой оценки реальных возможностей отрасли. Сокращаются объемы централизованных заготовок оленеводческой продукции, запрещается убой животных для внутреннего рынка, в колхозах и совхозах вводится ежегодный переучет животных, улучшается снабжение населения привозными продуктами питания. С 1936 г. в округе начинается постепенное восстановление поголовья оленей.

Техническая реконструкция отрасли, предусматривающая внедрение в практику работы оленеводов научно-обоснованных пастбищеоборотов, прогрессивной половозрастной структуры стада, ветеринарно-зоотехнических мероприятий, долгие годы осуществлялась крайне медленно, поскольку преобладающая часть оленей находилась в личном пользовании. Техника пастбы, маршруты кочевков, организация труда в стаде полностью сохраняли свои традиционные черты. Заметные изменения в этой области стали возможны лишь после того, как сформировались крупные общественные стада, а это произошло в основном к концу Великой Отечественной войны.

Землеустройство, проведенное в округе в 30-е гг., не внесло в существовавший порядок кочевой жизни сколько-нибудь значительных изменений. Экономист И. Скачков писал в 1936 г.: «Планы землеустройства лежат в шкастках председателей сельских Советов. Коряки по-прежнему кочуют по бараньей лопатке, которую жгут на костре накануне перекочевки. В каком направлении кость треснет — туда и направляются с табунами».⁶⁴

Процедура с бараньей лопаткой, о которой, кстати, часто упоминается в литературе, носила, скорее всего, ритуальный характер. Что же касается землеустроительных планов, то в них и впрямь не было никакой нужды. Пастбища, закрепленные за колхозами и совхозами, как правило, соответствовали территории, которой испокон веков пользовались кочевые

стойбища, вошедшие в состав этих колхозов. Границы привычных кочевий не смогло нарушить и новое административно-территориальное деление. Так, например, часть оленеводов Пенжинского района продолжала пользоваться летними пастбищами на побережье Берингова моря в Олюторском районе, другие пасли оленей по рекам Валга, Майна, Палпальская в Чукотском национальном округе. В свою очередь в Пенжинском районе паслись табуны карагинских оленеводов, некоторые из них по традиции кочевали в Тигильском районе. Многие из традиционного землепользования было даже узаконено землеустроительными экспедициями в середине 50-х и в 70-е гг. В отдельных случаях по этой причине произошло изменение границ административных районов округа.

К 1945 г. социалистический сектор в оленеводстве заметно упрочил свои позиции. За годы войны появились новые совхозы: Паренский (1941 г.), Таловский (1943 г.). В колхозах и совхозах к этому времени насчитывалось более 122 тыс. оленей, или 71% всего поголовья. Общая численность животных выросла в 1940—1945 гг. почти на 47 тыс. Столь интенсивный прирост — около 10 тыс. ежегодно — на первый взгляд, выглядит странно. Никогда больше не добивались корякские оленеводы таких результатов, как в эти, полные тревог и бытовой неустроенности военные годы. В чем же причина такого успеха?

Основа основ успешного развития оленеводства — пастбища. Резкое снижение поголовья оленей в период массовой коллективизации невольно способствовало отдыху и восстановлению пастбищных угодий. К началу 40-х гг. в округе образовался существенный кормовой резерв. В этих условиях традиционная система оленеводства коряков оказалась весьма эффективной. Известную роль сыграло и исчезновение многотысячных табунов богатых оленеводов. Преобладающими к этому времени стали небольшие по численности стада: в Тигильском и Карагинском районах по 600—800 оленей, в Пенжинском и Олюторском 1.5—2 тыс. Это позволяло более рационально использовать имеющиеся пастбища, в том числе и малоудобные, которыми в крупнотабунном оленеводстве обычно не пользуются.

Со второй половины 40-х гг. ситуация с пастбищами в округе стала быстро меняться. К этому времени большинство оленеводческих товариществ перешло на устав сельхозартели, в них сформировались крупные общественные стада. Некоторые колхозы укрупнились, переехали на новое место, возникли новые хозяйства. Сложившаяся система землепользования оказалась нарушенной. Традиционные маршруты передвижения стад, формы использования пастбищ потеряли свое значение. Вновь появившиеся колхозы и совхозы вынуждены были изыскивать себе угодья, а попросту захватывали их. Это породило обезличку землепользования, возникли чересполосица, совместное использование пастбищ. Началась их деградация, а вместе с ней и падение поголовья. К 1958 г. оно сократилось до 105 тыс., т. е. ниже довоенного уровня.

На снижении поголовья сказались, безусловно, и изменившаяся форма собственности. Отношение к колхозным оленям не отличалось бережливостью, тем более что колхозы не могли обеспечить оленеводов всем необходимым для жизни в тундре. В начале 50-х гг. в оленеводческих бригадах оседало на питание до 54% оленины, в отдельные годы — до 72%.⁶⁵ Слабые учет и отчетность, плохая организация и низкая оплата труда,

примитивность ветеринарной службы дополняли общую картину. Оленеводство нуждалось в крупных капитальных вложениях, в коренном обновлении материальной базы. Но тогда это было не под силу колхозам и совхозам.

Реальное изменение к лучшему началось в отрасли лишь в начале 60-х гг. Камчатская землеустроительная экспедиция провела геоботаническое обследование всей пастбищной территории, за хозяйствами закрепили угодья, началось внедрение пастбищеоборотов. К 1 января 1961 г. их имели 28 оленеводческих бригад. Объединение оленеводческих артелей с богатыми рыболовецкими колхозами позволило увеличить вложения в развитие отрасли. В тундре началось производственное и социально-бытовое строительство. Сооружались корали, перевалбазы, дома на кочевых маршрутах. Улучшилось снабжение пастухов продуктами питания. Это сразу же подняло товарность отрасли до 65—70%. В 1960 г. была повышена оплата труда оленеводов — зарплата пастухов выросла в 3—4 раза.⁶⁶

Одновременно создавалась зооветеринарная служба. В 1968 г. в округе работало 62 ветеринара и зоотехника с высшим и средним специальным образованием. В практику работы оленеводов стали внедряться различные способы противобродной защиты животных, минеральная подкормка; первый эффект был получен в борьбе с заболеваниями оленей. С конца 60-х гг. в тундру начала поступать техника — трактора, вездеходы, радиостанции, механические опрыскиватели. Для нужд оленеводов стали использовать авиацию.

Интенсивно протекал процесс концентрации и специализации. В 1955 г. оленеводством занимались 25 колхозов и 4 совхоза, к 1970 г. почти 70% поголовья сосредоточилось в 7 совхозах и 5 колхозах. Оленеводство в совхозах развивалось более успешно. Рыболовецкие колхозы уделяли ему мало внимания. Сохранность поголовья была у них ниже на 9—10%, выход мяса — на 10—12%, уровень рентабельности — на 20—50%.⁶⁷ С 1 января 1969 г. все совхозы округа перешли на хозрасчет. Это способствовало росту эффективности отрасли. Валовое производство оленины к среднегодовому уровню трех предыдущих лет выросло на 40%, улучшилась сохранность животных. Совхозы получили право создавать фонды социально-культурных мероприятий, жилищного строительства, материального стимулирования и др.

Изменения, происшедшие в отрасли к началу 70-х гг., знаменовали собой веление времени. Они облегчили труд оленевода, сделали его более современным и производительным. Оленеводство превратилось в высокотоварное производство. И все же вряд ли было бы верным рассматривать эти изменения только в такой оценке. Многие из того, что внедрялось в эти годы в отрасль, способствуя ее развитию, обновлению материальной базы, отнюдь не способствовало улучшению жизни оленеводов. Оленеводство развивали ради дешевого мяса, а то, что с оленеводством связана судьба целого народа, с этим мало считались. Но пренебрежение к человеку рано или поздно приводит к кризису экономики.

Переход на оседлость вторых членов семей лишил оленеводческие бригады женщин. Некому стало готовить пищу, шить, чинить, сушить одежду и обувь. Численность и структура оленеводческой бригады стали определяться не здравым смыслом и заботой о человеке, а единым для всех

районов штатным расписанием. То, что раньше выполнялось десятком женщин, пришлось делать одной. Сразу же возникла масса бытовых проблем. Разобщение семей, длительный отрыв оленеводов от детей — все это прервало традиции семейного воспитания, передачу профессионального опыта, положило начало языковому разобщению поколений. Началось быстрое падение интереса молодежи к оленеводству.

Стремление поднять рентабельность отрасли, выход товарной продукции повлекли за собой сокращение не только подсобно-вспомогательного персонала в бригаде, но и самих пастухов. Сократилось даже число пастушеских бригад. В начале 50-х гг. их было около 150, на 1 января 1961 г. — 93, в 1968 г. — 89.⁶⁸ Нагрузка на пастухов повсеместно выросла, стали расти потери стада.

Многие специалисты, ученые-этнографы с тревогой писали о наметившихся тенденциях. В архивах хранится множество справок и докладных записок в адрес местных органов власти, в Совет Министров РСФСР, в которых подробно рассматривались возникающие проблемы. Свое отражение они получили в научной литературе. Однако голос этот не был услышан.

70-е гг. начались для корякских оленеводов большой бедой: обширные пространства камчатской тундры охватил гололед. Только за два первых года IX пятилетки пало более 30 тыс. оленей.⁶⁹ Оленеводство оказалось отброшенным к уровню 1965 г. С этого времени поголовье животных в округе почти не растет.

Упорным трудом оленеводов к 1975 г. удалось нейтрализовать последствия стихии. Это стало возможным в результате перевода отрасли на путь интенсификации. В основе ее лежит изменение структуры стада за счет увеличения маточного поголовья. Чем больше важенок в стаде, тем больше телят получит весной бригада. Опыт показывает, что увеличение в стаде важенок до 60% позволяет повысить выход продукции по меньшей мере на четверть.

При кажущейся простоте проблемы все обстоит, однако, намного сложнее. Чем больше телят в стаде, тем труднее зимний выпас: молодняк плохо переносит суровую зиму, да и важенки в этом случае приходят к отелу ослабленными. Кроме того, в округе мало зимних пастбищ, на зиму можно оставить строго ограниченное число животных. В то же время летние пастбища в состоянии прокормить оленей в 3—4 раза больше, чем зимой. Не использовать такой резерв, конечно же, неразумно, но как быть с зимним выпасом?

Выход нашли в совхозе «Пенжинский». Чтобы не иметь избытка телят зимой, здесь внедрили отдельный выпас молодняка и взрослых оленей. Телят вскоре после рождения отбивают в отдельное стадо. Им отводят наиболее продуктивные летние пастбища, подкармливают минеральными добавками. В результате телята, родившиеся весной, набирают к осеннему забойу вес до 50—60 кг. Впервые новая технология была применена в совхозе «Пенжинский» в 1976 г. и показала эффективность. К концу X пятилетки производство мяса в совхозе увеличилось в 1.5 раза.⁷⁰ По методу пенжинцев стали работать другие хозяйства. В X пятилетке в сравнении с IX в округе было получено телят на 42 тыс. больше. Производство мяса на 100 январских оленей выросло за 5 лет с 25 до 28 ц.

В 70-е гг. завершились специализация и концентрация оленеводства. Все поголовье оленей сосредоточено теперь в 10 совхозах. Небольшие стада имеют также колхоз им. Горького и госпромхоз «Карагинский». Численность оленей в личном пользовании сократилась к настоящему времени до 6% от общего поголовья. В начале 60-х гг., в период бескомпромиссной борьбы с личным подворьем, за выпас личных оленей была установлена такая плата, что лишала всякого смысла желание иметь оленей. Правда, многие хозяйства взяли расходы по выпасу личных оленей на себя и тем самым спасли их от полного уничтожения. Сегодня препятствий владельцам оленей не чинится, но рост личного поголовья сдерживает дефицит пастбищ. Установлен лимит — 50 голов на семью, но во многих совхозах пастбищами не обеспечено и это количество.

К середине 80-х гг. оленеводческие совхозы превратились в крупные государственные хозяйства с мощной материально-технической базой. Все больше техники появляется и в оленеводческих бригадах. Пастухи привыкли к вездеходам, тракторам, авиации, теряется многовековая культура обучения и использования ездовых оленей. Сейчас даже искать отколы нередко вызывают авиацию. Все это, конечно, тяжким бременем ложится на себестоимость оленины. Так, в совхозе «Пенжинский» в 1940—1960 гг. она колебалась от 21 до 23 руб. за центнер, а в 1985 г. уже составляла 172 руб., по всему Пенжинскому району — 191 руб.⁷¹ Несмотря на возросшие затраты, связанные с обновлением и ростом основных фондов, оленеводческие совхозы по-прежнему являются высокорентабельными предприятиями.

Оленеводство аккумулирует в себе большую часть трудовых ресурсов коряков. Из 1374 человек народностей Севера, занятых в совхозах округа в 1989 г., 853 работало непосредственно в оленеводческих бригадах, в том числе 224 женщины. С 1973 г. в каждой бригаде работает по две чумработницы и по одному хозяйственному рабочему. Этого явно недостаточно, поэтому в бригадах делят обычно ставку чумработницы на двух-трех женщин, как правило жен или близких родственников пастухов.

Возрастной состав оленеводов в сравнении с концом 60-х гг. заметно изменился. Почти в 2 раза больше стало пастухов в возрасте до 30 лет (таких сейчас 37%). С 71 до 40% сократилась доля оленеводов в возрасте от 31 до 50 лет, в 2 раза больше стало тех, кто старше 50 (23%). Как видим, основное ядро опытных, физически крепких и наиболее работоспособных пастухов существенно сократилось, снизился квалификационный уровень бригад, а это, безусловно, сказывается и на производственных результатах. В целом же для коряцкого оленеводства характерно в последнее время «постарение». В XI пятилетке в отрасли работало около 200 пенсионеров. По данным Похозяйственных книг, в ряде совхозов средний возраст оленеводов в 1987 г. колебался от 41 до 46 лет. 43% оленеводов имеют начальное образование (в 1969 г. — 85%), около 30% — неполное среднее.⁷²

Годовой цикл кочевков оленеводческой бригады, основные виды пастушеской работы мало изменились и сегодня. Наиболее желанное для оленеводов время — зима. Животные, добывая корм из-под снега, подолгу остаются на одном месте, управляя тем, что в таких условиях легче, днем его нередко вообще оставляют без присмотра. Чаще всего оленеводы уходят в отпуск зимой, бригады работают, как правило, в половинном составе.

Полностью бригада собирается лишь к отельной кампании. Зимой на новые пастбища переходят не чаще двух раз в месяц. В 60-е гг. бригадир перед кочевкой обязательно подыскивал малоснежные, с хорошим ягелом участки. В последние годы чаще всего кочуют без разведки, так как не везде имеются теперь ездовые олени. Если в начале 60-х гг. на каждую бригаду приходилось в среднем 90—100 ездовых животных, в конце 60-х — 50—60, то теперь 100—150 оленей на весь совхоз в целом.⁷³ Использовать же для разведки пастбищ имеющуюся технику — дорогое удовольствие.

Летние месяцы — наиболее трудоемкие и ответственные для оленеводов. В июле—сентябре животные набирают основной вес. От летнего выпаса зависят финансовые результаты бригады. Умение кормить оленей летом — наиболее сложное в пастушеской профессии. Главное в этот период — рационально распорядиться благоприятным временем: олени в течение суток должны как можно больше есть и отдыхать. Чтобы продлить время пребывания животных на молодой сочной зелени, стадо пасут на разных высотах. Опытные пастухи-нагульщики, мастера «зеленого конвейера» всегда высоко ценились у коряков. В округе существует несколько народных школ пастушества, каждая из которых, в зависимости от местных условий, отличается особенностями кормления животных и управления стадом.

Летом табун оленей за счет новорожденных телят увеличивается как минимум в 1,5 раза, достигая трех и более тысяч животных. Пасты такое стадо не просто. Оленеводы работают в две смены по двенадцать часов. Днем, когда животные более активны, приходится особенно трудно. Стадо то и дело распадается на отдельные части, выходит из-под контроля. За день пастухи пробегают десятки километров, а ведь кроме этого им приходится еще разжигать дымокуры, поить животных. В летние ночные смены, когда олени чаще отдыхают, в стаде дежурят менее опытные пастухи.

На исходе лета исчезают комары и мошка, животные начинают вести себя спокойнее, но появляются грибы — любимое оленьё лакомство, и они вновь становятся трудноуправляемыми. К тому же в конце августа начинается пора темных ночей. На ночь пастухи стремятся подыскать для стада небольшую долину с крутыми склонами. На выходе из нее ставят палатку, и с 11 вечера и до 4 утра люди могут спокойно поспать. Правда, отыскать такую долину удастся не всегда, а потому чаще всего приходится просто усаливать ночные смены.

Во второй половине сентября у оленей начинается гон и движение стада практически прекращается. Для оленеводов после напряженной летовки наступает несколько недель относительно спокойного времени. Дневные дежурства в этот период отменяются, а по ночам в стаде находится на всякий случай всего один человек.

С середины 40-х гг. в связи с формированием крупного общественного оленеводства, превращением его в товарную отрасль у пастухов появились новые обязанности и виды работ: корализация, противобводная обработка оленей, регулярный, не менее четырех раз в год, просчет животных и т. п. Наиболее трудоемкая кампания — осенняя корализация, когда проводится отбивка животных, которые пойдут на зимовку или будут проданы на мясо. Предварительно пастухи строят кораль (загон) — нехитрое сооружение из жердей и веток, где идет сортировка животных. В последние годы все чаще

пользуются переносными корялами из легкого брезента или плащевой ткани. На кочевых маршрутах имеются и постоянные, капитальные загоны, которые служат долгие годы.

На этом этапе пастушеской работы закладывается успех будущего года. На зимовку нельзя оставлять слабых животных, важенок, которые бросают новорожденных телят, старых оленей с истершимися зубами, поскольку все это оборачивается зимой дополнительными потерями. В зимние стада стараются отбить побольше быков-производителей, а также кастратов, которые успешно справляются с твердым снежным настом и тем самым помогают важенкам и телятам добывать корм. В нормальных условиях осенняя корализация занимает обычно около месяца.

С конца 70-х гг. в традиционной культуре оленеводства коряков стал появляться ряд технологических новинок, разработанных учеными, совхозными специалистами, самими оленеводами. В частности, широко известны сегодня в округе системы нагула Т. Киява (совхоз им. 50-летия СССР) и Н. Коялкута (совхоз «Пенжинский»).

Широкое распространение получил также предубойный откорм по методу якутского совхоза «Томпонский». Откормочные группы формируются из истощенных и ослабленных животных, которые вряд ли перенесут суровую зиму. Выпас таких оленей на специально отведенных пастбищах сочетается с подкормкой комбикормами, солью, карбамидно-минеральными смесями. Два-три месяца такого откорма — и животные достигают высоких убойных кондиций. В совхозах, где практикуют предубойный откорм, ежегодно получают дополнительно за счет этого 250—300 ц мяса, причем каждый рубль, затраченный на приобретение кормов, оборачивается 10 руб. прибыли.

Труд оленевода венчает забойная кампания. Раньше оленей убивали по мере надобности в течение всего года. Теперь же, в связи с товарным характером отрасли, убивается одновременно несколько тысяч животных. Пастухи в забое участия не принимают, они лишь приводят стадо к забойному пункту и загоняют животных в убойные камеры. Забой ведут рабочие рыбкопов. Раньше животных убивали ударом ножа в затылок, теперь используют малокалиберное оружие. Забойные пункты, а их в округе 10, в большинстве своем довольно примитивные сооружения без холодильников, без цехов консервации шкур и утилизации продукции. По этой причине забой начинают не ранее половины ноября, когда устанавливаются морозы. Более 75% оленей убивают в декабре. Из-за позднего забоя теряется много мяса, поскольку высшей упитанности олени достигают в сентябре. Кроме того, поздний забой снижает качество оленьих шкур, но другого выхода пока нет. Продуктивный августовский забой в состоянии вести лишь три совхоза: «Пенжинский», «Таловский» и им. 50-летия СССР, которые проводят летовку на побережье Берингова моря. С 20 августа по 20 сентября в бухте Натальи они сдают на забойный пункт до 10 тыс. животных.⁷⁴

Всего по округу ежегодно продается государству более 2 тыс. т оленины. Треть мяса вывозится за пределы округа: из бухты Натальи транспортными рефрижераторами Минморфлота, из Пенжинского района самолетами. Около 350 т перерабатывается в округе на колбасы, остальное реализуется через торговую сеть и предприятия общественного питания.

Оленьи шкуры после забоя поступают в распоряжение областного управления охотничьего и промыслового хозяйства и отправляются на кожевенные заводы Магадана, Сыктывкара, других городов. Часть продается местной промышленностью области, предприятиям бытового обслуживания, госпромхозам, а также совхозам и колхозам для изготовления меховой одежды. Владельцы многотысячных оленьих стад невольно оказываются в жалкой роли просителя.

Из-за слабой материальной базы забойных пунктов ежегодно не используется много ценных продуктов — головы, ноги, легкие, кровь и т. п. Общие потери достигают 5—6 тыс. ц — примерно восьмая часть всей продукции оленеводства. Потери приносят ежегодный убыток в 3,5 млн. руб. Строительство типовых забойных пунктов, оснащенных необходимым оборудованием, ведется медленно. Так, например, в XI пятилетке планировалось построить в округе 7 усовершенствованных забойных пунктов, ввели в эксплуатацию лишь три, но и там утилизация продуктов забоя ничуть не улучшилась.

Рыболовецкая кооперация, осуществляющая забой оленей, не заинтересована в более полном использовании оленеводческой продукции. Как всякий посредник, привыкший снимать сливки, она по сути дела паразитирует на труде оленевода. Из-за плохой организации забоя табуны простаивают по нескольку суток. Для совхозов каждая минута такого ожидания — это потеря сотен килограммов мяса. Радикальным решением проблемы было бы превращение оленеводческих совхозов в предприятия законченного цикла. Разговоры об этом идут давно, но в совхозах нет холодильников, цехов переработки вторичного сырья, мастерских по выделке шкур. Ставится задача решить эти вопросы к 1995 г. Это, безусловно, существенно повысит прибыльность отрасли, улучшит занятость вторых членов семей оленеводов.

Важным источником повышения доходности может стать заготовка пантов — молодых рожек северного оленя, из которых изготавливают ценное лекарство ранторин. Заготовка пантов в округе началась в 1985 г. В 1989 г. закупочные цены на панты существенно повысили. Килограмм консервированных пантов стоит теперь 200 руб. — значительно больше, чем получает совхоз от продажи целого оленя. Экспортная же стоимость килограмма пантов первого сорта в ту пору исчислялась в 500 долларов. В 1988 г. в округе было заготовлено всего 480 кг пантов, хотя можно заготавливать ежегодно 6—7 т. Пока этой работой активно занимается всего три совхоза: «Тигильский», «Корфский», «Карагинский».⁷⁵

К настоящему времени возможности роста поголовья оленей у коряков в основном исчерпаны. На пастбищах округа можно содержать не более 148 тыс. животных, фактически их около 160 тыс. В этих условиях магистральным направлением в развитии оленеводства становится улучшение качественных показателей, в частности сокращение непроизводительных отходов. В XI пятилетке из-за болезней, бескормицы, отрав хищников, роспуска стад и т. п. ежегодно терялось 15 тыс. оленей. Велики потери от болезней. В Пенжинском районе, например, в XI пятилетке они составили половину всех непроизводительных отходов — более 18 тыс. оленей.⁷⁶ Между тем в каждом совхозе работает немало специалистов ветеринарно-зоотехнической службы. В целом по округу их около 200. Несмотря на

профилактические мероприятия, по-прежнему грозную опасность представляет некробактериоз (копытка). Ежегодно им болеет до 8% оленей, четверть заболевших, как правило, погибает.

Большие потери животных, в том числе и от болезней, в значительной степени связаны с деградацией пастбищ, низкой культурой их использования. В округе введен трехлетний пастбищеоборот, однако этого явно не хватает для восстановления растительности. Крупнотабунное оленеводство, а сегодня каждая бригада пасет по меньшей мере 2 тыс. голов основного стада, делает эту систему малоэффективной. В совхозе «Пахачинский», например, на пастбищах, рассчитанных на 7.5 тыс. оленей, фактически пасется 13—14 тыс. — почти двухкратная перегрузка! И такое характерно не только для этого хозяйства. Назрела необходимость иметь в округе специальную службу охраны и рационального использования пастбищ, ее представители должны работать в каждом оленеводческом совхозе.

Пастбищная территория неуклонно сокращается в результате антропогенного воздействия. В начале 80-х гг. в округе работало 36 геологических партий и отрядов, в сфере их деятельности оказалось около миллиона гектаров ягельников. Бурение скважин, сейсмические взрывы, десятки тракторов и вездеходов приводят в негодность ежегодно сотни гектаров пастбищ. Особым бедствием становятся пожары. Если в начале 70-х гг. в корякской тундре ежегодно случалось 37 крупных пожаров, то в начале 80-х — 57.⁷⁷

Особую тревогу вызывает состояние пастбищ в Тигильском районе, где в последние годы работало особенно много экспедиций. И не случайно в XI пятилетке здесь был зафиксирован наиболее низкий выход продукции оленеводства. Если в Олюторском районе на каждую тысячу гектаров пастбищ было получено 3.7 ц оленины, в Карагинском — 3.6, в Пенжинском — 3.2, то в Тигильском — 2.2 ц. Если в целом по округу за пятилетие пало оленей около 35% ко всему обороту стада, то в Тигильском районе — 43.5%.⁷⁸

Одна из причин больших непроизводительных отходов — дефицит пастушеских кадров, их низкая квалификация. Престижность профессии оленевода сильно упала. Молодежь, выросшая в тепличных условиях школ-интернатов, не стремится в оленеводческие бригады, бытовые условия в которых оставляют желать лучшего. Профессия оленевода, кроме того, ставит молодого человека перед малопривлекательной перспективой остаться без семьи, поскольку связывать судьбу с человеком, большая часть жизни которого будет проходить в тундре, рискует далеко не всякая девушка. Не случайно большая часть пастухов в возрасте до 30 лет — холостые. Недовольство своим неприкаянным положением, условиями труда и быта в бригадах порождает у молодых слабую трудовую и исполнительную дисциплину, ведет в конечном счете к огромным потерям оленей.

К решению кадровых проблем в оленеводстве обращались неоднократно. В середине 70-х гг. большие надежды, в частности, связывали с внедрением сменно-звеньевых выпаса, при котором пастухи находятся в тундре 127 дней, после чего передают стадо новому звену, а сами возвращаются на центральную усадьбу. К 1980 г. в округе таким образом работало 21 звено. К сожалению, сменно-звеньевая организация труда прижилась далеко не во всех совхозах, и опять же из-за дефицита кадров. Ведь в этом случае

требуется в 2 раза больше оленеводов. Кроме того, большие трудности вызывает доставка оленеводов к месту работы и обратно, на центральной усадьбе не всегда удается обеспечить сменившихся оленеводов подходящей работой. В настоящее время сменно-звеньевой выпас применяют в основном в «Пенжинском», «Пахачинском», им. 50-летия СССР и «Корфском» совхозах, да и то лишь зимой. При этом работает фактически одно и то же звено, но поделенное на части. Вместо 6—8 человек по штатному расписанию стадо пасут по очереди 3—4 человека. Понятно, что такой сменно-звеньевой выпас, решая в какой-то степени проблему отдыха пастухов, совершенно не решает проблемы сохранности животных.

Решение кадровой проблемы осложняет глубоко укоренившийся командно-административный стиль руководства оленеводством, пренебрежительное отношение к оленеводам. Финансовое благополучие совхоза, материальное благосостояние всех его работников держатся исключительно на труде оленеводов, а находятся они в явно неравноправном положении. В совхозе «Корфский», например, среднемесячная заработная плата в 1988 г. была у оленевода 353 руб., а у специалистов и служащих совхоза — 479 руб. Доплата по итогам года составила у оленеводов 1062 руб., а у главного бухгалтера — 4051 руб., у главного экономиста — 3278 руб. Даже кладовщик получил дополнительной оплаты на 625 руб. больше, чем оленевод. И это не единственный такой совхоз. В Карагинском, например, премия оленевода почти в 4 раза меньше, чем у главного экономиста.⁷⁹

Труд оленеводов до сих пор оплачивается по устаревшему положению 1973 г., но даже оно не выполняется. Пастухам перестали присваивать квалификационные звания «Мастер-животновод», поскольку в таком случае нужно будет доплачивать к зарплате 20%. Во многих хозяйствах не платят сверхурочные за работу в воскресные и праздничные дни, в ночные смены, хотя эти выплаты предусмотрены трудовым законодательством. Не начисляется 40%-я надбавка за экономию, за выпас молодняка до 7 месяцев. Только по этой причине недоплаты составили в 1988 г. 500 руб. на каждого пастуха. Во многих совхозах бригады работают в сокращенном составе и по 12 часов, а зарплата исчисляется из фонда, рассчитанного на полный штат при 8-часовом рабочем дне. О каком престиже труда оленевода может идти речь, если ничегонеделание на центральной усадьбе оказывается более выгодным, чем круглосуточная работа в тундре?

За последние годы принято немало различных постановлений, направленных на улучшение условий труда и быта оленеводов, и многое другое в тундре меняется к лучшему. В звеньях появились малогабаритные передвижные электростанции, а следовательно, и различная бытовая техника. Больше стало снегоходов «Буран». В 1986 г. в штатное расписание оленеводческой бригады ввели еще одну ставку хозяйственного рабочего. Почаще стали бывать в оленеводческих звеньях бытовика, работники торговли, культуры. К сожалению, все эти изменения происходят очень медленно и уже не удовлетворяют потребности тружеников тундры. В сознании многих политических и хозяйственных руководителей все еще преобладают стереотипы 30-х гг. Образ жизни оленеводов, вынужденных кочевать со стадами, до сих пор официально считается культурно неполноценным, данью отсталости. Вот и борются с этой отсталостью, а получается, что и с оленеводством в целом.

Следует сказать, что в последние годы все громче начинают звучать трезвые голоса. Приходит осознание того, что быт в оленеводстве нельзя отделить от производства, что он — часть технологического процесса. Об этом много пишет местная печать, к практическим действиям переходят хозяйственники. Радикальными, в частности, представляются меры, предпринимаемые в совхозе «Карагинский». Здесь по сути дела взят курс на восстановление ликвидированных в свое время тундровых поселков. Правда, называются они теперь по-другому — культбазы. Одна такая культбаза в совхозе уже действует. Она обслуживает 7 звеньев из 12. Здесь имеются клуб, не хуже чем на центральной усадьбе, баня, электростанция, гараж, столовая. С завершением строительства на культбазе постоянно будут жить жены оленеводов с маленькими детьми. В перспективе появится малокомплектная начальная школа, а следовательно, есть шанс, что в тундру вернутся женщины. Сейчас многие из них не идут в бригаду именно потому, что приходится расставаться с детьми. Культбаза снимет эту проблему.

По этому же пути перестраивают быт оленеводов в совхозе «Пахачинский». Активно обсуждается в округе идея оленеводческой фермы. По мысли ее авторов, она должна состоять из трех производственных участков, на каждом из которых будет добротный жилищно-бытовой комплекс. Есть и другие варианты, но несомненно одно: дальнейшее развитие корякского оленеводства неразрывно связано с улучшением материально-технического обеспечения условий труда и быта оленеводов.

Сельское хозяйство. Контакты с русским земледельческим населением способствовали распространению среди коренных жителей Камчатки новых хозяйственных отраслей — домашнего животноводства и огородничества. Раньше другим новым для себя делом стали заниматься ительмены. Через них земледелие и животноводство постепенно проникало и к корякам. Для перекочевков оленеводы стали использовать лошадей. Они появились также у пастухов в стадах. Медленнее прививалось огородничество и молочное животноводство.

Камчатская администрация проявляла определенную заинтересованность в развитии земледелия и животноводства у коряков, однако чаще всего она сводилась к простому принуждению. Никаких мер по повышению культуры земледелия и животноводства не принималось. Урожай зависел от капризной камчатской погоды. Молочный скот был малопродуктивным. Лошади круглый год находились на подножном корму, быстро дичали и, сбиваясь в табуны, уходили в труднодоступные районы. На них нередко охотились, добывая таким образом корм собакам. К. Дитмар, посетивший в середине XIX в. селения паланских коряков, писал, что коряки «скотоводством занимаются неохотно, только из повиновения начальству».⁸⁰ И все же новые отрасли постепенно все глубже проникали в жизнь оседлых жителей.

О степени распространенности занятий сельским хозяйством среди коряков к началу 20-х гг. нашего столетия можно судить по материалам Приполярной переписи: из 486 хозяйств оседлых коряков в Камчатском округе разведением крупного рогатого скота в 1926—1927 гг. занималось

84, или 17%, земледелием — 106, или 22%. Наибольшее развитие сельскохозяйственные отрасли имели в береговых селениях Тигильского района — Лесной, Воямполке, Кахтане, Кинкиле. Здесь были сосредоточены более 85% крупного рогатого скота, имевшегося у коряков, и большая часть посевов картофеля и овощей.⁸¹

Становление молочного животноводства и овощеводства как отраслей общественного производства коряков началось в самом начале 30-х гг. Первая молочная ферма в округе появилась в 1930 г. на Корякской культурной базе и снабжала своей продукцией, кроме собственных работников, жителей села Каменского. В 1931 г. была получена первая товарная сельхозпродукция в колхозах округа — 100 пудов картофеля реализовала через кооператив «Пенжинская артель».

Поначалу местные органы власти весьма оптимистически рассматривали возможности развития сельскохозяйственного производства. Планировалось, в частности, иметь к 1937 г. 440 га огородов, 720 га картофеля, более 1400 га кормовых культур. В 1934 г. округ должен был перейти на самообеспечение и прекратить завоз продуктов питания.⁸² Однако реализация этих планов встретила большие трудности. Молочное животноводство и овощеводство в колхозах развивались медленно, по мере перехода товариществ на устав артелей. На первых порах колхозы приобретали всего по 1—2 коровы. В 1937 г., например, все колхозное стадо насчитывало лишь 26 голов крупного рогатого скота. К 1941 г. оно увеличилось до 192 голов, колхозные посевы картофеля и овощей занимали 64 га,⁸³ причем большая часть скота и посевов размещалась в русских и ительменских колхозах. У коряков в предвоенные годы сельским хозяйством занималось всего три артели: «Ударник» в Карагинском районе, «Пролетарий» в Тигильском и им. Ленина в Олюторском.

В годы Великой Отечественной войны развитие сельскохозяйственного производства в колхозах и совхозах округа заметно ускорилося. Молочным скотом обзавелось большинство колхозов Тигильского и Карагинского районов, многие хозяйства Олюторского и Пенжинского районов. Трудности со снабжением овощами и картофелем способствовали расширению собственного производства. Посевные площади в колхозах и совхозах почти утроились, в личных хозяйствах увеличились почти в 5 раз. В 1945 г. выращивалось 354 га картофеля, 68 га капусты, а также овес, репа, морковь, кормовые культуры, всего 485 га. Имелись даже собственные посевы табака.⁸⁴

Становление новых отраслей хозяйства в колхозах коряков происходило не просто. Коренное население не испытывало потребности в молоке, овощах и картофеле. Сказывались также отсутствие навыков, дефицит качественных семян, органических и минеральных удобрений, сельхозинвентаря. Ни в одном из колхозов не было агрономов, отсутствовали севообороты, животноводческие помещения. Продолжительный стойловый период — до 270 дней в году — требовал больших запасов сена, но заготовить его в достатке не удавалось, поскольку сенокос совпадал с лососевой путиной. Колхозы были малолюдными, все силы бросались обычно на добычу рыбы. Корма готовили нередко в октябре из сухой травы. Качество такого сена было низким, отсюда и продуктивность скота. В 1945 г., например, в колхозах и совхозах округа на фуражную корову было надоено всего 868 кг молока.⁸⁵

После войны условия для развития сельского хозяйства в колхозах и совхозах округа несколько улучшились. Начались постепенное обновление материальной базы отраслей, строительство животноводческих помещений. Традиционная коса-горбуша на заготовке кормов стала уступать место более современной «литовке». Отдельные колхозы обзаводились простейшей техникой — косилками, конными граблями. Кроме заготовки сена, колхозы стали закладывать силос. В связи с переходом на оседлость вторых членов семей оленеводов появилась возможность направить в сельскохозяйственные отрасли большее число людей. В округе была развернута курсовая подготовка животноводов и овощеводов.

К середине 50-х гг. молочное животноводство и овощеводство повсеместно превращаются в самостоятельные отрасли колхозного производства, во всех хозяйствах появляются животноводческие фермы, полеводческие бригады. Стадо крупного рогатого скота в колхозах и совхозах выросло к довоенному уровню более чем в 6 раз и насчитывало в 1955 г. около 1200 голов. Крупные животноводческие фермы имелись к этому времени в колхозах «Пролетарий» — более 100 голов, им. Кирова, «Ударник», им. Молотова и в некоторых других.

Несмотря на низкую культуру земледелия и животноводства, в округе добивались все же неплохих по тем временам результатов. Если, например, в Центральном районе Российской Федерации (Московская и др. области) надой на фуражную корову составлял в 1953 г. 1220 кг молока, то в колхозах округа — 1236 кг. Картофеля собрали в РСФСР по 91 ц с гектара, в округе — 79 ц.⁸⁶ В Тигильском районе, где условия для развития сельского хозяйства более благоприятны, на фуражную корову в том же году получили 1300 кг молока, а с каждого гектара собрали по 97 ц картофеля. К этому времени среди коряков уже появились опытные животноводы и полеводы. Широкой известностью, в частности, пользовались в 50-е гг. доярка Айпит, овощеводы Юльтын, Танин и др.⁸⁷

К началу 60-х гг. главными производителями сельхозпродукции в округе были колхозы и личные подсобные хозяйства. Колхозы давали более 60% молока, около половины овощей, 29% картофеля. На долю личных подсобных хозяйств, а их имелось в 1959 г. более 2400, приходилось 35% производства овощей, 55% картофеля, но коряков, имевших личные подсобные хозяйства, было немного. Их потребности в огородной продукции по-прежнему были невелики и удовлетворялись за счет колхозного производства. Медленнее приживались сельскохозяйственные отрасли в оленеводческих совхозах. В 1960 г. они имели всего 11 га посевов, по два с небольшим на хозяйство. На их долю приходилось около 1% производства картофеля, 5% овощей, 8% молока.⁸⁸ И все же к началу 60-х гг. у коряков были достигнуты существенные успехи в развитии сельскохозяйственного производства. Оно стало важной сферой приложения труда коренного населения. Только в колхозах в нем было занято 377 человек народностей Севера.⁸⁹

В последующие годы развитие сельскохозяйственных отраслей в округе происходило весьма противоречиво (см. табл. 2). Укрупнение коллективных хозяйств, сопровождавшееся ликвидацией многих национальных сел, преобразование колхозов в совхозы, курс на создание узкоспециализированных хозяйств, различные ограничения и запреты в отношении личного домашнего

Показатели развития сельского хозяйства
в Корякском округе

Вид с.-х. производства	1960	1965	1970	1975	1980	1985	1988
Посевная площадь, га	465	263	401	530	780	2000	2300
в т. ч. картофель	284	232	203	203	—	—	250
овощи	32	23	10	8	—	—	—
Поголовье кр. рог. скота	2400	2000	2200	2200	3500	5000	5233
в т. ч. коров	1100	1100	1200	1200	1400	1800	1800
Поголовье свиней	1500	1300	1200	1800	5200	5900	7933
Поголовье птицы, тыс.	30	—	55	—	77	81	80
Производство мяса, т	3000	2000	3000	3300	3000	3000	3300
Производство молока, т	1000	2800	3000	2200	4000	6000	6000
Производство яиц, тыс. шт.	4	2586	4152	5697	7000	10000	7300
Производство картофеля, т	1162	400	300	600	—	2000	1667
Надой на 1 фур. корову	2042	2344	2616	2946	3087	3232	3472
Яиц на 1 курицу, шт.	...	—	109	—	141	159	171

Примечание. Составлена по: Народное хозяйство РСФСР в 1987 г.: Стат. ежегодник. М., 1988; Народное хозяйство РСФСР в 1988 г.: Стат. ежегодник. М., 1989; Народное хозяйство РСФСР за 70 лет: Стат. ежегодник. М., 1987; Народное хозяйство Камчатской области 1971—1975 гг. Петропавловск-Камчатский, 1977.

хозяйства привели к неоправданному сокращению поголовья животных, посевов картофеля и овощей. Заброшенными оказались сотни гектаров сельхозугодий, которые создавались коренным населением на протяжении многих десятилетий. В Кинкиле, например, молочное животноводство было весьма развито еще в XIX в. К моменту ликвидации села здесь были крупная молочно-товарная ферма, прекрасные пастбища и сенокосы, более 18 гектаров пахотных земель. А ведь судьбу Кинкиля разделили более 20 корякских сел!

В наибольшей степени пострадало от «совершенствования хозяйственной структуры» колхозное огородничество. Площадь колхозных огородов только в 1961—1963 гг. сократилась с 280 до 79 га. Производство картофеля и овощей в округе уменьшилось к 1970 г. более чем в 3 раза. В VIII пятилетке колхозы по существу вообще перестали заниматься этой отраслью. К 1973 г. небольшие посевы картофеля и овощей сохранялись лишь в колхозе «Ударник», но и он ликвидировал их в 1979 г. В небольших количествах, главным образом для нужд медицинских и детских учреждений, картофель и овощи выращивали лишь некоторые совхозы. В 1981 г. они получили 146 т картофеля и 33 т капусты, едва ли десятую часть того, что было получено в 1960 г. в общественном секторе.

Обострение в начале 80-х гг. продовольственной проблемы заставило местные органы власти, руководителей хозяйств изменить отношение к земледелию. В 1983 г. восстановили посевы картофеля и овощей колхозы «Ударник» и им. Бикерова, в 1985—1986 гг. колхоз имени XX съезда партии, совхоз «Пенжинский» и другие. Широкое распространение получило индивидуальное огородничество, в том числе и среди коряков. Число приусадебных участков у них быстро увеличивается. В Славутном, например, в 1982—1986 гг. оно выросло с 50 до 74, у коряков Вывенки первые индивидуальные огороды появились в 1984 г., а уже через три года их было 80.

В целом по округу в 1987 г. приусадебные участки имело 1787 семей народностей Севера из 3098. Размеры приусадебных участков у них невелики — в среднем 2.5—3 сотки, но этого вполне хватает для удовлетворения личных нужд.

В общественном секторе на хорошую основу поставлено производство картофеля в совхозе «Таловский». Это, пожалуй, единственное в округе хозяйство, где почти все операции механизированы. Вручную здесь только садят картофель, и то лишь потому, что высаживают его уже проросшим. Это сокращает вегетационный период, способствует росту урожайности. К сожалению, таких хозяйств немного. В большинстве колхозов и совхозов возрождать картофелеводство приходится практически с нуля — на вновь осваиваемых землях, без средств механизации, с большими затратами ручного труда. Картофелеводство в округе нерентабельно, однако оно позволило сразу же снять остроту проблемы с обеспечением картофеля. Многие национальные села обеспечивают потребности в картофеле за счет собственного производства.

С середины 70-х гг. интенсивно развивается тепличное овощеводство. Вначале теплицы появились в личных хозяйствах приезжего населения, в некоторых колхозах и совхозах. Вскоре ими стали обзаводиться и корякские семьи. В 80-е гг. «тепличный бум» основательно изменил облик национальных сел, и не всегда в лучшую сторону. Из-за трудностей со строительным материалом теплицы делают из различных отходов, они имеют весьма неказистый вид, но число их быстро растет. В 1987 г. у народов Севера Корякского автономного округа имелось 476 теплиц. Производительность таких искусственных огородов достаточно высокая. В селе Славутном, например, в 1986 г. их владельцы, среди которых 56 коряков, не только полностью обеспечили себя тепличной продукцией, но и продали государству около 4 т огурцов и помидоров. У населения было также закуплено 8 т картофеля, около тонны капусты и других овощей открытого грунта.

Общественное тепличное хозяйство в большинстве случаев убыточно, но при правильной постановке дела и оно может стать весьма доходным. В колхозе «Ударник», например, в теплице площадью 700 кв. м овощеводы во главе с Л. И. Гуторовым, кроме помидоров и огурцов, выращивают цветы, шампиньоны, рассаду для продажи населению. Ежегодно колхоз получает от своего тепличного хозяйства до 15 тыс. руб. прибыли.

Быстро растут посевы кормовых культур, однолетних и многолетних трав для нужд общественного животноводства. Освоение целинных земель требует немалых затрат, но они окупаются за два-три года за счет механизированной уборки сена, его высокого качества. В совхозах «Пенжинский», «Таловский», «Корфовский» в XII пятилетке ежегодно осваивалось по 15-20 га целины. К настоящему времени каждый из них уже имеет около 200 га культурных сенокосов, обеспечивающих высокий урожай сеяных трав. Более 100 га осушенной тундры засевают ежегодно овсяно-гороховой смесью в совхозе «Паланский». Это позволяет хозяйству заготавливать до 1200 т дешевого и качественного силоса.

Общественное животноводство в отличие от земледелия развивалось у коряков в рассматриваемый период довольно высокими темпами. Определяющим при этом были интенсивные факторы. Так, поголовье коров в округе в 1960—1988 гг. увеличилось примерно в 1.6 раза, а производство

молока — в 6 раз. Повышение продуктивности связано прежде всего с улучшением кормления животных, их содержания, с ростом общей культуры животноводства. В настоящее время в округе заготавливается до 8 тыс. т сена, 10—13 тыс. т силоса. Кроме них, широко применяются травяная и костная мука, комбикорма, белковоминеральные добавки, зеленая подкормка.

В большинстве хозяйств выстроены новые животноводческие фермы. Применяются средства механизации — навозоуборочные линии, автодойка, автопоилки, механические тележки для раздачи кормов и т. п. Разведением крупного рогатого скота занимаются все оленеводческие совхозы, четыре рыболовецких колхоза из пяти. Наиболее крупными поставщиками молока являются совхозы, они дают ежегодно более 3 тыс. т молочной продукции, более 1 тыс. производится в колхозах.

Развитие молочного животноводства в известной степени сдерживает сбыт молочной продукции. Вывозить ее можно только авиатранспортом, а это невыгодно, слишком велики накладные расходы. Поэтому в большинстве хозяйств ориентируются на собственное потребление. Небольшие молочные фермы имеются в каждом селе. В совхозах «Паланский», «Тигильский», «Тиличикский», расположенных в черте рабочих центров, созданы крупные животноводческие комплексы. В среднем же на каждый колхоз приходится 48 коров, на совхоз — 70. Кроме молочного животноводства, колхозы и совхозы занимаются откормом молодняка крупнорогатого скота. Откормочные группы имеются на всех фермах. Среди скотников, телятниц много коряков. Они добиваются неплохих результатов. В совхозах, например, сдаточный вес молодняка крупного рогатого скота вырос в 1978—1986 гг. со 196 до 287 кг.

В конце 50-х гг. в Корякском национальном округе стала развиваться новая отрасль — птицеводство. Первые корякские колхозы («Ударник», «Тумгутум» и им. Бекерова) обзавелись птицей в 1959 г. Затем птицефермы появились в колхозах им. XX съезда партии, им. Ленина, в совхозах «Корфский», «Пенжинский» и других. В настоящее время птицу держат во всех совхозах и колхозах округа за исключением «Тумгутума», ежегодно производится около 10 млн. яиц, или 86,7% их общего количества. Колхозы и совхозы поставляют также ежегодно до 500 ц мяса птицы, главным образом для детских и медицинских учреждений.

С середины 70-х гг. в структуре животноводческой отрасли округа более заметную роль начинает играть свиноводство. Впервые оно стало развиваться в начале 30-х гг. в подсобных хозяйствах рыбопромышленных предприятий АКО. В 1937 г. сделали попытку заняться свиноводством некоторые колхозы Карагинского района. К 1941 г. во всех категориях хозяйств насчитывалось более 2,5 тыс. свиней. К концу войны, однако, поголовье животных сильно сократилось. Интерес к нему вновь стал появляться лишь в 50-е гг.

В качестве отрасли общественного производства коряков свиноводство существует с 1977 г., когда им стали заниматься колхозы «Ударник» и им. XX съезда партии. В 1978—1979 гг. свинофермы появились в колхозах им. Горького, «Тумгутум», им. Бекерова, а в 80-е гг. и в оленеводческих совхозах. Наиболее крупные свинофермы в настоящее время имеются в колхозах «Тумгутум» — более 500 животных, и в «Ударнике» — более 300, в совхозах «Паланский», «Тигильский» и «Тиличикский». На свинофермах

успешно работает много коряков, однако в личных хозяйствах коренного населения свиней немного. Их держат в основном смешанные в национальном отношении семьи.

Домашние занятия, ремесла и промыслы. В конце XIX — начале XX в. у коряков широкое распространение имели обработка дерева и кости, плетение, выделка шкур, обработка металла. Обработкой дерева, кости, металла занимались только мужчины. Дерево употреблялось для изготовления нарт, лодок, утвари, древков копий и гарпунов, челноков для плетения сетей. В XIX в. из дерева еще продолжали делать луки и стрелы. При обработке дерева пользовались пилой, топором, ножами, сверлом, стамеской, скобелем и другими инструментами, большинство из которых были покупными.⁹⁰ До знакомства с русскими инструментами изготавливались из камня, кости и дерева. Корякские топоры, тесла, наконечники стрел и копий, мужские и женские ножи «пакул» были похожи на чукотские и эскимосские. Немало общего с чукчами и эскимосами имело и оружие коряков.

Луки у коряков были простые и сложные. Простой изготовлялся из лиственницы или ольхи. Его вогнутая сторона обтягивалась широким спинным сухожилием оленя, это обеспечивало ему добавочную эластичность. Сложный лук делался из двух дранок, лиственничной и березовой, что придавало ему большую крепость. Вогнутая сторона этого лука была обтянута сухожилием, а выпуклая задняя — березовой корой. Середина хорошего лука была вогнута внутрь так, что общий его вид до некоторой степени напоминал древнегреческий лук. Оба конца лука состояли из отдельных кусков и были приклеены к нему и, кроме того, привязаны жилами. Тетивой служил ремень из нерпичьей шкуры.

Лук коряки всегда держали вертикально, тетивой к стрелку. Тетиву натягивали указательным пальцем руки, три другие пальца были согнуты, а большой палец придерживал сверху хвост стрелы. Левая рука держала середину лука тремя пальцами, большой и указательный лишь слегка поддерживали древко стрелы. Для того чтоб натянуть этот старинный лук, требовались большая сила и ловкость, необходимо было постоянное упражнение. Лук человека сильного был так туг, что слабый не мог его натянуть.⁹¹

Из кости и рога оленя коряки мастерили утварь, ножи для разделки рыбы, колки и наконечники гарпунов, вертлюги к собачьей упряжи, тормоза для оленьих нарт, гребни для расчесывания травы и другие предметы. Перед обработкой кость распаривали до мягкости и работали теми же инструментами, что и при обработке дерева.

Женщины оседлых коряков занимались плетением. Из корней ивы, стеблей трав, жильных, а затем и покупных ниток изготовляли корзины, мешки, сумочки, циновки, украшенные орнаментом, сети; коряки были хорошо известны своим мастерством по изготовлению ровдуги. Для получения этого вида замши оленью шкуру мочили в течение нескольких дней в воде, после чего счищали шерсть специальным скребком ав,ыт. Для обеспечения водонепроницаемости кожу коптели, получая так называемую дымленину. Существовало три способа изготовления дымленины.⁹²

Для шитья меховой одежды женщины пользовались покупными иголками и нитками из оленьих сухожилий. Шкуры раскраивали на кроильной дощечке особым женским ножом наавала, имевшим широкое закругленное к концам лезвие и короткий черенок. Корячки отлично владели искусством окраски кожи, шкур, волоса животных и нитей. Для получения черной краски брался морской ил или отвар болотного мха, смешанного с толченым углем и с рыбьим клеем, или отвар ягод шикши и женой травы колосняка. Прежде чем сучить из травы кипрея нитки, ее для окраски мочили в морском иле, собранном на берегу после прилива. Толченый уголь, смешанный с рыбьим клеем, мастерицы употребляли для окраски копыльев у нарт, для гравировки на кости, для окраски жильных и крапивных ниток, иногда для гравировки на дереве. Отваром брусники с золой колосняка корячки окрашивали в черный цвет полоски и куски шкур для отделки одежды.

Красную краску разных оттенков делали из охры, ольховой коры и ягод шикши. Охра употреблялась как сухая (для росписи деревянных масок), так и разведенная в воде. Ольховой корой красили оленьи шкуры: ею или натирали выделанные шкуры, или вываривали кору в воде и шкуры мочили в горячем отваре. В первом случае получалась неровная красная окраска, во втором — яркий ровный красно-коричневый цвет. Опытные красильщицы высоко ценились коряками.⁹³

Корячки достигли высокого мастерства в изготовлении одежды и обуви, отличавшихся прочностью, добротностью. Это было, по сути дела, не ремесло, как считает И. С. Вдовин, а высокоразвитое домашнее производство, обслуживавшее потребности отдельно взятой семьи, а не всего корякского общества.⁹⁴

Другое дело — кузнечное ремесло. Кузнецы изготавливали разные предметы преимущественно по заказам и для продажи. Такое производство, даже если оно было тесно связано с домашним хозяйством, может рассматриваться как ремесло.

Центром корякского кузнечества в XIX—начале XX в. были два селения паренских коряков — Парень и Куэл. Здесь знали горячую обработку только железа, другие металлы обрабатывали холодным способом. Заготовками служили слитки железа, листовая медь и латунь, получаемые от русских купцов.

Заслуживает интереса описание техники кузнечного ремесла коряков, сделанное Г. Майделем в 1869 г.: «Коряки выделывают очень хорошие вещи при помощи самого примитивного приспособления. Оно состоит из небольшого меча, лежащего на земле в яме; работник раздувает мех в то время, как хозяин... обрабатывает железо несколькими молотками и другими самыми простыми инструментами на камне вместо наковальни».⁹⁵

Несомненно, что кузнечное ремесло коряков Куэла и Парени могло приобрести характер ремесла после того, как русские начали ввозить железо для продажи местному населению. Паренские и куэлские кузнецы работали по заказам торговцев, а также для менового торго, который вели сами. Купцы снабжали их железом и платили за работу чаем, табаком и другими товарами. Кузнецы и сами ездили по местным ярмаркам и стойбищам кочевых оленеводов, меняя свои изделия на продукцию оленеводства. Ис-

кусные кузнецы пользовались у коряков особым уважением, на кузнечное ремесло смотрели как на божественный дар.⁹⁶

Почти все кузнечное производство коряков ограничивалось изготовлением топоров айлан и вэлоал, женских ножей наввала или паколвала, мужских ножей уйтала или вагилала, сверл мильтигин, браслетов миннэакса, серег кэмэ и других предметов быта и украшений. Материалом служили чаще всего медная проволока и медный лом. Из медной и латунной проволоки делали большие кольцеобразные серги, украшенные подвесками или разноцветным бисером. Подобные украшения распространены у тунгусов и амурских нивхов. По-видимому, форма корякских серег и способ их изготовления заимствованы коряками от амурских народностей через тунгусов Охотского побережья. То же самое можно сказать и о браслетах, изготовлявшихся из полоски железа, накаливаемой докрасна и скрученной щипцами. Производство изделий из серебра, плавка и ковка его были неизвестны корякам, хотя их ближайшие соседи, тунгусы и якуты, делали искусные серебряные вещи.⁹⁷

К началу 30-х гг. XX в. кузнечное ремесло паренских коряков стало для них важной товарной отраслью, хотя и продолжало оставаться сезонным. Кузнечным делом паренцы занимались только в зимние месяцы, обычно с ноября по март включительно. В зиму 1930—1931 гг., например, работало 11 кузниц, в том числе 5 в Парени, 4 в Куэле и 2 в Орnochиках. За это время было произведено 2888 ножей, 35 топоров, 7 багров, 55 наконечников для копий, много других изделий, на общую сумму 3490 руб. Вся продукция была реализована в кооперативах, факториях и на ярмарках.

Сотрудники Корякской культбазы, проводившие в начале 30-х гг. обследование паренского кузнечного ремесла, пришли к выводу о существовании трех типов организации кузнечного дела. К первому относилась кузница известного в Парени китобоя Тутава, бывшего и весьма искусным кузнецом. Тутав сдавал кузницу в аренду другим мастерам. Зимой 1930—1931 г., кроме самого хозяина, в ней работало еще три кузнеца — Ахве, Нутельхут и Кевев. Они работали самостоятельно, сами же и реализовывали произведенную продукцию. Два из трех арендаторов не имели собственного жилья и жили в юрте сына Тутава, которому и отдавали половину выручки. Это была одновременно и арендная, и «квартирная» плата. Сам Тутав имел пять подручных, которые готовили древесный уголь, шлифовали ножи, делали ножны. В конце кузнечного сезона они получали от хозяина по 3-4 ножа, но за ножны Тутав расплачивался особо. По подсчетам работников культбазы, Тутав заработал за зиму 347 руб., каждый из подручных — около 30 руб.

Примером другого типа может быть кузница Чатвиля. Вместе с ним в ней работал его родственник, который отдавал Чатвилю половину своей продукции, второй половиной он распоряжался по собственному усмотрению. И, наконец, еще один тип — совместная работа нескольких кузнецов на равных условиях. Такая кузнечная артель образовывалась в начале сезона и распадалась весной. На этот период средства производства обобществлялись, работали коллективно, но выработка каждого учитывалась.⁹⁸

Местные органы власти неоднократно пытались объединить кузнецов, создать в Парени единую кузнечно-слесарную мастерскую, но владельцы кузниц всячески уклонялись от кооперирования.⁹⁹ Кузнечное ремесло стало

частью колхозного производства уже в годы войны, когда местное товарищество перешло на устав сельхозартели. Паренские кузнецы Ахве, Оптиле, Хутев, Оптоят и другие выполняли срочные заказы фронта — добротные охотничьи ножи ценились у воинов так же высоко, как и у оленеводов. Ничуть не меньше работы было у них и в послевоенные годы. Парень снабжала окрестные колхозы и совхозы вертлюгами для оленьих и собачьих упряжек, деталями охотничьих капканов, топорами, цепями и, конечно же, по-прежнему знаменитыми паренскими ножами. Так было до лета 1986 г., когда заболел и прекратил работы последний паренский кузнец Василий Татович Оптоят.¹⁰⁰

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

момента восстановления Советской власти на Камчатке экономическое положение ее жителей сильно ухудшилось. Местное хозяйство стало приходить в расстройство в связи с прекращением регулярных товарных связей с центральными районами сразу после начала первой мировой войны. С 1917 г. завоз товаров, продовольствия, промышленного снаряжения еще более сократился. Огромный ущерб экономике нанесла гражданская война. Бесконечные реквизиции вконец разорили оленеводское хозяйство тайгоносских коряков, большой урон понесло оленеводство в Тигильском районе. Сократилась добыча рыбы, повсеместно эпизодически вспыхивали голодовки.

Советское правительство неоднократно пыталось помочь населению Камчатки. Совет народных комиссаров (СНК) РСФСР еще в 1921 г. выделил для организации товарной экспедиции на полуостров 500 тыс. руб. золотом, однако политическая обстановка так и не позволила осуществить запланированную экспедицию.¹ Реальная помощь народам Камчатки пришла лишь два года спустя. Летом 1923 г. в Гижигу, Найхан и другие северные села были доставлены продукты и товары на 483 тыс. руб. Одновременно был заключен договор о снабжении Камчатской губернии всем необходимым с английской компанией «Гудсон Бей», имевшей на полуострове свои фактории. Отсутствие необходимых товаров, трудности с их доставкой заставляли пользоваться услугами иностранных предпринимателей, но уже в 1942 г. монопольное право на снабжение населения перешло к советской торговой организации — Охотско-Камчатскому акционерному рыбопромышленному обществу (ОКАРО). В короткий срок оно завезло в северные районы Дальнего Востока товаров на 2767 тыс. руб.²

В 1925 г. ОКАРО сменил на Камчатке Дальгосторг. Наибольшее распространение государственная торговля получила на Восточном побережье, на Западном — торгово-заготовительные операции сосредоточились в руках кооперации. В 1926 г. в районах расселения коряков работало 4 государственных и 6 кооперативных торговых пунктов. Этого явно не хватало, поэтому там, где не было государственной и кооперативной торговли, разрешалась частная.

На случай стихийных бедствий, неудачного промысла в центрах экономического тяготения коряков создавались хлебозапасные магазины. Они

имелись в Караге, Каменском, Пенжино, Гижиге и кроме снабжения продовольствием и товарами первой необходимости проводили также кредитные операции.

Важную роль в организации планомерного снабжения народов Камчатки всем необходимым сыграли ярмарки. Возникшие по инициативе камчатского губернатора В. С. Завойко в середине XIX в., они быстро вошли в традицию, стали местом торговли, натурального обмена и общения различных групп коренного населения. В 1924 г. решено было возобновить деятельность шести ярмарок. Особой популярностью пользовались Чукотская (в 150 км от села Пенжино на р. Палпал) и Апукская. Апукская была наиболее крупной ярмаркой, здесь собиралось в отдельные годы до 400 человек, в том числе 150—200 кочевников. Участие в ярмарках было обязательным всех торгово-заготовительных организаций и частных. В 1926 г. на Апукской ярмарке было закуплено пушнины на 8900 руб., совершено много других торговых и обменных сделок. Обычно здесь продавали свою продукцию паренские кузнецы.³

Установление государственной и кооперативной торговли нанесло сильный удар по деятельности частных торговцев. Вместе с другими мерами (освобождение народов Севера от прямых общегосударственных и местных налогов, установление твердых цен на пушнину и продукцию оленеводства, целевое кредитование отраслей северного хозяйства и др.) оно обеспечивало надежную защиту коренного населения от торговой эксплуатации, способствовало подъему производительных сил народов Камчатки.

В восстановлении промыслово-оленьеводческого хозяйства коряков особенно большую роль сыграла кооперация, которая возникла на Камчатке в 1917 г. Восстановление Советской власти активизировало кооперативное движение. В июне 1923 г. возобновил свою работу Хайрюзовский кооператив. Вскоре среди его пайщиков было 5 кочевых коряков. В 1924—1925 гг. потребительские кооперативы или их отделения появились также в Тигиле, Палане, Лесной, Дранке, Пенжино, Гижиге. Коряки являлись в них не только пайщиками, но и работали в административно-управленческом аппарате.

Параллельно с потребительской разворачивалась работа промысловой кооперации в виде различных артелей. В 1924—1925 гг. они возникли в Тигиле, Палане, Уке, Караге, Ивашке, Кичиге, некоторых других селах. В 1926 г. в их составе работало более 450 человек. Для координации деятельности кооперативов всех типов в марте 1926 г. был создан Камчатский районный союз.⁴

Во второй половине 20-х гг. в районах Севера произошла реорганизация кооперативной системы. Вместо потребительской и промысловой была создана единая интегральная кооперация. Она выполняла не только снабженческие, торгово-заготовительные и кредитные функции, но и производственные. Перевод камчатских кооперативов на интегральный устав начался в 1928 г. В ходе реорганизации были созданы Камчатский областной, а также Корякский окружной районные интегралсоюзы.⁵

Интегральная кооперация быстро завоевала популярность у народов Севера. Кооперативы или их отделения появляются в большинстве корякских сел. В 1929 г. они открылись в Тигиле, Палане, Караге, Гижиге, Каменском, в 1930 г. — в Лесной, Ивашке, Микино, Тиличихах, Пахаче,

в 1931 г. — в Воямполке, Кахтане, Рекинниках, Хайлюлино, в 1932 г. — в Ветвее. Всего в 1929—1933 гг. в корякских селах было открыто 20 отделений интегралсоюза. Паевой капитал интегральной кооперации округа составлял в 1932 г. 69 825 руб., товарный оборот — 1349 тыс. руб. В кооперативах состояло 3598 человек, половина из них — коряки и другие народы Севера.⁶

Создание интегральной кооперации открывало благоприятные возможности для производственного кооперирования, которое встретило у коряков, особенно у оседлых, полное понимание. Кооперативные артели на полученные кредиты обзаводились лодками, более производительными орудиями лова. Появлялась возможность не только в достатке обеспечить себя юколой, но и продать часть улова, получив за него продукты, необходимые товары и снаряжение. Преимущества кооперативного труда были, таким образом, очевидны, и это способствовало быстрому росту числа промысловых артелей. На 1 января 1932 г. в Корякском национальном округе имелось 37 коллективных объединений. В них состояло 877 хозяйств коряков. Из 37 артелей 31 была создана у береговых жителей.⁷ Производственное кооперирование кочевых коряков шло медленнее.

Первичные производственные кооперативы, выросшие из недр старых производственных объединений коряков (байдарных артелей, бытовых объединений по совместному выпасу оленей и др.), были во многом похожи на них. Коллективный труд в них распространился лишь на одну отрасль хозяйства. Завершив хозяйственную кампанию, деятельность кооператива прекращалась до будущего года. Распределение полученной продукции также производилось на основе привычного, уравнительного, принципа. Но были и существенные отличия: отсутствие эксплуатации на почве владения средствами производства, более тесные экономические связи между традиционным хозяйством и государственной промышленностью, широкие возможности саморазвития коллективного объединения, перехода от низших к более высоким формам.

Сегодня, конечно, трудно судить, к каким именно формам цивилизованной кооперации могла привести артели их естественная эволюция на основе общего производственного подъема. Совершенно очевидно одно: к началу 30-х гг. они далеко не исчерпали свои потенциальные возможности. К сожалению, развернувшаяся в стране в конце 20-х гг. сплошная коллективизация определила судьбу не только сельскохозяйственной кооперации земледельческих районов, но и доколхозных форм промысловой кооперации народов Севера.

С 1930 г. в Корякском национальном округе начинается интенсивный перевод первичного производственного кооперирования в русло колхозного строительства. Как и в целом по стране, процесс этот сопровождался массой ошибок и перегибов. Чрезмерными были темпы создания колхозов. Тигильский райисполком, например, уже в апреле 1930 г. объявил свой район «ударным в переходе на сплошную коллективизацию». Ставилась задача добиться стопроцентного вовлечения в колхозы к 1 июля 1930 г.⁸ Не менее форсированно создавались колхозы в других районах.

В 1932 г. темпы коллективизации еще больше усилились. Только в первом квартале было создано 10 новых колхозов. В колхозное строительство стали втягивать кочевых коряков. К апрелю 1932 г. в Тигильском районе было уже 7 оленеводческих артелей. Два оленеводческих колхоза имелись

в Карагинском районе (по рекам Кичиге и Тымлату), по одному — в Олюторском (Култушинская артель) и Пенжинском (у тайгоносских коряков).⁹

К 1 января 1933 г. сеть коллективных хозяйств в округе состояла из 51 колхоза и двух коммун. В них насчитывалось 1109 хозяйств, или 55%. Из 2617 колхозников более тысячи человек составляли коряки, 460 — ительмены, 279 — русские, более 200 — эвены и чукчи. У коряков появились села, где коллективизация была практически завершена (это Воямполка, Кинкиль). Все колхозы к этому времени были переведены на артельный устав. В них обобществленные средства производства и различное имущество исчислялись суммой в 113 тыс. руб.¹⁰

Создание колхозов в 1932—1933 гг. проходило в сложной политической обстановке. I окружной съезд Советов обязал окрисполком «твердо и неуклонно подготавливать базу для ликвидации кулачества как класса на базе сплошной коллективизации».¹¹ Выполнение этого решения не могло не привести к обострению отношений с крупными оленеводами, которые все еще пользовались большим влиянием на массы. Коллективизация в глубинных районах тундры встречала с их стороны сильное сопротивление; они убивали оленей («все равно русским достанутся»), усилили антиколхозную агитацию, имела место «раздача» оленей бедноте, перекочевки в труднодоступные районы.

Острые столкновения происходили при закупке оленей для создававшихся оленеводческих совхозов. В этом деле на местах были допущены серьезные перегибы: твердые задания устанавливались без учета возможностей хозяйства, под налоговый пресс попадали середняки и даже малооленные. Хозяйственные организации не вовремя рассчитывались за купленных оленей. Имелись случаи принудительного изъятия.

На почве ошибок и перегибов в округе к середине 1932 г. создалось весьма тревожное положение. Массовое недовольство и открытые протесты имели место не только в тундре, но и у оседлого населения. Антисоветские выступления крестьянства в зерновых районах страны в 1930—1931 гг.¹² перекинулись в 1932 г. на многие районы Севера.¹³ ЦК ВКП(б) вынужден был решительно осудить существующую практику колхозного строительства, потребовал прекратить сплошную коллективизацию, допуская лишь ее первичные формы. Категорически запрещалось создание коммун. Организация артелей разрешалась, если для этого были соответствующие условия. В противном случае они должны были переводиться на устав простейших производственных объединений. Более реалистически определялась политика в отношении различных социальных групп у народов Севера.¹⁴

Подлинные причины перегибов в колхозном строительстве у народов Севера невозможно понять в отрыве от общей обстановки в стране. Известно, что борьба вокруг преобразования сельского хозяйства, которая велась в высших эшелонах власти в конце 20-х гг., завершилась победой И. В. Сталина и его сторонников. Истинный смысл их плана сводился в тот момент к решению узкой практической задачи: ликвидировать трудности с хлебозаготовками, в кратчайший срок и с наименьшими затратами обеспечить поступление товарного зерна. Колхозы позволяли весьма эффективно и безболезненно изымать у крестьян хлеб. Отсюда и та спешка, с которой насаждались они в зерновых районах.

Для подобной спешки на Севере таких оснований не было. Главное его богатство — пушнина — исправно поступало государству и без колхозов. Что же касается рыбы, продукции оленеводства, то они по большей части были тогда недоступны в силу специфичности северных условий, слабости материально-технической базы государства. Оно не могло обеспечить производительную работу даже первичных кооперативных объединений. Промысловые артели вечно простаивали из-за отсутствия соли, тары. С Камчатки годами не вывозилась заготовленная кооперативами рыба.

В таких условиях, казалось бы, необходим взвешенный подход к решению задач, которые в тот момент были не под силу государству. И многие партийные документы ориентировали хозяйственное строительство на Севере именно на такие подходы.¹⁵

Но в том-то и дело, что политически верные оценки партийных съездов и пленумов оставались лишь красивыми словами.

Сталинская политика «подхлестывания страны», естественно, не могла оставить в стороне и северные районы. В конце 1929 г. Госплан РСФСР в спешном порядке разрабатывает директивы по составлению перспективного плана социалистической реконструкции и развития народного хозяйства Крайнего Севера на оставшийся отрезок пятилетки. Центральным ведомством и организациям предписывается, не дожидаясь получения материалов с мест, немедленно приступить к составлению планов и представить их в Госплан РСФСР не позднее 31 марта 1930 г.¹⁶

«Громадьё планов» буквально захлестнуло организации и ведомства, причастные к хозяйственному строительству на Севере. Об их характере можно судить хотя бы по таким наметкам: довести на Чукотке поголовье оленей до 2 млн. голов; создать в бухте Корф угольные копи на 100 тыс. т; проложить шоссейные дороги Петропавловск—Большереецк—Хайрюзово—Палана—Каменское—Парень и Каменское—Тиличики; переселить на Север 5 млн. человек и т. п.¹⁷ И все это за каких-то несколько лет! Трудно сказать, чего было больше в этих планах — политического авантюризма или полнейшего незнания Севера и его экономики.

Бурному развитию промышленности должно было соответствовать и промыслово-олeneводческое хозяйство народов Севера. Для этого, считал Госплан РСФСР, необходимо перевести его на рельсы социалистического хозяйства путем «организации крупных коллективных хозяйств, коммун, а также совхозов».¹⁸ Другими словами, реконструкция техническая должна была сопровождаться реконструкцией социальной, т. е. коллективизацией.

Всецело поддержал эту идею и VII Пленум Комитета Севера при ВЦИК в апреле 1930 г. Правда, Пленум оговорился, что «поспешно и неумело проведенная сплошная коллективизация с ликвидацией кулачества, как класса, может в корне разорить туземное хозяйство, разрушив оленеводство и обратив всех туземцев в иждивенцев государства».¹⁹ Но что могла значить эта оговорка, если вслед за решением Пленума Комитета Севера на места поступило постановление СНК РСФСР, в котором без всяких оговорок предлагалось «разработать мероприятия по ликвидации крупных феодальных оленеводческих хозяйств».²⁰

Опасения Комитета Севера полностью оправдались: традиционное оленеводческое хозяйство коряков действительно оказалось разрушенным. Чрезвычайные меры борьбы с крупными оленеводами сильно изменили его лицо.

Так, например, в Пенжинском районе средняя обеспеченность оленями в 1931—1934 гг. сократилась в бедняцких хозяйствах с 54 до 47 оленей, в середняцких — с 575 до 160, у зажиточных — с 2300 до 440.²¹ На практике это означало ликвидацию «как класса» не только кулака, но и середняка, ибо бедняцкими в районе считались хозяйства, имевшие до 300 оленей.

Разрушенным оказался и сам жизненный уклад оленеводов. С ликвидацией многооленных хозяйств была ликвидирована и материальная основа существования кочевых стойбищ. Часть хозяйств, лишившись оленей, оседала в береговых поселках, другие вынуждены были образовывать новые стойбищные коллективы. Рвались родственные и семейные связи, менялась вся система взаимоотношений в обществе, рушились устои традиционного миропонимания. Проведенные в 1933—1934 гг. меры по устранению перегибов в большинстве своем уже не могли ничего кардинально изменить. С оленеводами рассчитались за купленных оленей, а большинство колхозов перевели на устав ППО.

С осени 1934 г. в округе начинается новая кампания по вовлечению в колхозы кочевников. На этот раз она оказалась более успешной, и решающую роль здесь, безусловно, сыграли новые социальные отношения среди оленеводов. В основе вновь возникших стойбищных коллективов лежала теперь не материальная зависимость, а трудовое сотрудничество.

Элементы неравенства и даже определенные виды эксплуатации имели место, как показывал В. М. Крылов, и в таком стойбище,²² но сущность стойбищной жизни определяли уже не они, а коллективный труд, уравнительный принцип распределения полученной продукции. Как только из жизни стойбища исчез «хозяин», владелец крупного стада с присущей ему системой взаимоотношений, исчезла и последняя серьезная преграда на пути коллективизации кочевников. К концу 1935 г. в округе имелось 26 оленеводческих коллективных хозяйств, в том числе 3 артели и 23 товарищества. Всего же колхозная сеть состояла из 59 хозяйств.²³

К цифрам этим, безусловно, надо относиться достаточно критически. Далеко не все товарищества, значившиеся в официальной отчетности как оленеводческие, были таковыми на самом деле. В Пенжинском районе, например, к оленеводческим были отнесены Микинское, Орночкское и даже Каменское товарищества, хотя это были типичные береговые артели, в состав которых входило по нескольку семей оленеводов. «Лукавая цифра», скорее всего, понадобилась для демонстрации успехов колхозного строительства среди кочевников. На самом деле успехи эти у пенжинских коряков были более чем скромными. Накануне коллективизации в Пенжинском районе имелось в 2 с лишним раза больше кочевых хозяйств, чем в Тигильском, а создано здесь было оленеводческих товариществ в 3 раза меньше. Собственно говоря, непосредственно у пенжинских коряков имелось всего одно оленеводческое товарищество, созданное на базе кочевых стойбищ, — Ассоеемское. В конце 30-х гг. появится еще одно — в районе Подкагерной. И это все. Невольно напрашивается вывод: провести коллективизацию оленеводческого хозяйства пенжинских коряков стало возможным лишь после того, как перестало существовать само это хозяйство в его традиционных формах. Значительная часть оленей к тому времени находилась в совхозах, другая, не менее значительная, была уничтожена в годы массовой коллективизации. В колхозы вступали по сути дела уже

бывшие оленеводы — хозяйства, потерявшие или почти потерявшие оленей. И именно поэтому процесс коллективизации кочевников шел здесь на базе береговых товариществ и колхозов.

Аналогичной была ситуация в Олюторском районе, но там кочевые хозяйства изначально были малооленными. В Тигильском же и Карагинском районах, где оленеводство меньше пострадало в процессе принудительной коллективизации, сохранились материальные предпосылки для создания оленеводческих товариществ на базе кочевых стойбищ и объединений.

В отличие от земледельческой российской деревни у коряков членами колхоза становилось сразу все стойбище или поселок. Исключения случались редко. Вне колхоза оказывались обычно шаманы, «кулаки», и то, как правило, не по своей воле. Все это, однако, не означало, что становление колхозов было у коряков простым и легким. Поначалу образование колхоза мало нарушало привычный порядок жизни. Колхозники продолжали кочевать отдельными стойбищами, реально объединяясь только на время рыбного промысла. С наступлением осени такой «колхоз» фактически прекращал существование.

Преимущества новой организации труда осознавались населением не сразу. В вывенской кочевой группе, например, это произошло на третьем году существования товарищества. В 1933 г. здесь впервые объединили всех оленей в одно общее стадо 1700 голов. Они по-прежнему оставались в личной собственности, но пасло их теперь не 40—50 пастухов, как раньше, а всего 5 человек. Остальные смогли принять участие в рыбном промысле. Это позволило не только обеспечить всех членов товарищества рыбой на зиму, но и продать ее государству на 10 тыс. руб.²⁴ Экономический результат подобного разделения труда говорил сам за себя.

Процесс становления новых форм хозяйствования занял у коряков довольно длительное время. Экономист Госплана РСФСР И. Скачков, посетивший Пенжинский район в 1936 г., писал о его колхозах: «Нигде нет учета и отчетности, распределение продуктов и доходов производится по потребностям или усмотрению председателя. Многие товарищества существуют разве что на бумаге. На самом деле это единоличные хозяйства, которые районный интегралсоюз считает товариществами. Никаких общественных фондов у них нет. Добытой продукции на год не хватает. Те редкие хозяйства, которые пытаются ловить рыбу на продажу, по три года не получают расчетов».²⁵

Ярким примером типичного корякского «колхоза» середины 30-х гг. может служить Апузское смешанное товарищество в Олюторском районе (нынешний колхоз им. XX партсъезда). Главной его задачей в 1936 г., т. е. спустя пять лет после создания, была добыча рыбы для личного потребления. Зимой колхозники занимались извозом и пушной охотой — каждый сам по себе. Организация труда, учет произведенной продукции и ее распределение, режим работы — все это оставалось таким же, как и до организации товарищества.

Распределялся улов формально между ловцами, но после распределения вся рыба сносилась в общий амбар — юкольник. Ею пользовался каждый член артели по потребности. Заготовленной юколы на зиму не хватало. В 1936 г. она закончилась в марте. Председатель артели так объяснил истощение запасов: «Много людей приезжало из Хатырки, им давали на дорогу

юколу». По его подсчетам на «гостевание» из улова 1935 г. ушло более 70 тыс. штук лососей, или около 20%.²⁶

Как видим, Апукский колхоз на шестом году своего существования весьма отдаленно напоминал социалистическое предприятие. И таких было большинство. Относительно быстро товарное производство, новые формы хозяйствования приживались лишь в тех немногих колхозах, которые оказывались в непосредственной близости от государственных предприятий рыбной промышленности. К началу 40-х гг. у коряков имелось всего 5—6 таких хозяйств, в том числе «Новая жизнь» и «Ударник» в Карагинском районе, им. Ленина и им. Горького в Олюторском. На Западном побережье товарным рыболовством корякские колхозы до Великой Отечественной войны почти не занимались. В Тигильском районе, например, в 1940 г. на их долю пришлось около 1% проданной государству рыбы — менее 1 тыс. ц.²⁷

К середине 30-х гг., когда в Корякском национальном округе были заложены основы колхозного строя, коллективные хозяйства коряков по уставным формам делились на два основных вида — артели и простейшие производственные объединения (товарищества). По хозяйственному направлению они подразделялись на оленеводческие, рыболовецкие и смешанные. Последние были представлены 13 типами: оленеводческо-охотничьи; оленеводческо-охотничье-рыболовецкие; рыболовецко-охотничьи; рыболовецко-олениводческо-охотничьи; сельскохозяйственно-рыболовецко-охотничьи и т. п.²⁸

Видовых артелей и товариществ, т. е. таких, где деятельность сосредотачивалась только в одной отрасли хозяйства, было немного: 19 чисто оленеводческих, в том числе 9 в Тигильском районе, 7 в Карагинском и 3 в Пенжинском, и рыболовецкое товарищество в Парени. Следует, однако, иметь в виду, что любое деление по хозяйственным типам было весьма условным. До тех пор, пока в колхозах не получило достаточного развития товарное производство, важнейшим хозяйственным направлением большинства из них оставалось рыболовство. Достаточно сказать, что у 83% кочевых хозяйств Олюторского района главной отраслью было рыболовство, а не оленеводство.²⁹

Непосредственное руководство колхозами до 1936 г. осуществляли районные интегралсоюзы. Все артели и товарищества были их коллективными членами. Интегральные кооперативы выступали посредниками между колхозами и государством, вели их организационно-хозяйственное укрепление, оказывали финансовую и материальную помощь, способствовали развитию товарного производства.

В 1936 г. интегральная кооперация в стране была ликвидирована. Формальным поводом для такого решения служили успехи колхозного строительства. Действительно, по мере укрепления колхозов интегральная кооперация постепенно лишалась важнейших своих функций — производственных. Совершенствование орудий труда, техническая реконструкция, проведение хозяйственных кампаний — все это становилось теперь составной частью колхозного производства. За интегралсоюзами оставались лишь торговля и заготовки. Произошло «разинтегрирование» кооперативов, они перестали отличаться от потребительских. Кроме того, к середине 30-х гг. повсеместно сформировались местные хозяйственные органы — районные и окружные

земельно-промысловые отделы. К ним стало переходить оперативное руководство колхозами. В таких условиях сложившаяся система управления северным хозяйством, безусловно, нуждалась в изменениях, но полная ее ликвидация оказалась, на наш взгляд, преждевременной.

Во-первых, явно преувеличенной была оценка успехов колхозного строительства. Выше мы уже видели, что представляли из себя к середине 30-х гг. коллективные хозяйства коряков. Во-вторых, местные Советы и их земельно-промысловые органы оказались далеко не равнозначными по своим возможностям и авторитету союзным организациям интегральной кооперации. И, наконец, главное. Северное хозяйство, оставшееся, как и прежде, комплексным, в результате необдуманной реорганизации оказалось поделенным между различными ведомствами. Охотничий промысел отошел к «Союзпушнине», рыбная отрасль вначале была передана Акционерному Камчатскому Обществу (АКО), а спустя несколько месяцев — Всесоюзному союзу рыбацких колхозно-кооперативных организаций (Рыбакколхозцентру), оленеводство и сельскохозяйственное производство оказались в подчинении Наркомзема и местных земельных отделов.³⁰ Позднее все это приведет к серьезным диспропорциям в развитии традиционного хозяйства народов Севера.

Важную позитивную роль в организационно-хозяйственном укреплении колхозов сыграла государственная рыбная промышленность. Ее предприятия активно способствовали развитию колхозного рыбного промысла; снабжали колхозы катерами, кунгасами, различными орудиями лова, в неограниченном количестве принимали выловленную рыбу. Отдельные колхозники-коряки стали постепенно осваивать здесь профессии мотористов, засольщиков, мастеров лова. Примеру береговых коряков вскоре последовало и кочевое население. Некоторые хозяйства спускались летом к устьям рек, на морское побережье, чтобы принять участие в государственном промысле.

Промышленное рыболовство повышало материальное благосостояние колхозников, способствовало формированию коллективной собственности, и не случайно переход к артельной форме коллективизации произошел раньше всего в товариществах, занятых промышленным рыболовством. Уже в довоенные годы на устав рыболовецкой артели перешли в Пенжинском районе товарищества им. Сталина (Микино), в Олюторском — им. Ленина, в Карагинском — «Новая жизнь» и др. Всего в 1940 г. на артельном уставе в Корякском национальном округе работало 24 хозяйства, в том числе 21 рыболовецкое. Отдельные хозяйства имели неделимые фонды в 200—300 тыс. руб.³¹

Медленнее шел этот процесс в оленеводческих товариществах. Для них предвоенные годы характерны главным образом укрупнением, причем происходило оно по инициативе самих колхозников. Так, например, Тигильский райисполком в ноябре 1939 г. вынужден был констатировать, что произошло фактическое слияние трех оленеводческих товариществ: «Каюю», им. 18 партийного съезда и им. Кирова. Все они собрались в Седанке кочевой и образовали единое правление. В том же году и примерно таким же способом произошло объединение товариществ «Оленевод» и им. Жданова; кочевые коряки товарищества «За новую жизнь» объединились с паланским оседлым колхозом «Пролетарий». В итоге к январю 1941 г. в Тигильском районе вместо 9 оказалось 5 оленеводческих товариществ:

«Пролетарий», им. Молотова, «Восход», им. Кирова и им. Жданова.³² Укрупнение хозяйств имело место и в других районах округа.

Важнейшим условием перехода товариществ на устав артели было наличие у них коллективной собственности. Имелось три основных источника ее формирования: обобществление средств производства, государственные ссуды и кооперативные накопления. После неудачного опыта в начале 30-х гг. обобществление оленей производилось крайне осторожно (к началу войны в колхозах имелось лишь 10 984 оленя, или 8,7%³³) и было завершено в основном лишь в 1945 г. К этому времени в колхозах состояло 2285 хозяйств, или более 94%. Средства производства были обобществлены на 72,2%.³⁴ Однако товарищества продолжали существовать и в послевоенное время. В 1945 г. их было два: «Ударник» в Подкагерном и «Оленевод» в Тылхое. В декабре того же года Пенжинский райисполком вынес решение об объединении «Оленевода» с рыболовецким колхозом им. Водопьянова. К моменту объединения товарищество все еще носило натурально-потребительский характер. В нем состояло 41 хозяйство — 144 человека. Большая часть трудоспособных была занята в оленеводстве, кочевой образ жизни вели и члены семей пастухов. Кроме оленеводства, занимались также рыболовством и подсобными промыслами.³⁵ Последнее корякское товарищество «Ударник» прекратило существование в конце 1950 г. Оно вошло в состав рыболовецкого колхоза «Вперед к коммунизму» (с. Рекинники). На этом коллективизация у коряков была завершена.

Что представляли собой корякские колхозы к началу 50-х гг.? Из 46 колхозов, имевшихся в округе на 1 июня 1950 г., коряки преобладали в 24. Четыре из них находились на уставе сельскохозяйственной артели, остальные — на уставе рыболовецкой.³⁶ Независимо от уставной формы все они были комплексными хозяйствами. Устав определял лишь направление ведущей отрасли. В сельскохозяйственных артелях такой было оленеводство, но оленей имели также и рыболовецкие колхозы. К этому времени у многих колхозов появились новые отрасли хозяйства: огородничество, молочное животноводство, подсобные промыслы (об этом подробно говорилось в предыдущей главе).

Дальнейшее развитие получили социалистические производственные отношения. Во всех хозяйствах стала господствующей общественной собственностью. Основные средства производства в колхозах Корякского округа составляли в 1947 г. более 19 млн. руб., неделимые фонды — более 11 млн.³⁷ Главным звеном колхозного производства являлась бригада, все хозяйства имели финансовые планы, в некоторых появились бухгалтерии, но преобладал все же первичный учет. Были преодолены в основном уравнилельные принципы распределения продукции.

Более устойчивую экономику к началу 50-х гг. имели сельскохозяйственные колхозы. У них были выше среднегодовой валовой доход, стоимость трудодня, заработная плата, но в целом все колхозы были экономически слабыми. Судьба северной деревни ничем не отличалась от судьбы колхозной деревни вообще.

У рыболовецких колхозов округа была своя «первая заповедь» — выполнение государственных планов добычи рыбы, которые, как правило, не соответствовали возможностям колхозов. Задания систематически не выполнялись, и, чтобы рассчитаться с государством, колхозы вынуждены были

продавать улов, предназначенный для колхозников. В Тигильском районе, например, доля рыбы, оставляемой в колхозах на эти цели, сократилась в 1945—1949 гг. с 27 до 5,8%. И, видимо, не случайно население таких сел, как Кинкиль, Лесная, Воямполка, Кахтана, сократилось в эти же годы на 20%.³⁸

Во многих рыболовецких колхозах годовой доход семьи из двух трудоспособных составлял не более 2,5 тыс. руб., включая и натуральную оплату. На трудодень выдавалось обычно одна-две «кислых» рыбины для собак и 500—800 г пищевой соленой рыбы, в удачный промысловый год — до 2 кг. В колхозах, где занимались огородничеством, в натуральную оплату могло входить немного овощей или картофеля. Выдавать на трудодни оленье мясо рисковал не всякий председатель, поскольку за это серьезно наказывали, да и стада в рыбартелях были невелики. Побочные заработки (пушной промысел, индивидуальная рыбалка, извоз и др.), как правило, превосходили колхозные. В целом же совокупный доход колхозной семьи из 4—5 человек составлял в месяц 400—420 руб. по денежному курсу 1947 г.³⁹

Легче жилось в материальном отношении колхозникам в оленеводческих колхозах. Они зарабатывали больше трудодней,⁴⁰ а следовательно, и получали больше натуральной продукции, в том числе мясо. Подспорьем служили личные олени, они имелись примерно у 66% хозяйств колхозников. Оленеводческие артели формально не имели государственного плана добычи рыбы, и, хотя на практике им тоже давали обязательные задания, выполнение их не требовало такого напряжения, как в рыбоколхозах. Можно было заготовить больше рыбы для себя. Наконец, члены семей оленеводов большую часть года проводили в табунах, а следовательно, и питались вместе с пастухами из колхозного стада.

В 1950 г. на один сельскохозяйственный колхоз в округе приходилось в среднем 85 трудоспособных, на рыболовецкий еще меньше. Имелись артели в 25—30 трудоспособных. Вести таким числом людей комплексное хозяйство без должной материально-технической базы было невозможно. Социальная реконструкция промыслово-олениводческого хозяйства коряков явно опережала техническую. К началу 50-х гг. колхозы все еще не вышли из стадии «мануфактурного развития», преобладал ручной труд. Экономические трудности, связанные с низкой производительностью, усугублялись командно-бюрократической системой управления колхозами. Особенно страдали рыболовецкие артели, которые оказались в двойном подчинении — у рыбколхозсоюзов и земельных отделов местных исполкомов. Каждый из них «болел» за свой участок, а в итоге и рыболовство, и другие отрасли явно отстали в своем развитии.

Улучшению руководства колхозами, устранению дублирования, перекосов в планировании способствовали меры, проведенные в округе в начале 50-х гг. Вместо земельных были созданы отделы рыбной промышленности, которые стали заниматься всеми отраслями хозяйства. Одновременно ликвидировали межрайонные рыбколхозсоюзы. Была предпринята попытка укрепить экономику наиболее слабых рыболовецких артелей за счет их слияния с рентабельными оленеводческими хозяйствами. В результате к 1 января 1953 г. в Тигильском районе осталось 5 корякских колхозов: рыболовецкий и 4 оленеводческих. В них работало около 1200 коряков, или 88% всех колхозников района. В Пенжинском районе число колхозов

у коряков сократилось до трех, у карагинцев и олюторцев на этом этапе существенных изменений в колхозной сети не произошло. Из 20 рыболовецких колхозов, имевшихся на Восточном побережье к январю 1953 г., коряки преобладали в 10.

Реорганизация колхозной сети сыграла некоторую положительную роль, однако она не могла решить насущных вопросов развития колхозов народов Севера. Для этого требовались совсем другие меры. Они стали осуществляться лишь в условиях демократических преобразований, развернувшихся в стране после XX съезда партии. В марте 1957 г. ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление «О мерах по дальнейшему развитию экономики и культуры народностей Севера». В постановлении отмечались серьезные недостатки в руководстве колхозным строительством в северных районах, запущенное состояние и низкая товарность основных отраслей хозяйства.⁴¹

Реализация положений постановления потребовала изменения существующей хозяйственной структуры. На повестку дня встал вопрос о новом укрупнении колхозов. Оно началось в 1957 г. и носило массовый характер. К 1965 г. у коряков не было ни одного колхоза, которого не коснулось бы укрупнение. В Карагинском и Олюторском районах в результате этой кампании осталось по три колхоза, в Тигильском и Пенжинском — по два. В Тигильском районе произошло не просто укрупнение. Существовавшие здесь оленеводческие артели вначале объединились с сельскохозяйственными колхозами ительменов, а затем, в процессе повторного укрупнения, перешли на устав рыболовецкой артели.

К середине 60-х гг. у коряков сформировались крупные многоотраслевые колхозы, в основе хозяйственной специализации которых лежало рыболовство. Бурный рост государственной рыбной промышленности Камчатки способствовал успешному развитию колхозного рыбного промысла. В сравнении с другими отраслями он давал несравненно большие возможности для укрепления экономики колхозов, развития их материально-технической базы, роста благосостояния колхозников. В качестве подсобных отраслей все колхозы развивали оленеводство, молочное животноводство, некоторые овощеводство, о чем также говорилось в предыдущей главе.

В результате объединения появилась возможность приступить к внутривидовой специализации. Каждый колхоз состоял теперь из нескольких отделений, которые имели свой хозяйственный уклон. В колхозе «Тумгутум» Карагинского района все поголовье оленей сосредоточили в тымлатском отделении (бывш. колхоз «Турвинэ»), два других — Анапкинское и Кичигинское — специализировались на добыче рыбы. В колхозе «Путь Ильича» Тигильского района оленеводством занимались в Воймполке (бывшая оленеводческая артель «Восход»), рыболовством — в Лесной и Палане. Следует сказать, что в ряде случаев укрупнение явно вышло за разумные пределы. Так, например, весьма трудноуправляемым оказался колхоз «Красный Октябрь», вобравший в себя все ительменские и корякские артели южной половины Тигильского района. Почти на 350 км протянулись с севера на юг владения другого укрупненного колхоза — им. XXII съезда КПСС в Пенжинском районе.

Структурные изменения в промыслово-олениводческом хозяйстве коряков продолжались во второй половине 60-х и в 70-е гг. Они шли в основном

по пути расширения и углубления специализации. В 1968 г. на базе Тигильского, Седанкинского и Белоголовского отделений колхоза «Красный Октябрь» был создан оленеводческий совхоз «Тигильский». В 1979 г. оленеводческие отделения колхозов «Тумгутум» и «Вперед к коммунизму» выделились в самостоятельный совхоз «Карагинский».

Рыболовецкие артели «Путь Ильича» и им. XXII съезда КПСС, потерявшие в связи с изменением промысловой обстановки перспективы развития, были преобразованы в оленеводческие совхозы «Паланский» и «Манильский», объединились колхозы им. Ленина и им. Горького.

К началу 80-х гг. процесс создания новой хозяйственной структуры в Корякском автономном округе был в основном завершен. К этому времени здесь имелось 5 рыболовецких колхозов, 11 совхозов, в том числе 10 оленеводческих, и 5 госпромхозов. Кроме них, в округе работали 6 рыбо-заводов, предприятия транспорта и связи, пищевой, местной и топливной промышленности, строительные организации.

Неоднократные укрупнения коллективных хозяйств, всевозможные реорганизации, которым подвергались они в разные годы, вызывают сегодня серьезную критику, и не без оснований. Много в этом деле действительно шло от бюрократических фантазий, административного произвола, определялось экономическими и идеологическими кампаниями, которые с завидным постоянством сменяли друг друга на протяжении многих лет. Стремление моделировать колхозное производство по типу промышленного, желание поднять уровень обобществления собственности, вообще избавиться от такой ее «неполноценной» формы, как колхозно-кооперативная, попытки привести социальную структуру общества в соответствие с тогдашними представлениями о совсем близком коммунизме — все это, конечно же, способствовало насилию над колхозами, прикрывало его яркими теоретическими одеждами.

Было бы, однако, неверным рассматривать эти процессы только через такую призму. В основе их лежали и объективные причины. Укрупнения корякских колхозов во второй половине 50-х гг. требовала сама логика дальнейшего углубления общественного разделения труда, а специализация любого производства, как известно, немыслима без его концентрации. Без укрупнения колхозов нельзя было решить сложную проблему оседания кочевников. Обеспечить занятость вторых членов семей оленеводов могли лишь крупные многоотраслевые хозяйства.

Была, наконец, и еще одна, может быть самая главная, причина. К середине 50-х гг. сильно сократились запасы лососей, основного объекта колхозного рыболовства. Колхозы не могли уже наращивать объемы производства, а без этого нельзя было решать многие социальные проблемы, повышать материальное благосостояние колхозников. Начинался переход к добыче другой рыбы — олюторской сельди, но этот переход требовал существенной перестройки. Ловить лососей мог любой, даже самый крохотный колхоз. Сельдь же без серьезного технического оснащения не возьмешь, но купить технику, грамотно ее эксплуатировать, вести экспедиционный промысел мелким колхозам было не под силу.

Вот почему укрупнение корякских колхозов во второй половине 50-х гг. было во многом вынужденным. В результате колхозы получили второе дыхание. Всего за несколько лет в крае изменилось колхозное производство.

К 1964 г. рыболовецкие артели купили более 80 промысловых судов, обзавелись собственными рыбообрабатывающими базами. Во много раз выросла добыча рыбы. Неделимые фонды увеличились в 1956—1964 гг. с 2783 тыс. руб. до 3047 тыс., денежные доходы — с 2394 тыс. до 31 969 тыс. руб.⁴²

Рост доходности позволил уделить больше внимания технической реконструкции оленеводства. Увеличилось производство оленины и продажа ее государству, были подготовлены условия для завершения специализации в этой отрасли. Колхозы стали вести производственное и социально-культурное строительство. Расходы на эти цели только в 1957—1960 гг. увеличились с 1.6 до 5.8 млн. руб. Крупные средства перечислялись в фонды подготовки кадров, культурно-массовых мероприятий, материальной помощи, премиальный и др. На оплату труда рыбаков стало расходоваться до 20% стоимости проданной государству рыбы. Среднегодовой доход рыбака вырос в 1959—1964 гг. с 609 руб. до 3490 руб.⁴³

К сожалению, создание новой хозяйственной структуры, специализация и концентрация промыслово-оленинческого хозяйства коряков сопровождалась крупными ошибками. К концу 50-х гг. предостережение X съезда РКП(б) о недопустимости пересаживания на национальные окраины экономических мероприятий, годных для более высокой ступени хозяйственного развития, применительно к народам Севера еще не потеряло своей актуальности. Переход от экстенсивных форм развития к интенсивным, к новым технологическим процессам, изменение характера и содержания труда требовали здесь постепенности, но именно это и не было учтено.

К этому времени на Камчатке сложилась ситуация, во многом напоминавшая ту, что предшествовала массовой коллективизации в центральных районах страны. Тогда колхозы понадобились для срочного решения проблемы товарного зерна, теперь они были нужны, чтобы решить проблемы товарной рыбы. Камчатке, быстро превращавшейся в «рыбный цех страны», для выполнения директивных заданий катастрофически не хватало добывающих мощностей. Создавать их за счет государства было долго и дорого, проще, казалось, использовать для этой цели колхозы. При этом никто не думал, что речь идет о хозяйствах, с которыми связаны судьбы целых народов. Мероприятия, проводимые в этот период на Севере, не учитывали особенностей трудовых ресурсов этих районов, этнокультурных характеристик населения, его национально-специфических интересов, а со второй половины 60-х гг. вообще перестали отвечать задачам национального развития народов Севера.

До середины 50-х гг. корякские колхозы были общесоветской, социалистической формой организации традиционного хозяйства. Коряки занимались привычным трудом, постепенно осваивали новые его формы, новые хозяйственные занятия. В результате укрупнения характер колхозной экономики стал быстро меняться. Определяющим занятием в колхозах стало активное морское рыболовство, которое не могло не войти в противоречие со сложившимся в рамках национальной культуры опытом трудовой деятельности. Для нового труда нужны были и новые люди. И они появились. В 1959—1965 гг. число трудоспособных в колхозах округа выросло за счет приезжих более чем в 2 раза. Это сразу осложнило проблему занятости местного населения. По уровню квалификации, социально-профессиональной

мобильности, технической подготовленности оно, конечно же, сильно уступало приезжим. Началось постепенное вытеснение народов Севера из сфер престижного, высокооплачиваемого труда в подсобно-вспомогательное производство. Значительная часть местных жителей осталась вообще без работы.

В Олукторском районе в 1963 г. из 1009 человек взрослого трудоспособного населения коренных национальностей работы не имело 322 человека, и в это же время колхозы привлекли на путину со стороны более 350 сезонных рабочих. В колхозе им. А. М. Горького из-за наплыва приезжих 190 колхозников-коряков не смогли выработать минимум трудодней. В колхозе «Путь Ильича» из 92 рыбаков и рыбообработчиков колхозники составляли менее 23%.⁴⁴

Сокращению занятости в традиционных отраслях способствовали также ликвидация «неперспективных» сел, реорганизация колхозов в совхозы. Создание узкоспециализированных хозяйств не отвечало характеру экономики народов Севера, лишило их возможности комплексно использовать природные ресурсы, привело к безработице. В 1973 г., например, в округе не имело работы более 250 человек, еще около 200 работало 3—5 месяцев в году.⁴⁵ С этого времени трудоустройство народов Севера стало острой социальной проблемой, которая не решена и до сих пор.

Реорганизация промыслово-оленоводческого хозяйства, развитие новых сфер приложения труда изменили социально-классовую и профессиональную структуру коряков. В 1979 г. они распределялись по общественным группам следующим образом: рабочие — 75%, колхозники — 16%, служащие — 9%.⁴⁶ Рабочие и служащие у коряков представлены тремя основными отрядами: промышленным, сельскохозяйственным и сферы обслуживания. Появление промышленных рабочих — важный этап в социальном развитии коряков, однако процесс этот идет медленно. Промышленный отряд рабочих невелик. Большинство коряков, занятых в промышленности, — рабочие неквалифицированного труда. У народов, не прошедших промышленной революции, процесс приобщения к индустриальному труду проходит непросто, требует длительного времени, психологической перестройки. Этого не хотят понимать многие руководители. Вместо целенаправленной работы по подготовке национальных кадров предпочитают приглашать специалистов со стороны.

Наиболее крупный у коряков отряд рабочих и служащих — аграрный. В 1988 г. в совхозах работало 38% коряков, занятых в общественном производстве. Рабочих и служащих совхозов можно разделить на три социально-профессиональных слоя. Первый — это работники, характер труда и культурно-технический уровень которых приближается к промышленным рабочим: трактористы, шоферы, дизелисты, электросварщики, строители и т. п. Их численность в целом невелика, на этих должностях в большинстве своем работают приезжие, хотя за последние годы из числа коряков подготовлено в ПТУ немало специалистов рабочих профессий. К сожалению, по уровню квалификации они уступают приезжим и вынуждены заниматься неквалифицированным трудом.

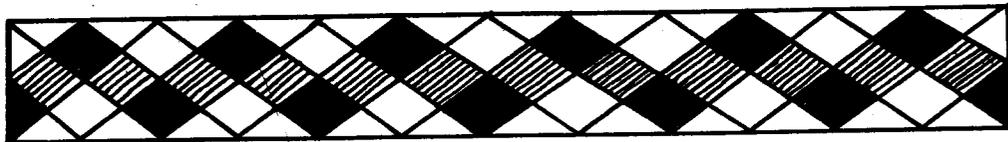
Второй слой — квалифицированные работники немашинного труда: животноводы, полеводы и другие, имеющие сельскохозяйственную квалификацию. Особое место среди них принадлежит оленеводам, труд которых отличается большой спецификой.

Третий слой — рабочие, занятые на ручных работах. Грузчики, дворники, сторожа, кочегары-истопники — таким и подобным ему трудом занято в совхозах до 30% рабочих-коряков. Многие из них, как уже говорилось, имеют специальности, среднее и даже более высокое образование. Нереализованные профессиональные ожидания создают у таких рабочих напряженность в эмоционально-психологической сфере, ведут к экономическим и моральным потерям. Именно среди этой категории лиц чаще всего приходится сталкиваться с отчуждением от общества, пьянством, повышенной смертностью.

В последние годы у народов Севера быстро растет число занятых в непроизводственной сфере. Так, в народном образовании в 1988 г. у коряков работало 15.3% рабочих и служащих, в здравоохранении и социальном обеспечении — 8.9%, в торговле, общественном питании, материально-техническом снабжении и заготовках — 5.8%, в культуре и искусстве — 3.9% и т. п. Если учесть, что в этой же сфере занято много рабочих совхозов (жилищно-коммунальное хозяйство, дошкольные учреждения и пр.), то общая численность рабочих и служащих в непроизводственной сфере составит никак не меньше 40—45% всех занятых в государственном секторе, причем и в этих отраслях значительное число коренного населения занято на подсобных низкооплачиваемых работах.

Исключительно слабо представлены коряки в органах государственного и хозяйственного управления. Среди них нет ни одного председателя райисполкома, ни одного директора совхоза, председателя колхоза, ни одного главного специалиста в совхозах. В Корякском окрисполкоме в 1987 г., например, из числа коряков вообще не было ни одного руководящего работника.

Совершенствование профессионально-квалифицированной структуры коряков — важнейшая задача их социального развития. Она может быть успешно решена лишь в контексте тех крупных политических и социально-экономических перемен, которые осуществляются в стране сегодня.

ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА

Мировоззрение коряков представляет собой сложный сплав из положительных знаний и иррациональных представлений об окружающем мире. Познание его шло через известное к неизвестному на сенсорном уровне: все осматривалось, обнюхивалось, ощущалось, пробовалось на вкус, затем строились логические связи. Так возникали зачатки научных знаний.

Человеческий разум не терпит остановок и купюр. То, что не поддавалось логическому объяснению, приобретало мифологический характер. Положительные знания тесно переплетались с иррациональными представлениями об окружающем мире. На основе практического освоения действительности, осмысления и домысливания сложилась определенная система взглядов, которая нашла отражение в картине мира коряков, в их видении Вселенной.

Корякская картина мира довольно расплывчата. Коряки насчитывают пять миров: землю, населенную людьми, два мира над ней и два внизу. Нижний из верхних миров населен людьми — облаками, в то время, как верхний — обиталище Верховного божества. Из подземных миров верхний населен кэле — злокозненными духами, а нижний — занят тенями мертвых. Некоторые информанты В. Иохельсона утверждали, что существовал еще другой подземный мир, самый близкий к земле, он населен людьми, подобными живущим на земле. По другим данным, верхние два мира сливаются в одно небесное селение, где живут Верхнее божество и люди-облака. Два нижних также сливаются в одно нижнее селение, где отдельно друг от друга обитают кэле, мертвые и другие жильцы.¹

Миры, составляющие Вселенную, мыслились взаимопроницаемыми. Животные, люди, духи переходили из одного мира в другой: они не могли исчезнуть, кануть в небытие. Если человек умирал на земле, то он появлялся в мире мертвых. По представлениям коряков, смерть человека не означала окончательного его ухода из жизни, а лишь длительное отсутствие, из которого умерший возвращался в другом обличи. Живое и мертвое связаны между собой, это разные ступени бытия. Мир умерших был как бы частью мира живущих. Жители подземного мира заботились о своих родных, оставшихся на земле, посылая им на охоте животных и другую пищу, помогая в делах; живые слали подарки умершим родственникам. В давнее

время, как гласят предания, связь между мирами людей и мертвецов была более тесной. Позже путешествие в другой мир стало возможным лишь для шаманов.

В каждом неодушевленном предмете, по мнению коряков, затаилась жизненная сила; она как бы законсервирована. С помощью заклинания человек может воздействовать на эту скрытую силу, направить ее в определенное русло. Мир, по представлениям коряков, населен как благожелательными, так и вредоносными духами (калак, камак и нинви). Они во всем подобны человеку: образуют семьи, живут в селениях, ведут войны. Все очеловечено. Каждый предмет, любое явление антропоморфичны. Они имеют как бы две ипостаси: наружную, видимую, и сущностную, скрытую от глаз. Допускались метаморфозы: сняв наружное «одеяние», непременно можно было обнаружить антропоморфную сущность. Мифы полны таких эпизодов. Звери сбрасывают шкуру и становятся людьми, облако превращается в человека-облако. Человек мог изменить свой облик, обернувшись зверем. Одев женскую одежду, мужчина становился женщиной и т. п.

Из всех благорасположенных к человеку сверхъестественных существ наиболее важным являлся Создатель. Коряки верили, что Вселенная сотворена некой божественной силой. Она отражена в мифах в образе аморфной фигуры Создателя, вялого, недоступного человеку существа, находящегося на небесах и мало интересующегося земными делами, лишь изредка помогающего человеку. Эта божественная сила выполняет главным образом две функции: следит за порядком в мире и заботится о продолжении жизни на земле. Отношение коряков к Создателю, по свидетельству В. Иохельсона, основано «скорее на чувстве благодарности и желании сохранить его доброе отношение, чем на страхе. Благодарность выражается в жертвоприношениях».²

Посредник между божественной силой и людьми — Большой Ворон Кыткийннюк (одно из его имен). Он обладает способностью преобразовывать все вокруг, его созидательная сила заключается в открытии вещей, явлений, а не в создании чего-либо абсолютно нового. Он может менять форму предметов, некоторые из них он приносит с небес на землю в готовом виде.

Большой Ворон считался первым человеком, предком коряков и их защитником. К нему обращались как к могущественному шаману и существу, наделенному сверхъестественной силой. Его непременно упоминали в заклинаниях. При лечении больной персонифицировал одного из детей Большого Ворона, назывался его именем. Предполагалось, что Большой Ворон присутствует на всех шаманистических церемониях.

Его жена, Мити, также связана с верховными богами. Существует несколько версий о ее происхождении. Дети Большого Ворона играют важную роль в мифах: они постоянно борются с кэле.

У В. Иохельсона имеется свидетельство, что оленные коряки во время праздников молодого оленя приносили жертву Большому Ворону в виде отростков оленьих рогов. Он играет роль в космогонии коряков: например, в одном из мифов рассказывается о том, что Большой Ворон проглотил солнце, а дочь Большого Ворона, убив его, освобождает солнце.

Олицетворением зла в природе являются кэле, оленные коряки зовут их «нингвит». Кэле невидимы, при желании могут принять любой образ.

Увидеть их может шаман. Они антропоморфны, подобно людям живут с семьями, с женами и детьми. Кэле постоянно преследуют людей, иногда воруют их и уносят, могут убить и наслать болезнь. Часто они предстают как людоеды. В одном из мифов говорится, что мертвые предки посылают кэле на землю, чтобы наказать своих потомков за нарушение покоя старых людей. В этом явно просматривается культ предков.

Есть несколько версий о месте обитания кэле. Когда-то они жили на небесах (в верхнем мире), но были сброшены на землю из-за ссор с Создателем. Некоторые из кэле обитают на западе, там где садится солнце, т. е. олицетворяются с тьмой ночи. Часть из них живет в подземном мире: когда на земле день — у них ночь. Есть и другие версии. В мире чрезвычайно много злых духов, они могут менять свои размеры, вселяться в человека, животных. Некоторые кэле выполняют определенные функции, например насылают на женщин нервные болезни.

Коряки различают прибрежных и оленных кэле. Прибрежные держат медведей вместо собак, оленные имеют стада оленей; существуют и другие отличия. Кэле в мифах могут появляться как сверхъестественные существа и как обычные людоеды. Канибализм описывается чрезвычайно ярко, натуралистично. По свидетельству В. Иохельсона, корякские людоеды-кэле напоминают юкагирских мифических старика и старуху.

У коряков существовала вера в предопределенность жизненного пути, судьбу человека. Уже с рождения была известна продолжительность его жизни, она соответствовала длине нити, на которой висела душа, прежде чем вселиться в ребенка. Но фатализма не было, коряк не испытывал чувства подавленности, пассивности. Ведь в его обществе все взаимосвязано, упорядочено: чему следует быть, то и будет. Его дело действовать, а дело судьбы определять его жизнь. И он всегда стремится к цели, надеясь только на себя. В трудную минуту на ход событий можно повлиять с помощью особых сакральных предметов, заклинаний, обращений к духам. В этом помогал шаман. Одна из его главных задач состояла в защите людей от вредоносных духов.

Шаманизм отражал определенный уровень развития общества. У коряков существовал семейный и профессиональный шаманизм. Семейный возник в недрах первобытно-общинной формации. На стадии ее разложения развивается профессиональный шаманизм. Семейный шаманизм связан с домашним очагом. В обязанности шамана входило участие в проведении праздников, обрядов, церемоний жертвоприношений, гадания, борьба со злыми духами, лечение, заклинания, приготовление амулетов.

Заклинания можно знать и не будучи шаманом, заклинания держались в секрете, чтобы не утратили свою силу; они могли быть семейными и индивидуальными и передаваться из поколения в поколение.

У каждого шамана имелся свой дух, который помогал в борьбе с другими духами. Дух шамана мог стать видимым для него, приняв образ птицы или животного (волка, медведя, ворона, орла, чайки).

Шаманом нельзя было стать по собственной воле, и уклониться также представлялось невозможным от этой миссии. Считалось, что дух выбирает человека и входит в него, заставляя служить себе. Шаманами становились обычно люди нервные, с тонкой психикой, склонные к истерии. По данным В. Иохельсона, молодой человек, готовящийся стать шаманом, в течение

двух—трех дней не принимал пищу и воду, находясь без движения. Затем уходил один в лес или какое-либо пустынное место, где в полном одиночестве, испытывая холод и голод, готовил себя к шаманской деятельности. В это время к нему являлись видимые им духи, наставляли и наделяли его шаманской силой. Сохранились свидетельства, что самыми сильными шаманами у коряков были женщины. Мужчины, одеваясь в женское платье, усиливали свою шаманскую мощь. Считалось, что рождение ребенка может привести к потере шаманской силы.

Специальной шаманской одежды у коряков не было. Шаманили в обычной одежде, она отличалась лишь большим количеством украшений. Основным действием шамана являлось камлание. Во время камлания шаман бил в предварительно нагретый бубен, выкрикивал слова и фразы, плясал, пел и, постепенно возбуждаясь, входил в экстаз, в то же время воздействуя на зрителя. В результате всех этих действий считалось, что в шамана вошел дух, и уже не сам шаман, а его дух-покровитель говорил устами шамана.

У каждой семьи имелся свой бубен, его запрещалось выносить из дому. Корякский бубен выполнял двойную роль в жизни коряка: музыкального инструмента и сакрального объекта (предмета). Считалось, что звук бубна живой, способен влиять на невидимых духов, как и голос человека. В то же время на бубне могли играть илены семьи для собственного удовольствия (в любое время) или же во время праздников.

В процессе камлания шаман мог произносить заклинания. Считалось, что их дал Создатель, чтобы помочь в борьбе с кэле. Верили, что в заклинаниях содержится некая магическая формула. Все предметы, над которыми произносились заклинания, могли служить амулетами, так как они таким образом наделялись сверхъестественной силой.

Институт шаманизма у коряков сильно пострадал в результате контактов со славянской культурой. Так, в 1900—1901 гг. во время исследований В. И. Иохельсона среди прибрежных коряков бухт Пенжина и Гижига у оленных коряков полуострова Тайгонос и центральной части Гижигинского района профессиональных шаманов оставалось чрезвычайно мало. Среди береговых коряков Пенжинской бухты он не встретил ни одного такого шамана. А ведь это были, по свидетельству В. Иохельсона, «наиболее интересные, в сравнении с другими, места Корякского района, с точки зрения наилучшего сохранения древних обычаев и традиций».³ Сохранялись лишь воспоминания о чудесном умении и действиях профессиональных шаманов.

Интересно отметить, что коряки, как и другие народы Северо-Востока, не дарили особым вниманием и уважением шаманов. Шаманство не приносило богатства. Они часто были беднее своих соплеменников. Духи шаманов считались охранителями, и те из нас, которые сами предлагали свои услуги шаманам, обладали значительной силой, гораздо большей в сравнении с другими. Забота о благополучии поселения, семьи или отдельного человека возлагалась на охранителя и амулеты. Важнейшим охранителем семейного очага как среди береговых, так и оленных коряков почиталась дощечка для получения огня. Ее нельзя было уносить в чужой дом, но в случае, если две семьи объединялись и жили зиму вместе в общем доме, каждая брала с собой свою дощечку, и в этих условиях ее сила не угасала. Время от времени ее кормили, смазывая жиром, и, следовательно, чем

грязнее и жирнее амулет, тем ценнее. Священная дощечка обычно наследовалась в семье младшим сыном или младшей дочерью.

Каждая женатая пара имела свой бубен, он считался охранителем спального места в жилище, здесь же он и располагался.

У береговых коряков важное место занимал охранитель поселения — шест, который обычно устанавливался на возвышенном месте — на холме или скале над морем. Его сооружал тот, кто строил первый дом, основатель селения. И шест становился охранителем этого поселения. Каждая семья, возводя жилище, ставила возле него шест, но в отличие от первого, основного, он считался семейным охранителем и был меньшего размера. По окончании охоты шест смазывался кровью и жиром животных, и ему приносились в жертву олени рога или их отростки. Существовали охранители, связанные с успешной охотой на кита.

Известно множество амулетов, предупреждающих болезни: браслеты; волосы животных, которые вплетали в различные предметы; антропоморфные и зооморфные фигурки. Больные места иногда татуировали, это также имело значение оберега, рисунок делался в виде человеческой фигурки.

В каждой корякской семье имелись деревянные фигурки, изображавшие предков, — калаки, семейные охранители. Кроме того, у каждого человека имелся свой личный охранитель — калак.

Амулеты, оберегавшие от болезней, а также определенный вид татуировки являлись строго индивидуальными охранителями; значительная же часть оберегов, амулетов была связана с домашним очагом и благополучием семьи. К охранителям относились «собственники» или «хозяева» различных предметов, объектов. Создатель тоже «собственник», так как он хозяин верхнего мира, неба. Хозяева моря, леса или реки — также «собственники». Идея «хозяина», или «собственника» у коряков слабо развита, гораздо меньше, чем у чукчей и юкагиров; ее формирование только начиналось. Так, например, понятия «море» и «собственник моря» нераздельны.

Некоторые холмы, горы, бухты, особо причудливые по форме, назывались «дедушка». Их чтили, им приносили жертвы. Считалось, что они защищают охотников, путешественников, даруют им удачу.⁴

Многочисленным охранителям, доброжелательным и вредоносным духам приносились разнообразные жертвы. Умилостивить, задобрить, повернуть их действия в свою пользу — вот основное назначение жертвоприношений, которые приносили не только в установленное время, но и во всех случаях, когда возникала нужда: перед путешествием, охотой. Большая часть жертв приносилась семей или отдельными людьми, меньшая — селением. Береговые коряки убивали в качестве жертвы только собак, олениные — и оленя. Белоногого оленя жертвовали Создателю. Жертвы приносились главным образом солнцу, «хозяевам», духам убитых животных, сакральным скалам, Создателю, в некоторых случаях калакам и кэле. Раньше коряки убивали оленей в честь своих умерших предков. Трава, ягоды, мясо, табак, чай, сахар, ворвань жертвовались огню, калакам, охранителям, амулетам, «хозяевам»-предкам. Принося жертву, говорили кратко и конкретно: «Это для тебя»; «Возьми это, кэле»... и т. п.⁵ Существование у коряков ровдужных или травяных масок, по-видимому, свидетельствовало о культуре предков.⁶

Жизнь коряков от рождения и до смерти была пронизана многочисленными ритуалами, обрядами, запретами, нарушение которых, по их представлению, непременно влекло за собой наказание и даже смерть. У коряков существует несколько версий смерти. Ее могли наслать шаманы, кэле. Смерть не являлась естественным процессом. В некоторых мифах говорится, что кэле вытаскивает душу человеческого тела, чтобы завладеть им, или же пугает душу, и она сама покидает тело и поднимается вверх, на небо.

Чрезвычайно интересны взгляды коряков на душу и тело, их взаимоотношения. Душа мыслится бессмертной. Смертно человеческое тело. Смерть — это расставание души с телом. Покидая тело, душа не сразу уходит от него. Человек может быть мертвым, лежать неподвижно, а душа парит над ним. Существует вера, что мертвое тело может двигаться, когда его никто не видит (в то время, когда оно находится в родном доме). Душа представляется в виде небольшого огня (возможно, здесь выражена идея об активном начале). Коряки считали, что душа покидает тело заболевшего; и чем серьезнее болезнь, тем дальше отлетает душа. Могущественные шаманы способны вернуть душу в тело, даже если человек умер недавно, т. е. оживить человека. Покинув тело, душа поднимается вверх, на небо, другая же, второстепенная душа спускается в подземный мир — мир людей прошлых времен, предков.

Подземный мир мыслится аналогичным земному, с теми же порядками, устройством быта. Каждый вновь прибывший присоединялся к своим родственникам. Дорога в подземный мир начиналась с костра, на котором сжигали мертвеца. Если рядом с умершим в одном доме находился больной, то предпринимаются меры по защите его души; ее привязывают, чтобы она не ушла вместе с душой мертвеца. Заботились и о том, чтобы душа умершего попала, куда ей следует, а не заблудилась бы, не вошла в другие дома.

Таким образом, мировоззрение коряков было обусловлено уровнем их социально-экономического развития, конкретно-историческими условиями существования. Взаимоотношения человека и общества, человека и окружающей среды, людей между собой регламентировались системой полупункциональной обрядности. Она являлась одним из существенных регуляторов устойчивости традиционного корякского общества.

Народные знания составляют важную часть культуры коряков, отражают их жизненный опыт на протяжении долгих веков. Эти знания помогали добыть зверя, поймать рыбу, пасти оленей, найти необходимые растения, лечить людей, ориентироваться в пространстве и времени.

У коряков имелись реальные понятия о географии и топографии своего района. Географические знания нашли свое отражение в их словаре в виде детально разработанной терминологии.⁷ В ряде случаев она точно и предметно информирует о содержании и особенностях географического объекта или природного явления. Например, одна из гор называется Ылк'апкалин'э (букв. Гвоздь-борозда-гора), тропы по ней напоминают резьбу на винте. Место между селениями Дранка и Ивашка называли Гуйкалэк (Кучи каменные), речки — Кэлилевут (Пестроголовая речка), Кавран (Поворот), Ивылга (Долгая) и т. д.⁸

Географические объекты, по представлению коряков, появились в результате деятельности культурных героев. Сперва хозяин Вселенной Ахтытгине создал Куйкенняху и Мите. Эти прародители отличались необыкновенной силой и большим ростом, от тяжести их шагов возникали углубления и пади, в том месте, где они ложились спать, появлялся обширный провал, вследствие чего поверхность земли стала неровной.⁹

Свои географические познания коряки использовали для составления схематических чертежей-карт. Известна, например, опубликованная В. И. Иохельсоном географическая карта побережья Пенжинской губы.¹⁰ На ней графически изображены прибрежные реки, поселки, мысы, показаны отмели, места обитания промысловых животных — китов и тюленей. Для передачи информации на чертежах и схемах использовались символические знаки. Так, знак в виде лодки обозначал оседлых коряков, значок, похожий на юрту, — кочующего оленевода. Различные метки удостоверяли подписи и знаки собственности. Дорожные, охотничьи и счетные записи указывали направление пути, остерегали от находящихся поблизости опасных для человека самолетов, сообщали о болезнях и смерти и т. п.

Повседневная связь с природой содействовала развитию способностей ориентироваться не только по географическим объектам — ориентирами служили также солнце и звезды, направление ветра, расположение снежных надувов (застрогов) и др.

Коряки хорошо знали климатическую, метеорологическую обстановку, характерную для времен года. Весной, например, по различным приметам пастухи определяли, каким будет лето — жарким или холодным, сухим или дождливым. Это было исключительно важно. Дело в том, что в жаркое лето листья на кустарниках распускаются раньше, значит они станут быстрее непригодны для корма оленей. В сухую погоду речки мелеют, следовательно, стадо должно подниматься в горы по берегам более крупных рек. Учитывая условия погоды, состояние пастбищ и водоемов, пастух выработывал режим выпаса стада.¹¹ По поведению птиц и зверей, по ряду других признаков довольно точно определялась погода на ближайшие сутки. Тонкая наблюдательность помогала накопить богатый запас реальных знаний о жизни моря и тундры. Зверобои, которым приходилось уходить далеко от берега, выработали приемы определения возможного направления ветра, состояния льда, характера морских течений. Коряки заранее определяли время замерзания и вскрытия рек, наступление ненастья, могли предсказать смену погоды. «У них есть масса своих примет, — писал Н. Н. Беретти, — предсказывающих погоду, и, если налицо примета (часто ошибочная), предсказывающая ветер, в море они не выйдут».¹²

Исследователи Севера постоянно прибегали к помощи коряков для получения необходимых сведений об изучаемых районах. Путешественников поражала их исключительная способность ориентироваться среди сопок, хребтов, в бескрайней, однообразной тундре, безошибочно находить дорогу в самую сильную пургу. Тропы, проложенные корякскими охотниками и оленеводами, всегда оказывались самой короткой и удобной дорогой.

У коряков выработался комплекс знаний о земной поверхности, о богатстве недр. Они хорошо знали качество глины, свойства некоторых камней. Стороны света определялись по устойчивым сезонным ветрам:

конгекат — восточный ветер; геипевкыг — западный; гычигольионоа — северный; еутельионоа — южный.¹³

Коряки имели своеобразные понятия о звездном небе. Неподвижная Полярная звезда (Харкапъ-анхай) в их представлении была прибита к небу гвоздем.¹⁴ Названия небесных светил коряки объясняют по-своему: например, Юпитер (Ичиваламак) у них — «Красная стрела». Большую Медведицу они называли Елуе-кыинг (Дикий олень), Орион — Юлтаут (криво уронил), Плеяды-Атага (Утиное гнездо), Млечный Путь — Чигей-ваем (Дресвяная река).¹⁵ Им было известно созвездие Вакахарань (самка оленя с телятами). Астральные наблюдения давали возможность определять время суток, ориентироваться на местности, различать стороны света.

Корякам был знаком лунный календарь, основанный на наблюдениях за фазами луны.¹⁶ Вероятно, раньше год (гивын) делился у них на два периода. Н. В. Слюнин сообщает, что коряки различали периоды времени по наступлению тепла и холода (например, мргынъ — теплое время, амисхуй — холодное).¹⁷ Кроме этого, им было известно четыре сезона: лето (алаалу), зима (лакалянг), весна (киткетик), осень (гетига).¹⁸ Их опыт ограничивался самым приблизительным отсчетом отрезков времени, имевших исключительно важное хозяйственное значение. В сезонном календаре коряков отмечается, например, период прихода наваги, сельди, кеты, имеются названия, отражающие специфику оленеводческого хозяйства.

Исторически сложившаяся специфическая метрология была также связана с хозяйственной деятельностью. Расстояние между населенными пунктами определялось днями переезда. В качестве измерительных инструментов использовались орудия труда, а также органы человеческого тела (ширина ладони, пальцы руки и т. д.). Н. Н. Беретти отметил, что у коряков «часто встречаются палки с зарезами на них (бирками): некоторые кочующие при помощи зарезов на палках отмечают, сколько за определенный период убили оленей или сколько оленей задрали волки. Каждая десятая зарубина делается больше».¹⁹

Способы счета были разнообразными: пятерками, десятками, двадцатками. Считали по пальцам. Название чисел 100 и 1000 отсутствовало (для них это были абстрактные величины, определяемые понятием «много»). Числа умели записывать при помощи своеобразных знаков: 1 — рубль и единица, X — десять, (X) — сто, точка — копейка.

Геометрические понятия были связаны со строительной техникой, домашним ремеслом, зверобойным промыслом и оленеводством. Известны были такие геометрические фигуры, как восьмигранная пирамида, квадрат, треугольник, круг, конус. В хозяйстве широко применялись клинья, блоки, рычаги, использовались сила давления и натяжения. Лодки, нарты, орудия охоты и рыболовства отличались совершенством и рациональностью. Многовековая практика выработала умение мгновенно определять скорость и направление движения объекта, высоту его нахождения, силу и направление ветра, чтобы при поражении цели внести нужные коррективы.

Коряки хорошо знали местную фауну. Тонкая наблюдательность, знание повадок животных давали возможность охотникам успешно вести промысел. Им были известны календарь хода рыбы, время перелета птиц, появления морских животных, способы питания, время размножения и т. п. В период

нереста, например, охотники ставили петли на медведя на берегах рек, подстораживали его на перекатах, где зверь обычно ловит рыбу. Во время охоты на нерпу надевали белую кухлянку и подкрадывались с подветренной стороны. Охотники в байдаре, чтобы не спугнуть зверя, старались во время движения не шевелиться, гребли исключительно кистями рук, весла при этом возвращали в исходное положение, не вынимая их из воды.

Охотники владели искусством определять по следу дикого зверя его возраст, время прохождения, безошибочно устанавливая его местонахождение. Отличить по следу дикого оленя от домашнего умел каждый охотник. Коряки хорошо знали анатомию животных. Об этом свидетельствует их умение свежевать и мастерски разделять туши. При разделке оленя, морских млекопитающих не допускалась рубка костей, они свежевались только ножами и строго по суставам и связкам.

Для корякского языка характерно богатство терминологии, связанной с возрастными и другими особенностями млекопитающих и рыб. Коряки делили рыб на два вида: уювай — красную и иканнакан — белую. Им было известно четыре вида тюленей: мемель — обыкновенный, калыла — лахтак, уитувий — малый, мутчун — полосатый.²⁰ На четыре вида они делили и добываемых китов: йун'и — самый крупный кит, кокл'атчан — средний и пигултин — самый мелкий, а также белуха — дигин (белый кит).

Тесное общение с домашними животными выработало своеобразную зоотехнику и ветеринарию. Оленеводы имели представления о породности, продуктивности, выносливости и физической силе животных, им была известна бескровная кастрация оленей. Коряки вывели домашнего северного оленя (к'ойан'а), который резко отличался от тунгусских оленей и обозначался особым термином — вавак.²¹

Корякские оленеводы прекрасно знали экологию северного оленя, структуру и иерархию стада, половозрастные особенности поведения оленей. У них, подобно чукчам, в деталях была разработана номенклатура оленей по самым разнообразным признакам — полу, возрасту, поведению, масти и экстерьеру, назначению в хозяйстве.²² Это позволяло легко управлять стадом, запоминать каждого оленя. В стаде выделялось обычно пять составных частей: передняя, задняя, центр и боковая, которая подразделялась на правую и левую. К 40—50-м гг. пастухи помнили оленей нескольких поколений. Это было необходимо для селекционной работы, ибо давало возможность выделять генеалогические линии наиболее крупных, сильных и жизнеспособных животных. Пастух знал всех своих оленей «в лицо», сколько бы их не было, а также всех животных соседей. У каждого пастуха, кроме общепринятых, были свои приемы работы со стадом, которые складывались под влиянием личного опыта, способностей к творчеству и характера. Исследователи отмечали также высокое искусство коряков в дрессировке охотничьих собак. Они никогда не хватали зверя так, чтобы испортилась шкурка, а давили его за горло.²³

Разнообразные знания о материалах, употребляемых при пошиве одежды и обуви, передавались женщинами из поколения в поколение, охватывая всю совокупность бытовой практики. Так, нитки для шитья делались из жил оленя или кита, из китового уса. Технология кожевенного ремесла была весьма разнообразной — от примитивной выделки шкуры путем ее вымачивания, высушивания и копчения над костром с последующим

разминанием руками до применения мездрения, золениа, дубления, жирования, лощения и окраски, тиснения.²⁴

Моржовые шкуры, которыми обтягивали остовы больших байдар, выдвляли с применением икры лососевых рыб и толченых иголок кедровика. Коряки хорошо разбирались в свойствах растений: съедобны ли они, где растут, каким вкусом обладают, ядовиты или нет. Как ительмены и айны, они применяли отравленные стрелы, смазывая наконечники ядом из корней лютика. Такие стрелы, кроме военных целей, использовались при охоте на крупных животных.²⁵ Коряки употребляли в пищу более двадцати видов растений. Из растений приготавливали лекарства. Кора, травы и лишайники применялись для крашения. Например, коричневый краситель коряки получали из коры ольхи, синий — из цветов ириса, красный — из ягод брусники.

Зная свойства многих растений, коряки изготавливали из них разнообразные предметы обихода. Из травы мичив'эй, очень крепкой и похожей на лен, делали чашки и сосуды для питья, сумки и мешки. Рыболовные сети и нитки плели из волокон крапивы. Заготовки растительных материалов, их предварительная обработка и, наконец, плетение производились вручную, без каких-либо станков и специальных инструментов.

Коряки бережно относились к природным богатствам. Добывали только необходимое, очень экономно расходовали топливо. «Нравственный кодекс пеших коряков, — писал Н. В. Слюнин, — учит, что они должны жить мирно, не причинять мук не только людям, но и скоту, которого без особой нужды не следует убивать, иначе души этих обиженных будут мешать переселиться в уготовленный покой: собака будет при входе кусать, а олень бодать рогами».²⁶ Существовали специальные сроки охоты и рыболовства, сбора дикоросов. Некоторые уголья выделялись в заповедные, промысел там запрещался.

Коряки имели свою народную медицину. При всей ее примитивности нужно отметить эффективность многих средств, особенно лекарственных растений и животных жиров, применявшихся при цинготных, простудных и других заболеваниях. Так, легкие ранения лечили ворванью, прикладывали к ранам, опухолям и нарывам заячью шкурку мездрой. Использовались лекарства из цветков ромашки, черемши, медвежьего корня, мхов и т. д. Многовековая практика выработала рациональные, хотя и примитивные по технике, приемы лечения переломов, ушибов и вывихов. Были знакомы психотерапевтические приемы излечения болезней, педиатрия, народное акушерство. Некоторые гигиенические нормы выражались в форме запретов.

На протяжении веков выработались основы рационального питания. Коряки, например, хорошо знали, что жир нерпы, смешанный с листьями трав, ягодами или кореньями, лучше усваивается организмом. Сознали преимущества вареной пищи, соблюдали режим питания. Детей приучали к умеренности в еде с малых лет.

У коряков получили развитие военные знания. Техника изготовления оружия определялась уровнем материального производства. Уникальным наступательным и оборонительным оружием являлись луки и стрелы. Наконечники их делались из железа, меди, кости и камня. Оружием также служили копья, ножи, топоры, пальма, костяные рогульки, заостренные колья, а также праща для метания камней.²⁷ Хорошо были развиты навыки

владения плетью и арканом. Имелось защитное снаряжение — доспехи, шишаки (шлемы) и щиты. Из земли и камня сооружались крепостные укрепления, нередко их огораживали частоколом. Коряки часто нападали на спящих врагов, обманывали их с помощью чучел, обращали в бегство, имитируя приближение большой толпы.

Как свидетелствуют документы, из жителей нескольких селений создавались оборонительные и наступательные союзы. Руководство ими поручалось лучшему воину — айым'а. Обычно гражданская власть сосредотачивалась в руках старейшин рода, а военными действиями руководил военачальник, функции которого ограничивались военными походами.²⁸ У коряков не было постоянных военных объединений, но в военное время каждый здоровый мужчина становился воином.

Исключительная выносливость, сила, ловкость, смелость — эти качества высоко ценились коряками. Поэтому детей с раннего возраста закаляли физическими испытаниями. Вот, например, как развивалась чуткость: «Подкравшись к ребенку, его обжигали острым раскаленным предметом. Тренируя таким образом в течение всего детства, достигали того, что ребенок от малейшего шороха или прикосновения отскакивал в сторону. Ловкость развивалась борьбой, бегом и т. п. Закончив тренировку, отец испытывал своего сына: послав его куда-либо, крался за ним с луком и в удобный момент пускал в него стрелу. Если юноша хорошо усвоил то, что ему прививалось с детства и был достаточно чуток и ловок, он отскакивал и стрела пролетала мимо».²⁹

Таким образом, на протяжении веков коряки накопили разнообразные знания, передаваемые из поколения в поколение.

Праздники и обряды. Праздничная и семейно-бытовая обрядность коряков формировалась на протяжении длительного исторического периода, в несколько этапов, каждый из которых определялся совокупностью экономических и общественных отношений конкретной эпохи. В основе обрядов, выполняемых по случаю добычи животных, лежал древнейший миф об умирающем и воскрешающем звере.³⁰ Поэтому во время промысловых праздников старались хорошо «встретить» убитое животное и с почестями проводить его «домой». Особенно яркое отражение нашел этот миф в празднике, устраиваемом после охоты на медведя,³¹ который рассматривается в корякском фольклоре как ближайший родственник, двоюродный брат человека. После удачной охоты на медведя корякские женщины встречали его с горящими головнями в руках. Так в древности приветствовали желанных и почетных гостей. Одна из участниц обряда надевала шкуру зверя и, танцуя, просила его не сердиться и быть добрым к людям. Медведю предлагали мясо. «Угощалась» также и деревянная фигурка медведя, сделанная специально для праздника.

Важной частью праздника являлись проводы медведя домой. Собирая его в дорогу, береговые коряки готовили толкушку и ритуальную колбасу, набивая мясом слепую кишку зверя. Оленеводы забивали домашнего оленя. Полагая, что медведь живет так же, как человек, коряки давали ему предметы, которыми пользовались сами: медведице — инструменты для домашней работы, медведю — промысловые орудия и т. п. Обряд проводов

медведя у различных групп коряков имел особенности. Так, коряки Пенжинской губы обносили набитую травой шкуру медведя вокруг жилища по ходу солнца и укладывали ее вместе с подарками на восточной стороне хозяйственной постройки. Тайгоносские коряки воспроизводили сцену охоты на медведя, при этом медведя изображал, накинув на себя шкуру, посторонний человек. После символической охоты он забирал мешок с подарками, предназначенными медведю, а шкуру животного отдавал охотнику, добывшему его. Череп медведя через несколько дней относили на священное место — аппапель.

Аналогичную церемонию коряки-алюторцы устраивали по случаю первой добычи медведя молодым охотником.³² Она также сопровождалась «кормлением» животного, песнями, плясками и обрядом символической охоты, после чего голову животного отделяли от шкуры. В течение нескольких дней ее «кормили», а потом относили на священное место. Шкура медведя с этого времени служила постелью молодому охотнику. У алюторцев существовал также и праздник выхода медведя из берлоги — кэн'ынтуангыт.

Медведь, считали коряки, в большинстве случаев был благосклонен к человеку, поэтому после совершения обряда его отправляли на восток, который считался «светлой, жизненной» стороной. Голова медведя защищала от злых духов, а шкура приносила счастье молодой семье. В отличие от медведя, служившего предметом охоты, на волка специально не охотились, его просто боялись. По представлениям коряков, он являлся богатым оленевладельцем, властелином тундры. Оленные коряки видели в нем злого духа и старались не убивать, веря, что его сородичи отомстят за убийство. Если волка все же убивали, выполнялся ряд обрядов для умилостивления. Во время церемонии, называемой «праздником волчьей палки», береговые коряки помещали голову животного перед очагом рядом с воткнутой в землю стрелой. После этого один из участников (мужчина) надевал на себя шкуру и ходил вокруг очага под аккомпанимент бубна. Оленные коряки забивали домашнего оленя и голову его вместе с телом волка помещали на помост, при этом голова оленя должна была смотреть на восток, где обитало «Верхнее существо». Ночью волка «угощали» мясом оленя, развлекали, обращаясь со словами: «Начинаем жить хорошо!». «Верхнее существо» просили защитить стада оленей от волков.

Проще были охотничьи обряды встречи и проводов мелких животных. Прежде чем снять шкуру с лисы, ее приглашали раздеться и согреться. Сняв шкуру, давали новую «одежду» — оборачивали тушку морской травой. Прощаясь с лисой, засовывали в тушку кусочки юколы и рыбу икру, самцу давали деревянный ножик, самке наперсток и игольник. Отправляя гостью, говорили: «Пойди, скажи товарищам, что гостить хорошо, старую кухлянку сняли, новую надели. И вы туда идите!». ³³ У соболя, белки, горностая и евражки отрезали носы и лапки и привязывали их к связкам семейных «охранителей», надеясь таким образом обеспечить удачную добычу в будущем.

У оседлых и части оленных коряков совершались обрядовые действия и над первой пойманной рыбой. Только после этого ее разрешалось употреблять в пищу. В цикле годовых праздников береговых коряков главными являлись праздники, связанные с добычей морских животных. Особо почитался кит. Промысел кита и обрядовые церемонии, сопровождавшие

его добычу, существовали у аляutorцев,³⁴ коряков северо-западного побережья Охотского моря³⁵ и Пенжинской губы. У последних они были зафиксированы в начале XX в. В. И. Иохельсоном.³⁶

При встрече кита родственницы устроителя праздника выносили на встречу животному горящие головни, ягоды или толкушу, покрытую жертвенной травой (род осоки), и «кормили» его ветками ольхи, произнося при этом заклинания. Перед разделкой голову кита, чтобы он не видел, как будут его резать, покрывали капюшоном из травы. Сам праздник проводился в жилище, с левой стороны которого на жертвенном месте помещали деревянное огниво, охранителей дома, вареные куски носа, плавников и хвоста кита.

Основные обрядовые действия совершались ночью. Голову белого кита заносили в жилище и помещали на перекладину над очагом.³⁷ К ней обращались с приветствиями, в которых выражалась радость по случаю прихода «гостей», просили рассказать сородичам о хорошем приеме, чтобы те тоже посетили гостеприимных хозяев. Устроитель праздника смазывал салом кита амулеты и «кормил» огонь очага. После праздничного угощения начиналось гадание на лопатке мелких морских животных. По трещинам, которые образовывались от горящего уголька, определяли, благополучно ли доберется кит в море и позовет ли он других китов посетить жителей селения.

В проходах белого кита, которые устраивались на пятые сутки, участвовали хозяин и его родственники. Женщины, снаряжавшие «гостя» в дорогу, надевали травяные маски — обязательный атрибут праздника. Хозяин с помощью стариков осматривал ритуальное блюдо-толкушу, чтобы отыскать там следы благополучного возвращения кита в море. Если они отсутствовали, значит кит не вернулся домой и людям грозят голод и другие бедствия.

Кроме праздника кита, проводились и другие, посвященные морским животным: калильа — ангыт (нерпичий праздник), а также мимыльангыт (лахтачий праздник).³⁸ Их проводили после окончания промыслового сезона, чаще всего в новолуние, чтобы и в будущем было много морского зверя. Благодарственный праздник устраивала каждая семья, принимавшая в промысле участие. Для праздника из дерева или морской травы делали фигурки животных, в том числе и кита. Их «кормили» жиром, «поили» и укладывали на жертвенное место. Женщины и дети плясали по случаю прихода «гостей», глава семьи совершал жертвоприношение «морскому хозяину»: бросал в огонь, символизирующий море, жир морских животных и тонкие ветки тальника. При этом запрещалось ходить между дверью и хозяином, совершавшим ритуал, иначе семья могла потерять промысловую удачу. В конце праздника или через день после него жители в деревянных, ровдужных или травяных масках обменивались подарками, потом маски оставляли на западной стороне селения и обкладывали их шерстью зайца, обладавшей магической защитной функцией.³⁹

Праздник карагинских коряков «Хололо» наряду с общими элементами имел отличительные особенности: жертвоприношение совершалось всем божествам, от которых зависели здоровье и жизненные блага, удача промыслов не только в море, но и на суше; проводились обряды (кьустыткук), способствующие благополучному протеканию беременности, родов, охране де-

тей от болезней, обрядовые действия, связанные с почитанием грома и молнии; допускалась свобода половых отношений, чтобы магическим способом способствовать размножению животных в новом промысловом сезоне.⁴⁰ После окончания праздника оседлые коряки закрывали вход в полуземлянку и укладывали байдару на зиму. Это также сопровождалось обрядовыми действиями: добыванием огня ритуальным огнивом, очищением жилища от злых духов и т. п.⁴¹ Весной, перед спуском байдары на воду, разжигали новый огонь деревянным огнивом, «кормили» огниво жиром, приносили в жертву собаку, танцевали в медленном ритме, чтобы море было спокойным. После удачной охоты у всех лахтаков и нерп отрезали задние левые лапы. У первой убитой нерпы охотник снимал жир с правой лапы, а кость бросал в море со словами: «Не хватило для еды, еще дай!».⁴²

Праздники кочевых коряков, всецело связанные с домашним оленем, отражали основные моменты оленеводческого хозяйственного цикла. Главный праздник Коянайтагык проходил осенью, когда пастухи возвращались с летних пастбищ в стойбище. Проводился он обязательно в период новолуния, с которым коряки связывали прирост поголовья оленей.

Празднику предшествовала большая подготовка. Жилище переносилось на новое место, его украшали ветками тальника, в которых, по представлениям коряков, заключалась «жизненная сила» оленей. С помощью деревянного огнива добывался «чистый» ритуальный огонь и осуществлялось его «кормление». Из листьев и травы, которыми летом питаются олени, приготавливали жертвенную пищу — чен, читкув'ытв'ыт. Вокруг очага яранги укладывались пин,в'ыт'во (зольные камни), олицетворяющие собой очаг и ярангу «хозяина» домашних оленей, материальным воплощением которого являлся прибор для получения огня — гычгый.

Перед началом праздника все огни в стойбище гасились. Новый огонь женщины разжигали с помощью самой старой огнивной доски и «поили» его, поливая водой зольные камни очага. Небольшой костер, играющий обрядовую роль при встрече со стадом, разжигали у входа в жилище на дерне, положенном на доску для выделки шкур. С северо-восточной стороны от входа устанавливали нарты с ложками из рога горного барана, пестом и ступкой для дробления костей жертвенных оленей, ветками тальника, связками семейных охранителей, жертвенной пищей-юколой, копьём и ружьём.

С прибытием стада к стойбищу начинался обряд «очищения» оленей, находившихся долгое время без присмотра семейных охранителей. Пастухи начинали ловить жертвенных оленей, старики, женщины и дети совершали бескровное жертвоприношение, в котором ветка тальника и бусина являлись заменителями живых оленей. Жертвенных оленей закалывали копьём. По отношению к ним женщины проявляли большую заботу: подкладывали под голову ветку-«подушку», «поили», поливая от головы до хвоста. Под тушу, когда шкура была снята, подкладывали подстилку (иччув) из веток тальника, вырванных с корнем. Кровью оленя, принесенного в жертву «хозяину домашних оленей», «кормили» огнивные доски, наносили особые знаки на лица ближайших родственников, их одежду, нарты. Обязательным было кормление костным мозгом огнивных досок со связками семейных охранителей. Черепа жертвенных оленей с надетыми на них шкурами хозяйка укладывала в ряд, направляя их на восток. Под морды подкладывали огнивные доски. После обрядовой трапезы часть мяса заносили в ярангу;

передние левые ноги, рога и черепа жертвенных оленей привязывали к шестам около очага.

Важным элементом праздника являлся благодарственный обряд мн,эгынын. Для этого оленя убивали копьём позади яранги, обращаясь к «хозяину» со словами: «Посмотри, как много мы тебе даем». Считалось, что «хозяин», наблюдая за жертвоприношением, трясет своей куклянкой, и упавшие с нее шерстинки весной превращаются в настоящих оленей. Убитого оленя заносили в ярангу через специальный вход, «поили», под голову подкладывали ветку (к,оян чоччот) и огнивные доски со связками семейных охранителей. К огниву привязывали кочку тымкычачамэ (дословно: «кочка-старуха») с травой-волосами и морской камень анк,аквын, который на время обряда символизировал важенку. Ночью члены семьи и гости пели песни, посвященные жертвенному оленю, плясали, били в бубен. Огонь, зажженный с помощью гыгыга, поддерживался в течение всего праздника.

Центральная часть праздника — «убаюкивание» жертвенного оленя и проводы его к «хозяину» — проводилась следующей ночью в наглухо закрытой яранге. Голову оленя с рогами, шкурой и огнивными досками подтаскивали ближе к очагу, на рога одевали связку мухоморов, рядом ставили посуду с водой. В это время стадо, из которого был взят жертвенный олень, уходило на водопой, и олень как бы в последний раз отправлялся вместе с ним. Присутствующие в наркотическом возбуждении от мухоморов ходили вокруг очага, перешагивая «лежащего оленя», били в бубны, пели, издавали пастушеские крики. Считалось, что душа жертвенного оленя поднималась в этот момент по установленной рядом с очагом ветке мн,эуттыл,ын к «хозяину». Вместе с ней отправлялись и души других жертвенных оленей, черепа которых были привязаны к шестам возле очага.

Закончив обряд, голову оленя разделявали, варили и ели. Молодым есть ее запрещалось, иначе они могли стать сонливыми. Ветка, по которой «душа» оленя уходила наверх, вместе с копьём и арканом оставалась рядом с очагом до перехода в зимнее жилище. На третий день с северо-восточной стороны от яранги из дерна, мелких камней и веток тальника делали яян,апэль (ярангочку). Внутри оставляли кусочки костного мозга, сверху насыпали дробленые кости оленя и поливали водой. Яян,апэль сохранялась до нового осеннего праздника.

Зимой, после дня зимнего солнцестояния, коряки-оленеводы устраивали праздник «Возвращения солнца» («Кинтак», «Гыгыгын,ын», «Тыткенлэк-тыкэн», «Пегетен»). Накануне обязательно кочевали на новое место, приглашались гости из соседних стойбищ. Утром женщины разжигали огонь с помощью деревянного огнива, мужчины забивали оленей. Голову жертвенного оленя надевали на шест и поворачивали на восток. Зимой олени приносились в жертву «тому, кто наверху», и сам праздник устраивался в честь этого «Верхнего существа». ⁴³ Кровью жертвенного оленя обязательно «кормили» огнивные доски. Иногда, помимо оленя, приносили в жертву собаку. После обильного угощения, которое сопровождалось пением и танцами, хозяин стойбища устраивал игры. Самым главным состязанием были гонки на оленьих упряжках. После соревнований все пытались подняться по обледенелому столбу. Победитель, снимая приз и глядя в сторону солнца, кричал: «Тийкытый!» (Солнце!). ⁴⁴

В хозяйственном цикле оленеводов отел являлся одним из наиболее важных периодов и потому также отмечался праздником, во время которого в жертву «Верхнему существу» приносили самого жирного оленя. Голова его, украшенная бахрамой из шкуры молодой нерпы, водружалась на шест. Кровь разбрызгивали по всем сторонам света, здесь же забивали яловых важенок и кастратов — по количеству хозяйств в стойбище. Головы, не отделенные от шкуры, раскладывали в яранге по обе стороны очага. После этого женщины, обходя ярангу по ходу солнца, бросали в ее верхнее отверстие комочки из жира, мозга, мяса оленя и заячьего пуха, чтобы предотвратить болезни в стаде.

Почти у всех групп оленных коряков праздник молодого оленя Каюю сливался с праздником рогов — Килвэй. Сброшенные оленями рога коряки укладывали позади яранги на ветки тальника. Сверху клали огнивные доски и накрывали все дымленной шкурой оленя. Для праздника готовили жертвенное угощение (инэлвэт) из оленьего жира с заячьим пухом и пюре из вареных молодых листьев. Инэлвэт бросали на верх жилища и в сторону от него, а пюре под кучу рогов, чтобы олени всегда имели зеленую пищу. Затем вся семья передвигала кучу рогов поближе к яранге и «кормила» огнивные доски костным мозгом. После этого в яранге начиналось угощение. Стремись съесть как можно больше, остатки пищи отдавали гостям, оставлять праздничную пищу себе не полагалось. Перед сном женщины вновь «кормили» костным мозгом деревянные огнива на куче рогов, а на другой день «кормление» их повторялось в яранге.

Летом, отправляясь со стадом к морю, пастухи приносили в жертву «Верховному существу» 3—4 оленей. После жертвоприношения все стадо подгоняли к морю на водопой — надеялись тем самым обеспечить хорошую летовку. В летнее время друзья обрядов коряки не выполняли.

В семейно-бытовой обрядности наиболее важный цикл обрядовых действий был связан со свадьбой, рождением, болезнью, похоронами и поминками.

Основной формой заключения брака у коряков в конце XIX—начале XX в. была отработка в хозяйстве будущего тестя. По истечении срока отработки выполнялся обряд «хватания», во время которого жених должен был поймать убегающую от него невесту, разорвать ее одежду, обвязанную ремнем, и коснуться «тайного уда». Она всячески сопротивлялась, и в этом ей помогали женщины семьи. Были случаи, что «по семилетнему хватанию вместо невесты жених получал увечья, будучи сброшенным от баб с балаганов». ⁴⁵ Если молодому человеку удавалось выполнить этот обряд, то брак считался заключенным.

После обряда «хватания» молодые, прожив некоторое время в доме невесты, уходили к родителям жениха. Прибывших новобрачных окуривали дымом горящей головни, что означало приобщение невесты к новому семейному очагу. Кровью жертвенного оленя невесте мазали лоб и живот, после чего она становилась полноправным членом семьи мужа, могла участвовать в любых обрядах и пользоваться предметами семейного культа.

Брак у коряков заключался преимущественно в своей среде и чаще всего в одной локальной группе. Запреты браков между некоторыми категориями родственников по свойству были тесно связаны с существующими вплоть до начала XX в. обычаями левирата (младший брат был обязан

жениться на вдове старшего) и сорората (вдовец обязан жениться на младшей сестре или племяннице умершей жены). При вступлении в брак в порядке левирата жених не отработывал в доме тестя и не выполнял обряд «хватания» невесты.

В конце XIX—начале XX в. у коряков участились смешанные браки. При их заключении соблюдались определенные правила: коряк, женившийся на тунгуске, справлял свадьбу по тунгусскому обычаю и отдавал за невесту выкуп; тунгусская девушка с переходом в корякскую семью подчинялась семейно-правовым обычаям коряков; тунгус, женившийся на корячке, отработывал у ее родителей, как это делали корякские юноши. Чукотские стойбища на корякской территории подчинялись корякским обычаям, на границе же с чукотской территорией коряки принимали чукотские обычаи вплоть до обмена женами. Рождение ребенка являлось значительным событием в корякской семье; по их представлениям душу ребенку в чрево матери посылало Верховное существо. Продолжительность жизни человека определялась длиной ремешка, с помощью которого его «душа» крепилась с перекрещивающимся шестом жилища Существа, дающего жизнь. Чем короче ремешок, тем короче жизнь человека. Существовавшие у коряков всевозможные запреты и рекомендации беременной женщине были направлены на рождение здорового ребенка. Ей не полагалось проявлять большой любви к собакам и другим животным (родится волосатый ребенок), спать, вытянув ноги (ребенок будет вытянутым), разделять голову оленя (ребенок родится сопливым) и т. п.

Чтобы роды проходили легче, женщина вставала раньше всех до рассвета и обходила жилище по ходу солнца. Во время родов, которые проходили в закрытом пологе, роженице помогали старые женщины. Для облегчения ей давали «наговоренную» шаманом воду,⁴⁶ развязывали завязки на одежде и обуви. Чтобы не привлекать злых духов, кричать во время родов запрещалось. Отрезанную пуповину и послед складывали в мешочек и зарывали в землю или подвешивали вдали от жилища. Опавший пупок обшивали кусочком шкуры, считавшейся его одеждой, помещали в женскую сумочку или привязывали к магическому камню аняпель (дословно: «маленькая бабушка») и хранили в течение всей жизни человека.

На другой день после рождения ребенка отец приносил в жертву собаку, разбрызгивал кровь животного и, глядя на небо, благодарил Верховное существо. В честь новорожденного кочевые коряки забивали важенку, приглашали гостей, зимой устраивали гонки на оленях.

Обряд определения имени новорожденного был тесно связан с представлением коряков о переселении «душ» умерших родственников. Наиболее распространенным способом определения имени возвратившегося родственника было гадание с помощью каменного амулета аняпель, который подвешивали к концу тонкой палочки, а оленеводы — в месте соединения двух оленьих погонялок. В процессе гадания перечислялись имена умерших родственников. Раскачивание камня при произнесении имени указывало на то, что оно угадано правильно. Если камень раскачивался при перечислении нескольких имен, то имя ребенку давалось с учетом имеющихся у него признаков (сыпь, кашель, родимое пятно и т. п.), которые были присущи и умершему родственнику. После гадания аняпель гладили,

«кормили», смазывая его жиром оленя, в знак благодарности привязывали к ремешкам бусы или низки бисера. Если во время гадания камень оставался неподвижным, ребенка называли Аняпэль. Иногда имя давали, наблюдая за поведением ребенка или в результате сновидения беременной женщины. В случае болезни ребенка имя обязательно меняли одним из перечисленных способов. Для отпугивания злых духов ребенку иногда придумывали неблагозвучное имя.⁴⁷

Духи нинвит, кала, камак являлись, по представлениям коряков, виновниками болезни и смерти человека. О заболевшем так и говорили: «Его ест нинвит». Коряки, боясь духов, никогда не ходили в одиночку и в случае отсутствия попутчика брали с собой собаку, имеющую светлые пятна над глазами («вторые глаза»), которыми она могла видеть духов в темноте и тем самым была способна защитить человека от их нападения. Для защиты от духов они совершали также различные жертвоприношения, обращались к покровительству добрых существ. Просили помощи и совета у шамана, пользовались разнообразными амулетами.

Представления о вредоносной деятельности злых духов нашли отражение в похоронно-поминальном обряде коряков. О смерти человека сообщалось всем жителям селения или ближайших стойбищ. Умершего раздевали, укладывали головой к выходу на мездровую сторону шкуры оленя и накрывали с головой меховым одеялом, чтобы он не смог «взять» с собой кого-нибудь из присутствующих. Пока покойник находился в жилище, спать там строго запрещалось. С умершим обращались, как с живым: ставили в изголовье чай и продукты, играли с ним в карты. Пока мужчины и молодежь «развлекали» покойника, женщины шили похоронную одежду, обычно коряки имели ее еще при жизни, но обязательно в незаконченном виде: считалось, что имеющий готовую одежду умрет раньше. Незаконченная погребальная одежда дошивалась крупным небрежным швом, без узелков на нитке. Для погребальной одежды использовали белые шкуры личных молодых оленей. Погребальная кухлянка коряков имела сзади своеобразный «хвост» — нойнын. Штаны и обувь у мужчин также отличались от тех, что носили при жизни: штаны шились более длинными, а голенища обуви были короче. Такая одежда, считали коряки, удобнее для соревнования в беге, которые устраивались в потустороннем мире для вновь прибывшего. Похоронная одежда украшалась крашеным ворсом нерпы, расшивалась белым, синим и черным бисером. Ее нельзя было дарить, продавать, надевать на другого умершего.⁴⁸

Рано утром в день похорон четыре родственницы надевали на покойника только верхнюю одежду. Левые рукавицу и обувь надевали на правую сторону, правые — на левую, шапку задом наперед. Тело умершего связывали ремнем, на конце которого (около шеи) завязывали узелки по числу членов семьи, включая и покойника. К ремню или поясу пришивали три маленьких мешочка со спичками, серой от лиственницы и кусочками шкуры, оставшимися от шитья погребальной одежды. Перед выносом с умершим прощались: перешагивая, как бы отталкивали его от себя правой ногой. Тело укладывали на новую нарту. Береговые коряки тащили ее до места погребения сами, оленеводы впрягали в нее двух оленей покойника. Оленей, на которых он «желал» ехать в мир умерших, определяли гаданием. Грудных умерших детей летом несли на руках или оленьей шкуре, зимой

сажали на оленя. Оленей покойника забивали на месте похорон и по их конвульсиям определяли отъезд в мир умерших.

Основным способом погребения у коряков в конце XIX—начале XX в. было трупосожжение. Перед сооружением кострища (уйилкын) на землю клали ритуальную колбасу из оленьего желудка с жиром или костным мозгом. Их считали вместилищем будущего жилища покойника. Когда кострище было готово, умершему открывали лицо и говорили: «Прощайся с миром, иди и не оглядывайся, оставь нас, оставь нам счастье». На костер покойника поднимали сын или две женщины, не состоящие в родстве, символизирующие воронов — вэлву. Они разрезали ремень, которым был связан покойник, отрезали узелки на ремне, кроме одного, перерезали сухожилия рук и ног и разрезали умершему живот его ножом.

На костер укладывались личные вещи покойника, предметы первой необходимости, модель лука и стрел, посох с колокольчиком, продукты и подарки умершим родственникам. К рукаву погребальной одежды привязывали кусок юколы или клали кость оленя, чтобы покойник благополучно миновал «поселок собак», расположенный перед миром умерших. Все это время женщины-вэлву не покидали покойника на кострище. В противном случае он мог «встать». С появлением дыма они снимали с пояса и рукавов своей одежды травяные повязки, вынимали изо рта мох и со словами: «Не вставай, мы с тобой!» прыгали с кострища. Затем несколько раз кричали, подражая ворону.

Во время сожжения присутствующие ели мясо, мухоморы, пели песни и наблюдали за кремацией. Быстрое сгорание погребальной одежды, движение рук и ног покойника указывали на то, что он умер своей смертью и благополучно уходил в мир умерших. По представлениям коряков там его встречали «люди» с копьями и, если у него при жизни не было татуировки, слегка рассекали ему лицо: это защищало покойника от укусов потустороннего мира, давало ему возможность попасть к предкам. Для вновь прибывшего устраивали гонки на оленях, борьбу, играли в мяч. Взявшись за «хвост» его погребальной одежды, люди верхнего мира танцевали вместе с ним и потом приводили в жилище родственников. Его угощали, расспрашивали о жизни на земле, интересовались, кто собирается к ним в ближайшее время.

В мире умерших, по представлению коряков, они, коряки, живут отдельно от других народов, ведут такой же образ жизни, как и на земле: пасут оленей, имеют яранги, но в сравнении с земной жизнью в том мире все наоборот. Когда на земле день, там ночь. Старый становился молодым, и наоборот. Взятые с собой маленькие вещи превращаются в большие. Никто не болеет и не умирает, все проводят жизнь в развлечениях. По материалам В. И. Иохельсона, собранным у коряков Пенжинской губы и северо-западного побережья, существовали и другие представления о мире умерших.⁴⁹

Двойственное отношение к покойнику, не исключавшее возможность превращения его в злой дух нинвит, нашло отражение в послепохоронных обрядах, направленных на охрану живых от мертвых. Для этого место сожжения (захоронения) обязательно обходили против солнца, запутывали свои следы, использовали пучки травы и веток тальника, взятых с места похорон, возле жилища покойника приносили в жертву собаку,⁵⁰ окуривали ветками ольхи возвратившихся с похорон, участники похоронного обряда

проходили через круг из кишок жертвенной собаки, веши умершего, оставшиеся в семье, «очищали» потухшими угольками и т. п.

В комплексе послепохоронных обрядов коряков центральное место принадлежит ежегодным поминкам. Поминальный обряд оленеводов по всем умершим в течение года — тэнты (тэнтыгыйн'ын) проводился за день до осеннего или зимнего праздника. Около невысоких кустов тальника из небольших камней, взятых с шеста сожжения, делали жертвенник энал-ватыны. Количество камней соответствовало числу умерших в семье. Принесенные к жертвеннику продукты считались угощением умершими своих живых родственников.

Одним из важных элементов поминального обряда был забой личных оленей умерших. При этом забивались только быки. Важенки, полагали коряки, будут в дороге телиться и не дойдут до потустороннего мира. Кровью оленей мазали камни жертвенника, при этом имелось в виду, что совершается обряд помазания покойников. Им принесли жертву (инэлвэт), состоящую из кусочков вареного мяса, сырой печени, сердца, хрящевых частей носа и кишок оленей. Вареное мясо съедалось участниками обряда. Кости нанизывались на тонкие ветки ольхи и укладывались на землю по направлению к северу. Они символизировали табун оленей, уходящий в мир покойников. Покидая место поминок, отламывали веточку тальника, потом ее привязывали к связке семейных охранителей. Поминки считались выполненными полностью, если забивали трех оленей, в том числе и ездового. Если же на осенних поминках забивали оленей меньше, то недостающих «отдавали» покойнику перед зимним праздником.

После проведения годовых поминок коряки редко посещали могилу умершего, которая с этих пор становилась священным местом. По необходимости проходя мимо мест сожжения или погребения, всегда что-нибудь там оставляли.

Для карагинцев, алюторцев, паланцев, коряков западного побережья Охотского моря, крещенных еще в XVIII в., был характерен православный похоронно-поминальный обряд. Однако и они снабжали умерших всем необходимым для дальнейшей «жизни». Иногда в гроб бросали ветку кедрача и зажженную спичку — явный отголосок существовавшего в прошлом у них трупосожжения. В начале XX в. наблюдалось также переплетение православного и традиционного похоронных обрядов. Прежде чем сжигать умершего, алюторцы клали на костер крест, затем его снимали и после кремации устанавливали крест на месте сожжения.⁵¹

Переустройство жизни коряков, начинавшееся в конце 1920-х гг., повлекло за собой быстрое изменение традиционных обрядов и обычаев. В сфере семейно-брачных отношений раньше всего исчезли браки малолетних и отработка за жену, утратили свое значение традиционные действия, сопровождавшие заключение брака. Однако некоторые пережитки прежних брачных норм, такие как левират, сорорат и вытекающее из них многоженство еще сохраняются у лиц старшего поколения. Современный свадебный обряд мало чем отличается от общепринятого: торжественное бракосочетание, обмен кольцами, вручение подарков, свадебный ужин с приглашением гостей, исполнением национальной музыки и танцев.

Развитие медицинского обслуживания способствовало постепенному отмиранию обрядов, связанных с родами, традиционным наречением ново-

рожденных и заботой о них. Редкими стали амулеты и различные обереги, которым раньше приписывалась защитная функция. Иногда пожилые женщины втайне от матерей привязывают такие амулеты к руке ребенка или в изголовье его кровати.

Через месяц ребенка регистрируют в сельском Совете. В крупных поселках и районных центрах входит в жизнь торжественная регистрация новорожденных в Доме культуры. Право выбора имени принадлежит родителям.

В отдаленных поселках среди людей старшего поколения, особенно у оленеводов, сохраняются представления о возрождении умерших. Практикуется и старый обычай определять второе корякское имя гаданием с помощью камня аняпель или по снам матери. Если ребенок часто болеет, второе имя ему, как и прежде, меняют. Коряки пользуются вторым именем только в кругу семьи, среди ближайших родственников.

До сегодняшнего дня в большей степени сохраняется традиционный похоронно-поминальный обряд. Оленеводы обычно кремируют умерших на возвышенном месте недалеко от поселка. К такой форме похорон иногда прибегают и береговые коряки, особенно в поселках, где много оленеводов. Случается, что сжигают на погребальном костре покойника в гробу. Но в основном все же береговые хоронят на кладбище, в изголовье ставят обелиск со звездочкой, крест или просто палку, обмотанную сверху куском ткани. Как береговые, так и оленные коряки заранее шьют погребальную одежду с «хвостом» из белых или темных оленьих шкур. Хоронят умерших и в одежде промышленного производства, а в могилу кладут уменьшенную модель национальной одежды.

Из традиционных элементов похоронного обряда сохраняются: развлечение умершего в течение трех ночей, кормление и отталкивание ногой при прощании. По-прежнему покойника снабжают всем необходимым для жизни в мире предков, оленеводы убивают оленей на месте сожжения. Однако при перевозке покойника к месту сожжения редко впрягают оленей в нарту. Ее тащат двое мужчин, держащих в руках очищенные и обрубленные ветки, похожие на рога оленей. К поясу умершего ребенка привязывают небольшой сучок — ичвэк (дословно: «молодая важенка»), символизирующий оленя, на котором ребенок отправляется в потусторонний мир.

Наиболее распространенным средством перевозки умерших к месту сожжения и погребения стали трактор или машина. Однако скрип гусениц трактора воспринимается людьми как нежелание покойника отправляться в мир умерших на таком виде транспорта. После похорон как береговые, так и оленные коряки «очищают» участников обряда ветками ольхи, на ночь посыпают порог золой, посещают место похорон на другой день или через 2—3 суток.

Поминальный обряд береговых коряков (на 9-й и 40-й день) заключается ныне в оставлении на могиле продуктов и мелких предметов бытового назначения, на годовых поминках оленеводов по-прежнему «отправляют» умершим их личных оленей.

Существенные изменения произошли в производственной обрядности. Не проводится уже обрядовых церемоний, связанных с почитанием морских животных. Из всех праздников годового цикла оседлых коряков сохранился, правда в трансформированном виде, только осенний праздник карагинцев

«Хололо». Современное «Хололо», утратив религиозный смысл, превратилось в веселый, радостный праздник для всех жителей поселка. Традиционное обрядовое действие — кручение «вертушки» приняло теперь форму состязания, в ходе которого определяются сила и ловкость соревнующихся. Иной характер имеет и хождение ряженных в масках. Оно вызывает теперь обычно смех и веселье. Большое место на празднике отводится национальным танцам и песням, передающим движения и голоса морских животных и птиц.

У оленеводов же до сих пор сохраняются некоторые праздники годового цикла. В отдаленных селах раз в несколько лет проводят осенний праздник Коянайтытык, для которого характерно наличие ритуальных обрядов: установка или перенос яранги, обкладка очага камнями, приготовление жертвенной пищи из листьев тальника, добывание «чистого» огня, «кормление» семейных «охранителей» и «гычгыя» и т. п.

Пастухи северных районов Корякского автономного округа устраивают весной торжество Килвэй, сочетающее в себе элементы праздника рогов и праздника молодого оленя. Для гостей забивают копыем жирного оленя, варят мясо, готовят кровяной суп и котлеты из вареного мяса, которые мажут костным жиром оленя. В стадах у людей пожилого возраста еще сохраняется обрядовое «кормление» огня жертвенной пищей из кусочков вареного оленьего мяса, толкуши и заячьего пуха, «кормление» костным мозгом оленя деревянного огнива. Но в большинстве случаев современный Килвэй — это просто радостное событие в жизни пастухов.

Пенсионеры, постоянно живущие в поселке, устраивают в один из воскресных июльских дней символический праздник Кояг'ыягыгынн (дословно: «гонки на оленях»). Для него готовят ритуальную пищу — суп из крови оленя и инэлвэт. Заменителями живых оленей на празднике выступает колбаса из слепой кишки с внутренним жиром животного и бусины, нанизанные на сухожильные нити. На восточной стороне поселка, где проходит праздник, зажигают костер с помощью угляка, взятого из печи, в него бросают жертву — инэлвэт. Обходя костер по ходу солнца, выливают на землю немного кровяного супа.

Символический забой «жертвенных оленей» осуществляет сын или внук организатора праздника, будущий хозяин домашних оленей. Он «закальвает» ножом две бусины, надетые на сухожильные нити, и ритуальную колбасу. После «забоя» устраивают «гонки на оленях». Роль ездовых оленей играют веточки тальника, которые соревнующиеся поочередно перекалывают от старта к финишу. По окончании символических забоя и гонок устраивается пеший бег, победитель которого получает осенью живого оленя.

Традиционные праздники постепенно уступают место новым. Современный День оленевода является уже общекорякским праздником. В нем участвуют все жители поселка, в том числе и оседлые коряки. Проводится он в январе или в феврале на центральных усадьбах оленеводческих совхозов. Вначале проходит производственная конференция, на которой подводят итоги работы, чествуют передовиков, потом устраиваются спортивные состязания: гонки на оленьих и собачьих упряжках, национальная борьба, бег с палками, набрасывание аркана на движущиеся по кругу рога оленя, подъем по обледенелому столбу. Победители получают разнообразные призы.

В крупных, многочисленных селах коряки участвуют в новых для них праздниках Проводы зимы, Русская березка (главные действующие лица на этих праздниках — персонажи русских народных сказок). Национальный колорит праздника придают спортивные состязания, традиционные танцы и песни (подробнее об этом далее). Завершаются праздники ярмаркой, на которой продаются изделия народных мастеров.

В повседневную жизнь коряков прочно вошли и стали традицией общесоветские праздники. В эти дни организуются состязания по национальным видам спорта, проводятся выставки народного искусства, фестивали художественной самодеятельности.

Таким образом, праздничная и семейно-бытовая обрядность коряков, тесно связанная с тем или иным уровнем социально-экономического развития и мировоззрения, — явление стадиального порядка. Общие праздники, характерные для охотничьей стадии, постепенно дифференцируясь, отражали переход к двум хозяйственно-культурным типам в рамках одного этноса. Существующие различия были обусловлены специфическими особенностями производства и связанного с ним уклада материальной жизни. Дальнейшее развитие обрядности происходило в условиях новых производственных отношений, при которых у коряков при сохранении традиционных элементов появились общие праздники как регионального, так и общегосударственного значения.

Хореографическое искусство. О наличии у коряков в XVIII в. собственных народных танцев свидетельствуют многие источники.⁵² И хотя информация эта является отрывочной, по ней можно судить, что танцы были, как правило, связаны с хозяйственной деятельностью. Одной из характерных черт танцевального искусства коряков является четкое разграничение танцев на обрядовые и игровые.

Обрядовые танцы. Начало и окончание охотничьего сезона у береговых коряков непременно отмечались празднествами, составной частью которых являлись обрядовые танцы. Один из праздников и сопутствующий ему обрядовый танец связаны с охотой на белуху, или, как ее иначе называли, «белого кита». Вот как это описывает В. И. Иохельсон. Завидев лодки с белухой, женщины облачаются в танцевальные костюмы, маски из камыша, берут жертвенные ольховые ветки и горящие головни и идут на берег. Все жители приветствуют белуху, танцую вокруг очага. Другой вариант обрядового танца, посвященного встрече белухи, В. И. Иохельсон наблюдал у поселка Куэл в 1900 г. Здесь встречали белуху в танцевальных костюмах, но без масок, хотя тоже с горящими головнями. Женщины, танцуя, трясли головами, двигали плечами, качаясь всем телом с распростертыми руками, то опуская их, то поднимая, и пели: «Ах, гость пришел!». Все при этом радостно восклицали: «Ала, ла, ла, хо; ала, ла, ла, хо!».⁵³

Интересен обрядовый танец по случаю улова первой белухи. Когда мужчины вытаскивают ее на берег, женщины, празднично одетые, гуськом выстраиваются на берегу. Наиболее пожилая держала в руках ольховые веточки. Женщины, приближаясь к белухе, выстраивались по правую сторону от нее. Стоящая впереди издавала харкающие звуки и одновременно, приподнимая и опуская плечи, делала несколько пружинистых приседаний.

Затем она направлялась к берегу моря. В это время следующая женщина укладывала под хвост и в пасть белухи пучки свежей травы.

Женщина, стоящая на берегу, продолжала издавать те же звуки, как бы призывая других белух, и, взмахивая обеими руками, делала приседания. Повторив движение несколько раз, она бросала ветки в море, кланялась и возвращалась на место. После этого все женщины начинали тянуть веревку, к которой была привязана белуха. После такой церемонии, сняв нарядную одежду, начинали разделять животное.

Как и у других народов Северо-Востока, у береговых коряков был широко распространен праздник «Встреча нерпы». Выше уже давалось описание исполнявшихся при этом обрядов. Поэтому остановимся на характеристике танцев, которые входили в ткань праздника.

Танцевали в различных районах по-разному: непосредственно на берегу моря и в помещении. Когда нерпу втаскивали на берег, женщины и мужчины с горящими головнями в руках исполняли вокруг нерпы импровизированный танец. В нем отсутствовали строго фиксированные движения, каждый танец был индивидуальным, но смысл имел один — выражение радости по поводу удачной охоты. Исполнители подражали движениям вынырнувшей из глубины моря нерпы. Танец исполнялся под хрипящие звуки, характерные для этого животного.

Каждый пришедший на праздник гость представлял собой нерпу (чем больше приходит гостей, тем больше будет нерп в следующем сезоне), и важнейшим элементом праздника был танец нерп — гостей. Вот две такие импровизации.

Одна из женщин делала толчкообразные движения бедрами то в одну, то в другую сторону, вторая — скользящими движениями переводила вправо и влево голову, третья делала волнообразные движения корпусом. Своеобразным аккомпанементом служили хрипящие звуки.

Наряду с праздником «Встречи...» устраивался и еще один — «Проводы нерпы». Он завершал собой охотничий промысловый сезон. В день праздника женщины после принесения жертвы духам моря разжигали костер и начинали танцевать вокруг него, каждая по-своему. Одна, стоя на месте, стигая и разгибая колени, приподнимала и опускала плечи, другая ходила вокруг костра, выполняя те же движения, третья, делая шаг, поворачивала корпус вправо и влево. Движения рук при этом были произвольными.

Существует еще один вариант обряда и танца проводов нерпы. Охотник, если он убил, скажем, 15 нерп, вместе с хозяйкой вяжет 15 пучков травы-лаутена, обозначающих собой пойманных животных. Их обмакивали в жир и бросали в огонь: считалось, что таким образом нерпу провожают в море. Затем начинались танцы. Повернувшись к востоку каждый исполнял собственную импровизацию с одним неизменным элементом — приседанием. Когда пучки сгорали, стоящий около очага хозяин или старейший из присутствующих восклицал: «Поворачивайтесь», после чего танцующие поворачивались лицом к очагу, кланялись. Танец сопровождался пением и игрой на бубне. Временами аккомпаниатор прерывал игру и, обратясь лицом к морю, произносил «напутствие» нерпам.

Обрядовые танцы, исполнявшиеся в честь нерпы, являлись благодарственными. При различии в отдельных элементах, в наборе танцевальных движений смысл танцев всегда был один — задобрить духов, чтобы в будущем

году охота на нерпу была удачной. Все движения танцоров подражали повадкам животного, изображали, как оно ныряет, выглядывает из воды, высматривает добычу и т. д. Общей чертой для этих танцев наряду с подражательным характером является импровизация. Заметим, что это были исключительно женские танцы.

Различия в исполнении танца проявлялись в композиционном построении — исполнители могли стоять на месте, сидеть на полу, выстраиваться полукругом, двигаться по ходу солнца. Могла отличаться и манера исполнения — более плавная в Карагинском районе, резкая синкопированная — в Олюторском.

В прошлом во многих местах был распространен обрядовый танец, посвященный добыче лахтака. Интересен он тем, что в роли исполнителей танца выступали в основном мужчины. Исполнялся он в юрте, в верхнее отверстие которой спускался лахтачий ремень, на конце которого висела поперечная палочка — утут. Другой конец ремня привязывали снаружи. Каждый из присутствующих, пританцовывая и напевая, пытался допрыгнуть до палочки. Отсюда и характерные движения танца — подпрыгивания на двух ногах, перепрыгивание с одной ноги на другую с поднятыми руками.

Заслуживает внимания обрядовый танец, посвященный добыче волка, которому коряки приписывали особую королевскую силу. Исполнялся танец на улице или в юрте. Первыми начинали его пожилые люди — женщины или мужчины. Хозяин юрты держал в руках бубен, под аккомпанемент которого танцующие двигались вокруг подвешенной за передние лапы шкуры зверя. Участие в танце принимали все присутствующие, вплоть до маленьких детей — никто не должен был оставаться зрителем.

У Пенжинских коряков этот обрядовый танец имел некоторые отличия. Шкуру волка обязательно надевали на каркас, а потом уже и подвешивали на подпорку. Зачинателем танца обязательно являлась женщина. Затем к ней присоединялись все присутствующие. Танцевальным шагом — слегка сгибая и разгибая колени обеих ног, под характерную песенную мелодию — исполнители двигались вокруг очага. Танец часто продолжался всю ночь.

Широкое распространение получили у коряков обрядовые танцы, исполнявшиеся по случаю спуска байдары. В прошлом они устраивались на берегу моря и участвовали в них одни женщины. Волнообразными движениями корпуса они изображали плывшую по волнам байдару. Исполняли танец на одном месте.

Весенний праздник спуска байдары и связанный с ним обрядовый танец наблюдал В. Н. Малюкович: «После угощения начинаются танцы вокруг костра... Движения танцующих медленны, спокойны. Каждый танцует по-своему, подражая морским животным: лахтаку, нерпе, сивучу; делают медленные повороты головы в стороны, движения рук за спиной имитируют ласты. Танцующие как бы покачиваются на медленной волне».⁵⁴

Еще один своеобразный вариант этого танца зафиксирован у коряков Паланы. Хозяин дома вырезал маленькую деревянную байдару и прикреплял ее к центральному столбу юрты. Присутствующие становились вокруг и, одновременно приседая, покачивались из стороны в сторону, раскачивая при этом байдару и выкрикивая: «Оло-ло».

Окончание промыслового сезона отмечалось у коряков праздником, посвященным духам убитых зверей. Важное место на празднике занимали

танцы, в которых женщины изображали зверей, мужчины — охотников. Нередко пляска принимала эротический характер. На празднике, по словам В. Г. Богораза, «пляшут мужчины и женщины, старики и старухи, маленькие дети. Заклинение духов совершали танцующая и жертвы им приносили, приплясывая и произнося: „Гоп, гоп, гоп!“». ⁵⁵

Некоторые разновидности благодарственных праздников и соответственных связанных с ними танцев в недавнем прошлом сохранились у карагинских коряков. В с. Карага самым большим таким праздником был осенний «Хололо». Устраивался он и в с. Лесном. После обильной трапезы начинались танцы. Сигналом к их началу служил удар в бубен. Участвовать в них мог каждый. Гости, приходившие в дом на праздник, получали от хозяина пучок травы-лаутен и привязывали ее к средним пальцам рук или к одежде. Гости приветствовали хозяина возгласом: «Оло-ло». Можно предположить, что выкрики, сопровождающие танцы, приветствия, которыми обменивались гости с хозяином праздника, легли в основу его современного названия «Хололо».

И. С. Вдовин, наблюдавший пляску женщин на осеннем празднике карагинских коряков «Хололо», писал: «Под звуки бубна (бубнов) девушки и женщины, одетые в расшитые тонкокожие куклянки (вылгэ́т-ь-ан), начинали пляску, которая представляла собой ритмичные подъемы на носки с последующим перенесением пятки то вправо, то влево. В такт с этими движениями происходило раскачивание торса также то вправо, то влево. Иногда все это сопровождалось пластическими движениями рук, головы и так называемым „горлохрипением“ (к'ариг'айн'атык). Последнее было весьма выразительным изображением быстро бегущих запыхавшихся оленей или уставших от быстрого бега собак. Движения головы и туловища с одновременным движением рук как бы повторяли движения оказавшегося на льду или на суше тюленя. „Горлохрипение“ сменялось добрым и веселым напевом: о-ча, оча-ча, о-ча, о-ча-ча! Одновременно менялась поза пляшущих, они выпрямлялись, как бы отдыхали, затем опять склонялись, и все повторялось снова. Такие пляски-пантомимы продолжались без перерыва всю ночь». ⁵⁶

На празднике нередко появлялись люди в деревянных масках уляау (деревянное лицо). Они прыгали, «пугали» присутствующих. Иногда по окончании праздника два человека в масках (одна была женская, другая мужская) ходили по юртам, и хозяева должны были одаривать их лентами или бусами. В далеком прошлом ряженные вымогали не только мелкие подарки: отказать им боялись, так как считалось, что они могут наслать «порчу» на семью, но уже в 30-е гг. хождение ряженных превратилось в веселое развлечение.

Упоминания о масках-«деревянных лицах» у коряков встречаются в литературе. О них писал В. Г. Богораз. ⁵⁷ И. С. Гурвич видел в Олюторском районе, как через день-два после праздника многие коряки надевали деревянные маски, выворачивали наизнанку одежду и ходили в гости. Интересно, что мужчины при этом надевали женскую одежду, женщины — мужскую. В Карагинском районе, по его же данным, маски использовались для того, чтобы в доме не осталось злых существ, приносящих несчастье семье. ⁵⁸

На празднике «Хололо» существовал также обряд «калаткок», связанный с деревянными «охранителями» и также сопровождающийся пением и пля-

ской. На этом же празднике, по данным И. С. Вдовина, совершался еще один своеобразный обряд (хэглимгыткун), которым отмечалась первая охотничья добыча мальчика, пусть даже самая незначительная. Участник обряда надевал на голову капюшон, ходил по кругу и пел, а затем исполнял пляску-пантомиму, подражая характерным движениям добытой птицы или зверя.⁵⁹

Таким образом, обрядовые танцы береговых коряков составляли органичную часть праздничных церемоний, связанных с годовым хозяйственным циклом. Вторая их характерная особенность — подражательный характер, связанный с анимистическим взглядом на природу. Имитируя движения убитых зверей, коряки как бы одушевляли их, обеспечивали себе их покровительство в предстоящем промысле.

Обрядовые танцы оленных коряков, так же как и у оседлых, приурочивались к праздникам, посвященным различным событиям в жизни оленеводов. Разные группы коряков отмечали их по-своему, естественно имели отличия и сами танцы. Пенжинские оленеводы, например, на празднике, посвященном завершению отела, танцевали на улице. Все присутствовавшие ходили по ходу солнца вокруг шеста с головой жертвенного оленя, исполняя обрядовую пляску — делали небольшие шаги, приподнимали и опускали плечи. Танец исполнялся в медленном темпе под аккомпанемент бубна. В Тигильском районе этот же праздник проходил в яранге, в правой части которой перед головой жертвенного оленя и устраивался благодарственный танец.

Весьма популярным у оленных коряков был праздник возвращения стада с летовки. Довольно подробное описание его имеется у В. Г. Богораза. Этот праздник коряки проводили почти так же, как оленные чукчи.⁶⁰ У коряков-олюторцев он известен под названием «Коянейтат» или «Кокоянейталан» (дословно: «Делают праздник» или «Уже приступили к празднику»). Праздник длился два-три дня. Танцевали на нем под аккомпанемент и голосовую мелодию. Считалось, что удары в бубен и пение успокаивают важенок. В последний день праздника после угощения исполнялись массовые импровизированные танцы.

В январе оленеводы устраивали праздник по случаю большого забоя оленей. В Олюторском районе его называли «Пэгытын». На этом празднике исполнялся танец с копьём. Начинала его старейшая женщина. Она двигалась вокруг очага, держа копьё в правой руке. Танец был несложный: исполнительница шла по ходу солнца, приподнимая и опуская плечи. Руку с копьём она то отводила в сторону, то прижимала к груди. После того, как она завершала один круг, к ней присоединялись все присутствующие.

Обрядовые танцы исполнялись и на празднике зимнего солнцестояния. Он устраивался перед новым годом в самый короткий день и назывался «Кинтак». Танцы начинались в яранге рано утром после обильного угощения. Исполняли их мужчины, аккомпанируя себе на бубне. Одни ходили вокруг очага, другие расходились в стороны, имитируя повадки вороны, волка и т. п.

Существовал у коряков-оленеводов в прошлом обряд тыннэнскыкы, связанный с установлением новой яранги. Как только ставили первый столб, хозяйка приглашала гостей и, поставив угощения, начинала танцевать, выкрикивая: «Хук! хок! хак!». Такими восклицаниями оленеводы обычно погоняют оленей.

У оленных коряков, как и у береговых, устраивались также праздники с обрядовыми танцами по случаю добычи первого медведя. Медленными шагами танцор двигался вокруг копья по ходу солнца. Танец обычно начинал хозяин убитого медведя. Иногда танец исполняли, набросив на себя шкуру медведя, или исполнители двигались вокруг рамы с натянутой медвежьей шкурой. Начинался танец стариком или старухой. У ведущего танец в руках была чашечка с ритуальной пищей, за ним шел танцор с луком и стрелой, затем следовали все остальные участники. Исполнители танца имитировали стрельбу лука.

Обрядовые танцы оленных коряков, имеющие много общего с танцами оленных чукчей, все же существенно отличались от них по пластике движений. При единой для всех народов Северо-Востока Сибири основной танцевальной позиции на полусогнутых ногах у коряков четко выражена тенденция к более сложным композиционным построениям. Анализ обрядовых танцев береговых и оленных коряков показывает, что они весьма архаичны. В настоящее время многие обряды уже забыты и не исполняются.

В основном все обрядовые танцы исполнялись по незамкнутому кругу, по ходу солнца. Лишь некоторые имели линейное построение. Участвовали в них преимущественно женщины, причем в некоторых обязательно пожилого возраста. Мужчины также принимали участие в обрядовых танцах, но в большинстве случаев они аккомпанировали на бубне и исполняли импровизационную песню.

Игровые танцы. Среди игровых танцев самым распространенным был млавтыгн. Его танцевали женщины, мужчины и дети. Для этого традиционного танца характерны движения головы, рук, плеч и бедер. Ноги в танцах коряков менее активны: основные движения — это сгибание и разгибание колен, мелкие шаги при полусогнутых коленях, переступание с одной ноги на другую. Танец исполняли сольно, в паре и группой. Аккомпанировал на бубне обычно мужчина.

У разных территориальных групп коряков танец имел локальные варианты. Так, для карагинцев характерно плавное исполнение всех движений. В основном это мягкие толчкообразные движения бедер из стороны в сторону, поднимание и опускание плеч, волнообразные движения рук от плеча до кистей. При исполнении млавтыгн у паланцев основную роль играли руки. Они принимают различные положения, могут быть приподняты, опущены, закруглены, ими могут прикрывать глаза. К движениям рук иногда прибавлялось движение шей. Отличают танец простой шаг на полусогнутых ногах, плавные движения головой из стороны в сторону. У мужчин при этом руки согнуты в локтях, кисти собраны в кулаки.

Различные варианты этого танца бытуют у коряков Олиторского района. Для них характерны резкие движения плечами и бедрами из стороны в сторону, а также хлопки в ладони. Все движения исполняются синкопированно. Пенжинский вариант танца — отстукивание ритма пятками о землю и вынос ноги вперед, хлопки, движение шей и головой из стороны в сторону, небольшие прыжки с ноги на ногу, низкие пригибания колен, похожие на полуприсядку. Корпус во время танца держали прямо, чуть наклонив вперед.

К игровым относятся и сюжетные подражательные танцы. Коряки, как и чукчи и эскимосы, искусно подражают повадкам чайки, утки, куропатки,

морского топорка, горбуши. Среди женщин-корячек особенно популярен подражательный танец чаек, который у эскимосов исполняется мужчинами. В Карагинском районе записан танец «Чайка» в исполнении А. Гуторовой. Она начинает танец с небольших простых шагов, переходя с полупальцев на всю ступню. Каждый шаг сопровождается взмахом отведенных назад и раскрытых рук, толчкообразными движениями головой вперед и назад и криком «Як-як!».

В Пенжинском районе танец «Чайка», показанный Т. Анга, состоит из четырех движений. В нем изображается прилет, приземление чайки, как она клюет, собирает детенышей и улетает. Танец начинается медленным движением вперед на согнутых коленях, переступая с ноги на ногу. Руки танцующей раскрыты в стороны немного ниже плеч. На ходу она мелко вибрировала кистями рук, и переводила их то вправо, то влево, не прекращая при этом вибрации. Затем медленно приседала почти до пола, одновременно руки отводила назад, подчеркивая приземление. «Находясь в этом положении, чуть наклонив корпус вперед и отстукивая пятками, — рассказывала исполнительница, — чайка поворачивает шею то вправо, то влево, вытягивая ее вперед, втягивая обратно, как бы высматривает, хватает и проглатывает пищу». При этом танцующая издавала звуки: «Ик, плик, плик, плик», как бы созывая своих детенышей. Потом танцовщица медленно поднималась и, вибрируя кистями, чуть приподнимала плечи, наклонив корпус немного вбок. При этом руки раскрыты в сторону: одна чуть выше другой. В таком положении, на присогнутых ногах, она медленными шагами двигалась по кругу.

Широко распространены во многих корякских селах личные танцы. Исполняют их без какого-либо особого повода. Корячка Хичгинилив из с. Манилы Пенжинского района танцевала, аккомпанируя себе на бубне, который держала в левой руке. Сопровождающий танец запев — это рассказ-воспоминание о своей жизни, работе. Личные танцы обычно одиночные, но коряки помнят и о своеобразном парном танце. Так, А. В. Гуторова рассказала, что может танцевать в паре с мужчиной. В этом случае она круто поворачивается к партнеру, как бы делая вызов на танец, и они начинают танцевать друг перед другом.

В Олжоторском районе в с. Ачайваям проживает группа коряков, называющих себя чукчами. По данным И. С. Гурвича и А. И. Яйлеткина, это коряки-оленеводы.⁶¹ В этой группе записано несколько индивидуальных импровизированных игровых танцев, которые могут служить подтверждением вывода И. С. Гурвича. Так, в импровизированном танце Л. Тевлятагаль прослеживается ряд характерных движений, встречающихся в исполнении большинства коряков северной группы. Это легкие подскоки на двух ногах, перескоки с ноги на ногу, вынос свободной ноги вперед, движение по кругу по ходу солнца. Руки с бубном поворачиваются вместе с корпусом.

Интересный танец продемонстрировала исполнительница традиционных танцев и песен Е. Кивлин. Это праздничная песня с танцем, причем весь танец она исполняла, стоя на месте, в одном положении, делая однообразные (толчкообразные) движения головой из стороны в сторону.

В селе Ачайваям был записан танец, не характерный для коряков. Исполнительницы сидели на полу в одну линию. Одна из них — на правой

ноге, вытянув левую вперед, другая — на обеих ногах на пятках, третья — скрестив ноги перед собой. Пластика танца позволяет отнести его к категории «сидячих».

Корякские игровые танцы исполнялись в юрте. Где звучали бубны, туда и шел народ. Танцевать могли сразу несколько человек, стоя друг перед другом. Устраивались своего рода танцевальные состязания. Во время танцев строили гримасы — наиболее смешная вызывала одобрение всех присутствующих. Возможно, танцы с гримасами являются отголоском обряда с масками, своеобразными зачатками комедийного представления.

Мужские личные танцы отличались от женских большей резкостью и четкостью исполнения. Такие танцы были записаны в селах Ачайваям, Хаилино и Анапке Олюторского района. Игровые, в том числе и личные танцы, чаще всего исполняли, когда оленеводы подкочевывали к поселкам береговых коряков. В это время устраивался праздник, и все собирались в одной большой юрте. Места в ней распределялись следующим образом: в глубине, лицом к двери сидели мужчины, поющие и играющие на бубнах. По обе стороны очага располагались женщины. Танцевали чаще в правом нижнем углу юрты. Танцы носили характер состязаний. Иногда исполнитель сам себе аккомпанировал на бубне. Мужчины в танцах подпрыгивали, а когда уставали, то только пританцовывали, чуть приседая, на одном месте. Если танцоров было немного, они прыгали вокруг очага.

В корякских игровых традиционных танцах больше, чем в обрядовых, разнообразных движений рук, плеч, бедер и ног. Руки в танцах принимают самые разные положения. Все движения мягки, ни в одном танце нет устойчивых, раз навсегда зафиксированных положений, последовательности чередования движений. В каждом отдельном исполнении возникают новые движения рук. Плечи в танцах очень подвижны: поворачиваются вправо и влево, приподнимаются и опускаются, толчкообразно выдвигаются вперед и отводятся назад. Большую роль играют движения бедер, виртуозные, очень пластичные, подчеркивающие рисунок танца.

Основные движения ног: сгибание и разгибание; небольшие шаги на присогнутых ногах, пружиня в коленях; легкие подскоки на двух ногах; с одной на другую; прыжки с выносом свободной ноги вперед; и др. Корпус во время танца у женщин и у мужчин — подчеркнуто прямой. Коряки хорошо владеют пластикой и координацией движений всего корпуса.

Корякские традиционные обрядовые и игровые танцы сопровождалась игрой на бубне, песней и отдельными выкриками самих исполнителей. Иногда зрители подбадривали танцоров выкриками «отя-отя! ит-ит! оча-оча-ча! оло-оло-ло!». Инициаторами, зачинателями танцев у коряков являлись женщины, но танцевали все — и мужчины, и пожилые, и женщины, и дети. Некоторые пританцовывали на месте.

Корякские танцы как в прошлом, так и в настоящее время исполняются в танцевальной одежде, которая одновременно является праздничной и состоит из тонкой радужной свободной покроя кухлянки красновато-кирпичного цвета, украшенной бусами, мехом, вышивкой, ремешками, пришитыми под мышками звоночками (их количество могло достигать семи штук). На голову надевали валики, расшитые бисером, бусами, с боков свисали подвески из бус; на ноги надевали расшитую ровдужную обувь.

В далеком прошлом танцевали в набедренных повязках с свободно свисающими ремешками и металлическими подвесками.

Для всех танцев характерна ориентировка исполнителей — всегда лицом в сторону востока, что, несомненно, свидетельствует о былой их обрядовой функции. Местом для игровых танцев в основном служат закрытые помещения. Сравнение показывает, что исполняемые на традиционных праздниках танцы оседлых коряков на Восточном и Западном побережьях Камчатки обнаруживают несомненную близость. В импровизированных танцах проявляются свойственная им наблюдательность, умение увидеть характерные черты того или иного явления природы, прекрасное знание повадок птиц, зверей и животных.

Новый этап в развитии хореографического искусства коренного населения Севера и Сибири ознаменовался появлением в 50—60-х гг. сценических танцев. Новым для исполнителей традиционных танцев на сцене явилась четкая фиксация движений на определенное музыкальное сопровождение. Даже в тех случаях, когда на сцене происходила вольная импровизация, она была строго регламентирована во времени конкретным музыкальным сопровождением.

Поистине неоценимый вклад в развитие современного танцевального искусства народностей Севера вносят энтузиасты, знатоки, носители своей национальной культуры, которые щедро передают свои знания и опыт молодежи: Т. П. Лукашкина, Н. Коянто, Н. К. Хелло, Петр и Даниил Ягановы, первый профессиональный балетмейстер С. Кивевтегин и др.

Сценические интерпретации традиционных корякских подражательных танцев («Утки», «Куропатка», «Ворон и воронята», «Горбуша», «Морской топорок» и др.) быстро распространились по клубным сценам и завоевали прочное место в репертуаре самодеятельных танцевальных коллективов.

Танцевальная художественная самодеятельность играет большую роль в современной общественной жизни коренного населения Севера. Сейчас хореографическими коллективами руководят, как правило, люди, получившие специальное образование. Репертуар ансамблей стал более сложным: появились танцевальные сюиты, инсценировки народных праздников и даже одноактные балеты.

Большим событием, оказавшим влияние на развитие танцевального искусства коренных народов Севера, было создание в 1967 г. корякского балета, названного по имени его маленькой героини «Мэнго». Его автор — руководитель самодеятельного коллектива с. Паланы, заслуженный артист РСФСР А. В. Гиль. В основе балета лежит старинная корякская легенда. Балет построен на традиционной пластике с исполнением этнографических элементов. С первых же дней существования ансамбль завоевал большую популярность, а в 1974 г. этот коллектив получил статус профессионального корякского национального ансамбля танца. Его искусство известно в нашей стране и за рубежом.

В репертуаре «Мэнго» есть и другие балеты, созданные А. В. Гилем по мотивам танцевального фольклора чукчей, ительменов, эвенков, алеутов и др. Успех этих хореографических постановок объясняется тем, что все они основаны на подлинном этнографическом и фольклорном материале.

Многообразные формы и методы работы по развитию народного искусства далеко не исчерпаны. Их поиски сделают еще более плодотворным взаимное

обогащение культур народов содружества, откроют широкий доступ к лучшим достижениям духовной жизни коряков и других народов Севера.

Музыкальная культура коряков оригинальна и покоряет своей самобытностью. Как и у других народов Северо-Востока, она пронизывает все сферы жизни и быта коряков. Музыкальное искусство нашло отражение в многовековых культурных традициях их массового песенного и танцевального творчества, содержит немало элементов, близких к культуре соседей коряков. Весьма заметно в нем и влияние русской музыкальной традиции.

К основным традиционным жанрам музыкальной культуры коряков можно отнести прежде всего «личные» песни — песни, которые созданы и исполняются только одним человеком или подарены ему родителями и родственниками, чаще всего при рождении. Кроме личных песен, широко распространены семейно-обрядовые, исполняемые в семье и передающиеся по наследству. К бытовым мелодиям относятся «баюкальные» (колыбельные), подражательно-игровые, отражающие процессы трудового быта, лирические, напевы в сказках, обрядово-праздничные, связанные с каким-либо праздником, например «Хололо».

Интонационно-мелодический строй песен представлен неустойчивой структурой комплексов, состоящих из монодийных, узкообъемных попевок, которые, комбинируясь и видоизменяясь, превращаются в песню лишь в момент ее исполнения. Для них характерны насыщенность интонационно-ритмической орнаментики, многообразие использования трелей, вибрато, форшлагов, глissандо, тремоло, использование интонаций, примерно $1/3$, $1/4$, $1/5$, $1/6$ тона, а также созвучий на основе этих микроинтервалов.

Как отмечает А. Бродский, «мелодии коряков отличаются ладовой динамичностью. Специфика музицирования включает в себя особое композиционное строение, ядро которого составляет вокальная мелодия, сопровождаемая инструментарием (чаще всего бубном). Мелодия постепенно расширяется в объеме, вместе с этим постепенно активизируется ритм, ускоряется темп, увеличивается громкость, создается своеобразный эффект тембрального метроритма».⁶² Для коряков характерны такие приемы и средства музыкальной выразительности, как придыхания, разнообразные быстрые язычкодрожания, гортанные, равномерно чередуемые, звучные вдохи и выдохи, гортанный похрип, а также другие гортанные звуки, напоминающие разнообразные крики, завывания, гудения, полаивания, попискивания и т. д.

Особо нужно сказать о таком древнейшем искусстве коряков, как горловое пение. Горловое пение — древнейшее и чрезвычайно сложное искусство, представляющее большую научно-художественную ценность и заслуживающее специального исследования. Фестивали горлового пения показывают мастерство одаренных исполнителей.

Разнообразен традиционный музыкальный инструментарий коряков. В музеях г. Петропавловска-Камчатского и пос. Паланы проводится большая работа по поиску и реставрации уникальных образцов. Рассмотрим наиболее распространенные музыкальные инструменты коряков.

Вертушка (талытал — тэлытал). Материал: древесина березы, капроновый линь. Встречается у коряков-карагинцев, олюторцев, паланцев на праздниках «Хололо». При растягивании вертушка быстро вращается то в одну, то в другую сторону. Звук жужжащий, не имеющий определенной высоты, извлекается трением. Инструмент относится к группе самозвучащих (идиофонов). Вертушка талытал очень часто применялась на праздниках наряду с основным традиционным музыкальным инструментом — бубном. Вот что пишет по этому поводу И. С. Вдовин: «Один из участников праздника брался за палку-рукоятку и тянул сначала на себя (упираясь в порог ногами), потом отпускал, в результате таких движений „вертушка“ начинала вращаться то в правую, то в левую стороны. Чем сильнее и чаще натягивался ремень, тем быстрее крутилась вертушка. При этом она издавала жужжащий звук. Под поощрительные возгласы присутствующих „к’нанок, к’нанок!“ мужчины, сменяя друг друга, тянули за рукоятку все сильнее и быстрее. Иногда это делали вдвоем. Наконец ремень рвался. Тогда все присутствующие бросались к ремню, начиналась борьба за ремень. Каждый отрезал себе столько, сколько успевал захватить».⁶³

Подобную сцену с вертушкой описывает в своем известном труде С. П. Крашенинников,⁶⁴ из чего можно сделать вывод, что музыкальные инструменты коряков (талытал, тэлытал) и ительменский кыжиа аналогичны.

Из других распространенных у коряков музыкальных инструментов можно отметить: свирель из ивовой коры и древесины; шаманские подвески, для изготовления которых использовали древесину ольхи, стальные кольца, жезл; дудочку (эйнген’ин) из борщевика; пищалку двойную из древесины ольхи и бересты; манок из пера утки (гыугын, галлгын), который использовался как мундштучный аэрофон; перо чайки с регулятором звука (гыугын як янын).

Наиболее распространенным инструментом был бубен (яйер,яяй). По форме он близок к кругу диаметром около 70 см. К неширокому ободу сухожилиями прикрепляется боковая ручка из кости или дерева. Для мембраны обычно употребляют тонкую, выделанную кожу оленя, хотя иногда используется кожа собаки или тюленя. Внутри обода крепятся металлические кольца-подвески, которые при встряхивании создают ритмические позвякивания. Палочка для бубна — длиной около 45 см, ее конец обтянут кожей медведя, волка или оленя.

Остановимся подробнее на технологии изготовления бубна, она состояла из нескольких операций. Для обруча подбирали молодое ровное дерево с сучьями. Обычно это были ветла, ольха белая или красная и тополь. Выделявали шкуру весеннего годовалого теленка, выпаривали ее спинную часть, так как она обычно не повреждена оводами. Шкуру предварительно замачивали в теплой воде, чтобы лучше снималась шерсть. Готовую сырую шкуру надо было разложить на полу, почистить, разгладить, затем положить на нее обруч, предварительно смазанный клеем из рыбной кожи. Клей для работы готовили заранее. Брли нежирную рыбью кожу, начисто выскобливали ножом чешую, нарезали мелкими кусочками и варили на медленном огне, помешивая. Как только образовывалась кашеобразная масса, клей был готов к применению. Смазывали обруч только остывшим клеем. Последняя операция при изготовлении бубна — самая ответственная.

Приготовленные заранее небольшие шарики из мха диаметром 4 см располагали по краям шкуры на расстоянии 8—10 см друг от друга. Обернув каждый шарик шкурой, крепко завязывали их веревкой и, затянув потуже, связывали между собой концы шкуры. В таком состоянии бубен держали при комнатной температуре на весу до тех пор, пока не подсохнет шкура. Затем лишние остатки шкуры острым ножом обрезали по внутреннему краю обруча и просверливали с четырех сторон отверстия диаметром до 0.5 см для того, чтобы вдеть веревки, необходимые для поддержания бубна. На внутренней стороне бубна также закреплялись металлические бубенцы и цепочки, которые при ударе о бубен палкой издавали своеобразный мелодичный звук. Прежде чем играть на бубне, его нагревали над огнем, отчего мембрана натягивалась и звук становился высоким и звонким.

Бубен и другие инструменты — живые памятники древнейшего пласта музыкальной культуры коряков — продолжают активно функционировать в самостоятельном музыкальном творчестве и в наши дни. Современный период музыкального искусства коряков отражает значительные перемены в жизни народа. Наряду с музыкальным фольклором и на основе его появляются новые, разнообразные по тематике и жанрам песни — патриотические, лирические, шуточно-сатирические. Этот процесс нашел свое полное выражение в мощном развитии самостоятельного творчества народа. Художественная самостоятельность является одним из важнейших направлений развития современной музыкальной культуры коряков.

Определенный ее подъем наблюдался к концу 60-х—началу 70-х гг. и был связан с процессом массового создания самостоятельных народных коллективов на Камчатке. Эти годы следует считать началом профессионального музыкально-сценического искусства народов Камчатки. И произошло это благодаря умелой интерпретации фольклора, разумному использованию опыта народной хореографии. В последующие годы можно отметить спад в развитии национальных фольклорных коллективов самостоятельности. Новый подъем национального творчества относится к середине 80-х гг., к периоду проведения II Всесоюзного смотра самостоятельного художественного творчества. Во всех районах округа впервые прошли фольклорные фестивали, в которых участвовали семейные фольклорные ансамбли из национальных сел Слаутное, Хаилино, Лесная, Ильпыр. Лучшие фольклорные коллективы выступали в Хабаровске на «Празднике народов Севера» и в Москве. Детские фольклорные ансамбли участвовали во Всесоюзных праздниках в Артеке. Ребята выступали на Всероссийской выставке «Дети Севера: жизнь и творчество» в Музее этнографии народов СССР. Развитие детского фольклорного творчества продолжается.

В настоящее время самостоятельные композиторы Л. Воямгит из с. Хаилино и В. Анхани из с. Средние Пахачи создают свои песенные произведения на основе фольклора. Широкую известность приобрели патриотические и лирические песни этих авторов. Например, очень популярна песня Л. Воямгит «Моя Камчатка».

Народная музыкальная культура — это продукт сложного взаимодействия фольклорного творчества со средой. Здесь можно говорить о фольклорном оформлении быта, бытовых ситуаций в форме обычаев, обрядов, праздников. Утверждение новых современных обрядов и торжественных ритуалов происходит на основе использования древних традиций, так как

фольклорные произведения неразрывно связаны с обрядами и проявляют себя через них.

Процесс развития корякской музыкальной культуры сдерживается отсутствием высококвалифицированных музыкантов, композиторов, музыковедов. Хотя в округе работает несколько детских музыкальных школ, а в музыкальном училище г. Петропавловска-Камчатского открыто отделение для народов Севера, специалистов с высшим образованием пока нет. Необходимо активнее готовить кадры для создания национального музыкального театра, о существовании которого в довоенное время говорили старожилы.

Неповторимость, уникальность культуры любой, даже самой малочисленной национальной общности представляет самостоятельную ценность, великое общечеловеческое богатство. И музыкальная культура коряков представляет собой бесценный вклад в музыкальную культуру народов нашей страны.

К сожалению, до сих пор этот национальный пласт музыкального творчества остается по-настоящему не изученным. Его дальнейшее исследование является благородным долгом наших музыковедов и этнографов.

Фольклор. Устное творчество коряков ценно не только как памятник народного искусства, но и как важный источник для всестороннего изучения и понимания их духовной культуры, многовекового трудового опыта, общественного устройства и быта. В художественном творчестве — фольклоре сказалась богатая одаренность народа.

Корякский фольклор представлен разнообразными жанрами — мифами, преданиями, сказками и другими. Мифы отражали космогонические представления северных племен. Народ объяснял в фантастической, присущей его миропониманию форме происхождение земли, небесных светил, людей и животных, возникновение болезней и смерти. Мифологические сюжеты часто сочетались с мотивами былин и сказок. Предания вспоминали о родовых столкновениях и войнах с иноплеменниками. Герои их — охотники и воины, замечательные своей силой и ловкостью, храбростью и находчивостью. Такие качества прививались у народов севера с самого детства.

Едва ли не самым распространенным и любимым жанром устного творчества коряков, как и других северных народностей, была сказка, игравшая большую роль в их жизни. Сказка скрашивала тяжелое существование, служила любимым развлечением и отдыхом. Рассказывали сказки на досуге, после трудового дня, в жилище или на промысле. Охотники коротали так длинные ночи в тайге, у костра. Знали и повествовали сказки все — и старики, и молодежь, и женщины, и мужчины. Но повсюду выделялись особенно умелые сказители. Талантливые рассказчики, обладавшие исключительной памятью, даром слова и импровизации, были всегда желанными и почетными гостями.

Чрезвычайно разнообразные по содержанию волшебные, бытовые (новеллистические), шаманские и другие сказки отражали действительность и мировоззрение народа в формах творческой, художественной фантазии. Они создавались на реальном этнографическом фоне и рисовали яркие

картины жизни оленеводов, охотников, рыбаков, промыслов и кочевков, домашнего быта, обрядов, обычаев и нравов.

Насыщенные фантастикой сказки повествуют о чудесных превращениях людей и животных, о путешествиях и встречах с необыкновенными людьми, о необычайных приключениях. В сказках фигурируют разнообразные элементы волшебства — чудодейственные дарители и их дары, вещие силы и духи-хозяева стихий, смерть, оживление, исцеление. Персонажами сказок являются и животные, и обыкновенные люди — простые охотники, рыбаки, оленеводы, и выдающиеся герои, и духи, добрые и злые. Но во всех, даже в самых фантастических сказках, как справедливо утверждает большой знаток народного творчества М. А. Сергеев, нетрудно найти общественно важные и реалистические думы народа.⁶⁵

Корякский повествовательный фольклор исследователи делят на три основных жанра: 1) мифологический, 2) исторический, 3) бытовой. «Мифологический фольклор, — по определению С. Н. Стебницкого, — наиболее богат и разнообразен, но при всем разнообразии он представляет собой единый цикл мифов о Вороне-творце, общий для всех палеоазиатских народностей чукотской группы (чукчей, коряков, ительменов) и свойственный также эскимосам. Бытовой фольклор значительно беднее, он содержит по преимуществу рассказы о хозяине — богатом оленеводе и работнике, оленем батраке. Исторический фольклор содержит описание войн. В преданиях чавчуменов (коряков-олeneводоB) описываются по преимуществу войны коряков с чукчами. В преданиях апукинцев и алуторцев (северо-восточные группы оседлых коряков) также изображаются войны с чукчами, но наряду с ними межплеменные войны — оседлых коряков с коряками-олeneводоBами...».⁶⁶

К мифологическому фольклору С. Н. Стебницкий относит мифы, сказания и сказки о животных, в том числе корякские и ительменские сказки о вороне Кутхе-Куйкыньяку (Куткыннеку). Центральным является образ Ворона, давшего людям оленей и собак, обучившего их оленеводству, морскому промыслу, езде на собаках. Он носит кухлянку из вороньих перьев, и многие его повадки изобличают в нем ворона. Но одновременно большая часть преданий повествует о проделках, его похождениях и рисует его хитрым стариком, обманывающим жену и своих детей. Другая часть мифологических преданий рассказывает о приключениях и поведении старшего сына Ворона — об Эмэмкуте. Для тех и других произведений характерно наличие в них сюжета о зверино-человеческих существах (Лисье существо, Медвежье существо и др.), которым присущи черты и человека, и зверя.

С течением времени корякский миф стал сказкой, которая, несомненно, имеет свои особенности.⁶⁷ Сказка (о животных и др.) состоит из отдельных эпизодов, соединяемых вместе по желанию рассказчика. Многим сказкам присуще большое развитие драматического элемента, что является характерной чертой корякского творчества; значительное число их представляют собой цепь диалогов.

В бытовом фольклоре выделяются сказки о хозяине и работнике. В этом же цикле довольно широко распространены так называемые насмешливые сказки — у чавчуменов над оседлыми коряками, а у оседлых — над чавчуменами. Особую тематическую группу составляют сказки об удачливых и неудачливых охотниках.

Немало сюжетов устного народного творчества коряков, прежде всего сказок, заимствовано у русских. Но содержание их настолько изменено, дополнено новыми, собственными мотивами и эпизодами, что иногда трудно определить, заимствован сюжет или совпадает.

Корякский, как и ительменский фольклор в записях В. Г. Богораза и В. И. Иохельсона, не говоря уже о более поздних материалах, почти не знает Ворона-демиурга. Известное исключение представляют только определенные варианты рассказа о пребывании Ворона в гостях у краба Ави или у нерпы Акибы в морском мире. Краб Ави, которого Куйкыннюку встретил на берегу моря, взял Куйкыннюку к себе в гости, угостил его жирной пищей, но не давал напиться до тех пор, пока Куйкыннюку не пообещал крабу своих дочерей в жены. Выпив огромное количество пресной воды, Куйкыннюку, вернувшись на сушу, ее изрыгает, вследствие чего образовались реки. Сходные мотивы встречаются в комически-пародийной форме: Куйкыннюку наедается кашей и изрыгает ее на злых духов — нинвиту; Кутх лопается, выпив реку (у коряков есть вариант, где, таким образом, лопается кала — злой дух). Итак, Большой Ворон в фольклоре коряков — это прежде всего первопредок, а затем первый шаман. Коряки западного берега Пенжинской губы прямо называли Ворона Ачиченяку, т. е. «Большой дед».⁶⁸

Особый раздел корякского фольклора составляют мифологические сказки (в жанровом отношении они стоят между мифом и волшебной сказкой) о любовных и matrimониальных приключениях сыновей и дочерей Ворона. Сам Ворон в этих мифах-сказках большей частью лишен шутовских черт и выступает в качестве «чудесного помощника своих сыновей и дочерей».⁶⁹ Сюжеты мифологических сказок о брачных связях детей Ворона противостоят мифологическим анекдотам о трюках Ворона, особенно историям, где он пытается изменить Мити.

В корякском фольклоре возникли и развивались совершенно уникальные предания и сказки о Вороне Кутхе-Куйкыннюку (Куткыннеку), воплотившем в себе черты культурного героя — творца Вселенной и персонажа волшебного-мифических животных сказок, в которых его героический образ снижается до комического, когда мудрый творец превращается в шута, обманщика и обжору. Этот синкретизм мифа и сказки характерен для большинства коренных народов Северной Азии и Северо-Западной Америки.⁷⁰ Родословная героя вороньего цикла корякского фольклора Куткыннеку (Куйкыннюку) в основных чертах совпадает с одноименным циклом сказок ительменского фольклора. В состав семьи Куткыннеку (Куйкыннюку) входят: жена — Мити (Миты), сыновья — Эмэкут (Амамкут), Котгану, Кигигысынюку, Сисисын (Чичисэн), дочери — Тиниэгэвут (Тынианавыт), Рэра (Рира), Уала, Хайсянэру.

В корякском цикле в отличие от ительменского имени получили дочери Эмэкута — Инианавыт и Ключэгэвыт. Постоянными персонажами цикла остаются Куйкыннюку (Куткыннеку), Мити и их дети Эмэкут и Тынианавыт.

Эмэкут — это в основе своей положительный герой волшебного-мифической сказки. Он прямой наследник ранних культурных деяний своего отца, от которого заимствовал только лучшие черты — способность перевоплощаться в ворона, умение совершать чудесные поступки, полезные ближним.

Эмэмкут часто отвергает неизменное в поступках своего предка. Переволочаясь в ворона, он продолжает космогоническую миссию тесного взаимодействия человека и животного.

Важно отметить и то, что в корякских сказках о Куйкынняку (Куткыннеку) имеет место своеобразное отражение процессов разложения первобытной общины в связи с зарождением имущественного неравенства. В целом же в корякском цикле сказок о мифическом вороне, послужившем основой для образования других сказочных жанров, ярко отразилось двойственное представление древних палеоазиатов Камчатки о мифических предках человека.

В фольклоре коряков также повсеместно распространены сказки о животных. Отличительной чертой сказок этого жанра является их связь с космогоническими, тотемическими и анимистическими представлениями народов ранней эпохи первобытнообщинной формации. Этот жанр устного творчества развивается в тех же общественно-исторических условиях жизни охотников эпохи первобытнообщинной формации, отмечает Г. А. Меновщиков, что и мифические предания, и волшебные мифические сказки. В сказках о животных чаще всего отражались черты дружественного отношения к животному миру, которые не были врагами человека, а являлись лишь объектом охоты. Человек не убивал зверя, а добывал и поэтому наделял его духовными, человеческими качествами, какими обладал сам. Сказки о животных, по мнению исследователя, не имеют четкого отличия от мифических преданий и «развивающимися из последних» волшебномифических сказок, хотя в ряде случаев сохраняется их прямая генетическая связь.⁷¹ Во многих сказках персонажами выступают одновременно люди и звери, и порой трудно определить, кто из них в данной ситуации главный. Это показательно в цикле сказок о вороньем герое Куткынняку (Куйкынняку), который является одновременно и вороном, и человеком, свободно контактирует с животными персонажами (например, сказки «Куйкынняку и волк», «Куйкынняку и лиса») и с человеком. А в сказке «Путешествия Куйкынняку» невозможно определить внешний облик героя: человек это или ворон. Куйкынняку сопровождает нерпа-акиба и приводит в морскую пучину к «китовому народу», затем — к «моржовому народу», нерпичьему, лахтачьему. Разные виды морских зверей изображаются здесь как отдельные человеческие общины. В благодарность за гостеприимство Куйкынняку отдает свою дочь Тинианавут в замужество лахтачьему народу.

В корякском фольклоре представлены бытовые сказки (или бытовые рассказы). Особенно суть этого жанра заключается в показе социальных сторон и межплеменных отношений народа. Действующими лицами бытового фольклора чаще всего выступают хозяин-оленовод и работник. В сказках этого жанра высмеивают хвастовство, глупость, самонадеянность, лень, а прославляются находчивость, ум, справедливость, сила, ловкость.

Значительный пласт творчества составляет исторический фольклор коряков. Он объединяет рассказы и предания о межплеменных войнах, о столкновениях с соседями (чукчами, например), об отдельных событиях в жизни народа. В противоположность мифам исторический фольклор носит ярко выраженный локальный характер. У каждой отдельной группы коряков есть свои предания, которые различаются не только именами героев, но и событиями, отображенными в них. Так, чавчувены в своих рассказах

повествуют о военных столкновениях коряков с чукчами; апукинцы и олюторцы рассказывают о борьбе оседлых коряков с коряками-оленеводами и с чукчами; предания паланцев — о столкновении коряков с эвенами, и т. д.

Но при всем разнообразии содержания преданий у разных территориальных групп коряков следует отметить в их историческом фольклоре наличие одних и тех же эпизодов, сюжетных стандартов. С. Н. Стебницкий, например, называет пять наиболее часто встречающихся в преданиях эпизодов: 1) нападение на спящих врагов; 2) обнаружение врага по дыму костров; 3) обман врага при помощи чучел, набитых соломой и изображающих человеческие фигуры; 4) обман врага посредством ударов о сухую кожу (шкуру), сопровождаемых криком, шумом и создающими впечатление о наступлении большого отряда; 5) враг, обнаруживающий себя сильным храпом. Одним из наиболее распространенных вместе с тем и своеобразных эпизодов, как определяет С. Н. Стебницкий, является «обман врагов посредством человеческих фигур, установленных на видном месте».⁷²

Устное народное творчество коряков, как и других северных народностей, имеет исключительное значение в качестве историко-этнографического источника. В фольклоре, прежде всего в исторических преданиях, сохраняется немало подробностей, отражающих отдельные стороны материальной культуры, общественные отношения, связи с соседями, события, вызванные включением народностей Севера в состав Российского государства, и т. д.

Некоторые события из истории народов Северо-Востока отражены как в устном народном творчестве коряков, так и в русских документах. Это обстоятельство дает возможность проверить, с одной стороны, в какой мере объективны исторические предания народов Севера-Востока, а с другой — установить, что существенное, важное было упущено в письменном документе. Записанное, например, у олюторских коряков с. Култушное предание об осаде Олюторского острога находит подтверждение в «Отписке» Афанасия Петрова.⁷³

В предании коряков вскрывается ряд существенных деталей, которые восполняют документ, даны любопытные подробности социальных отношений у оседлых коряков. Благодаря дате документа подробности этого события в изложении коряцкого предания приобретают значение достоверного исторического источника. Вместе с тем в этом предании имеются элементы явных преувеличений. Так, появление русских в количестве «двух тысяч» не соответствует действительности. На самом деле их было всего около ста человек. Вряд ли верно и то, что байдары спустились с холма (на котором находился острожек) в море при помощи колес и крыльев.

Другой пример более поздний. В названном выше с. Култушном рассказывали о случае, который содержит интересный материал для характеристики общественных отношений оседлых коряков. Вот этот рассказ: «Жили в с. Култушном три родных брата: старший Лыгыр'ын, средний Илуккамак, младший Акклу, и там же жили их двоюродные братья Сасэвын и Ак'арылын. Весной на байдарках они поехали в с. Кичигу. В с. Вывенке к ним присоединилась байдарная община Тын'акйава. Около с. Кичиги они охотились на диких оленей. Потом отправились в обратный путь. Прибыли на м. Ильпинский. По отливу начали промыслять моржей на

лежище. Ак'арылын убил большого моржа. Потом начали добытых ими моржей разделявать. Ак'арылын стал свежевать добытого им моржа. К нему подошел Лыгыр'ын и сказал: „Это наш большой морж, мы его убили!“ Ак'арылын ответил: „Не дам вам этого моржа, так как я сам убил его!“ Затем подошел Сасэвын — брат Ак'арылына и сказал: „Из-за чего вы ссоритесь, вы, двоюродные братья?“ Лыгыр'ын закричал: „Мы отберем этого моржа! Силой решим, кому он должен принадлежать!“ Ак'арылын возразил: „Если так, то вы не сможете взять этого моржа, так как я сильнее вас всех, правда вас трое родных братьев, а нас только двое“. Вышли на сухой берег, подошли к перевернутым байдарам (под которыми они ночевали). Сасэвын пришел к своей байдаре, где находилась его жена. К нему подошел Лыгыр'ын и сказал: „Ну, давай биться!“ Сасэвын ответил: „Плохо, грешно нам биться, ведь мы одну кровь имеем. Я не могу сказать вам: Давайте биться!“ Лыгыр'ын настаивал: „Все ж мы будем биться, кто окажется слабым, тот не встанет!“ — „Раз вы настаиваете, — сказал Сасэвын, — давайте начнем“. Он взял большой нож и пошел туда, где стояли братья Лыгыр'ына. Сасэвын, подавая Лыгыр'ыну нож, сказал: „Возьми нож и убей меня!“ Лыгыр'ын ответил: „Грех, мы не должны убивать друг друга, ведь мы двоюродные братья!“ Сасэвын продолжал настаивать на своем: „Возьми нож, если ты мужчина, то возьми!“ Лыгыр'ын стал отступать. Сасэвын настиг его и приколол, потом приколол Илуккамака, а Акклу убежал и спрятался за жену. Похоронив убитых, разъехались по домам. Зимой в с. Култушное прибыли другие двоюродные братья убитых. Ночью они, завалив предварительно вход, подожгли землянку, в которой жили Сасэвын и Ак'арылын вместе со своими семьями.⁷⁴

Из рассказа нельзя было установить, к какому времени относилось данное происшествие. Вряд ли с достаточной полнотой можно было бы использовать это предание, если бы не оказалось документа, в котором зафиксировано время описания события.

В 1886 г. Гижигинский окружной исправник сообщает военному губернатору Приморской области об обычаях кровной мести, действующих у народов Северо-Востока Сибири. «В 1880 году, — писал он, — во время промысла за моржами один олюторец убил другого при дележке добычи и при помощи своих родственников и друзей оградил себя такими предосторожностями, что долгое время все попытки противной стороны к мести оставались безуспешными. Наконец, в 1882 году родственникам убитого удалось ночью подкрасться к юрте убийцы и, заложив вход, зажечь ее. В огне погибло все семейство и имущество убийцы».⁷⁵

На основании этого документа можно говорить о бытовании у коряков-олюторцев в конце XIX в. кровной мести. Предание коряков подробно раскрывает обстоятельства конкретного конфликта, его мотивы, развитие. Из него мы узнаем, что, хотя в составе байдарной общины коряков-олюторцев были лишь близкие родственники, уже обнаружился известный распад кровно-родственных связей. В предании сообщается также интересные сведения об особенностях материального производства: охота на оленей, моржей, о разделе добычи по принципу — кто что добыл, тот то и получает. И все это происходило уже в начале 80-х гг. XIX в. Важны также и другие подробности. Например, по пути останавливаясь на ночлег, коряки, подобно

чукчам и эскимосам, спали под байдарками; охотничьи экспедиции за оленями предпринимались на далекие расстояния: от с. Култушино до с. Кичиги — по морю свыше 200 километров.

Рассмотренные примеры, таким образом, подтверждают, что исторические предания коряков, как и героические сказания народов Северо-Востока Азии, содержат весьма обширный исторический и этнографический материал, в значительной своей части вполне надежный и точный. В сочетании с его критической оценкой и специальным анализом он может быть привлечен и для научных выводов.

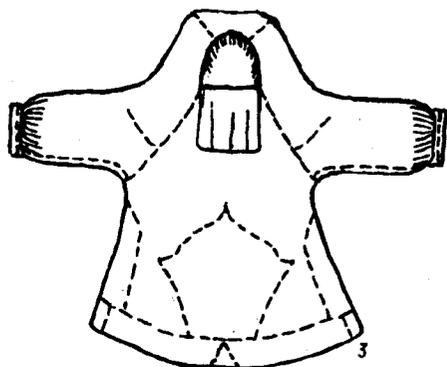
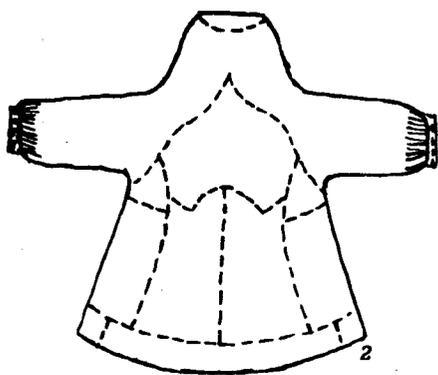
Народное декоративное искусство. Самые ранние из сохранившихся и дошедших до наших дней декоративных изделий коряков относятся к середине и второй половине XIX в. Именно тогда путешественники и ученые-этнографы начали собирать их для музеев. Постепенно составились обширные ценные коллекции, которые в настоящее время хранятся в государственных музеях России — в Москве, Санкт-Петербурге, в ряде областных и краевых музеев.

Установлено, что испокон веков ремесла и промыслы коряков подразделялись на женские и мужские.⁷⁶ Женщины-корячки шили одежду, обувь, головные уборы, украшая их узорами из кусочков темного и светлого оленьего меха, вышивкой, а позднее и бисером, создавали замечательные мозаичные меховые и кожаные коврики, украшенные аппликацией и вышивкой, умели плести из травы своеобразные узорные мешки и корзины. Мужчины-коряки умели вырезать из моржовых клыков и рога дикого барана миниатюрные фигурки людей и животных, знали способы художественной обработки металла (на лезвиях железных ножей и копий они гравировали стилизованные узоры и фигурки животных, искусно применяли насечку оловом, медью, серебром).

Все известные нам памятники характеризуют поздний этап развития коряцкого искусства, в значительной мере связанный с изготовлением художественных изделий для продажи. О старинном коряцком искусстве, еще не испытавшем на себе влияние рынка, дают представление изображения на пологах, кожаных панцирях, на деревянных кроильных дощечках, резные изображения на ножах. Сюда же следует отнести отдельные предметы зимней одежды, отделанные меховой мозаикой.

Для рассмотрения народного декоративного искусства коряков целесообразно выделить в нем две большие группы — художественную обработку изделий из мягких материалов (женское искусство) и художественную обработку изделий из твердых материалов (мужское искусство). Такая систематизация соответствует традиционному половому разделению труда, характерному и для других народностей Севера. Рассмотрим эти виды искусства.

I. В своем искусстве коряцкие мастерицы использовали оленьи шкуры, ровдугу, камусы, олений волос, растительные волокна и бересту. Выделкой шкур занимались только женщины. Первоначально шкуру оленя механически размягчали, затем смачивали раствором из отваренной хвои и шишек кедровника, смешанным с оленьим пометом, и выдерживали в

Женская кухлянка олюторских коряков конца XIX в.: 1 — вид со спины; 2—3 — покрой (по В. И. Иохельсону, 1908).

течение 1—2 дней. После этого ее обрабатывали скребком и смачивали настоем из ольховника, чтобы предохранить от сырости.

Ровдугу изготовляли следующим образом: оленью шкуру мочили несколько дней в воде, счищали шерсть скребком, затем кожу коптели. По данным Н. Н. Беретти, коряки знали три способа изготовления дымленины.⁷⁷

Плетением растительных волокон занимались только оседлые коряки. Оно было областью исключительно женского труда. Из корней ивы, стеблей, трав, жильных и покупных ниток они изготовляли корзины, мешки, сумочки, циновки с красивыми узорами. В. И. Иохельсон различает у коряков два способа плетения — кольцевое и витьевоe. При первом способе пучки сухой травы связывались кольцами, при втором — продольная основа перевивалась поперечными нитями.⁷⁸ У паланских коряков, помимо изготовления плетеных мешков и корзин, было развито плетение циновок. Как полагает В. В. Антропова, это производство было заимствовано ими от ительменов, которые считались большими мастерами по изготовлению циновок.⁷⁹

Изделия из бересты не имели широкого распространения у коряков, так как необходимый для их изготовления материал встречался редко. Из бересты изготовлялись сосуды для воды и для собирания ягод, а также тусески и табакерки. Орнамент наносился тиснением или штампом. Прежде чем нанести на бересту узоры, коряки очищали ее и несколько раз кипятили в воде, примешивая золу. После такой обработки береста становилась эластичной и не корбила.⁸⁰

При изготовлении художественных изделий из мягких материалов корячки пользовались каменными ножами, а также костяными ножами для выкраивания узоров. Они имели также две

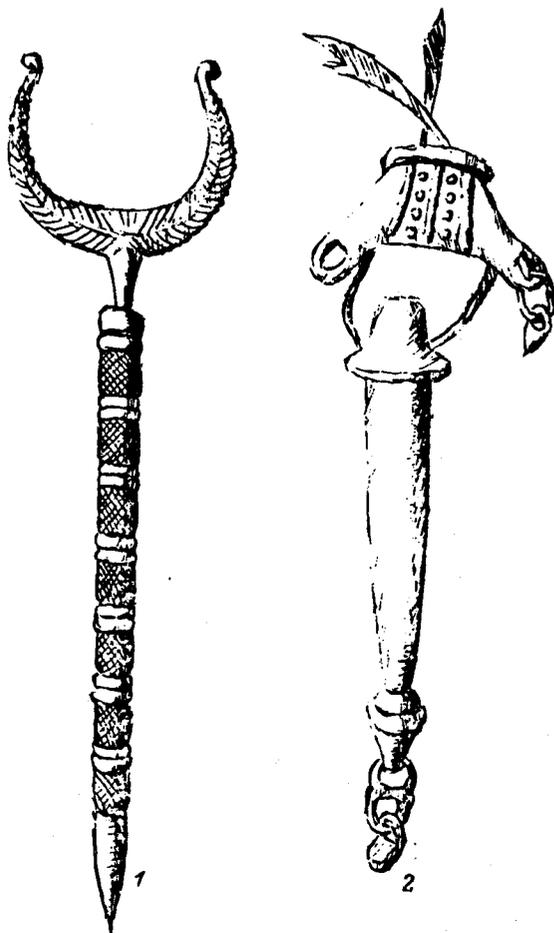
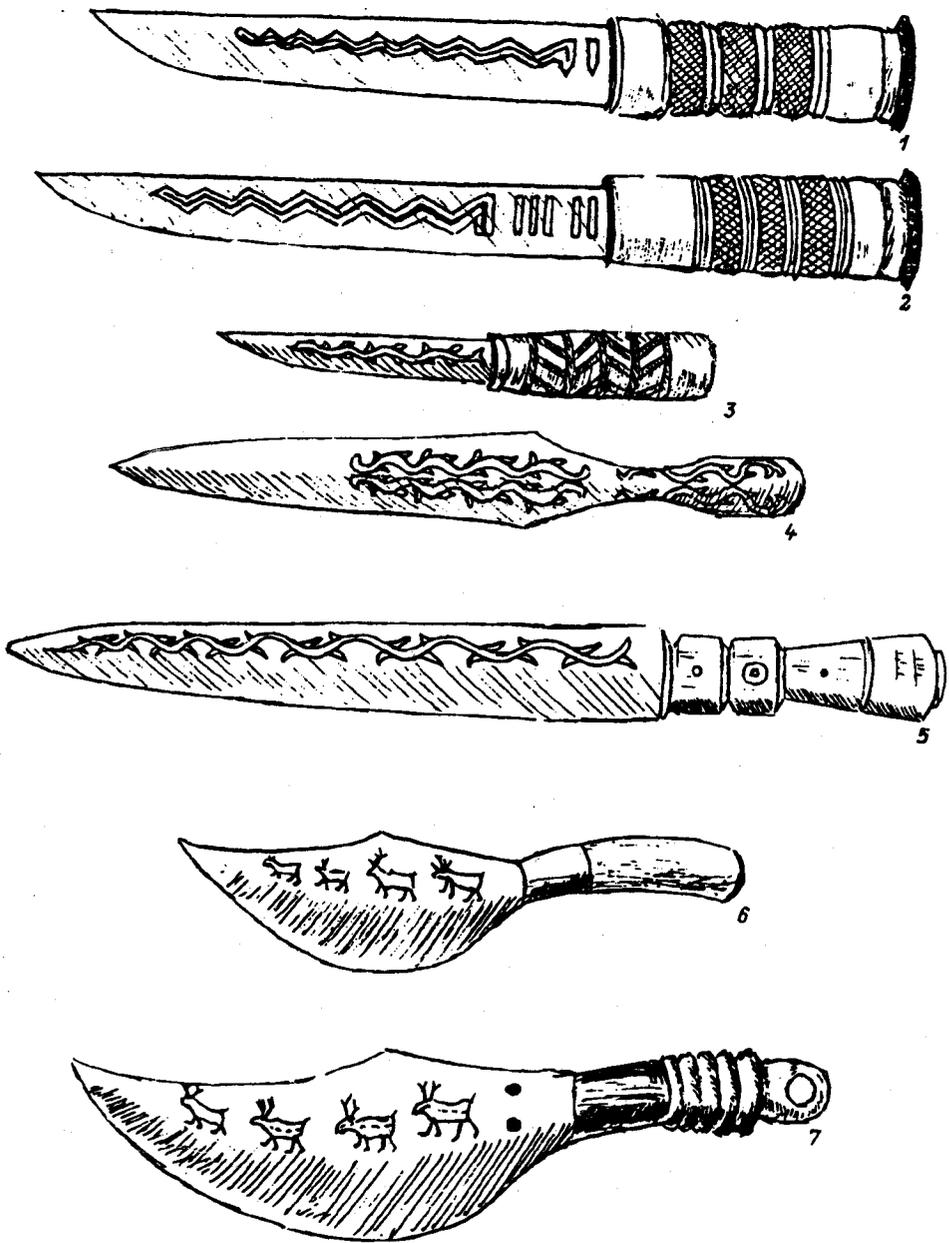

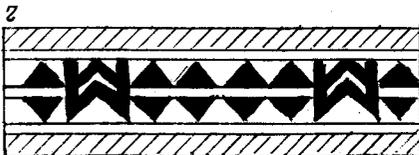
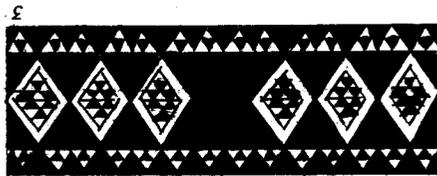
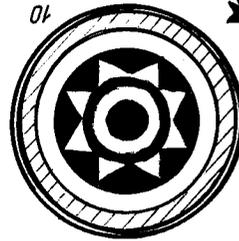
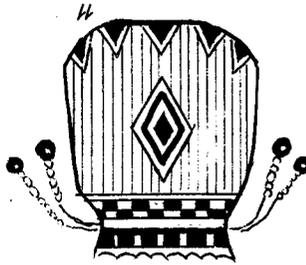
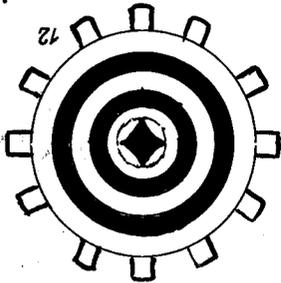
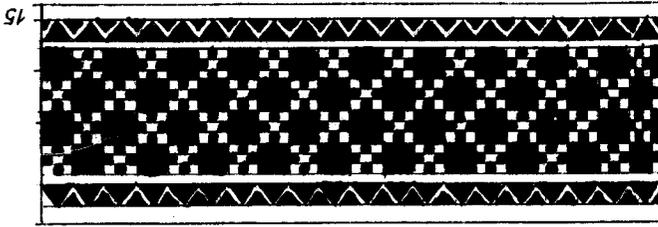
Рис. Н. В. Кочешкова. Корякские игольники конца XIX в.: 1 — игольник из металла; 2 — игольник из кости (по Н. В. Слюнину, 1900).

Изображение человека в корякской скульптуре XIX в.: 1—4 — скульптурные композиции (по В. И. Иохельсону, 1908); 5 — композиция «Борьба» (ГМЭ, кол. № 4879-60). Резьба по кости.
Рис. Н. В. Кочешкова.

Образцы металлических чукотских ножей конца XIX в.: 1 — МАЭ, кол. № 956-149; 2 — МАЭ, кол. № 956-148; 3—7 — ножи из коллекции В. И. Иохельсона, 1908. Рис. Н. В. Кочешкова.

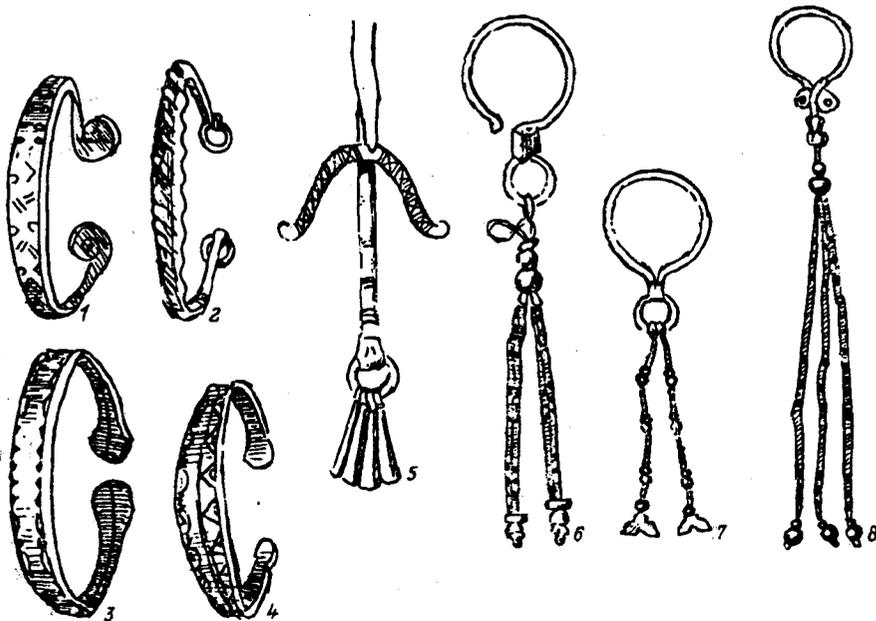
Корякский орнамент на изделиях из мягких материалов: 1—6 — узоры на «опуванах» (Иохельсон В. И., 1908; Богораз В. Г., 1901). МАЭ, № 434-17; 7 — вышивка на «опуване» (Иохельсон, 1908); 8 — изображение человека на летнем женском капюшоне, мозаика из меха. МАЭ, № 441-16; 9 — узоры на торбасах. МАЭ, № 3896-4; 10 — узоры на подоле куклянки. МНИ, № VIII-11-108; 11 — узоры на сумочке. КОКМ, без номера; 12 — узоры на торбасах. МАЭ, № 441-19-9; 13—15 — узоры на «опуванах». ГМЭ, № 2246-22; МАЭ, № 441-17-11.

Рис. Н. В. Кочешкова.

специального назначения доски: одну — для выделывания кож, другую — кройльную.

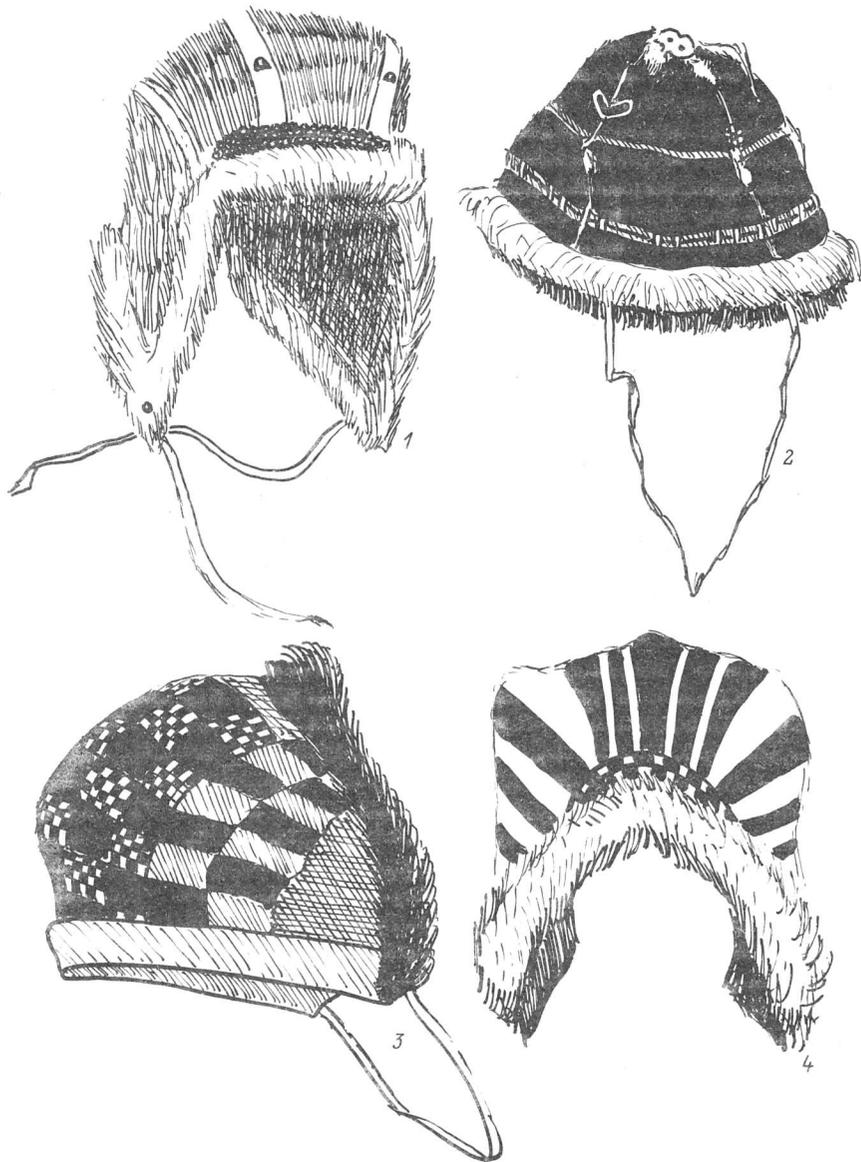
Иглы для шитья делались до конца XVIII в. из голенных костей оленя. Корякские мастерицы имели целые наборы таких игл, каждая из которых имела свое назначение. Нитки для шитья делались из жил оленя, кита и из китового уса. Наперстки изготовлялись из моржовых клыков. Ни одна другая народность Крайнего Северо-Востока не создала, пожалуй, такой замечательной по красоте одежды, как коряки — виртуозы северной меховой мозаики.

Традиционная корякская одежда — куклянка и гагагля — украшалась орнаментом и подвесками. Очень нарядно выглядела одежда из пестрых шкур с преобладанием белого меха. Корячки тщательно подбирали сочетание светлых и темных тонов. Так, подол мужской куклянки надшивали обязательно меховой полосой другого цвета, а верх зимних капоров, голенища обуви, штанины женского комбинезона часто шили из чередующихся полос белого и темного камуса. Широко была распространена орнаментация

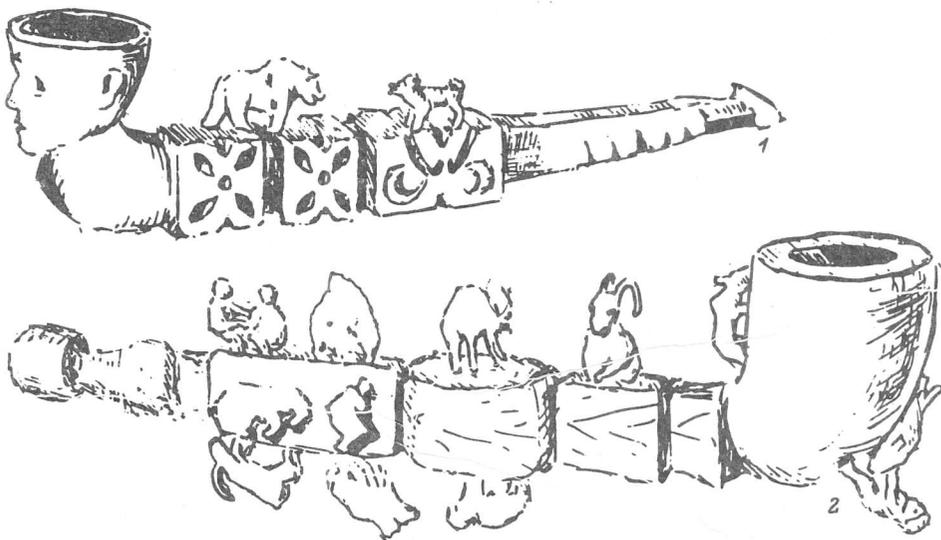

Корякские браслеты, наконик и серьги конца XIX в.: 1—4 — женские браслеты; 5 — наконик; 6—8 — женские серьги. Металл, бисер, шелковые ленты (по В. И. Иохельсону, 1908).

Рис. Н. В. Кочешкова.

Типы корякских головных уборов XIX—начала XX в. из кол. МАЭ: 1 — ромбовидный, № 956-76; 2 — меховая шапочка пастуха-оленевода, № И-1980-13; 3 — чепцеобразный капор из пос. Иткана, № 956-55; 4 — ромбовидный капор олиторских коряков, № 6355-8.
Рис. Н. В. Кочешкова.

Курительные трубки коряков (1—2). Конец XIX в. ГМЭ, кол. № 2246-72; 1011-5а. Моржовый клык, объемная резьба, цветная гравировка. Рис. Н. В. Кочешкова.

зимней одежды полосами с мозаичными узорами. меховые мозаичные полосы нашивали на подолы кухлянок в виде каймы «опуван». Узоры составляли из кусков темного и белого меха. Орнамент был преимущественно геометрический: треугольники, квадраты и другие фигуры, расположенные в шахматном порядке. Реже применялся растительный орнамент — листья, стебли, лепестки. Корячки любили вырезать или вышивать реалистически выполненные фигурки зверей, а иногда и целые сценки из их жизни.

Головные уборы мастерицы украшали бисером, нашитым на мех в виде полосок и кружков, а также бисерными низками и меховыми кисточками. Бытовую летнюю одежду они вышивали цветными нитками и бисером, украшали длинными кисточками из тонко нарезанных ремешков или крашеного меха молодой нерпы, полосами цветного сукна. В вышивке преобладала техника глади. Особенно богато и тщательно украшали спинки гагаглей. Как отмечает В. В. Антропова, в конце XIX—начале XX в. на бытовой одежде можно было увидеть еще мозаичные узоры (геометрические фигуры) и вышивку оленьим волосом, а на ровдужных камлейках — штампованный орнамент.⁸¹

Рассмотрим некоторые наиболее замечательные произведения, выполненные корякскими мастерицами. Настоящим шедевром их искусства может считаться, например, мужская меховая кухлянка с капюшоном (Музей народного искусства, Москва). Ее нижняя, оформляющая подол мозаичная кайма «опуван» очень интересна в художественном отношении. В целом, по контрасту с темным мехом шубы, кайма эта выглядит белой. Но составлена она из белых и темных треугольников и ромбов, где белые, однако, преобладают. Нельзя не поражаться разнообразию разработки основного сюжета, в общем очень несложного: казалось бы, только скупая,

Фрагмент отделки корякской мужской одежды конца XIX в. Олений мех, меховая мозаика, ровдуга, шитье оленьим волосом, вышивка цветным шелком. МАА, № 1015.

прямолинейная геометрическая фигурка, но какое разнообразие переходов от одной фигуры к другой, — хотя и подобной, но большего размера; повторы чередуются, а благодаря вертикальным линейным перебивкам достигается поразительный эффект.

Более легкой верхней одеждой коряков для весны, лета и осени служила радужная гагагля, тоже с капюшоном. Для ее изготовления требовались две цельные оленьи шкуры. В них всегда оказывались отверстия, проеденные личинками овода. Мастерницы вырезали кружочки из ровдуги, не заботясь о том, чтобы они подходили по цвету, накладывали на продырявленные места, пришивали и окаймляли эти весьма живописные заплатки крупным обмоточным швом. Заплатки как бы пристраивались к основным декоративным украшениям гагагли, которыми служили круглые розетки из кусочков камуса с мозаичными или бисерными серединками и ровдужными подвесками. Эти розетки нашивались на спину и иногда на переднюю сторону гагагли, а также на боковые части капюшона. Корякская гагагля

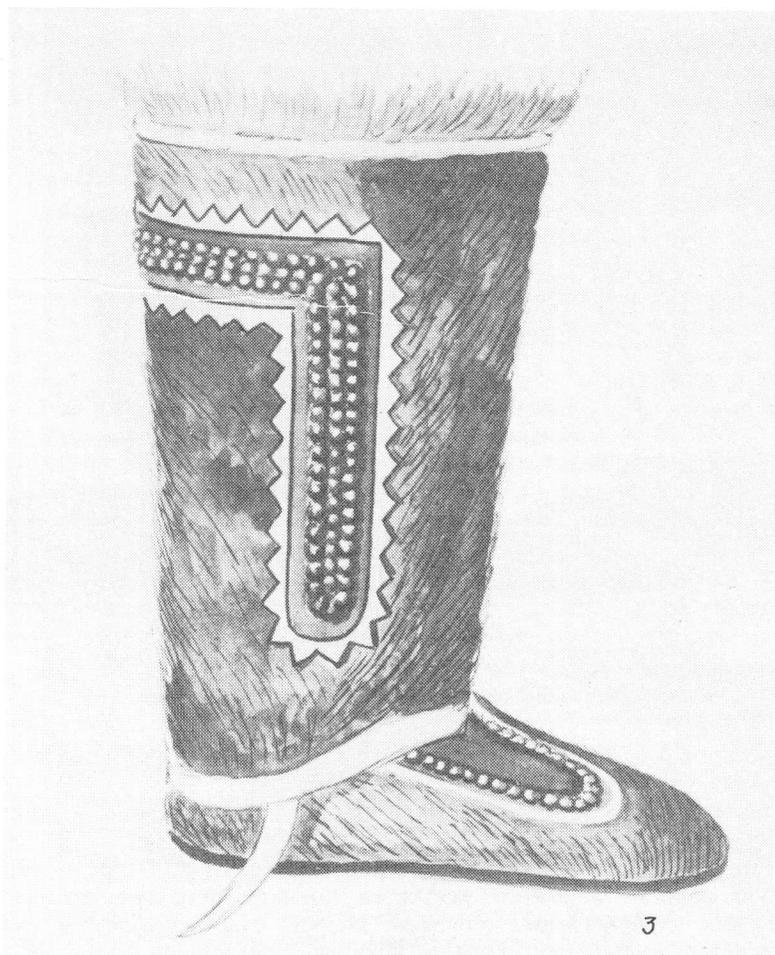

Корякские торбаса — вид корякской обуви (1—4). Олений камус, меховая мозаика, ровдуга, шитье оленьим волосом, вышивка цветными нитками.

свидетельствует о самобытности народа, о многообразии форм создаваемого им декоративного искусства.⁸²

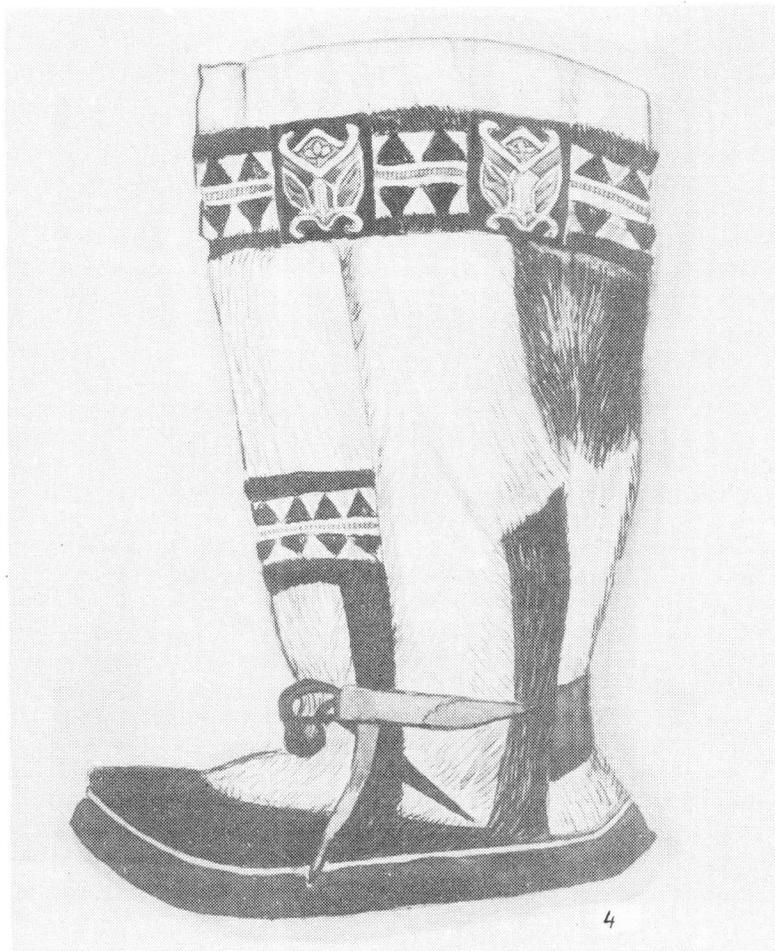
Заслуживают внимания богато украшавшиеся изображениями животных небольшие стенные коврики с карманами для мелочей. С. В. Иванов приводит подробное описание одного из таких ковриков.⁸³ Особую, наиболее интересную область женского искусства коряков образует производство художественно оформленных меховых ковров. Им занимаются главным образом оседлые пенжинские коряки. Производство ковров было рассчитано на рынок, сами коряки ковров у себя дома не держали. В. И. Иохельсон писал, что только один раз он встречал ковер в доме коряка. Этот ковер был постлан на месте, где обычно ночевали гости.⁸⁴ Исполнение большого, орнаментированного ковра требовало значительной затраты времени и труда. Некоторые ковры шились в течение всей долгой зимы, а продавались за бесценок купцам или обменивались на продукты и ткани. Ковры корякской работы известны были прежде далеко за пределами Пенжинской губы.

Техника исполнения декора меховых ковров — стачивание кусочков светлого и темного меха (мозаика). Для ковров обычно брали мех молодых оленей, отличающийся мягкостью и блеском. Кроме стачивания, изредка применяли вышивку цветными нитками по меху. Замечательный вышитый корякский ковер, исполненный в 1904 г., имеется в ГМЭ (колл. № 1219—1). Введение ниток вызвано было желанием мастериц отметить некоторые детали на силуэтных фигурах, вырезанных из меха, например рану на теле кита (красным узелком), глаза, ветви и т. п. Но и этот прием не всегда, видимо, удовлетворял их. На ковре фигуры животных слегка

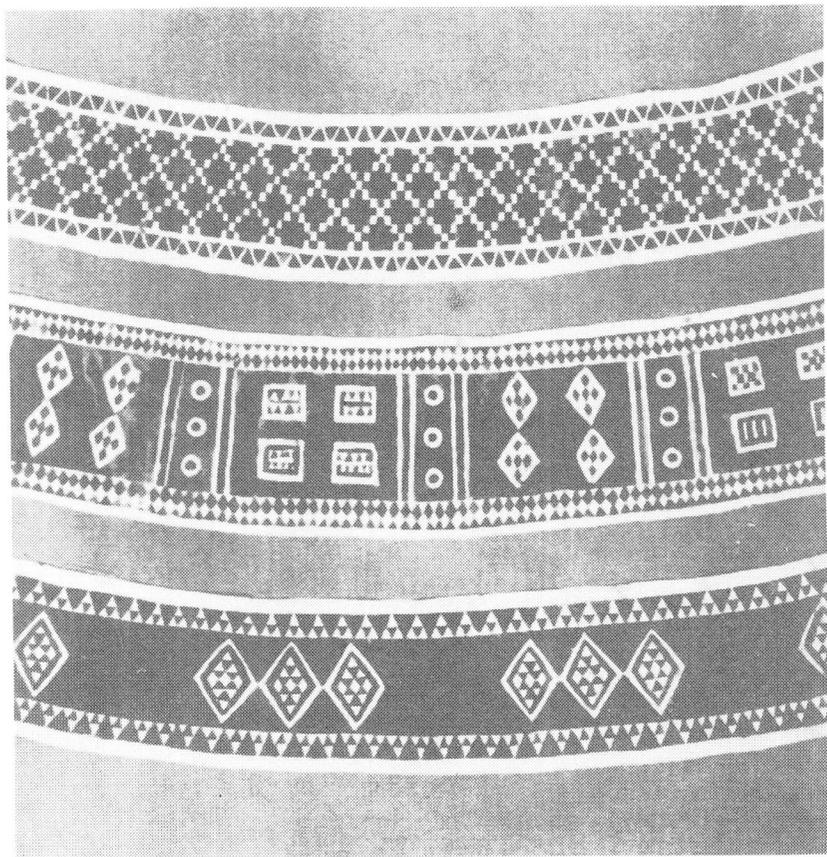
подстрижены вдоль краев, что придает им некоторую объемность и создает игру света и тени. Применение такой техники говорит о возрастании художественных запросов. Корякскую вышивальщицу в начале XX в. уже не удовлетворял силуэт, — она стремилась к более разработанной передаче животных и человека, подобно чукотским резчикам по кости, которые приблизительно в то же время стали переходить от черного силуэта или чистого контура к подкрашиванию выгравированных линий красной и другими красками.

Изображения на меховых коврах были весьма разнообразными, но в тематике их общими являлись анималистические сюжеты. Корячки с особой любовью вырезывали из меха светлые и темные силуэты оленей, волков, тюленей, медведей, китов, собак, горных баранов, гусей, бакланов, рассказывали о том, как охотники, сидящие в лодках, тянут к берегу убитого кита, как волки преследуют оленей, как те бегут, оставляя за собой следы на снегу, как человек едет в нарте, запряженной оленем. На некоторых

коврах прослеживаются весьма сложные композиции — три медведя, стоящие на льдине, а вверху, над льдиной, — фигуры волка, летящей птицы и какого-то небольшого животного, ниже льдины — несколько фигур волков и медведей, в правом нижнем углу — волк. В центре правого квадрата этого же ковра изображена яранга, а вокруг нее — стоящие и лежащие олени, собаки, отдыхающие возле нарты, и несколько человек. Углы квадрата заняты изображением летящих птиц. Кроме перечисленных фигур, на коврах можно было встретить изображения небесных светил, цветочные мотивы, розетки, составленные из четырех деревьев, и другие фигуры.⁸⁵

Корячки любили располагать животных рядами или вокруг центра. Все изображения животных четко выделялись на контрастном фоне ковра или подола одежды. Иногда допускалось чередование светлых и темных изображений. Мастерицы обычно располагали фигурки отдельно, реже объединяя их в связную композицию. В этом сказывалась их любовь к декору, к

Фрагмент орнамента корякской одежды. Конец XIX в. меховая мозаика. МАЭ, кол. № 434-17.

украшению ковров и других предметов быта орнаментом, всегда подчиненным строгому ритму и симметрии.

Орнаментальные мотивы на различных корякских изделиях из мягких материалов следует подразделить на три группы: геометрические, растительные и зооморфные. Как считает С. В. Иванов, первые относятся к наиболее древним, вторые обязаны своим появлением контактам с русскими, третьи получили в XIX в. распространение на изделиях, изготовляющихся для рынка.⁸⁶

Корякский геометрический орнамент на плетеных мешках и корзинах, на изделиях из меха и волоса, а также вышитый цветными нитками по коже включает в себя полосы, квадраты, прямоугольники, ромбы, треугольники, точки, круги, крестообразные фигуры, звездчатые круги, полукруги, «язычки» и сердцевидные фигуры.

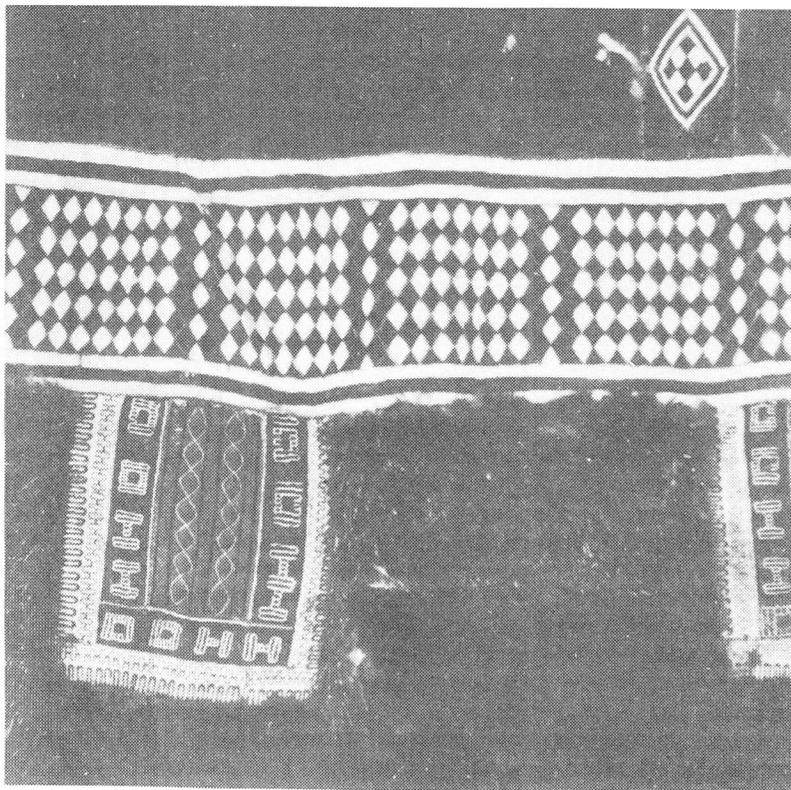
Растительными мотивами орнамента коряки украшали женскую одежду чаще всего там, где проживало много русских. Под их влиянием мастерицы вышивали на подолах меховых кухлянок листья, ветви с цветами и бутонами, отдельные цветы в виде розеток. Эти же мотивы можно было увидеть

Фрагмент отделки корякской мужской одежды XX в. Ровдуга, аппликация из кожи, шитье оленьим волосом и бисером, вышивка цветным шелком. ГМЭ, № 2446-14.

и на меховых коврах, на колчанах и погребальных поясах.⁸⁷ Русский орнаментальный комплекс растительного узора, несколько переработанный в соответствии с эстетическими нормами местного коренного населения, представлен у коряков в изделиях из мягких материалов гораздо более широко, чем у других народов Северо-Востока. Интересно отметить, что в орнаменте на изделиях из мягких материалов южных коряков XIX в. прослеживается влияние айнского искусства. Речь идет о парной спирали с бутонovidным выступом между завитками. С. В. Иванов считает, что эти мотивы могли попасть к корякам через ительменов.⁸⁸

Таким образом, коряки создали свое самобытное искусство художественной обработки мягких материалов. В нем нашли отражение этнокультурные связи с их соседями — палеоазиатами, с народностями юга Дальнего Востока и с русскими. На разных этапах истории коряков эти связи были различными, различным было и влияние культур других народов на ко-

Фрагмент отделки корякской мужской одежды конца XIX в. Олений мех, меховая мозаика, шитье оленьим волосом, вышивка цветным шелком. МАЭ, № 956-129.

рякскую культуру, но оно никогда не могло заслонить главное — национальное своеобразие искусства корякских швей, вышивальщиц, аппликаторов и мастериц плетения.

II. Не менее интересным и самобытным является мужское искусство коряков — изготовление художественных изделий из камня, кости, дерева и металла. Камнерезное искусство было известно корякам издавна. Так, Алексей Горланов, участник экспедиции В. Беринга, видел у коряков ножи и топоры из зеленой яшмы, наконечники стрел из обсидиана. При нем коряки орудовали топорами из мамонтовой кости и из нижней лопатки рога оленя. Камень был тверд, но рог еще тверже: им оттачивали камень. У карагинских коряков еще в начале XX в. в домашнем обиходе имелись каменные орудия: молотилки для дробления костей, песты для растирания кипрея на плоском камне, скребки для шкур, костяные чесалки стеблей крапивы и др. В повседневном обиходе олюторских коряков были каменные ступы, в которых они дробили мороженое мясо, кости для выварки жира, растирали корни, съедобные травы. Все это делалось при помощи песта, изготовляемого из галечника, песчаника или моржового клыка с овальной

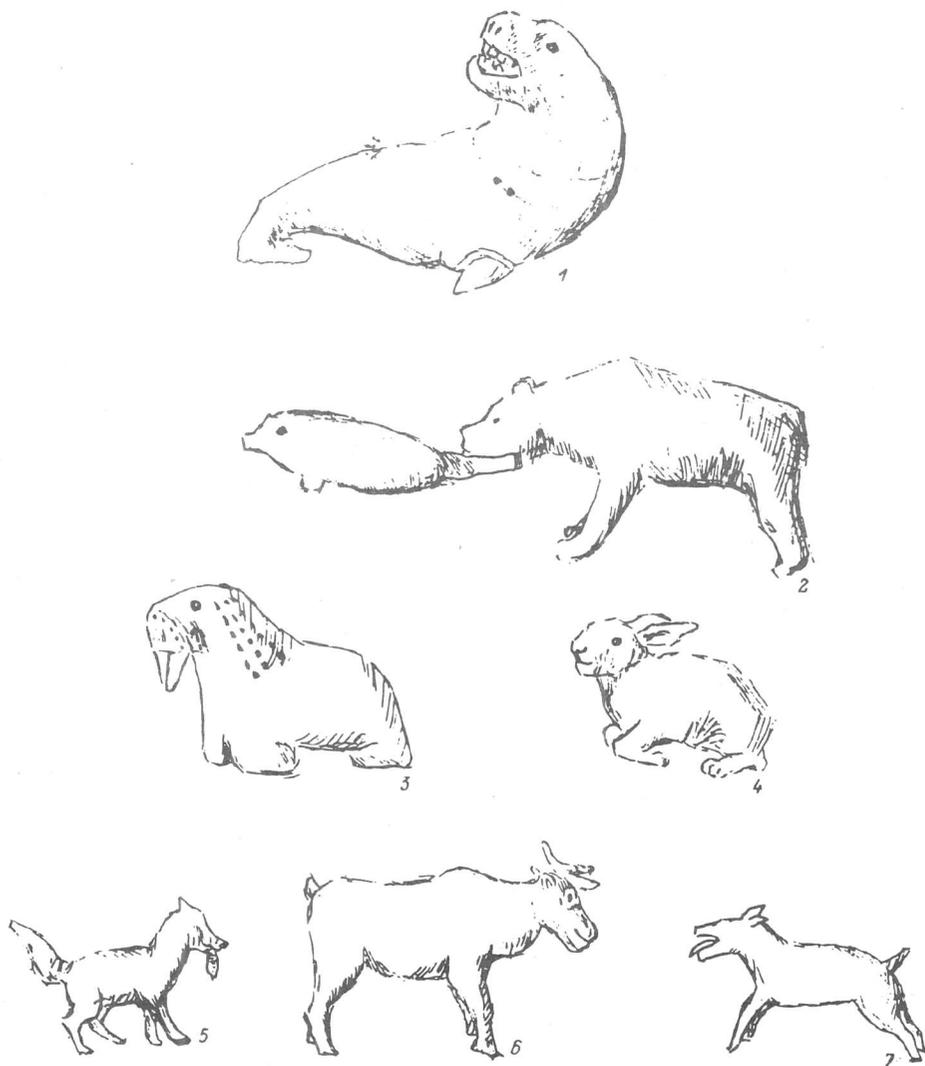
и утолщеннойнизу рабочей частью. В обиходе у женщин были каменные сланцевые ножи и каменные скребки.

Коряки побережья Пенжинской губы прославились как искусные кузнецы. Они изготовляли разные предметы уже преимущественно по заказам и для продажи. Но это производство целиком зависело от привозного материала — железа, которого сами они, вероятно, изготовлять не умели. Кузнечное ремесло коряков-паренцев стало регулярным их занятием, по-видимому, в первой половине XIX в. и уже тогда восхищало современников своим искусством: «Выделяемые паренцами ножи и копыя могут назваться щегольскими и превосходной доброты».⁸⁹ «Каменцы и паренцы особенно известны в этих краях своим искусством в кузнечном деле. Ножи, топоры, пилки, кольца для упряжи оленей и собак, пряжки из меди и железа... Ножи и копыя отличаются медною насечкой».⁹⁰ «Самые искусные кузнецы находятся в Парени. Они очень долго и энергично куют клинки для ножей в полухолодном состоянии, точь-в-точь как якуты. Благодаря этой операции железо шлифуется очень хорошо, ножи получаются очень острые, почти никогда не зазубриваются и очень легко точатся. Этого достигают и якуты, но они не умеют украсить свои произведения, подобно корякам, латунию и медью. В железо врубаются вычурным узором глубокие линии, в которые вгоняются пластинки из меди и латуни, а затем вещи шлифуются».⁹¹

Изделия коряков-паренцев отличались чистотой отделки, пользовались большим спросом не только у кочевых коряков. Окончательно не установлено, были ли коряки знакомы с обработкой железа до появления на Камчатке русских. Что же касается отдельных предметов из железа, то они, по мнению С. В. Иванова, попадали к корякам еще до прихода русских из Японии, через Курильские острова и из Северо-Восточного Китая, по Охотскому побережью.⁹² В свое время В. Г. Богораз высказал предположение о том, что к корякам попадали изделия из металла нивхской и ульчской работы. В пользу его говорят не столько мотивы орнаментации, сколько техника насечки медью, одинаковая с амурской.⁹³ К корякам проникали также железные изделия якутов, украшенные присущим им орнаментом, а также тунгусскими мотивами.

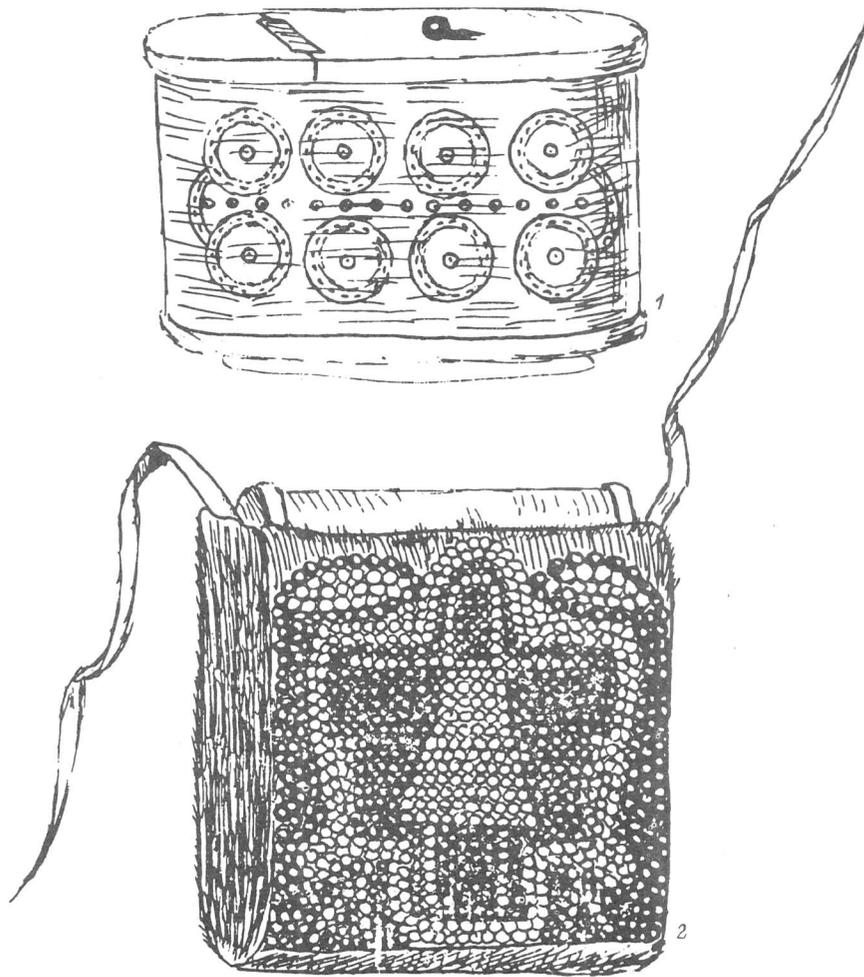
Рассмотрим наиболее характерные для коряков изделия из металла.

Паренские кузнецы создавали оригинальные ножи. Декорировали их гравированными рисунками на лезвиях — изображениями оленей, морских зверей, кочевых юрт, охотников. Украшались и рукоятки, и деревянные ножны, на этот раз геометрическим орнаментом, близким к орнаменту меховых мозаик. В. И. Йохельсон приводит рисунки трех корякских ножей, имевших разную длину (29 см, 45 см, 60 см). Черенок короткого ножа украшен строгим геометрическим орнаментом, а лезвие — зооморфным мотивом, похожим на тюрко-монгольский мотив «рогов барана». У среднего ножа — изящный черенок с растительным мотивом, лезвие его украшено только до половины роговидным узором. И, наконец, длинный нож имеет причудливой формы черенок, расчлененный на ряд прямоугольников, каждый из которых украшен «точечным» орнаментом, лезвие имеет две грани, одна из которых украшена орнаментом растительного мотива, а другая — чистая, без украшений. Все три ножа радуют глаз удачно найденными пропорциями, выразительным силуэтом, красотой и графической чистотой

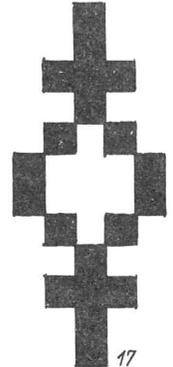
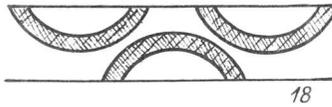
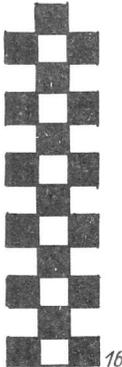
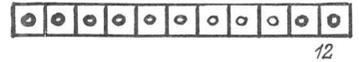
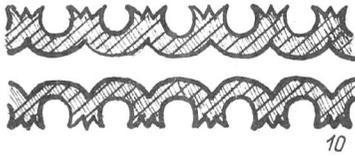
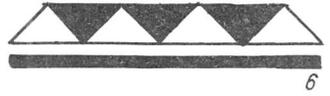
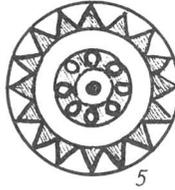
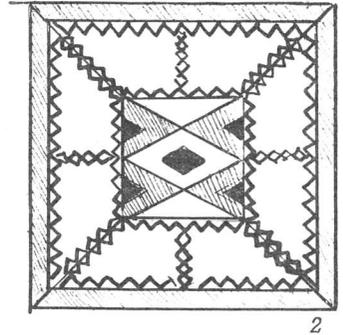
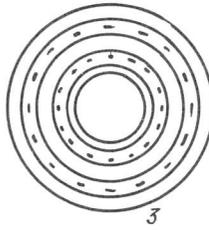
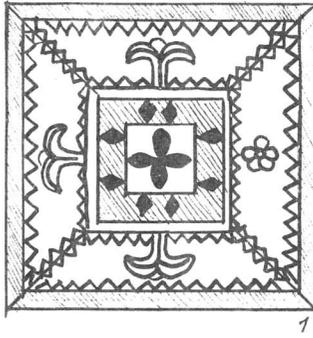
Изображение животных в чукотской скульптуре XIX в.: 1 — «Тюлень». ГМЭ, кол. № 867-17; 2 — «Медведь и нерпа». ГМЭ, кол. № 867-19; 3—4 — «Морж» и «Заяц» (Иохельсон В. И., 1908); 5 — «Лисица с евражкой в зубах». МАЭ, кол. № 441-37; 6 — «Олень». МАЭ, кол. № 441-37; 7 — «Собака». МАЭ, кол. № 441-37. Рис. Н. В. Кочешкова.

орнаментальных форм. В. И. Иохельсон приводит также рисунки четырех разных по декору литых чукотских браслетов, а также четырех образцов женских серег.⁹⁴ Ювелирные изделия чукотков отличаются изяществом формы и отделки, умением мастеров выполнять тончайшие узоры очень чисто и аккуратно, что свидетельствует, на наш взгляд, о давности занятий чукотков искусством художественной обработки металла.

Корякские берестяные табакерки конца XIX в.: 1 — табакерка берестяная размером 10 × 7 × 2,5 см; 2 — табакерка в меховом футляре, вышитом бисером. МАЭ, кол. № 956-65. Рис. Н. В. Кочешкова.

Коряки проявили себя и как великолепные резчики по дереву. И хотя ассортимент художественных изделий из этого материала у них невелик, они создали немало подлинных произведений искусства. Особенно красивы их кройльные деревянные дощечки. Так, кройльная дощечка паланских коряков на нижней своей (нерабочей) стороне имеет изображение вешала с вяленой рыбой и женской фигуры, занятой разделкой рыбы. Рядом — бегущий мужчина, в одной руке у него голова рыбы, в другой — нож. На другой дощечке тех же коряков изображена сцена охоты на медведя. Охотник, припав на одно колено, делится из ружья, установленного на

сошках. Рядом лежит копьё. Медведь, преследуемый собакой, направляется навстречу охотнику.⁹⁵

По данным В. И. Иохельсона, на дощечках, изготовляемых пенжинскими коряками, вырезывались реалистические изображения шхун и пароходов.⁹⁶

Изображения на кроильных дощечках коряков носили силуэтный характер. В рисунках много движения и выразительности. Внимание сосредоточено на действующих лицах, излишние детали отброшены, но отдельные атрибуты, дополняющие и поясняющие задуманную сценку, подчеркнуты. Интересно, что элементы пейзажа полностью отсутствуют, можно лишь догадываться, где происходит действие — на берегу или в море.

Своеобразен и рисунок на деке коряцкого музыкального инструмента, хранящегося в ГМЭ. По окрашенному в черный цвет фону разбросаны вырезанные ножом изображения оленей, птиц, шамана с бубном. Характер изображения тот же, что и на кроильных дощечках. В резьбе по дереву коряки использовали орнамент сложной формы. В отличие от чукотского и юкагирского наряду с прямолинейно-геометрическими мотивами для него характерны завитки, парные спирали на ножке, переходящие вверху в кружок или каплевидную фигуру. Они очень похожи на так называемые «рога барана», часто встречающиеся в орнаментике тюрко-монгольских степных кочевников.⁹⁷ Таким образом, резной орнамент коряков, будучи связан с искусством других палеоазиатов, имея общую с ним древнюю основу, получил дальнейшее развитие, с одной стороны, в сторону заметного изменения старых общепалеоазиатских форм, а с другой — в сторону обогащения новыми мотивами, заимствованными, вероятно, от народов тюрко-монгольского происхождения.

Наивысшего мастерства коряки достигли, как и их соседи чукчи и эскимосы, в художественных произведениях, выполненных из кости. Известно, что еще в XVIII—XIX вв. они вырезали из моржовых клыков и рога дикого барана миниатюрные фигурки людей и животных в характерных движениях, нередко объединенные в живые сценки (упряжки оленей и собак, сцены борьбы и охоты), создавали роговые табакерки и курительные трубки, костяные серьги и ожерелья, украшенные гравированным орнаментом и рисунками.

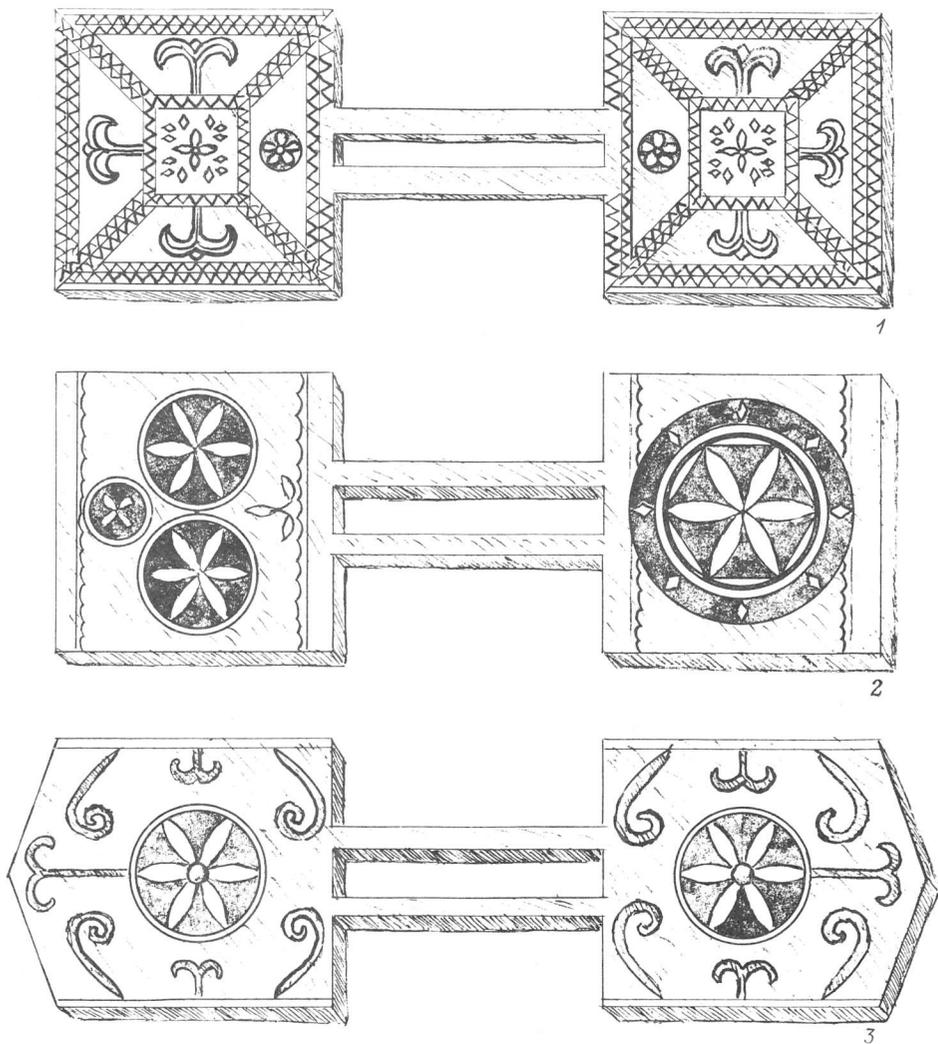
На подобных предметах, относящихся к первому десятилетию XX в.,⁹⁸ можно встретить гравированные изображения людей, птиц, сухопутных животных, нередко сопровождаемые орнаментом растительного и геометрического мотива, разбросанными в беспорядке по поверхности предметов или расположенными рядами. В техническом отношении коряцкие изображения уступают чукотским. Гравировка по кости и рогу не достигла у них такого совершенства, как у чукчей, коряцкие изображения менее закончены, сюжеты не столь разнообразны, композиции не отличаются сложностью, в линии часто втирается только черная краска. И тем не

Орнамент коряков на изделиях из твердых материалов: 1—2 — узоры на дощечках для наматывания «опуванов». МАЭ, № 956-39; 3 — узор на берестяной табакерке. МАЭ, № 956-55; 4—9 — узоры на деревянных предметах, резьба. МНИ, № КП-39349; ГМЭ, № 4895-5 (Иохельсон В. И., 1908); 10—11; 14 — узоры на металле (Булычев И., 1856); ГМЭ, № 4895-28; МАЭ, № 956-149; 12—13, 15—19 — узоры на изделиях из кости. ПКМ, без номера; МАЭ, № 20-6 (Иванов С. В., 1961).

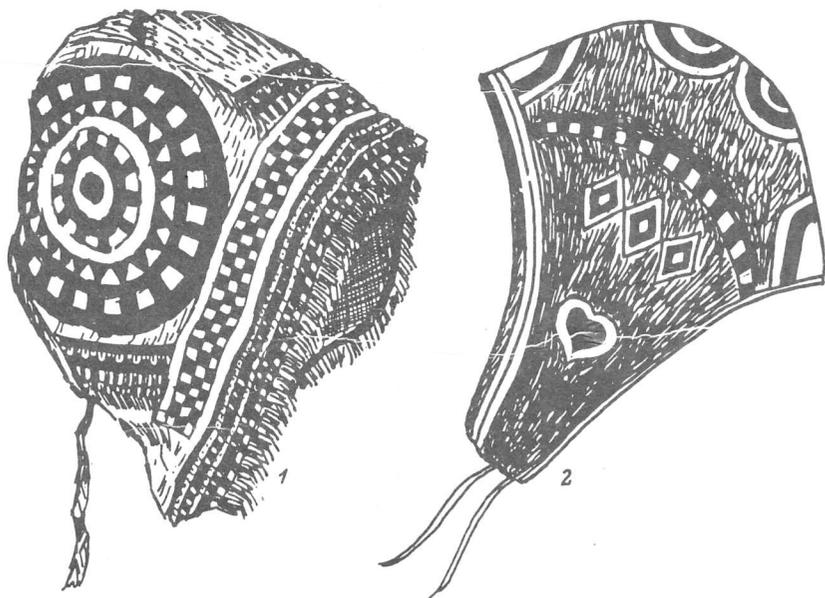
менее очень многие художественные изделия коряков обращают на себя внимание своим неповторимым своеобразием.

Видное место в миниатюрной декоративной скульптуре коряков занимает тема человека в труде. По характерной мужской прическе — бритой макушке и всичику длинных волос вокруг головы всегда можно узнать коряка. Человек, как правило, действует в коллективе, а не в одиночку. Фигуры людей очень выразительны, но внешняя отделка их слабее, чем у чукчей и эскимосов.

Привлекают внимание своеобразные изображения куропаток и зайцев, поедающих кору кустарников, горных баранов, совершенно неизвестных искусству чукчей и эскимосов.

Образцы корякских дощечек для наматывания опуванов конца XIX в.: 1 — МАЭ, кол. № 956-39. Дерево, резьба; 2—3 — по Н. В. Слюнину, 1900. Рис. Н. В. Кочешкова.

Типы корякских погребальных капотов XIX—начала XX в.: 1 — МАЭ, кол. № 956-82; 2 — ГМЭ, кол. № 2246-133. Рис. Н. В. Кочешкова.

Фигуры оленей в искусстве коряков несколько громоздки. Это объясняется тем, что коряки использовали оленя только как упряжное животное, в то время как эвены и эвенки широко использовали его и для верховой езды. Этот обычай соседей коряки запечатлевали в своих сюжетах: они стали резать из кости фигурки эвенов и эвенков верхом на оленях. Коряки-резчики хорошо знали биологию животных. Изображение морских рыб и зверей, тщательность отделки были у коряков на таком же высоком художественном уровне, как и у чукчей и эскимосов. Мастера прекрасно умели вырезать из моржового бивня миниатюрные фигурки ракетобразных китов, большеглазых усатых нерпочек, дружелюбных сибирских лаек, северных оленей, внося в декоративную скульптуру немало своеобразия.

С самого начала XX в. корякские резчики специализировались на изготовлении украшений — серег и ожерелий из кости. Ожерелья имеют вид цепочек. Главным мотивом для них нередко служит аргиш — 'кочевой поезд' из нарт, запряженных оленями или собаками. Примером такого ожерелья может служить экспонат из МАЭ (колл. № 441-37), изображающий целую сценку из восьми попарно запряженных собак, везущих нарту с каюром. Вырезанная из бараньего рога, эта композиция отличается необыкновенной живостью, убедительностью, великолепным знанием анатомии животных.

Подлинными шедеврами являются и корякские курительные трубки, вырезанные из кости. Чашечка трубки нередко оформлялась в виде человеческой головы со срезанной верхней частью черепа, а черенок украшали миниатюрные фигурки животных, птиц, пресмыкающихся. Таких насыщенных скульптурой курительных трубок не знали другие народности

Крайнего Северо-Востока. Некоторые бытовые предметы коряков, изготовленные из кости, нередко украшались орнаментом. Чаще всего им декорировали небольшие скульптурные фигурки животных и человека, в чем С. В. Иванов усматривает отголосок художественных традиций древнеберингоморского искусства.⁹⁹ Резной орнамент встречается также на костяных застежках ременных поясов (МАЭ, колл. № 956-140), на роговых коробочках-колтонах,¹⁰⁰ на наперстках (ГМЭ, колл. № 2246-55), игольниках,¹⁰¹ на пряжках для пояса,¹⁰² ухочистках и других предметах. Среди деталей резного орнамента коряков — хорошо известные по древнеберингоморскому искусству круги со шпорами, прямые и кривые линии, уголки, треугольники, циркульные узоры, полукружия, зигзаги. Орнаментика на костяных изделиях коряков свидетельствует о самобытности и общей основе их искусства, выражающейся в сходных, а иногда и одинаковых узорах, встречающихся также у чукчей и у ительменов. Корякский орнамент весьма близок к алеутскому и эскимосскому, который еще в XIX в. удерживал целый ряд мотивов древнеберингоморской орнаментики. Таким образом, примыкая по ряду признаков к искусству чукчей и других народностей Крайнего Северо-Востока, искусство художественной обработки твердых материалов у коряков имеет целый ряд особенностей, приемов, позволяющих говорить об его несомненной самобытности. Известные нам памятники, относящиеся главным образом к концу XIX—началу XX в.,

Фрагмент отделки корякской женской праздничной одежды. 1960-е гг. Мех оленя, шитье оленьим волосом, вышивка цветными нитками.

характеризуют поздний этап развития этого искусства. Есть основания полагать, что в более далекие века художественная обработка кости, рога, дерева, металла и камня имела в жизни коряков больший удельный вес и отличалась значительно большим своеобразием. И можно лишь пожалеть о том, что эта интересная область художественной культуры народности до сих пор не получила должного освещения в этнографической литературе, а ее лучшие этнические традиции постепенно угасли уже в начале XX в.

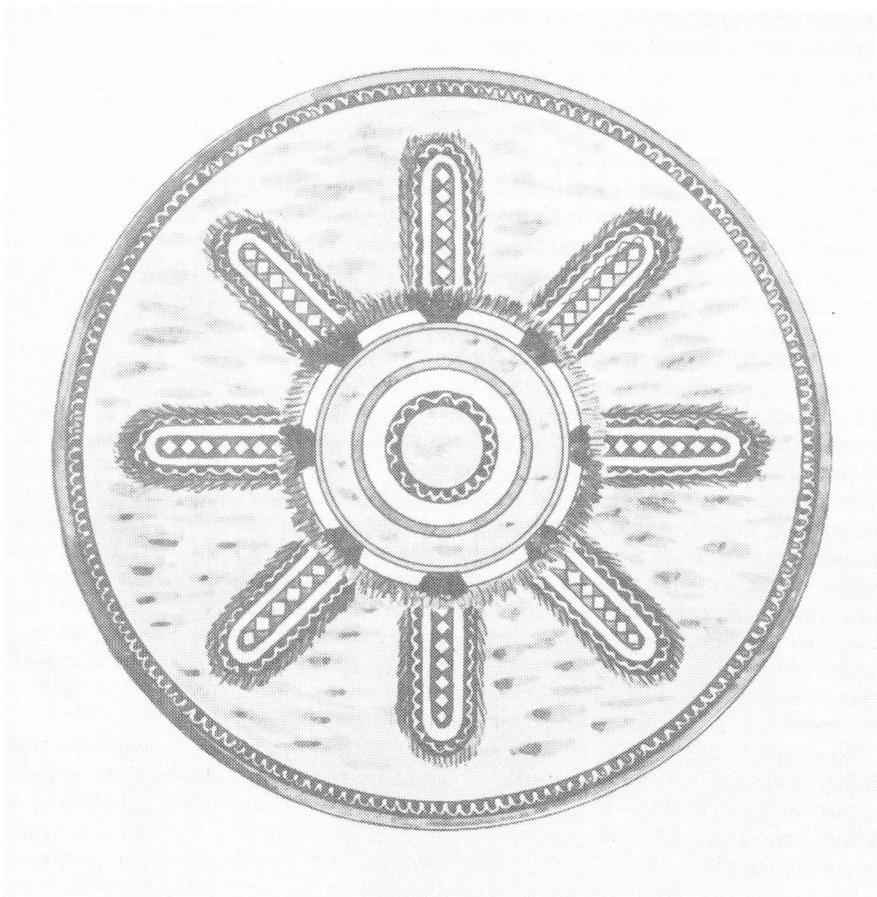
За годы Советской власти произошли большие изменения в жизни и быте коряков. Наряду с новыми культурными явлениями у коряков развивалось и народное декоративное, и декоративно-прикладное искусство. Общепризнанных профессиональных художников у коряков пока нет, но среди наиболее талантливых самодеятельных графиков выделялся еще в 30-е гг. олюторский коряк К. Килпалин. Его акварели и карандашные рисунки отличались красочностью, неповторимым национальным колоритом, тщательностью прорисовки отдельных деталей в изображении пейзажа, человека, животных тайги и тундры, особой выразительностью. В те же 30-е гг. в Институте народов Севера в Ленинграде учился талантливый скульптор-коряк Кичигин (Кичгинин), произведение которого «Важенка с олененком» (1936, Музей Арктики и Антарктики) было отмечено Международной премией на Всемирной выставке в Париже 1937 г. Эта скульптура, первоначально вылепленная из пластилина, в композиционном отношении очень искусно продумана. Опустив лишние детали, Кичигин не забыл подчеркнуть там, где это нужно, характерный выступ кости, мускулы, придать фигурам оленей тонкие, стройные формы; фигуры животных настолько выразительны, что кажутся исполненными с натуры (а ведь они были вылеплены художником по памяти).¹⁰³

Но если профессиональное искусство коряков не имело такой счастливой судьбы, как, например, чукчей и эскимосов, то традиционное народное декоративное искусство, особенно искусство изготовления художественных изделий из мягких материалов (мех, кожа, ткани), почти никогда не прерывалось, достигнув в последние десятилетия своего наивысшего подъема.

Лучшие этнические традиции искусства своего народа бережно хранят и развивают современные корякские мастерицы. Замечательные традиционные корякские торбасы из камуса, украшенные меховой мозаикой и бисером, создают сегодня В. Г. Милют из с. Тилички (род. в 1926 г.), В. А. Тывлян из с. Хаилино (род. в 1922 г.), Т. Н. Голикова (род. в 1937 г.) и М. Н. Чечулина (род. в 1935 г.) из Карагинского района, Э. И. Икавава (род. в 1922 г.) из Тигильского района и многие другие.

Особенно хороши по своим художественным качествам летние торбасы работы Е. И. Чечулиной (род. в 1938 г.), показанные на Шестой зональной художественной выставке «Советский Дальний Восток» (Владивосток, 1985 г.).¹⁰⁴ На меховую поверхность нашиты аппликации из кожи, представляющие традиционный корякский геометрический орнамент (квадраты, расположенные в шахматном порядке). По бокам этих торбасов мастерица умело расположила вышитые подбородным белым волосом оленя в сочетании с яркими нитками мулине стилизованные растительные узоры, создав в целом надолго запоминающееся своею образностью художественное произведение.

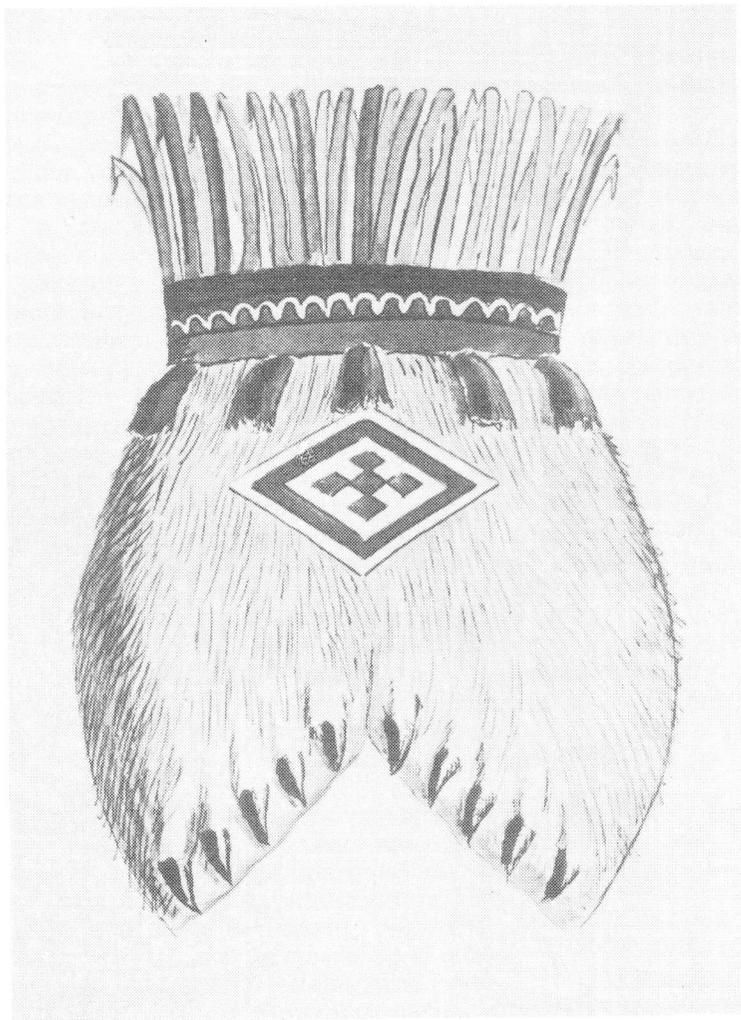
Удивительно красивые и своеобразные национальные головные уборы коряков продолжают создавать М. Н. Чечулина, Я. А. Тнелхут (род. в

Корякский коврик «Солнце». Мастерца А. И. Попова.

1937 г.), Е. Т. Уварова (род. в 1930 г.), Н. И. Эвгур (род. в 1959 г.), Т. Н. Голикова и другие мастерицы. Их лучшие работы экспонировались на Выставке произведений мастеров народного искусства Дальнего Востока (Хабаровск, 1970 г.).¹⁰⁵ Здесь же были представлены гагаля мастерицы И. П. Ковынь, кухлянки и кожаные кисеты-табакерки, декорированные бисером, выполненные В. Г. Милют и П. И. Пелат, камусовые коврики Е. Т. Уваровой, плетеные корзины, украшенные корякским орнаментом, работы Н. И. Уваровой и др.

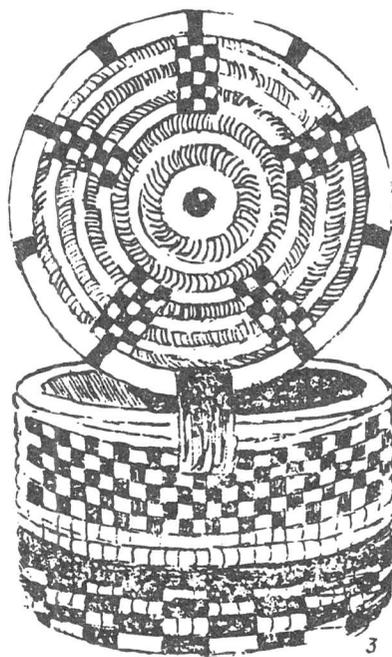
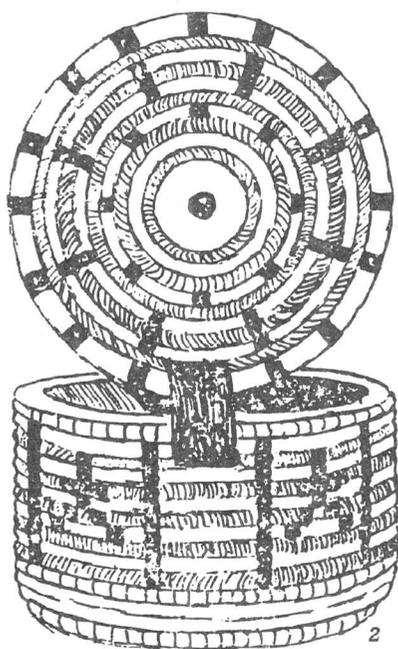
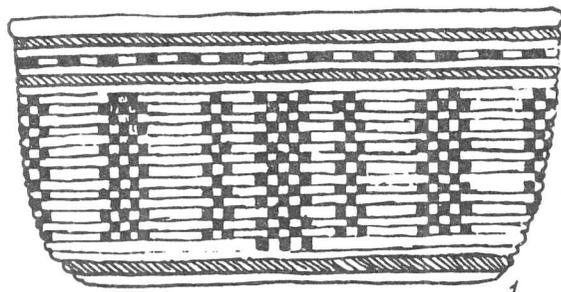
Замечательные работы корякских искусниц — членов Союза художников СССР А. И. Поповой (род. в 1937 г.), В. Г. Уваровой (род. в 1930 г.), А. П. Тюменцовой (род. в 1930 г.), М. Н. Чечулиной, О. К. Олений (род. в 1932 г.) и Я. А. Тнельхут, изготовленные из бисера, меха, трав, покоряющие богатством фантазии и образностью мышления, были широко представлены и удостоены высоких наград на Всесоюзной выставке мастеров народных художественных промыслов в Центральном доме художника (Мо-

Сумка декоративная. Ласты нерпы. Ровдуга, мех. Мастерца А. И. Попова.

сква, 1977 г.),¹⁰⁶ на выставке произведений художников Камчатки (Москва, 1984 г.),¹⁰⁷ на Шестой зональной выставке «Советский Дальний Восток».

К сожалению, современное народное декоративное искусство коряков испытало не только радость подъема, но и тяжелые годы застоя и спада. Особенно трудно пришлось народным мастерам в послевоенные годы. Серийная продукция ширпотреба, хлынувшая в 50-е гг. на Камчатку, ее относительная дешевизна и доступность приводили нередко к уродливой, унылой стереотипности, к постепенному вытеснению из жизни и быта коряков их традиционного искусства. Полностью исчез такой традиционный промысел коряков, как косторезное искусство. Было пущено на самотек и изготовление традиционных изделий из мягких материалов.

Образцы художественного плетения (1—3). Конец XIX в. Рисунок Н. В. Кочешкова.

Принятое в феврале 1975 г. постановление ЦК КПСС «О народных художественных промыслах»¹⁰⁸ способствовало усилению внимания к развитию народных художественных промыслов в Корякском автономном округе. Уже в конце 70-х гг. в окружном центре, а также в с. Хаилино были организованы специализированные предприятия по изготовлению художественных изделий и сувениров. Наметился ощутимый творческий подъ-

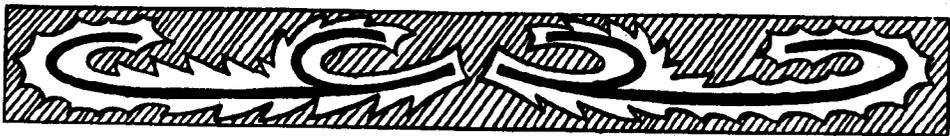
ем в среде народных мастеров. Вновь созданные интересные произведения с большим успехом экспонировались на художественных выставках в Чите и Владивостоке, на Выставке произведений художников Камчатки (Москва—Ленинград, 1984 г.).¹⁰⁹

Важным результатом претворения в жизнь этого постановления стали повсеместное создание в Корякском автономном округе новых мастерских и участков художественных промыслов, организация окружных и областных смотров и выставок произведений народного искусства, приобщение школьников к местному художественному ремеслу. В настоящее время во многих школах успешно работают кружки национального декоративно-прикладного искусства. Ребята делают кулоны, шьют национальные костюмы для танцев, торбаса, украшенные бисером, обучаются на уроках труда приемам художественной обработки меха и кожи. Среди современных работ корякских народных мастериц можно отметить как наиболее удачные по своей орнаментике и цветовой насыщенности вышитые бисером сумочки, малахай, заготовки для одежды, ковры, торбаса, рукавицы. Много лет работает с народными мастерами искусствовед М. А. Белова. Она постоянно бывает в национальных поселках, помогая возрождению старых ремесел. Сейчас уже более тридцати женщин выполняют на дому под руководством М. А. Беловой высокохудожественные вещи. При этом не только сохраняются старые формы, но и создаются новые. Так, вышивальщицы удачно используют орнамент традиционной корякской одежды при изготовлении настенных ковров. Тонким изяществом и безупречным мастерством пленяет меховая мозаика в произведениях М. Н. Чечулиной. Природная красота материала раскрывается в коврах А. И. Поповой и т. п. Замечательны ковры М. Н. Чечулиной с сюжетами из жизни камчатской тундры, особенно большой меховой ковер «Анапка», украшенный меховой мозаикой и вышивкой ярким бисером.

Делаются попытки возродить традиции корякской резьбы по дереву и гравировки по кости. На выставках начинают появляться выполненные на основе народных форм и орнамента работы по кости Г. М. Клемина (род. в 1950 г.): фигуры шахмат, исполненные из оленьего рога и кости так называемой «стеллеровой» коровы; курительный набор из оленьего рога, спичечницы, трубки, пояс. Однако рано пока еще говорить о каких-либо успехах в этом важном и нужном деле.

Несомненно, что о творческом развитии народного декоративного искусства коряков, о бережном сохранении его лучших национальных художественных традиций нужно заботиться так же бережно, как и о природной среде. Но сберечь этнические традиции искусства — это не значит вырвать их из естественного развития, механически скопировать и законсервировать. Главное в этом процессе — наследование мастерства из поколения в поколение. Лучшие этнические традиции должны быть понятны и близки всему народу.

В серьезном внимании к народным художественным промыслам, к нуждам мастеров-прикладников, в широкой пропаганде народного творчества залог дальнейшего развития и подлинного расцвета народного декоративного искусства коряков, одного из древнейших этносов Камчатки.

КУЛЬТУРНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

ародное просвещение. Важнейшей предпосылкой строительства новой жизни у коряков было приобщение их к образованию. Это был долгий и сложный процесс. Грамотность среди них была чрезвычайно низкой. Например, по Переписи 1926/27 г., грамотные составляли у оседлых — 10.3%, у кочевых — менее 1%.¹ Сказывались нехватка средств, отсутствие педагогических кадров, заботность, нужда и суеверие людей.

Первые советские школы у коряков были открыты в 1923 г., в 1925/26 г. в них уже обучалось 206 детей.² Местные органы Советской власти старались уделить им должное внимание: снабжали топливом, оказывали помощь «по оборудованию школьных огородов».³ О составе учащихся национальных школ можно судить по отчету Тиличикской школы-интерната. По состоянию на 1 ноября 1927 г. в ней учился 31 человек, в том числе 22 коряка. Большинство из них жили в интернате. Девочек среди учащихся коряков не было.⁴

Параллельно велась работа по ликвидации неграмотности среди взрослого населения. В отчете Камчатского окрревкома I окружному съезду Советов представлены обобщающие сведения о состоянии народного образования у коренных народностей Севера, в том числе коряков (на август 1928 г.). «Туземные школы, — говорится в отчете, — обслуживают следующие народности: ...коряки имеют 8 школ — 220 учащихся».⁵

Школьная сеть в районах расселения коряков до образования округа росла медленно. Влияло недоверчивое отношение коренного населения к школе. Оно зафиксировано во многих документах. На заседании Пенжинского съезда Советов (1928 г.), например, оседлый коряк Чингвитин заявил: «Однако у меня никто не станет учиться». Ему вторил богатый оленевод Иньло: «У нас тоже учиться не станут». После уговоров коряки заявили: «Мы власти повинемся, но детей учить не хотим».⁶ Таким же образом отнеслись к организации школы тайгоносские коряки: «Мы не желаем учить своих детей. Напрасно так долго держите нас на собрании».⁷

Работали школы нерегулярно. Учебный год подстраивался к хозяйственному календарю населения. Не было поэтому твердых сроков начала и окончания учебного процесса. С наступлением весны занятия прекращались, так как родители брали детей на промыслы. В результате учебный год длился, в зависимости от местных условий, от 3—4 до 5—6 месяцев.⁸ Но

и в пределах этого срока бывали тоже перерывы: дети уходили на охоту, на зимний лов рыбы, местные праздники и т. п. Обучение в целом исходило из особенностей быта и культурного уровня коряков и было приспособлено к их нуждам. Осложнялся же школьный процесс возрастным составом учащихся: он колебался от 8—9 до 25 лет и старше.

Первые программы для северных школ, изданные Наркомпросом РСФСР и Комитетом Севера в 1926 г., были построены на северном географическом и этнографическом материале. Авторы составили их применительно к главным типам хозяйства аборигенов — охотничьему, рыболовецкому и оленеводческому. Школа должна была содействовать общему развитию и просвещению детей, формированию их материалистического мировоззрения. Нужно было дать учащимся практически полезные знания для усовершенствования хозяйства и улучшения быта людей. Программа вводила начальное обучение на родном языке. Это требование, однако, в то время было неисполнимо: отсутствовали учебные пособия и владеющие языком педагоги. До создания письменности и учебников на корякском языке некоторые учителя пользовались рукописными букварями, созданными в округе. В 1931—1932 гг. такие буквари имелись на каменском, карагинском и олюторском диалектах. Букварь на каменском диалекте, в частности, был составлен группой учителей Пенжинской культбазы Н. Богдановой, Д. Коваленко и Ф. Лонгиновым.⁹

Наиболее целесообразным типом учебного заведения в районах проживания народностей Севера была признана школа-интернат, учащиеся которой находились на полном государственном обеспечении. Сеть таких школ на Севере постоянно увеличивалась, несмотря на большие затраты по их содержанию: если обучение и содержание одного ученика в русской школе обходилось в 30—40 руб., то содержание одного ученика в школе-интернате стоило 435 руб.¹⁰

Помимо стационарных школ, охватывавших главным образом оседлых коряков, в конце 20-х—начале 30-х гг. возникало, по местной инициативе, немало других типов школ, находившихся и на государственном, и на местном бюджете. К ним относились, в частности, так называемые временные передвижные и разъездные (кочевые) школы. Временные школы были в большинстве случаев выездными отделениями школ-интернатов культурных баз, обслуживавшими наиболее отдаленные селения. Иногда они действовали только летом и играли роль подготовительной школы. Разъездные постоянные школы кочевали с населением весь год, обслуживая наиболее изолированные группы коряков. Программа их была обычно рассчитана на двухлетнее обучение детей до 12 лет. Первое время кочевые школы помещались в обычной яранге, без парт и каких-либо других принадлежностей и оборудования, впоследствии — в приспособленных для занятий местных жидишах.

Специальные (кочевые) школы, которые передвигались вместе со стойбищем, вводились временно как переходная ступень для обучения детей кочевников грамоте, сохраняя привычные для них условия. С расширением школьной сети, прежде всего интернатов, и ростом авторитета школ оленеводы стали отпускать своих детей в стационары.

Чтобы не нарушать традиций, не отрывать детей от родителей и чтобы на практике население уяснило значение и пользу образования, школы

обычно создавался для детей одного поселка или стойбища, и поэтому в них часто контингент учащихся не превышал 10—30 человек.¹¹

Набор учеников проводился через туземные советы или на общих собраниях жителей населения либо стойбища, которое решало, сколько детей и кого направить в школу. Большая работа по организации школ у коряков была проведена сотрудниками Пенжинской культуры и педагогическим персоналом Корякского округа. Успеху этой работы в значительной степени содействовал хороший подбор учительских кадров, направляемых Комитетом Севера. Педагогическую и просветительскую работу в школах корякских стойбищ и поселений вели такие учителя-подвижники, познавшие язык, обычаи и быт народа, как С. Стебницкий, Н. Богданова, К. Бауэрман и др.

Энергичная борьба за школу в конце 20-х—начале 30-х гг. вызвала в конечном итоге перелом в отношении к образованию даже у наиболее отсталых групп. Так, например, коряки п-ова Тайгонос, убедившись в пользе грамоты детей, заявили на общем собрании: «Школой мы остались довольны. Просим Рик осенью прислать нового учителя, а учеников мы дадим. И мальчиков и девочек. Столько, сколько есть на Тайгоносе. Мы теперь все поняли, как нам нужна школа».¹² О подобном отношении к школе пенжинских коряков писал Н. Билибин. После первых месяцев работы культуры со всех сторон поступали требования об открытии школ, присылке врачей, ветеринаров. Коряки отводили под школы лучшие жилища, помогали строить школьные дома.¹³ Стало проявляться стремление коренного населения к овладению русским языком. Родители говорили, например, учителю школы на Тайгоносе П. Ковалевскому: «Дети на своем языке скорее поймут, но нам, корякам, больше нужна русская грамота: в кооперативе, по делам тузсовета, в колхозе».¹⁴ Население, не подавшееся еще недавно уговорам отдать детей в школу, ясно осознало необходимость учения, поняло, что школа — путь к переустройству жизни.

Новый этап в народном просвещении коряков намечился в начале 30-х гг. Дальнейшие перспективы его развития открывались в связи с образованием Корякского национального округа и созданием письменности на корякском языке. О значении ее, а также обучении на родном языке писал С. Н. Стебницкий: «Как только в начальных и повышенных школах и в школах грамоты для взрослых (с 1932 г.) было введено обучение грамоте на родном языке, грамотность стала распространяться буквально эпидемически — дети обучают родителей, мужа — жен. Ученики в школах-интернатах и курсанты Окружной советско-партийной школы в большом количестве получают из дому от родных и соседей письма на родном языке. Председатели и секретари колхозов получают от бригадиров написанные по-нымылански записки с отчетом о работе бригад, с требованием продуктов. А Карагинский райисполком уже рассылает официальные отношения, в которых только штамп и печать составлены по-русски».¹⁵

Создание письменности явилось одним из рычагов, благодаря которому стали возможны достижения во всеобщем начальном образовании, ликвидации неграмотности среди взрослого населения, массовом политическом просвещении, формировании национальной интеллигенции.

Вводимое повсеместно в стране в начале 30-х гг. всеобщее начальное обучение коснулось и корякской школы. Учитывая местные условия,

Президиум ЦИК и СНК СССР предложили местным органам власти осуществить введение всеобщего начального обучения на Крайнем Севере не позже 1934 г.¹⁶ Народное просвещение в этот период стало предметом усиленного внимания органов власти. Строились новые школы, увеличивались бюджетные ассигнования на нужды просвещения, росло число учащихся. Так, если в 1931/32 г. в школах округа обучалось 343 коряка, то в 1936/37 г. — 803, а в 1940/41 г. — 920. По сравнению с 1931 г. бюджет школ в 1937 г. вырос более чем в 8 раз и составил свыше 43% расходной части бюджета округа.¹⁷

К началу 30-х гг. большинство школ Корякского национального округа размещалось в мало приспособленных помещениях, в жилых домах, часто в землянках (например, Каменская, Пахачинская, Култушинская, Тымлатская), даже в церквях (пос. Кичига). Кочевые школы работали в палатках или ярангах. В некоторых поселках (например, в Микино, Рекинниках, Анапке) использовались «круглые» деревянные домики. С 1934 г. началось строительство специальных зданий. С 1934 по 1937 г. были построены 21 школа и интернат. В 1939 г. в округе функционировало 30 корякских школ, большинство из них были школами-интернатами.

В 30-х г. среди коряков широко развернулась борьба с неграмотностью взрослого населения. Уже в первых школах вместе с детьми стали обучаться грамоте некоторые родители, как и другие взрослые. В дальнейшем для них создавались специальные группы. К работе по ликбезу была привлечена вся сеть стационарных и культурно-просветительских учреждений. Появление письменности и обучение на родном языке позволили быстро подготовить ликвидаторов неграмотности и культработников не только из русских, но и из коренного населения. В 1935 г. при Пенжинской (Корякской) культбазе были организованы окружные курсы по подготовке кадров, осуществляющих ликвидацию неграмотности. С 1935 по 1937 г. здесь было подготовлено 83 человека для работы со взрослыми.

Индивидуальное и групповое обучение велось повсюду: в стойбищах, на рыбалках и пастбищах. На лето заключались договоры с ликвидаторами неграмотности и культармейцами, каждый из которых брался обучать определенное число неграмотных. Летняя работа приносила свои результаты — просвещение проникало во все слои коренных жителей. И если до революции в местах их обитания не было ни одного грамотного коряка, а в 1927 г. грамотные аборигены составляли 5%, то к 1934 г. грамотность коряков (на русском и корякском языках) поднялась до 21.1%, а к 1937 г. свыше 60%.¹⁸

К 1941 г. в основном была завершена работа по ликвидации неграмотности среди оседлого населения Корякского округа и значительно повысился процент грамотных среди кочевого. Среди наиболее благополучных сел считались: в Тигильском районе — Кинкиль, Кахтана, Седанка; в Карагинском — Тымлат, Ивашка, Дранка; в Олюторском — Култушино, Олюторка.¹⁹

Начавшаяся в июне 1941 г. Великая Отечественная война затормозила развитие народного просвещения у коряков. В 1941—1945 гг. почти прекратилось строительство школьных помещений, не завозилась мебель, не хватало бумаги и тетрадей. Во многих школах учащиеся писали на старых газетах и журналах. Большинство школ в течение всей войны работали в

неприспособленных и неотремонтированных помещениях. Однако, несмотря на трудности, дети коренного населения по-прежнему учились на государственном обеспечении в интернатах. Многие сотни школьников-коряков, как и повсеместно их сверстники, на летних каникулах занимались разнообразным общественно-полезным трудом, вырученные средства от которого поступали в фонд обороны. Они собирали дикорастущие лекарственные растения, трудились на лесо- и торфоразработках, на предприятиях рыбной промышленности. Национальные школы оказывали разнообразную помощь многодетным семьям фронтовиков и детям погибших красноармейцев. Так, учащиеся Пенжинской начальной школы под руководством учителя Г. В. Сновидова в летние каникулы работали на полях колхоза «Корякский большевик». Во время зимних каникул в школе была организована бригада юных охотников. Все деньги за вырученную пушнину ребята перечислили в фонд помощи детям-сиротам.²⁰ Пионеры и школьники вносили деньги на постройку эскадрильи боевых самолетов «Пионер». Эти деньги они заработали на сборе металлолома и лекарственных растений, заготовке ягод, на путине и посевной, на воскресниках. Великая Отечественная война явилась для корякских школ суровым испытанием, которое было выдержано.

Послевоенные годы отмечены повышенным интересом коряков к знаниям, увеличением контингента детей и молодежи в учебных заведениях. Этому способствовало расширение сети школ для народностей Севера в 40—50-х гг., создание приготовительных классов. В Корякском округе такие классы были открыты с начала 1945/46 учебного года.

В 1946/47 г. в округе работало 39 школ с 3064 учащимися. Среди них 894 коряка,²¹ основным типом учебно-воспитательного заведения для детей коряков продолжала оставаться школа-интернат. Обучение связывалось с производительным трудом. Отрывая детей от семьи, от привычной для них обстановки, школа-интернат стремилась сохранить у ребят традиции семейного воспитания, привить им навыки культурного поведения, расширить кругозор. В подготовительные группы национальных школ-интернатов принимали детей-шестилеток. Они учились русскому языку, готовились к поступлению в 1-й класс.

С конца 40-х гг. в Корякском округе началось строительство типовых школьных зданий. В 1953/54 учебном году функционировала 91 школа, в которых обучалось 4027 учащихся. Среди них представители народностей Севера составляли 922 человека. С середины 50-х гг. в связи с укрупнением колхозов количество школ начало сокращаться. В 1958/59 г. в округе оставалось 65 школ, в них училось 1389 детей коряков, ительменов, эвенов и чукчей.²² Укрупнение школ нельзя было однозначно назвать положительным явлением. Но при всех недостатках оно позволяло сконцентрировать средства на капитальное строительство типовых зданий, относительно полно оборудовать их, подобрать квалифицированные педагогические кадры. В 1960/61 г. в округе работало 5 одиннадцатилетних, 2 средних, 18 восьмилетних и 30 начальных школ, в которых обучалось 4698 детей, в том числе 1685 детей местных коренных народностей. Взятые на государственное обеспечение в 42 интернатах 1645 детей. Открыты 2 школы-интерната.²³

Мероприятия, проводимые по совершенствованию работы национальных школ, давали некоторые положительные результаты. Повышалась успева-

есть детей, увеличилось количество учащихся-северян, оканчивавших школы; многие выпускники продолжали учебу в высших и средних специальных учебных заведениях. Так, в 1961 г. в Камчатском педагогическом институте обучалось 25 коряков, ительменов и эвенов. В Петропавловском медицинском училище — 75 человек.

В 60-х гг. продолжалась ликвидация средних и неполных средних (восьмилетних) школ во многих реально существовавших корякских населенных пунктах (отделениях колхозов и совхозов). Так, например, в 1964 г. при объединении трех колхозов Тигильского района («40 лет Октября», «Путь Ильича» и «Восход») средняя школа осталась только в пос. Палана. Дети из поселков Лесная и Воямполка, конечно, могли продолжить свое образование уже не в своих поселках, а в Пааяне, а это влекло за собой длительный отрыв учащихся от семьи. Родители фактически отстранялись от воспитания и забот о детях. Такое положение отрицательно сказывалось на овладении подрастающим поколением профессиональными навыками в традиционных промыслах и оленеводстве. Концентрация учащихся в крупных школах, отрыв детей от исконных занятий отцов и матерей привели к потере интереса у молодых коряков к родному языку, этнической истории, национальным обычаям. Последствия непродуманного объединения школ, идущего от ликвидации «малоперспективных» селений, особенно остро дали знать о себе в 80-х гг. и еще долго будут сказываться в социально-экономической и общественной жизни коряков.

Укрупнение школ повлияло и на потерю интереса у молодых коряков к изучению родного языка. Преподавание в национальных школах округа на русском языке началось с 1953 г. Основные причины отказа от обучения на родном языке специалисты объяснили отсутствием педагогических кадров, хорошо владевших корякским языком, а также тем, что чавчувенский диалект, «на основе которого были составлены учебники, не всегда был понятен детям, говорившим на других диалектах». Не подлежат сомнению данные, что, например, из 157 учителей Олюторского района в 1964 г. родной язык учащихся знали только четверо.²⁴ Но эти обстоятельства вытекали из главного — ликвидации малых, как тогда писали «неперспективных», селений и укрепления школ. Многие из них, естественно, становились многонациональными, за одной партией оказывались коряки, эвены, чукчи, русские. Не желая искать варианты, какому из национальных языков отдать предпочтение, руководители народного образования шли по пути наименьшего сопротивления: ориентировали повсеместно на русский язык. К тому же, в эти годы не выпускались учебники на корякском языке, а дети, собранные в интернате и мало общавшиеся с родителями, не испытывали потребности и тяги к родному языку.

Негативные явления в школьном образовании коряков, явственно обозначившиеся в 50—60-х гг., усугублялись непреодоленной с предреволюционных лет общей культурной отсталостью народности. В результате этого страдало качество обучения детей коренного населения. Среди коряков, как и эвенов, чукчей, ительменов, был высок процент отсева из-за низкой успеваемости. Большое число учащихся-северян оставалось на второй год. Многие из возникших в тот период проблем не решены до настоящего времени. Более видны результаты в достижении общей грамотности коряков. Ликвидация неграмотности среди взрослых была достигнута в массе насе-

ления к началу 70-х гг. Но встречались так называемые рецидивы неграмотности. Иногда люди старшего поколения, обученные грамоте и навыкам письма, не закрепляя их, через два—три года забывали полученные знания, и их приходилось снова обучать.

И 70-е и 80-е гг. не оставили глубокого следа в истории просвещения коряков, хотя некоторые этапные моменты и заслуживают внимания. Прежде всего следует отметить определенное укрепление материальной базы школы и других учреждений народного образования. К 1980 г. за десять предшествующих лет в Корякском автономном округе было построено 24 школьных здания на 5084 места, 12 интернатов на 1450 мест, 22 детских комбината на 1320 мест. За годы десятой пятилетки (1976—1980 гг.) построены новые школьные здания в Палане, Тиличихах, Хаилино, Тымлате, Седанке. Были заложены школы в Палане (на 784 места), Седанке (192), интернаты в Хаилино и Таловке.²⁵

В 80-х гг. реорганизация школ продолжалась. Хаилинская восьмилетняя школа была преобразована в среднюю школу-интернат, Седанкинская начальная школа — в восьмилетнюю школу-интернат, а Оссорская средняя школа — в школу с продленным днем и т. д. Строительство новых учебных и вспомогательных помещений для учреждений народного образования способствовало переводу многих школ на односменные занятия и кабинетную систему обучения, что в свою очередь положительно сказывалось на учебно-воспитательном процессе. Сеть школ и интернатов охватывала обучением и воспитанием детей коренных национальностей, все они находились на полном государственном обеспечении.

На 1982 г. в округе имелось 33 школы, в том числе 16 средних, 6 — восьмилетних, 11 — начальных, в которых обучалось 6515 человек, из них 1143 местной национальности.²⁶ Как видно из этих данных, число учащихся коренных народностей (прежде всего коряков) в сравнении с предшествовавшим периодом сократилось, 1112 учащихся воспитывались в интернатах. Коряки обучались и в Паланском СПТУ-1, которое в 70-х гг. было переведено на подготовку кадров со средним образованием. Первый выпуск 52 таких специалистов состоялся в 1978 г.

Готовить учащихся к жизни педколлективам помогали колхозы, совхозы и рыбзаводы округа. За школами были закреплены базовые предприятия. Колхоз «Ударник», совхозы «Корфский», «Манильский», «Пенжинский», Олоторский рыбзавод и другие предприятия наряду с оказанием материальной помощи создавали ученические производственные бригады, оборудовали для ребят участки и цехи, выделяли для обучения школьников квалифицированных специалистов. Экономический потенциал округа давал возможность решать проблемы повышения общего образования населения, привлечения выпускников школ к традиционным занятиям коренных жителей — оленеводству и рыболовству, а также другим отраслям народного хозяйства, культуры и социальной сферы. Поэтому в 70—80-х гг. стало уделяться внимание профориентации. В этом плане заслуживала поддержки Усть-Пахачинская школа-интернат, где учащиеся коряки составляли значительный процент в общей численности школьников. С 1973 г. школа перешла на кабинетную систему обучения, над классами взяли шефство конкретные цеха, бригады, участки рыбзавода или совхоза «Пахачинский». В свою очередь ученическая производственная бригада трудилась на заго-

товке сена, обработке и засолке рыбы, сборе ягод и грибов, протирке баночек, заготовке снегольда для засольного цеха. Видное место занимала работа в оленеводческих звеньях совхозов «Пахачинский» и им. 50-летия СССР. Трудовыми объединениями школьников руководили специалисты предприятий, с ребятами постоянно встречались знатные оленеводы-коряки П. Тергувье и В. Тынетекьев. Большинство выпускников этой школы остается работать в родном селе, многие едут на учебу в Паланское СПТУ-1, в высшие и средние учебные заведения. В настоящее время выпускники-коряки, как и другие представители малочисленных народностей Севера, поступают в высшие и средние специальные учебные заведения по внеконкурсным путевкам. Так, из 496 юношей и девушек, закончивших среднюю школу в Корякском автономном округе в 1979—1981 гг., по внеконкурсным путевкам поступили в высшие учебные заведения 108, а в средние 69 выпускников. Из этих 177 представителей малочисленных народностей Севера 115 человек находились на полном государственном обеспечении.²⁷

В обучении и воспитании детей коряков, как и всего подрастающего поколения, сегодня немало нерешенных вопросов. Если в начале 80-х гг. были предприняты определенные меры по улучшению условий жизни и быта воспитанников интернатов в Корякском округе, совершенствованию преподавания русского языка в школах с национальным составом учащихся, вовлечению школьников в различные виды труда в народном хозяйстве, то многие проблемы школьного образования коряков до сего времени остаются нерешенными. Все с большими негативными последствиями заявляют о себе противоречия обучения и воспитания с реальной жизнью, отсутствие единства между словом и делом, утраченные в послевоенные годы национальные традиции и потери в овладении корякским языком. Только в последние годы в школах возобновилось изучение корякского языка, которое не достигло и предвоенного уровня. В начале 80-х гг. корякский язык изучался лишь в подготовительных классах 12 школ; учащиеся старших классов занимались им факультативно. Едва ли более значительны успехи в изучении корякского языка сегодня, поскольку отсутствуют многие школьные учебники, ощутимо недостает преподавательских кадров. Проблемы школьного образования коряков, как, впрочем, и всего подрастающего поколения страны, еще ждут своего глубокого решения.

До 30-х гг. коряки не знали таких понятий, как детские сады и ясли. В послевоенные годы началось строительство типовых помещений для детских садов, хотя велось оно в основном хозспособом; с середины 50-х гг. на эти цели стали выделяться средства из госбюджета. С 1956 по 1961 г. было построено 5 типовых детских садов и яслей на 224 места. К началу восьмой пятилетки в 37 дошкольных учреждениях округа на государственном содержании находилось 2,6 тыс. детей народностей Севера. За восьмую пятилетку (1966—1970 гг.) построено 13 детских садов на 1130 мест.²⁸ Сеть дошкольных учреждений в местах расселения коряков продолжает развиваться. Однако немало детей, прежде всего из семей оленеводов, остается за пределами детских садов и яслей.

Развитие просвещения среди коряков связано с именами многих русских ученых и учителей. Первым среди них должен быть назван Сергей Николаевич Стебницкий, учитель корякской начальной школы и крупный со-

ветский этнограф и лингвист. Видный знаток чукотско-камчатских языков, он был одним из активных организаторов и создателей письменности на языках народностей Севера. С. Н. Стебницкий, как отмечалось выше, учил грамоте детей и взрослых. Кроме школы, он преподавал на курсах подготовки партийных, советских и кооперативных работников, организованных в 1932 г. на Корякской культбазе из местного населения (45 человек). Доброй славой среди коряков разных поколений пользовались Александра Петровна Живодерова, супруги Галина Васильевна Лукаш и Андрей Степанович Мазно, Мария Алексеевна Кайнын, Мария Дмитриевна Шатских, Григорий Васильевич Нуждаев, Александр Стратонович Черных. Хорошие отзывы получила педагогическая деятельность таких учителей, как В. Н. Арефьев, М. Н. Беккеров, В. М. Беккеров и многие другие.

Сегодня обучает и воспитывает детей коряков новое поколение учителей, среди которых немало представителей коренных народностей Севера. Они достойно продолжают дело тех, кто в труднейших условиях нес знания народу.

Создание письменности. Практические интересы новой действительности вызвали развитие у коряков изобразительного письма. Постоянные и разнообразные отношения с кооперативом и факторией, взаимные расчеты с соседями и товарищами по артели побудили рыбаков и охотников обзавестись своеобразными «записными книжками». Они вели регулярные и подробные записи добытого зверя и рыбы, сданной в торговле пункты продукции и полученного в обмен товара, личной задолженности и долгов им. Для обозначения наиболее распространенных предметов выработались одинаковые у жителей того или иного места схематические знаки.

Большой интерес представляли те формы корякского изобразительного письма, которые являлись плодом инициативы передовых людей. Осенью 1927 г. Карагинские районные организации затребовали от местных советов сведения о размерах уловов рыбы в истекшую путину. Исполняя это требование, неграмотный председатель Апукинского туземского совета Нутавий прислал исчерпывающий отчет. На сводке уловов очень точно изображено течение р. Апука с ее притоками и расселение в этой системе коряков. Особыми знаками отмечены все жилища — отдельные хозяйства. Рядом указано количество рыбы, заготовленное каждым для семьи, а под ним — для ездовых собак. По изобразительным приемам, обстоятельности и строгому порядку сводка Нутавия напоминает известные картинные письма юкагиров.

Этот коряк часто проявлял инициативу и изобретательность. В ту же осень в Апуку прибывал пароход со снабжением, который нужно было срочно разгрузить. Не имея достаточно средств для этого, Нутавий отправил с нарочным в верховья реки пиктографическую записку, гласившую: «Через два дня приходит пароход. К приходу парохода на устье пришлите пять человек на байдаре».²⁹

Изобразительное письмо стало быстро отмирать после создания в начале 30-х гг. письменности на корякском языке и массового распространения вслед за этим грамотности.

Создание письменности как важнейшей предпосылки развития просвещения северных народностей шло сложным путем. В нем приняли участие этнографы и лингвисты, учителя и практики культурного строительства. Начало этой работе было положено в 1926 г. на Северном факультете Ленинградского Восточного института. Параллельно работа велась на Дальнем Востоке. В феврале 1930 г. этнологическая секция Дальневосточного общества краеведения утвердила список народностей Севера ДВК, на языках которых следовало в первую очередь создавать письменность. В него включены были и коряки.³⁰

Создание северных алфавитов приняло систематический характер с началом функционирования Института народов Севера и создания при нем Научно-исследовательской ассоциации. Первая Всероссийская конференция по развитию языков и письменности народностей Севера, состоявшаяся в январе 1932 г. в Ленинграде, подвела итоги сделанного и утвердила проект создания 14 национальных литературных языков для народностей Крайнего Севера и письменности на этих языках на латинизированной основе. Среди этих 14 значился нымыланский (корякский) язык.

Разработка письменности и создание корякского литературного языка связаны прежде всего с именем С. Н. Стебницкого. В этой работе принимала участие и талантливая корякская молодежь, в частности студенты ИНСа Кецай Кеккатын и Лев Жуков. Сам С. Н. Стебницкий в Институте народов Севера преподавал корякский и чукотский языки. В конце 20-х гг. под руководством В. Г. Тана-Богораза он принимал участие в создании «Букваря для северных народностей». Новым этапом его творческой работы стало создание письменности коряков, а затем первого букваря на их языке. Под названием «Красная грамота» учебник вышел в свет в 1932 г.

Вместе с учебным текстом в книге представлена методическая записка, в которую были включены некоторые сведения по грамматике корякского языка, рекомендации по методике преподавания, в том числе на разных диалектах. Текст букваря был тщательно проверен студентами-коряками Эвытьканом (жителем с. Апука), Н. Гуторовым (с. Карага), Н. Наяновым (с. Ивашка), Нуталхутом и Кичкинтаком (с. Апука), а также членом Корякского Окрисполкома Хачилэйвыном.³¹

С. Н. Стебницкий предупреждает, что работа с первым корякским букварем встретит на первых порах некоторые затруднения. Дело в том, что корякский язык распадается на диалекты и говоры. В северном диалекте оседлых коряков можно различить 4 говора — тайгоносский (села Парень, Иткана), каменский (Каменное, Микино, Таловка и др.), апукинский (Апука, Пахача, Ватынь), реккиниковский (Реккиники, Подкагерная). В южном — паланский (Палана, Кинкиль, Лесная), укинский (Ука, Ивашка), карагинский (Карага, Дранка), олюторский (от с. Тымлата на юге до с. Олюторского в бухте Корфа).

Существует еще один диалект — кочевников — чаучу. Поскольку они составляют около половины всех коряков и являются экономически ведущей частью народности, то С. Н. Стебницкий при создании корякского литературного языка отдал предпочтение диалекту кочевников. На нем была составлена «Красная грамота», а с 1932 г. стала издаваться учебная и массовая литература.

Письменность наиболее быстро проникла в среду корякской молодежи. Уже в 1933 г. курсанты Корякской советско-партийной школы выпустили два номера журнала «К новой жизни». Они содержали 33 записи на корякском языке. Первый номер журнала был рукописным, второй размножен на пишущей машинке с национальным шрифтом, проиллюстрирован рисунками и фотографиями авторов. Написанное представляло собой в основном бытовые записи, а также предания о жизни коряков в древние времена.³²

Вслед за изданием букваря началась разработка других учебников для корякской школы. Первая «Книга для чтения», предназначенная для послебукварного периода, была переведена на корякский язык со специально составленного П. Н. Жулевым общего русского текста.³³ Позднее С. Н. Стебницкий привлек для этой работы молодого, литературно одаренного Кецай Кеккетына. В 1936 г. ими была создана оригинальная «Книга для чтения» на корякском языке. В последующие годы выходят новые книги для чтения К. Кеккетына и С. Н. Стебницкого.³⁴

В этих изданиях больше так называемого локального материала, т. е. текстов, по характеристике В. И. Цинциус, отражающих местные природные условия, животный и растительный мир, экономику и быт; в них много оригинальных сюжетных рассказов, часть специально написанных для книги самими северянами-учащимися Института народов Севера или заимствованных из выходивших изданий. Можно найти в них и образцы произведений устного творчества: загадки, сказки, а также первые стихотворные произведения начинающих северных писателей.

С преподаванием корякского языка в национальных школах было тесно связано обучение арифметике. Этот предмет у детей коряков велся на родном языке в подготовительном, I и II классах. Учитывая своеобразие системы счета, употребление различных разрядов числительных, а также терминологию, связанную с арифметическими действиями, С. Н. Стебницкий составил к учебнику арифметики на корякском языке (1935) специальную объяснительную записку. К сожалению, в последующих изданиях эти крайне необходимые и полезные сведения для учителя начальных северных школ не печатались.

Новый этап в развитии письменности народов Севера начался в 1937 г. ЦИК СССР утвердил постановление Совета Национальностей о переводе северного алфавита с латиницы на русскую основу. Во исполнение этого постановления Президиум Далькрайисполкома принял решение о переводе преподавания в северных национальных школах с 1937/38 учебного года на алфавит с русской основой.³⁵

Переход на новый алфавит облегчал процесс обучения русскому языку, способствовал быстрейшему приобщению народностей Севера к культуре русского народа. Вместе с тем переход на новую графическую систему потребовал значительной работы по переизданию учебников, учебных пособий и литературы для внеклассного чтения. В 1937—1941 гг. для корякской школы были изданы названные выше «Книга для чтения» Кецай Кеккетына и С. Н. Стебницкого, «Арифметика», «Арифметический задачник. Для школ грамоты» и ряд других пособий. Издавалась также литература для внеклассного чтения. В частности, Кецай Кеккетын перевел на родной язык «Метель» и «Станционный смотритель» А. С. Пушкина,

«Беглец» и «Спать хочется» А. П. Чехова, коряк Иван Баранников перевел рассказы о Ленине Мих. Зощенко и т. д.

На корякском языке выпускалась и массово-популярная литература, в которой разъяснялась социально-экономическая политика советской власти, давались рекомендации по проблемам хозяйственной жизни народа. Типичный пример такой литературы — книга «За здоровую жизнь» В. С. Свердлова (1940) — свод советов, как поддерживать чистоту жилища и тела, вести борьбу с заразными болезнями.

Великая Отечественная война прервала работу по созданию корякской письменности. На фронтах погибли многие деятели просвещения коряков, в частности в 1941 г. на Ленинградском фронте пал смертью храбрых С. Н. Стебницкий.³⁶

С 1 июля 1944 г. возобновило свою деятельность Ленинградское отделение Учпедгиза. К подготовке учебников для корякской школы были привлечены исследователи-североведы и учителя И. С. Вдовин, Н. А. Богданова, Т. А. Молл, В. Ф. Панкарин. Вместе с ними в работе принимали участие корякские специалисты, в частности А. И. Яйлеткан. В 1947 г. новым изданием вышел корякский букварь С. Н. Стебницкого.³⁷ Совместно с А. И. Яйлетканом И. С. Вдовин выпустил букварь (1951) для подготовительного класса корякской начальной школы. Н. А. Богданова совместно с Т. А. Молл написала для первого класса корякской начальной школы учебник «Наша речь» (Мучгин ваяватгыйн'ын, 1951). Он содержал грамматику и правила правописания корякской речи. Следует назвать ее же букварь для подготовительного класса корякской начальной школы (1959), в работе над которым принимали участие В. Ф. Панкарин и А. И. Яйлеткан.

Таким образом, в издании учебной литературы для корякских школ в 30—50-х гг. были достигнуты определенные результаты. Вместе с тем уже в 50-х гг. стали заметны серьезные недостатки как в издании учебной литературы для корякских школ, так и в преподавании родного языка. Не было учебников и учебно-методической литературы по ряду предметов для III и IV классов начальной школы, меньше стало издаваться литературы на корякском языке для внеклассного чтения. Уменьшилось число учителей, владевших корякским языком. Школы плохо обеспечивались учебной литературой: часто она поступала с большим опозданием и в небольшом количестве.

К середине 60-х гг. издание учебной литературы на корякском языке вообще прекратилось, преподавание во всех классах велось на русском языке по учебникам общеобразовательной школы: В связи с переходом на новое содержание обучения для корякской школы в 1971—1975 гг. были выпущены единые учебники русского языка для II и III классов и единые для всех северных школ книги для чтения на русском языке для I—III классов. В этом факте нашли отражение негативные тенденции, которые складывались в школе с преподаванием родных языков. Правда, в конце 70-х гг. издательство «Просвещение» приступило к подготовке книг для внеклассного чтения на корякском языке, но серьезная подготовка и выпуск учебников для корякской школы стали осуществляться лишь в 80-е гг. В комплект изданной литературы вошли: букварь для подготовительного класса, книга для дополнительного чтения в подготовительном и первом классах,

учебник корякского языка.³⁸ Среди их создателей есть и представители корякского народа: В. И. Кавав, М. Ф. Икавав, М. П. Попов. В книги включены произведения русских и советских авторов — А. Пушкина, К. Ушинского, С. Маршака и др., представителей народов Севера — эскимоса Ю. Анко, коряков К. Кеккетына, А. Яйлеткана, В. Коянто, И. Яганова, долганки О. Аксеновой, чукчи Ю. Рыхэу и др.

Следует отметить высокий художественно-оформительский и полиграфический уровень учебной литературы 80-х гг. Издание учебников для начальной северной школы перевелось на цветную печать. Создавалась новая архитектура книг, разрабатывалась система подачи изобразительного и текстового материала, подыскивалась гамма цветовых отношений, соответствовавшая техническим требованиям полиграфии. Иллюстрации к учебникам на корякском языке выполняли художники А. В. Борисенко, Л. Г. Епифанов, Л. А. Иванов, Н. А. Нефедов. Рисунки отличаются реалистическая основа. Иллюстрации к фольклорным произведениям, прежде всего к бытовым сказкам, привлекают тонким юмором, присущим корякам, разнообразием и колоритом цветовой гаммы.

В развитии корякской письменности, выпуске учебной литературы немало проблем. Ощущается большой дефицит специалистов, хорошо знающих корякский язык. В стране нет исследователей, подобных С. Н. Стебницкому или И. С. Вдовину, которые бы открыли новую страницу в создании корякской учебной литературы. Отсутствуют многие учебники для начальной школы, не говоря уже о средней, нет методических пособий для учителей, слабо представлена литература для внеклассного чтения школьников. Многие учителя не знают родного языка коряков, не умеют свободно объясняться с людьми, не имеют достаточно отчетливых представлений о грамматическом строе корякского языка, об основных особенностях его диалектов и говоров, плохо знают прошлое коряков, их фольклор, традиционную материальную и духовную культуру. Еще в 50-х гг. исследователи высказывали настоятельные пожелания о необходимости издания специальных сборников устного творчества народностей Севера на их языках, а не только в русском переводе.³⁹ Но эти пожелания (в частности, относительно корякского фольклора) остались неосуществленными.

Культурно-просветительная работа. В первые годы Советской власти центром культурно-просветительной работы с коренным населением являлась школа. Ее взаимосвязь с культпросветительной деятельностью отразил С. Н. Стебницкий в докладе Комитету Севера при ВЦИК от 9 ноября 1928 г., где он подвел итоги своей работы среди коряков Карагинского района (с сентября 1927 г. до августа 1928 г.).⁴⁰ В 20-е гг., например, оживленная клубная работа проводилась в Хайрюзово. Драмкружок почти еженедельно ставил спектакли для взрослых и детей. Участие учителей, партийных и советских работников в постановке пьес, руководстве хором, чтении лекций вызывало активность жителей, в том числе коренного населения. После собраний почти все сельсоветы устраивали чаепитие, соревнования.⁴¹ В Карагинском районе изба-читальня «выпускала» живые журналы, проводила на разные темы беседы; когда приезжала кинопередвижка, демонстрировала фильмы; выпускала стенгазеты, открыла дра-

матический и музыкальный кружки, которые, кстати, участвовали в выпуске живых журналов. Работал справочный стол. Однако возможности работы ограничивались отсутствием наглядных пособий, хороших пьес и необходимых средств.

Вследствие недостатка квалифицированных кадров, слабой материальной базы в Корякском округе в течение двух пятилеток не удалось достичь качественного улучшения работы изб-читален, но стабилизировалась сеть культурно-просветительных учреждений. Так, в Пенжинском районе в 1934—1935 гг. работала корякская изба-читальня в с. Парень, в 1935—1936 гг. — в селах Каменское и Реккиники; избы-читальни имелись во всех селах Тигильского района, а в с. Воямполке была корякская кочевая. В 1939 г. в Тигильском районе было 5 изб-читален, в Карагинском — 4, в Олюторском — 6, в Пенжинском — 5. Их работа непосредственно связана с деятельностью других культурно-просветительных учреждений, особенно библиотек. В 1931 г. в Корякском округе было 2 библиотеки — в Окружном центре и Тигильском районе. На 1 января 1939 г. их уже 4, в 1940 г. — 6, из них — 1 окружная, 4 районных и 1 сельская библиотеки.⁴² Сотрудники изб-читален, библиотек совместно с активом проводили агитационно-массовую работу в клубах, на предприятиях; организовывали самодеятельность, выпуск стенных газет, проводили информационные обзоры по новой литературе, материалам периодической печати, участвовали в проведении ликвидации неграмотности.

К 1936 г. заметно увеличилась подписка на периодическую печать: в Корякском округе было выписано 2222 экз. центральных и местных газет, 1113 журналов.⁴³ Расширилась сеть кинопередвижек. Если в 1931 г. их было всего 3 (в окружном центре, Олюторском и Тигильском районах), то в 1937 г. их стало уже 9.⁴⁴ Особую роль в культурной жизни коряков играла Корякская культурная база, основанная 8 июля 1930 г. на правом берегу р. Пенжины.⁴⁵

Кандидаты для работы на ней отбирались Комитетом Севера. Организатором строительства Корякской культбазы и ее первым заведующим был М. В. Шишкин, его помощником по культурной работе, заведующим краеведческим пунктом — Н. Н. Билибин, преподавателями — Н. Богданова, А. Никонова, Д. И. Коваленко, Л. Бахтина. Сотрудники проводили похозяйственные переписи коренного населения, изучали их хозяйство, быт, культуру. Проводимые исследования обобщались. Краеведы культбазы за период с 1931 по 1934 г. подготовили материалы по проблемам, отражающим экономическое положение региона: Н. Н. Билибин «О производственном кооперировании берегового корякского хозяйства» (Очерк распада примитивного хозяйства и патриархального строя корякского общества); А. Г. Аполлов «Состояние оленеводства в Олюторском районе» (Докладные записки о состоянии Реккиниковского тузовета в 1931 г. и деятельности работников Олюторского оленеводческого совхоза); В. Крылов «Докладная записка о цинге среди коряков», «Оленеводство Пенжинского района», «Коллективизация кочевых хозяйств и перевыборы советов в Пенжинском районе в 1934 г.»; К. Бауэрман «Паренский корякский кооператив».⁴⁶ Эти исследования позволяли давать практические рекомендации в проведении торгово-кооперативной работы, коллективизации, выборе форм и методов в общении с коренным населением. Заслуживает особенного внимания опыт

Корякской культбазы по изучению национального языка, пропаганде национальной грамоты, подготовке букваря на корякском языке. Культбаза получила признание коренного населения, ее деятельность была достойно оценена Комитетом Севера.

В 1939—1940 гг. сотрудники культбазы развернули широкую работу в кочевых стойбищах.⁴⁷

С 10 августа 1940 г. в Пенжинском районе стала функционировать красная яранга. Четыре ее сотрудника во главе с Шевчуком отправились по маршруту: культбаза — В.-Парень — Кэгали — культбаза, общей протяженностью 1200 км. С 6 сентября по 15 декабря 1940 г. они прочитали 11 докладов (их прослушало 460 человек), провели полсотни бесед для 1474 человек, устраивали вечера самодеятельности, дали 21 киносеанс. Сотрудники красной яранги оказали помощь в работе Микинскому и В.-Паренскому сельским советам, школе, участвовали в ликвидации неграмотности.⁴⁸

Культурно-просветительную работу среди коренного населения проводили Корякский окружной краеведческий музей, организованный в 1936 г., а также Камчатский областной кукольный театр, созданный в 1935 г. В репертуаре театра, в частности, была сказка на корякском языке «Хозяин и пастух». Сказка, рекомендованная Институтом народов Севера, была инсценирована для кукольного театра С. Преображенским (Москва) и поставлена М. Макаровой. В спектакле звучали корякские мелодии, собранные в гастрольной поездке концертной бригадой Московской консерватории под руководством доцента А. В. Дьякова. Кроме спектаклей, артисты проводили игры под баян, разучивали песни, оказывали помощь самодеятельности, драматическим и музыкальным кружкам; особое значение в программе театра имело обозрение на местные темы. В 1936—1937 гг. кукольный театр гастролитировал в южных районах Корякского округа. Героическим называли театр, объездивший тысячи километров по бездорожью, а начальник киноэкспедиции кинорежиссер А. Литвинов отмечал, что эти скромные люди, преодолевая трудности, несли детворе и коренному населению культуру, невиданную ими до сих пор.⁴⁹

С лучшими произведениями мировой классики познакомила северян бригада преподавателей и студентов Московской государственной консерватории в гастрольной поездке 1936 г.⁵⁰

На состояние культурно-просветительной работы среди коряков негативно повлияла война: ее последствия давали знать о себе долгое время.

В послевоенные годы запущенность социально-экономической базы районов проживания коряков определяла не только объем, но и характер культурно-просветительной работы. Продолжался поиск наиболее приемлемых форм ее проведения прежде всего среди коренного населения, ведущего кочевой и полукочевой образ жизни.

В конце 40-х—50-х гг. в Корякском национальном округе внедрялась своеобразная организационная форма культурной работы среди оленеводов — красные яранги. Было признано, что такая форма отвечала условиям кочевого быта коряков, как и других северных народностей. В штат красной яранги входили заведующий, учитель, фельдшер, каюр-переводчик, иногда зооветработник (затем стал включаться еще и киномеханик). Сотрудники красных яранг, систематически объезжая стойбища, вели политико-прос-

ветительную, культурную, оздоровительную и зооветеринарную работу среди коренного населения. Если на первом этапе их создания — предвоенный период — основной задачей красных яранг была ликвидация неграмотности и медикосанитарное обслуживание оленеводов, то с годами менялось направление их деятельности. В послевоенные годы красные яранги сосредоточивали свои усилия на работе «по коммунистическому воспитанию» — мобилизовывали оленеводческие коллективы на выполнение производственных планов, организовывали социалистическое соревнование между ними, знакомили пастухов с передовым опытом ведения хозяйства и т. д.⁵¹

В марте 1949 г. Камчатский облисполком принял решение об организации «комплексных передвижных красных яранг в Чукотском и Корякском национальных округах и национальных районах области». Соответствующие учреждения организовывали по предложенному списку красные яранги в национальных округах и районах, разрабатывали и утверждали «план маршрута и район действия красной яранги».⁵² Деятельность этих передвижных клубов для обслуживания пастухов-олeneводо-в, как пишет В. Коянто, была «разнообразной и ответственной».⁵³ Здесь демонстрировали кинофильмы и оказывали медицинскую помощь, занимались ликвидацией неграмотности и малограмотности, вели пропаганду передового опыта и разъяснение важных решений партии и правительства. Таков далеко не полный перечень работы, которую проводили передвижные клубы в отдельных пастушеских бригадах. Добрым словом вспоминали пастухи работников красных яранг Алексея Лахтая, Фаину Тимохину, Мирона Мейнувье, Нелли Суздадова, Сергея Евьява и многих других.

К 60-м гг. культурно-массовая работа красных яранг сводилась к проведению бесед на политические темы и читок газет, обеспечению пастушеских бригад свежими газетами и журналами, демонстрации кинофильмов и т. д. В 1967 г. в Корякском округе функционировало 15 красных яранг, в них работали 52 культпросветработника.⁵⁴ Благодаря авиации у них появилась возможность чаще посещать отдаленные бригады. Они провели свыше 1380 бесед с населением, более 1730 киносеансов. Хорошо обслуживала пастухов Верхне-Пахачинская красная яранга, которой руководил коряк Тнагирин.

Развивались в послевоенные годы и другие формы культурно-массовой работы. В поселках имелись клубы, где демонстрировались кинофильмы, устраивались молодежные вечера, работали коллективы художественной самодеятельности, школы культуры и быта, проводились общественные мероприятия. Но бедность материальной базы и недостаток квалифицированных кадров культпросветработников во все послевоенные годы сказывались и продолжают отрицательно воздействовать на все сельские очаги культуры коряков.

В целом к началу 60-х гг. культурно-просветительную работу среди населения округа проводили 5 домов культуры, 42 клуба, 33 библиотеки с книжным фондом 146 тыс. томов, 14 красных яранг, 74 государственных и 9 профсоюзных киноустановок. В пос. Оссора был открыт широкоэкранный кинотеатр на 275 мест, в окружном центре — с. Палане — Дом народного творчества. В культпросветучреждениях Корякского национального округа в 1961 г. работало 233 культпросветработника, в том числе 9 с высшим,

58 со средним специальным образованием и 67 работников из числа народностей Севера. Материальная база культпросветучреждений, обслуживавших коряков, развивалась и постепенно укреплялась. Так, в 1965 г. в округе функционировали 42 массовые библиотеки с книжным фондом 250,1 тыс. экз., 66 киноустановок. Здесь издавалось 6 газет, насчитывалось более 7,5 тыс. радиоточек.⁵⁵ Помимо областного радио, ежедневно по часу вела передачи окружная радиоредакция, прежде всего на корякском языке, работали и районные радиоредакции.

В культурную жизнь населения Корякского округа в 70-е гг. вошло новое явление — музыкальные школы: открыта детская музыкальная школа в с. Манилы Пенжинского района и 4 филиал в Карагинском и Олюторском районах. В эти же годы 9 сельских клубов были преобразованы в сельские Дома культуры и заново построены два районных Дома культуры на 500 мест, 3 клуба на 700 мест, широкоформатный кинотеатр, Дома культуры в пос. Оссора и с. Тигиль. Учреждения культуры пополнились оборудованием, музыкальными инструментами и техническими средствами. Только за 1969—1970 гг. в округ было направлено 80 специалистов культпросветработы.

В 1970 г. красные яранги были реорганизованы в агиткультбригады, которые взяли на вооружение все полезные формы работы красных яранг среди оленеводов: регулярно проводили беседы среди пастухов на различные темы, доставляли в бригады музыкальные письма от родных и знакомых, организовывали фотогазеты, демонстрировали фильмы...⁵⁶

К началу 80-х гг. национальные села Корякского округа были электрифицированы и радиофицированы. Во всех районах, за исключением Пенжинского, жители смотрели программу телепередач по системам «Орбита» и «Экран». В округе выпускались окружная и 4 районные газеты, работали окружная и 4 районных радиоредакции, 19 редакций местного вещания, окружной, 4 районных, 17 сельских Домов культуры, 13 клубов, 6 музыкальных школ, 14 агиткультбригад, 41 библиотека с общим фондом более 342 тыс. экземпляров книг, 64 киноустановки. С незначительными изменениями эта сеть культпросветучреждений существует до настоящего времени. Только силами агиткультбригад в 1981 г. было «сделано 759 выездов, продемонстрировано 5691 киносеансов, проведено 1073 беседы и лекции, 292 концерта художественной самодеятельности».⁵⁷ Заметим, что художественная самодеятельность содействовала эстетическому воспитанию широких масс, помогала развитию старых и новых форм национального искусства, способствовала образованию национальных кадров сказителей, музыкантов и певцов, актеров. Широкая популярность художественной самодеятельности делала ее неотъемлемой частью всех увеселений и праздников. У коряков, как повсеместно у северных народностей, художественная самодеятельность возникла и развивалась в разных кружках (музыкальных, танцевальных, певческих, драматических, литературных и др.), появившихся в школах, Тигильском педучилище, а впоследствии в клубах и домах культуры.

Еще в 1936 г. на I Всесоюзном фестивале народов СССР в Москве впервые выступил корякский самодеятельный ансамбль в составе Ирины Гуторовой, Феклы Мамак, Кирилла и Анатолия Адукановых, Качгаятта и Татьяны Слободчиковой. Коряки пленили москвичей своими оригинальными танцами.

В послевоенные годы в национальных селах Карагинского, Пенжинского, Олуторского и Тигильского районов, окружном центре Палане стали регулярно проводиться смотры и олимпиады художественной самодеятельности. Каждый из них открывал новых талантливых исполнителей. Нередко после таких смотров отличавшаяся дарованием молодежь направлялась для дальнейшего специального обучения в дальневосточные культпросветучилища, а в 60-х гг. — в Хабаровский институт культуры и Дальневосточный институт искусств (Владивосток).

Талантливые корякские исполнители все чаще стали выходить на республиканскую и союзную сцену. В 1957 г. на IV Всемирном фестивале молодежи и студентов в Москве корячка Ирина Попова, ительмены С. Трапезников и Я. Жирков, тогда студенты Хабаровского пединститута, за исполнение корякского танца «Соперники» были удостоены золотых медалей и звания лауреатов.⁵⁸

Памятным для корякского искусства стал 1965 г., когда Корякский самодеятельный ансамбль в составе 25 человек удостоился чести показать свое искусство во Дворце съездов в Москве.

Тысячи трудящихся Камчатки познакомились с самобытным народным творчеством коряков и других народов Севера во время декады прикладного и изобразительного искусства малых народностей Камчатки в марте 1967 г. Декада продемонстрировала возросший уровень национального самодеятельного искусства, «свидетельством которого явилось создание первого корякского самодеятельного балета „Мэнго“, а также возросшее исполнительское мастерство и сценическая культура».⁵⁹

Отличительной чертой развивающейся художественной самодеятельности в корякских селах в 70—80-х гг. стали объединения национальных коллективов при сельских домах культуры в оригинальные ансамбли. Карагинский «Энер», седанкинский «Восход», тигильский «Родные напевы» не только пользовались любовью земляков, но и успешно выступали в окружных, областных и зональных смотрах художественной самодеятельности. Связь современного искусства коряков с традиционным творчеством, развитие его и бережное отношение к народным истокам позволили лучшим самодеятельным коллективам достичь профессионального уровня.

Художественная литература коряков — одна из самых молодых в мире. Она зарождалась в 30-е гг. в аудиториях Института народов Севера (ИНС). Его преподаватели учили своих подопечных собирать и записывать фольклор, переводить тексты, помогали издавать журналы, сборники.⁶⁰

Молодых корякских авторов бережно растил С. Н. Стебницкий. Он был первым переводчиком и редактором самобытных, во многом еще неумелых произведений Кецай Кеккетына и Льва Жукова. С его именем связан выпуск ряда книг корякского фольклора. В 1936 г., например, под его редакцией Детгиз выпустил на корякском языке небольшую книжку «Сказки коряков реки Апуки», составил которую студент ИНСа Хэуоят Нутьвийн.

Фольклорные сборники корякских авторов становились со временем все более содержательными. Так, книжка Ивана Баранникова «Амамхотлым'ыбло, сказки об Эмэмкуте», вышедшая в 1940 г., состояла уже из одиннадцати текстов. Основными их персонажами были популярные герои

корякского фольклора Ворон Куйкынныку и его сын Эмэмкут. Сам И. Баранников говорил, что сказки он слышал от бабушки. «Бывало осень наступит, ночи темными становятся. В такие вечера я садился против бабушки и просил рассказывать мне сказки. Она рассказывала их до поздней ночи. А теперь я их записал, чтобы все знали, как жили наши предки и как думали».⁶¹

Биографические сведения об И. Баранникове лаконичны. Известно, что родился он в 1921 г. в Карагинском районе. Отец его, Эппа, был бедняком. В 1931 г. Иван поступил в первый класс Кичигинской школы, а в 1940 г. направлен в Ленинградский Институт народов Севера. Этим, к сожалению, сведения о нем исчерпываются.

Количество фольклорных записей в 30-х гг. росло. Некоторые из них «возвысились» до короткого рассказа и частично вошли в «Книгу для чтения» на корякском языке.

Первым образцом корякской письменности, который мог быть назван, по мнению С. Н. Стебницкого, если не литературным произведением в полном смысле, то во всяком случае произведением, наиболее близко подошедшим к одному из литературных жанров — повести, — сочинение Кецай «Эвн'ыто вальын» («Эвн'ыто батрак»). Этим сочинением как бы перекинут мост от обычной автобиографии к повести. Построено оно не столько на автобиографическом материале, сколько на биографии отца автора. О том, как была написана его первая книга, Кецай рассказал в автобиографии: «Еще в 1934 году, когда мы учились по-чавчувенски, на каждом уроке спорили, как правильно писать слова. Одни из нас говорили по-оседлому. Я и Наянов Мигуль по-кочевому. Я начал думать и решил: напишу какую-нибудь записку. Потом летом в 1934 году у меня сложился рассказ о том, как жили раньше батраки. Начал я писать рассказ „Эвн'ыто-батрак“. Думаю, вот тут собраны все слова кочевые. Часть этого рассказа напечатали в газете „Инсовец“. А теперь пусть пишут на нашем языке, чтобы создали мы свою литературу».⁶² Вторую повесть — «Ватхыын кын эучит» («Последняя битва») — Кецай писал, поставив своей целью создать литературное произведение.⁶³

Литературная работа увлекла не только самого Кецай, но и послужила примером для одного из его товарищей — Льва Жукова. Его повесть «Нотаймэ», названная по имени главного действующего лица, как и «Последняя битва» Кецай была закончена почти одновременно: «Последняя битва» вышла из печати в 1936 г., когда в корякской письменности употреблялся алфавит на латинизированной основе; тогда же вышло и первое издание повести «Нотаймэ» (также на латинице), второе издание, вышедшее уже после смерти автора, было подготовлено на новом алфавите (к этому изданию повести был приложен перевод на русский язык).⁶⁴

С. Н. Стебницкий, проанализировав и сопоставив повести Кецай Кекетына и Льва Жукова, выявил их близость как в идейном отношении, так и в сюжетном. Оба они проникнуты новым мироощущением, новым отношением к окружающему и к истории своего народа. Каждый из авторов, по мнению С. Н. Стебницкого, приходит к важному выводу — ненужности, никчемности межродовой и межплеменной борьбы. В повести Л. Жукова разобщенные мелкие группы сородичей объединяются в одном селении и начинают дружно жить. Полным примирением завершается битва между

чукчами и коряками, показанная К. Кеккетьном. Оба произведения проникнуты оптимизмом, верой в торжество мира и дружбы между людьми.

Повести обоих авторов отличаются от преданий и тем, что в них, помимо изображений тех или иных событий, имеются описания природы, даны характеристики героев, показаны их размышления, приведены внутренние монологи, высвечены реалистические детали в обрисовке окружающей обстановки. Они представляют интерес и с этнографической точки зрения: в них немало сведений об одежде, жилище, орудиях труда, оружии, о чертах общественного строя. Обе повести в сущности представляют собой переработку и объединение в общей сюжетной линии ряда отдельных исторических преданий.

Внимательное отношение к молодым авторам в стенах Института народов Севера, уважение к их творчеству, поддержка делали большое и доброе дело. Расставаясь с Институтом, его питомцы навсегда оставались верны художественному слову. К. Кеккетьн, в частности, весной 1936 г. по окончании третьего курса Института был командирован на родину. Он работал инструктором Окружного комитета по составлению нового корякского алфавита. Но и здесь он не оставлял литературных занятий, собирал материал для повести «Хоялхот». Произведение это стало несомненным шагом вперед в творчестве Кецай.⁶⁵ Автор называет точную дату развернувшихся в книге событий — 1917 г. и рассказывает о тяжелой судьбе юноши, попавшего в кабалу к местному богатому Нутэлкуту. Действие повести преломляется через конфликты, которыми изобиловало дореволюционное прошлое коряков. Реальная, нарисованная без прикрас жизнь народа вызывает у читателя сочувствие к беднякам-корякам, а богатый этнографический материал, представленный в повести, рождает интерес к Северу. Раскрывая судьбы близких ему людей, обрисовывая их характеры, Кецай вводит читателя в яркий круг национальной народной жизни, заставляет с уважением относиться к мудрым обычаям коряков, их традиционным обрядам. Все это позволяет зримо представить дореволюционное прошлое умелых, мужественных, трудолюбивых северян. Перу Кецай Кеккетьна принадлежит цикл небольших рассказов — «Беспечный», «Орел», «Соболь», «Хитростью добыл» и других, органически сливающихся со всем его творчеством и позволяющих еще глубже разглядеть реальности корякского быта.

Заслуживает глубокого уважения просветительская деятельность Кецай Кеккетьна, по-праву названная подвижничеством. Он перевел на родной язык ряд произведений А. С. Пушкина и А. П. Чехова. Все это способствовало внедрению национальной письменности и развитию корякского языка. Первый корякский писатель честно и до конца жизни служил родному народу. Когда началась Великая Отечественная война, Кецай Кеккетьн, окончив военное училище, был направлен в действующую армию. На Орловско-Курской дуге он был тяжело ранен и умер в госпитале.⁶⁶

О других корякских авторах предвоенной поры сведения весьма скудны. Так, о Льве Жукове можно лишь прочесть, что он работал инструктором района на Камчатке и в 1937 г. скончался. В печати нет каких-либо дополнительных сведений о Баранникове, Нутэвийнэ.

Развитие корякской литературы в послевоенные годы связано с формированием новых отрядов национальной интеллигенции. В стенах Ленинградского пединститута им. А. И. Герцена делал свои первые шаги

в литературе будущий поэт и прозаик Владимир Косыгин (Коянто, р. 1933). Он активно занимался в литературном кружке, которым в разные годы руководили известные впоследствии специалисты М. Г. Воскобойников, З. Н. Куприянова и другие ученые, был постоянным участником художественной самодеятельности.

Первые литературные опыты В. Косыгина публиковались на страницах институтской печати; познакомились с его стихами и читатели «Вечернего Ленинграда».

После института В. Косыгин работал учителем красной яранги, директором окружного Дома народного творчества, был одним из первых организаторов и участников ансамбля «Мэнго». Судьба подарила однажды Владимиру спутника в поездке по табунам — проводника Юльты. Этот человек стал центральной фигурой последующих стихов В. Косыгина. Образ Юльты постепенно стал собирательным, в нем автор отразил все лучшие черты, присущие пастухам-оленеводам. И читатель полюбил этого героя, смелого, умного, доброго и прекрасного человека тундры.

В. Косыгин активно сотрудничал в газете «Корякский коммунист». Откликаясь на события повседневной жизни, он писал злободневные статьи и очерки о людях. Его часто можно было встретить в оленеводческих бригадах. Из дневниковых записей и бесед с людьми родились книги, написанные в дружестве с ительменским поэтом Г. Поротовым «В стране Кутхи», «Песни Алнея», «Дарю тебе песню». В них собрано богатство корякского народного творчества — сказки, легенды, записи народных мелодий; помещены и стихи авторов, рожденные в дороге.

Заметной вехой в творчестве В. Косыгина стал 1970 г., когда была издана его первая поэтическая книжка «Оленьими тропами», посвященная родной Корякии.⁶⁷ Стихи рассказывают о тундре, ее обитателях, о трудном, но необходимом деле пастуха-оленевода. Горячая любовь к родной корякской земле пронизывает стихи В. Косыгина, неповторимые приметы далекого края позволяют читателю воочию увидеть его:

Родниковой воды напьюсь,
Освежу и лицо, и грудь.
Если в сердце проникнет грусть,
И туда не забуду вплеснуть.
В роднике вода-бирюза,
Как хрусталь, и звонка и чиста.
Это Родины милой глаза.
Это матери нежной уста.

(«Родник»)

С годами все чаще В. Косыгин обращается к прозаическим произведениям. В 70-х гг. он закончил работу над повестью «Месяц молочных важенок».⁶⁸ Герой повести — молодой учитель коряк, душевный человек. Его детство прошло в тундре среди оленеводов, где он — свой, близкий человек. Поэтично и тонко воспринимает он окружающий мир, с надеждой глядит в будущее. Жизнь оленеводов в этой повести В. Косыгин рисует мягкими красками, почти не показывая острых жизненных столкновений,

зримо-грубых проблем. Отсюда и построение повести в виде цепи лирических новелл и отсутствие единой сюжетной линии.

Через несколько лет В. Коянто подготовил сценический вариант своей повести. К 50-летию Корякского автономного округа пьесу под названием «Каевьёл» («Месяц молочных важенок») поставил Паланский народный театр. Почти одновременно с повестью В. Коянто написал несколько рассказов — «Последняя охота», «Оленуха Машка» и другие, а в 1976 г. читатели познакомились с его новым произведением — повестью «Верхние люди подождут». ⁶⁹ Название этой книги хорошо передает главную сущность новой жизни коряков. «Верхними людьми» звали у них умерших, и многие старики хотели в старое время поскорее разделаться с земными заботами. Но вот настало время, когда старики не спешат покончить счеты с жизнью, собираются еще передать накопленный за многие годы трудовой и житейский опыт молодежи, а молодые благодарны им за это. Таков художественный смысл повести.

Проблема в «Верхних людях» поставлена остро. Засевшие в руководстве совхоза проходимцы (главбух, директор, зоотехник) в погоне за перевыполнением плана режут важенок, оставляя хозяйство без маток.

В связи с выходом новой повести критик писал: «Я не знаю в новописьменной прозе ни одного произведения, где бы столь публицистически остро ставились проблемы современной жизни вчерашних „оленных людей“... Владимиру Коянто не откажешь в социальной зоркости. Он четко запечатлевает сегодняшний день Камчатки в наиболее острых ситуациях». ⁷⁰

В последние годы Владимир Косыгин много внимания уделяет работе над рассказами. Такие из них, как «Сын», «Тундра — мать моя», «Омка — оленевод» и др., публикуются в различных изданиях и свидетельствуют о растущем мастерстве корякского автора как прозаика.

Характеризуя творчество В. Косыгина, нельзя обойти вниманием его общественную деятельность. Член Союза писателей Владимир Косыгин по-прежнему частый гость в далеких стойбищах и ярангах оленеводов, с его участием решаются злободневные проблемы жизни коряков и существования округа. И потому закономерным оказалось его избрание в 1989 г. народным депутатом и членом Верховного Совета СССР.

В художественной литературе коряков по праву занимает свое место имя Иннокентия Яганова. Во многих изданиях его называют первым корякским поэтом. ⁷¹ И. Яганов прожил короткую жизнь (трагически погиб на охоте в 1963 г.), и его дарование не успело раскрыться в полную силу. О нем писали, что он тонко чувствует красоту родной природы, что «стихи его просты, задушевные, легки, как первый снег. Они проникнуты любовью автора к людям, родной природе, пробуждают в читателе светлые, добрые чувства». ⁷²

Стихи И. Яганова публиковались в газетах «Камчатская правда» и «Корякский коммунист», некоторые из них вошли в сборники «Камчатка», «Север поэт», «Тасжные родники».

Для конца 70-х и 80-х гг. характерен повышенный интерес советских читателей к творчеству писателей-северян, в том числе коряков. Этот вывод подтверждают увеличившийся выпуск книг и публикаций К. Кеккетына, Л. Жукова, В. Косыгина (Коянто), рост исследований об их творчестве.

Учреждения культуры проводят праздники в честь писателей, обсуждения их произведений.

В начале 1979 г. камчатские учреждения культуры и писательская организация провели в Палане «Кецаевские чтения», посвященные Кецаю Кеккетыну. И содержательные доклады о его творчестве, и сам факт этого форума, ставшего подлинным литературным праздником, получили широкий резонанс на Дальнем Востоке и за пределами регион

НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

обеда Октября 1917 г. знаменовала собой исторический поворот в судьбах народов нашей страны, положила начало формированию принципиально новых национальных отношений. Основные идеи решения национального вопроса нашли отражение в Декларации прав народов России — одном из первых актов новой государственной власти. В ней провозглашались равенство и суверенность народов России, их право на самоопределение, отмена всех и всяких национальных привилегий и ограничений, свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп. Для тех народов, которые в силу исторических обстоятельств были неспособны образовать самостоятельные государства или захотели бы добровольно объединиться в едином союзном государстве, предусматривалось создание различных форм советской политической автономии, способной обеспечить этим народам свободное развитие. Для малочисленных народов подходящей формой политической автономии, по мысли В. И. Ленина, были «автономные округа, хотя бы самой небольшой величины, с цельным, единым, национальным составом...»¹

Ленинские идеи национально-государственного строительства стали осуществляться у большинства советских народов сразу же после победы Октября. Что же касается малочисленных северных народностей, то они, по мысли В. И. Ленина, в силу своей экономической, политической и культурной отсталости не могли пока самостоятельно воспользоваться предоставленными им правами. Требовалось вначале пробудить их сознание, развить инициативу, вывести на дорогу «самостоятельного творчества новой жизни».²

Создание социалистической государственности у коряков, других народов Севера вытекало из самой природы развития этих народов в составе государства с диктатурой пролетариата, а поскольку она установилась в форме Советов, то и государственность народов Севера могла быть только советской. В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что идея советской организации проста и может быть применима не только к капиталистическим, но и докапиталистическим отношениям, при этом, считал он, Советы «должны быть приспособлены к условиям докапиталистического общественного строя...».³

Практическая организация этой работы среди коряков началась лишь после завершения гражданской войны на Дальнем Востоке. В 1922—1923 гг.

на Камчатке были окончательно разгромлены белогвардейские отряды Грундульса, Бочкарева и др. Участие в военных операциях на этом этапе принимали оседлые коряки. Совместно с частями Красной Армии они ликвидировали остатки белых в бухте Корф и около Гижиги.⁴ По мере освобождения территории Камчатки от белогвардейцев на местах создавались чрезвычайные органы Советской власти — ревкомы, в том числе и в селениях оседлых коряков: Палане, Вояполке, Парени, Алуке, Караге и др. Всего в Камчатской губернии было создано 4 уездных, 10 волостных и 76 сельских ревкомов.⁵

В 1923—1925 гг. на Камчатке с целью разъяснения коренному населению политики Советской власти проводили совещания, расширенные заседания ревкомов, сельские сходы, волостные съезды, отчеты перед трудящимися национальных сел.⁶

В разъяснительной работе использовались различные плакаты, с которыми коряков знакомили на ярмарках, в кооперативах и факториях. Большой резонанс, в частности, получило «Обращение к кочевым народностям Камчатской губернии». Важной политической предпосылкой для организации первых Советов у коряков явилась разработка нормативных актов, определяющих принципы, порядок выборов органов управления, их компетенцию. Разработкой занимались и в центре, и на местах. Было создано несколько таких документов. Для организации советского строительства у народов Камчатки практическое значение имели два из них: Временное положение об управлении туземных племен, проживающих на территории Камчатской губернии, разработанное Камчатским губревкомом в 1925 г.; а с 1927 г. — единое для всех северных районов страны Временное положение ВЦИК и СНК РСФСР от 25 октября 1926 г.⁷

Временные положения предусматривали создание Советов на основе родового принципа, допуская при этом возможность и территориальной организации. Органами управления являлись родовые собрания, родовые Советы, районные туземные съезды и районные исполкомы (тузрики). Организация Советов по родовой принадлежности была вызвана желанием приспособить советскую форму управления к патриархально-родовым отношениям. Однако уже первый опыт советского строительства на Камчатке показал, что подобный подход лишь затруднял дело, поскольку родовая организация у коряков к этому времени уже изжила себя.

Стремление отдельных работников, осуществлявших советское строительство, строго следовать букве документов приводило нередко к искусственному образованию «родов». Так, например, уполномоченный по туземным делам Камчатского окрревкома Ф. Слободчиков, проводя выборы на западном побережье Камчатки и не найдя у кочевых коряков родовой системы, недолго думая разделил их по «территориальному тяготению друг к другу» на 5 «родов» и в каждом избрал «родовой» Совет. Искусственное формирование нового коряцкого «рода» имело место в Пенжинском районе при образовании Микинского «родового» Совета.⁸ Подобная практика, впрочем, не нашла широкого распространения. Большинство Советов с самого начала создавалось на национально-территориальной основе: у берегового населения — на базе одного или нескольких соседних поселков, у оленеводов — на базе кочевых объединений. Приполярная перепись 1926—1927 гг.

зафиксировала у коряков 36 территориальных групп.⁹ Именно столько Советов и было создано у них в конечном счете.

Иллюзорность родового характера Советов была настолько очевидной, что уже в феврале 1927 г. Далькрайком ВКП(б) записал в своем постановлении: «В области советского строительства взять твердый курс на укрепление низовых туземных советских ячеек, построенных на основе территориального, но не родового принципа».¹⁰ В том же году все созданные родовые Советы были переименованы в туземные.

Создание Советов встречало немалые трудности. Очень часто они избирались не общим собранием членов территориального объединения, как это было предусмотрено Положением, а собранием представителей. Нормы представительства при этом устанавливались весьма произвольно: например, в Пенжинском районе — один выборщик от 10—15 человек, в Карагинском — 2—3 человека от юрты.¹¹ Нередко не удавалось провести даже собрание представителей. В этом случае Советы избирали в местах традиционного общения коренного населения — на ярмарках. Именно так, например, были избраны в 1926 г. первые Советы у кочевых коряков Пенжинского района. Председатель ревкома П. Н. Пономарев с этой целью посетил Апулскую и Наяханскую ярмарки. Выборы Советов, состоявшиеся там, были, видимо, настолько символичны, что Пономарев не рискнул даже назвать избранные органы Советами. В отчете Пенжинского ревкома за 1925/26 г. читаем: «...проведены выборы Каменского, Паренского, Ассайвеемского туземных родовых ревкомов».¹² Такая характеристика была, безусловно, более точной, поскольку ревкомы большей частью в самом деле назначались, а не выбирались.

Очень часто проведению выборов противились богатые оленеводы, понимая, что это в конечном счете лишит их реальной власти. Провести собрание помимо их воли в тот период было невозможно. Известный на Камчатке оленевод Тылман, например, после долгих уговоров согласился на проведение собрания, но разрешил присутствовать на нем лишь своим верным людям. В итоге председателем Совета собрание избрало самого Тылмана.¹³ Принцип выборности Советов долгое время оставался непонятным для коряков, и это тоже оказывало известное влияние на активность избирателей. Коряки северной части Парапольского дола, например, так ответили на приглашение участвовать в выборах: «Зачем сменять старого начальника, он у нас хороший человек, мы все равно не выберем другого и не будем собираться».¹⁴

Большинство председателей первых Советов у кочевых коряков избиралось из числа старейшин кочевых объединений. Некоторые из них возглавляли в прошлом родовые управления, т. е. были родовыми старостами. Такие люди пользовались большим авторитетом. Они оставались фактическими руководителями даже после того, как их в силу различных причин освобождали от должности председателя Совета. Так, коряки талловской кочевой группы продолжали считать своего старейшину Аттаупаля, бывшего одно время председателем Кеесквеемского Совета, «настоящим начальником» до самой его смерти.¹⁵

Другим, не менее распространенным способом формирования Советов был следующий: «Туземцы выбирают из своей среды несколько человек, поднаторевших в русском языке, обязанность коих — отдуваться за всех

перед начальством и в большей степени просто морочить его, что мол все сделано, как вы велели и все с вами согласны. А на самом деле они живут всецело своим обособленным бытом, имеют своих старшин и шагу не шагнут без разрешения стариков».¹⁶

В имущественном отношении председатели первых корякских Советов представляли собой различные социальные слои. Были среди них и крупные оленеводы — складывающиеся или уже сложившиеся эксплуататоры вроде того же Тылмана или Иныло (по имени последнего одно время даже назывался Хаймикинский туземный Совет). Были и откровенные бедняки. Уже упоминавшийся Аттаупаль, например, имел всего два десятка оленей.¹⁷ Однако в любом случае председателем избирался лишь «хозяин юрты», т. е. руководитель семейной общины. Традиционное почтение к главе, к старшему по возрасту было определяющим при избрании председателя Совета. Функции председателей Советов по началу регламентировались нормами обычного права, сложившимися традициями и в этом смысле мало чем отличались от функций старейшин и родовых старост. Интересно, что некоторые председатели Советов даже обзаводились определенными символами власти — вроде тех, что имелись в свое время у родовых старост: в их юртах встречались маленькие красные флажки.¹⁸

Влияние Советов на организацию национальной жизни долгое время было весьма незначительным. Чаще всего Советы сами не решали вопросы, а выносили их на усмотрение собрания. Собрание принимало решение, а Совет в меру своих возможностей пытался провести его в жизнь. В год проходило обычно 1—2 собрания. Кроме того, Советы вели учет населения, информировали о распоряжениях вышестоящих органов власти, по их указанию проводили различные кампании — подписку на заем, самообложение и т. п. Успех этой работы зависел, как правило, от инициативы и деловых качеств секретаря Совета. Слабую активность Советов в начальный период их деятельности связывают обычно с отсутствием опыта, непониманием принципов организации Советской власти. Это, безусловно, имело место, но главное, думается, в другом. Многие свои функции Советы и не могли выполнять, поскольку для этого у них не было возможностей. Например, культурно-воспитательную и хозяйственно-организационную работу Советы могли вести лишь после того, как на их территории стали появляться школы, кооперативы, культурно-просветительные учреждения. Не случайно там, где соответствующие учреждения имелись с самого начала, существенно отличалась деловая активность и деятельность Советов. Карагинский райревком, например, уже в 1927 г. писал о таких Советах: «Во всех сельсоветах организованы секции-комиссии: культурно-просветительная, по благоустройству и сельскохозяйственная... В работу их втянута лучшая часть населения... Все вопросы несложного характера проводятся председателями и секретарями сельсоветов. Более сложные отдаются на проработку секций».¹⁹

Первые Советы у коряков были избраны в начале 1926 г. Тогда же был образован и первый корякский тузрик — Тигильский кочевой. Он объединил пять Советов — Соболевский, Сопочновский, Хайрюзовский, Тигильский и Паланский. Председателем тузрика избрали Эвъяли, секретарем — Акея, членом — Кылына. Руководство тузриком осуществлял Тигильский райревком.²⁰ Советы были избраны также у оседлых коряков района.

С гораздо большими трудностями проходили выборы в 1926 г. в Пенжинском и Карагинском районах. У кочевых коряков Карагинского района Советов создать вообще не удалось, а всего было избрано лишь 6 сельских Советов. К концу 1926 г. у коряков имелось 10 родовых Советов,²¹ в том числе и так называемые родовые ревкомы, о которых говорилось выше.

Новые выборы существенно расширили сеть Советов. К 21 августа 1928 г., когда в Петропавловске-Камчатском открылся I окружной съезд Советов Камчатки, на котором были подведены первые итоги советского строительства, в районах расселения коряков имелось 27 Советов, созданных на основе Временного положения 1926 г., в том числе в Пенжинском районе 11, Карагинском 10, Тигильском 5, Большерецком 1. Кроме того, у оседлых коряков имелись Советы, работающие на основе Положения о сельских Советах и по существу ничем от них не отличавшиеся.²²

По мере расширения сети Советов создавались новые туземные районы. Помимо Тигильского кочевого, были созданы Восточно-Корякский в Карагинском и Западно-Корякский в Пенжинском районах. Организация этих тузриков оказалась делом трудным. Они должны были избираться на районных туземных съездах, которые сразу провести не удалось, поэтому Западно-Корякский тузрик был избран лишь в 1929 г. на Апускской ярмарке, а Восточно-Корякский был образован в 1928 г. путем реорганизации обычного Карагинского райисполкома в туземный. В 1930 г. на территории Тигильского района появился еще туземный район — Паланский оседлый. В его состав вошли береговые коряки Воямполки, Кахтаны, Паланы, Кинкиля и Лесной; всего 194 хозяйства общей численностью 1118 человек. На территории района обитала также небольшая группа кочевников — 318 человек. В мае 1930 г. произошло разукрупнение Восточно-Корякского туземного района. Из его состава выделился Чукотско-Корякский район с тузриком в с. Апука.²³ На этом создание туземных районов у коряков завершилось. По составу жителей все они были многонациональными.

Туземные районы не были административными единицами в обычном понимании этого слова. Они создавались по этногеографическому принципу, объединяя коренное население с традиционно сложившейся территорией, которая являлась составной частью административных районов, а сами тузрики подчинялись общим райисполкомам. Исключение составлял Восточно-Корякский район, являвшийся также и административным. За его тузриком были сохранены права обычного райисполкома. При организации тузриков им определялось место постоянного пребывания. Для Западно-Корякского тузрика это было с. Каменское, Восточно-Корякский тузрик располагался в Тиличихах, Паланский оседлый — в Палане. Местом постоянного пребывания Тигильского кочевого тузрика была река Кульки, но «резиденция» эта существовала разве что номинально. Сохранившиеся протоколы заседаний тузрика, в которых называлось обычно место, где эти заседания проводились, свидетельствуют, что кочевой исполком перемещался в течение года вместе с подведомственным ему населением. В состав туземного исполкома избирали обычно пять человек — трех членов и двух кандидатов. При необходимости, по решению съезда, состав исполкома мог быть расширен. У тузриков, кроме Восточно-Корякского, не было своего бюджета; в их аппарате работали, как правило, два штатных сотрудника —

председатель и секретарь. Во главе всех тузриков стояли коряки, секретарями чаще всего были русские или камчадалы.

В перерыве между съездами тузрик являлся высшим органом власти в туземном районе. Ему предоставлялось право издавать обязательные постановления. Первоначально компетенция тузрика распространялась исключительно на народности Севера, им не были подконтрольны торговые, культурно-просветительные и другие организации, расположенные на территории туземного района. Со временем их компетенция расширилась. С 1929 г. все распоряжения и постановления тузриков и туземных Советов стали распространяться на всех граждан, проживающих в районе их деятельности. При исполкомах и Советах стали создаваться непредусмотренные Временным положением комитеты взаимопомощи, группы бедноты, различные секции и комиссии.²⁴

Деятельность туземных исполкомов в литературе освещена слабо. Тем большую ценность приобретают сведения, по которым можно судить об их работе. Паланский тузрик был избран на I туземном съезде, состоявшемся 21—23 марта 1930 г. На нем присутствовал 21 делегат. Членами тузрика избрали И. М. Плотникова (председатель), М. Д. Шмагина, У. Мохнаткина, кандидатами — Е. А. Шмагина и Н. И. Яганова. Исполком получил на съезде 45 наказов: купить кинопередвижку, построить школьные здания в Кинкиле и Воямполке, организовать кустарно-ремесленную мастерскую и др.

Тузрик активно претворял в жизнь полученные указы. Так, уже в мае решен вопрос о приобретении кинопередвижки. В июне была организована зверобойная артель. Тогда же для подготовки собственных кадров были посланы на рыбоконсервный завод Люри практиканты из числа коренного населения. В июле по решению тузрика кооператив выделил деньги на приобретение библиотеки, на летние кочевья оленных коряков переехала медицинская амбулатория, установлены правила лесозаготовок, запрещена добыча рыбы запорами и другими вредными орудиями лова и т. п.²⁵ Был учрежден суд, председателем которого стал член тузрика М. Д. Шмагин.

О характере деятельности другого корякского тузрика — Тигильского кочевого говорят названия вопросов, которые обсуждались на его заседаниях: «О защите батрачества», «О мерах по сохранности оленеводства», «О разграничении территории между национальными Советами», «О выдаче ссуды оленному товариществу» и др. По решению тузрика в кочевом стойбище на реке Воямполке была открыта школа-палатка, организована пошивочная артель.²⁶

Как видно из этих документов, Тигильский кочевой и Паланский оседлый тузрики в 1929—1930 гг. уже выступали как полновластные хозяева на своей территории. Их решения считали для себя обязательными кооперативы, медицинские и культурно-просветительные учреждения. В деятельности тузриков отчетливо просматриваются функции государственных органов власти: контроль за деятельностью организаций, руководство хозяйственным строительством, проведение классовой политики.

В целом советское строительство у коряков к началу 30-х гг. характеризовалось значительными успехами. Это было отмечено и побывавшей на Камчатке осенью 1929 г. комиссией ВЦИК, которая пришла к выводу, что на Северо-Востоке созрели условия для перехода к объединению се-

верных народностей в самостоятельные национально-административные единицы, и рекомендовала создать с этой целью национальные округа и районы. 10 декабря 1930 г. Президиум ВЦИК принял постановление «Об организации национальных объединений в районах расселения малых народностей Севера».²⁷ В числе других был образован и Корякский национальный округ в составе Карагинского, Олюторского, Пенжинского и Тигильского районов.

Новое национально-административное устройство народностей Севера основывалось на принципах советской областной автономии. Не являясь суверенным государством, национальный округ тем не менее обеспечивал народностям Севера возможности для свободного развития. Как национально-государственное образование он получал большие права в деле подготовки и выдвижения национальных кадров, обслуживания народов Севера на родном языке, развития национальной культуры. Окружным съездам Советов было предоставлено право посылать своего депутата на Всероссийский съезд Советов. Практическая реализация постановления ВЦИК об образовании Корякского национального округа была поручена Далькрайисполкомом оргкомитету, который и приступил к подготовке выборов, к проведению районных и окружного съездов Советов. Параллельно велось формирование окружных организаций.

Избирательной кампании 1931/32 г. придавалось важное политическое значение. Ставилась задача привлечь в состав Советов широкие трудящиеся массы. Созданные повсеместно избирательные комиссии следили за тем, чтобы к выборам не были допущены кулаки, торговые посредники, шаманы. Выявлению таких лиц впервые активно способствовало само коренное население. Всего в ходе подготовки к выборам права голоса был лишен 191 человек.²⁸

Следует сказать, что на местах далеко не всегда верно оценивали сущность социально-экономических отношений у народов Севера. Критерии, по которым определялись эксплуататорские элементы, были надуманны. Так, например, в шаманы пытались записывать всех, кто имел бубен, а ведь он имелся в каждой юрте. Численность оленей в хозяйстве также не могла быть достоверным показателем его эксплуататорской сущности. Как выяснили позднее специальные исследования, в большинстве хозяйств, имевших от 300 до 1000 оленей, элементы эксплуатации вообще отсутствовали. Между тем именно такие хозяйства в Карагинском районе причислили к кулацким.²⁹ Ошибки и перегибы, допущенные в ходе избирательной кампании, безусловно, осложняли политическую ситуацию, способствовали антисоветской агитации подлинных противников Советской власти. В Шайбове им даже удалось сорвать выборы. И все же основная масса коренного населения в этот раз явилась на избирательные участки. В выборах приняло участие 74% коряков, имевших право голоса.³⁰ В ходе выборов вместо тузриков были сформированы исполкомы административно-национальных районов, единые для всего населения. В их состав было избрано 50 депутатов, в том числе 31 представитель народов Севера. Районные съезды Советов проходили очень торжественно, стали своеобразным смотром первых достижений Советской власти в корякской тундре. С приветствиями к делегатам и гостям съезда обращались многочисленные делегации колхозников, рабочих АКО, пограничников, школьников, пред-

ставители партийных и комсомольских ячеек. Их выступления сопровождались ответным словом, все тщательно переводилось на русский и корякский языки. Большое внимание делегаты съезда уделили ускорению темпов социалистического строительства в округе, подготовке национальных кадров, ликвидации неграмотности, вовлечению в советскую работу женщин.

Всего в округе было избрано 58 Советов. В их состав вошло 579 депутатов различных национальностей, в том числе 306 коряков. В 35 Советах коряки были избраны председателями, в 5 Советах они работали секретарями. На три четверти депутатский корпус состоял из крестьян, 62% из них были колхозниками, доля женщин поднялась до 30%. К работе в Советах впервые пришла значительная прослойка молодежи. Лица в возрасте до 30 лет среди депутатов составляли более 40%, в то время как в возрасте старше 50 лет — лишь 3%.³¹ Итоги избирательной кампании были подведены на I окружном съезде Советов, начавшем свою работу 5 апреля 1932 г. Съезд уделил большое внимание политическому и организационно-хозяйственному укреплению Советов, поставил перед ним задачу «возглавить колхозное движение», «оживить массовую работу». На съезде избрали первый состав Корякского окружного Совета. Более трети его членов были коряками: Обухов, Хатчелевев, Охали, Чечулин, Плотников, Беккерова, Эвнунен и др.³²

Создании Корякского национального округа сыграло важную роль в ликвидации остатков национальной розни между местными жителями и приезжим населением. В первые годы Советской власти межнациональные отношения на Камчатке складывались непросто. Сказывалось недоброе наследство, оставшееся в этой сфере от царизма. Культивировавшееся долгие годы среди русского народа пренебрежительное отношение к «иностранцам» не могло исчезнуть сразу. Взаимоотношения приезжих с местным населением далеко не всегда строились на принципах равенства. К. Я. Лукс, посетивший в 1927 г. многие поселки Камчатки, писал, что коряки Уки, Ивашки, Дранки, Красного Яра «по существу находятся в полном подчинении у группы русских „землепроходцев“, и даже требовал закрыть для русских национальные районы».³³

Факты, о которых писал К. Я. Лукс, к сожалению, не были единичными. Численность приезжих, весьма пестрых по социальному составу, интересам и целям, которые привели их на Камчатку, быстро увеличивалась. Соответственно росло и число конфликтов, неизбежно возникающих в ходе межнационального общения. Этим умело пользовались местные эксплуататоры, которые всячески разжигали антирусские настроения. «Среди туземцев, — писал С. Стебницкий в 1928 г., — сильно недоброжелательство к русским. Ходит масса слухов о том, что русские будут изгнаны, что „наша земля больше не принимает русских“».³⁴ В доказательство приводились факты гибели катера, массовое заболевание цингой в пограничном отряде и т. п.

Революционное нетерпение, доминировавшее в те годы в общественном сознании, стремление в короткий срок изменить жизнь коренного населения, ликвидировать культурную отсталость также вредили делу. Показательны в этом отношении события в корякском селении Карага. Одно время в нем размещался центр Карагинского района, и многочисленные районные

организации уделяли местным жителям повышенное внимание. Началась ускоренная интернационализация жизни и быта коряков Караги. Это, естественно, не могло не вызвать противодействия. Ситуация особенно обострилась в 1927 г. в связи со слабыми подходами лососей. Люди не смогли заготовить нужное количество рыбы. Хозяйственные трудности были тут же обоснованы главным идеологом Караги — шаманом Саввой.

Духи гnevаются, убеждал Савва население, посылают кару на головы изменников традициям отцов и дедов. Нужно отказаться от русской одежды, перестать ходить в баню, употреблять привозные продукты, прекратить общение с русскими. Многих Савве удалось убедить. Начались конфликты с органами власти, была разрушена баня, некоторых «инакомыслящих» коряков (Чечулин, Авакка и др.), пытавшихся образумить односельчан, изгнали из селения.³⁵

«Карагинский синдром» оказался достаточно характерным и для других национальных сел, где строительство новой жизни осуществлялось без учета особенностей психологии народов Севера, их мировоззрения и культурного уровня. Не случайно поэтому проблемы межнациональных отношений были предметом обсуждения на всех районных и окружных съездах Советов. Карагинский районный съезд, например, констатировал, что в районе «местами возникает антирусское движение в противовес национальному движению батрачества и бедноты».³⁶ Пенжинский районный съезд также вынужден был обратиться к национальному вопросу, записав в своей резолюции, что «в нашем районе не должно быть народностей, которые были бы старше одна другой, как при царе... не должно быть споров между коряками и русскими».³⁷

Обсуждение национальных проблем на собраниях и съездах Советов убедительно показало, что большинство коряков совсем не разделяет националистических убеждений, хорошо осознает значение русской культуры, всей душой приветствует перемены, происходящие в их жизни. Создание Корякского национального округа лишней раз говорило об истинных целях национальной политики Советского государства, развеивало сомнения даже у самых стойких скептиков.

Создание Корякского национального округа ускорило консолидацию разобщенных групп корякской народности. Интересно, что уже в приветствии делегатов I окружного съезда Советов Далькрайкому ВКП(б) и Далькрайисполкому говорилось: «Мы пришли к первому съезду Советов не как раздробленные этнографические группы, а как единый корякский народ, сцементированный ленинской национальной политикой...».³⁸ Безусловно, такая оценка консолидационных процессов у коряков в тот момент была преждевременной. Культурные и языковые различия, локальные формы самосознания сохранялись у кочевых и оседлых коряков еще очень долгое время, но безусловно и то, что уже сам факт учреждения национального округа, практическая работа по его организационному оформлению послужили мощным толчком к ускорению этих процессов.

Новое административно-территориальное деление, новая структура местных органов власти, большая политическая и культурно-просветительная работа, развернувшаяся среди коряков после декабря 1930 г., способствовали разрушению обособленности и стойбищной замкнутости, пробуждению общественной активности, укреплению единства, общности национальных

интересов. Создание национального округа ускорило реконструкцию хозяйства коряков, ликвидацию их культурной отсталости. Во всех районах быстро растет число хозяйственных организаций, школ, медицинских и культурно-просветительных учреждений. Усложняется работа Советов, новые, более высокие требования предъявляются к их работникам. Решить кадровую проблему самостоятельно в тот момент в округах не могли. В этой связи 10 февраля 1932 г. ВЦИК и СНК РСФСР приняли постановление «О подготовке и переподготовке кадров работников советского строительства из среды малых народностей Севера».³⁹ Оно предусматривало активизацию этой работы как в центре, так и на местах.

Кадры советских работников из числа народов Севера стали готовить ленинградские институты советского строительства, педагогический им. А. И. Герцена, живых восточных языков. В частности, на северном рабфаке ЛИЖВЯ учились коряки Попов и Логинов. Приезжая на каникулы в округ, они активно работали в Советах. С 1 марта 1932 г. центральные курсы советского строительства открылись при Институте народов Севера. Сеть учебных заведений для подготовки национальных кадров стала складываться на Дальнем Востоке. В июле 1931 г. было принято решение об организации Камчатской областной совпартшколы. В ней учились в разные годы многие коряки: председатель Пенжинского райисполкома Эвмунто, председатель Каменского сельсовета Махо, председатель Карагинского райисполкома В. Чечулин и др. В апреле 1933 г. приступила к работе окружная совпартшкола в Палане. Почти весь ее первый набор — 37 человек — состоял из слушателей коренных национальностей. Партийных и советских работников для Корякского национального округа готовили также в Анадырской совпартшколе, Хабаровском техникуме народов Севера и других учебных заведениях. С 1 февраля 1935 г. в Петропавловске-Камчатском стали работать постоянно действующие курсы советского строительства. Первые результаты работы по подготовке национальных кадров стали очевидными по результатам выборов 1934 г. К руководству Советами пришло много новых, более подготовленных людей. Состав сельских Советов обновился на 82%. Многие ответственные участки советской и хозяйственной работы возглавили коряки. Председателем Корякского окрисполкома был избран М. М. Обухов. Коряки возглавили также все четыре райисполкома: Пенжинский — Хатчелевев, Олюторский — Суздалов, Карагинский — Тайнгав, Тигильский — Плотников. К 1937 г. в аппарате районных и сельских Советов работало уже 60 представителей коренного населения, прошедших специальную подготовку.⁴⁰

К концу 30-х гг. у коряков появились крупные организаторы колхозного производства, хозяйственные руководители, представители творческой интеллигенции. Особенно большой известностью среди них пользовались председатели колхозов В. Н. Чечулин, И. Г. Мевнау, С. Уваров, бригадиры В. Ахайме, С. Камак, кавалер ордена «Знак почета» С. Тахта, техноруков Вонных, заведующий типографией М. Ноянов, писатели И. Г. Баранников, К. Кеккетын.

Правовой основой деятельности органов власти Корякского национального округа до 1936 г. являлось Положение об окружных съездах Советов и окружных исполнительных комитетов национальных округов северных краин РСФСР, утвержденное ВЦИК и СНК РСФСР 20 апреля 1932 г.⁴¹

Оно предоставляло окрисполкому как органу власти национально-государственного образования широкие полномочия. Окрисполком получил право планировать развитие народного хозяйства, руководить подведомственными ему учреждениями, наблюдать за работой всех других предприятий и организаций, расположенных на территории округа, проводить в жизнь любые мероприятия, направленные на развитие народного хозяйства и культуры округа.

Положение 1932 г. дифференцировало Советы народностей Севера на сельские (с оседлым населением) и кочевые. 20 августа 1933 г. ВЦИК и СНК РСФСР утвердили специальное Положение о кочевых Советах. Оно окончательно упразднило родовую основу местных органов власти, предусматривало создание Советов исключительно на территориальном принципе. При наличии в составе Совета 7-ми членов в нем создавался президиум. Для руководства хозяйством на своей территории кочевой Совет мог создавать секции.

На 1 января 1937 г. в Корякском национальном округе из 54 Советов 27 считались кочевыми: в Пенжинском — 12, Олюторском — 10, Тигильском — 4, Карагинском — 1. На самом деле к 1937 г. некоторые из них уже прекратили существование, поскольку распались кочевые объединения, на базе которых они были созданы. К этому времени большинство крупных оленеводов лишилось своих табунов — много животных было уничтожено в начале коллективизации, реквизировано, продано в совхозы. С исчезновением оленей кочевые объединения стали распадаться, менялась их структура, часть безоленных семей, занятых ранее в стадах богатых оленеводов, вынуждена была переселиться в береговые поселки; те, кто имел собственных оленей, объединялись с такими же хозяйствами и откочевывали в другие районы. Среди прекративших по этой причине свое существование кочевых Советов были Палпальский, Шайбовсемский, Куюлваямский и др.

Со второй половины 30-х гг. национально-государственное строительство у коряков развивалось весьма противоречиво. В официальных документах партии и государства основные принципы национальной политики, разумеется, оставались неизменными, на практике же проявлялось явное стремление к упрощению национально-государственного устройства СССР. Были ликвидированы такие формы национально-административного деления, как национальные районы и национальные сельские Советы; по указанию Сталина расформировали Охотско-эвенский национальный округ.⁴² Весьма двусмысленным оказалось и правовое положение остальных округов. Конституция СССР 1936 г. в главе «Государственное устройство» не зафиксировала их существование как национально-государственных образований, однако в статье 35, определяющей порядок избрания Совета Национальностей, им было предоставлено право иметь своего представителя в Верховном Совете СССР. (Заметим, что в проекте Конституции СССР такое право тоже не предусматривалось. Дополнение и поправка к статье были приняты на Чрезвычайном VIII съезде Советов по предложению трудящихся. Тем самым, хотели того авторы Конституции или нет, конституционно закреплялся статус национальных округов как национально-государственных образований). В дальнейшем это положение не получило своего развития.

С принятием Конституции СССР утратили силу законодательные акты, регламентировавшие до этого деятельность окружных исполкомов в качестве органов власти национально-государственных образований. Новых принято не было. Компетенция и полномочия окружного органа власти, таким образом, были значительно сужены и перестали отличаться от компетенции и полномочий Советов обычных административно-территориальных единиц. В соответствии с Конституцией СССР Советы народов Севера независимо от их специфики стали называться Советами Депутатов трудящихся. По своей социальной природе они могли органично сочетать в своей деятельности национальные и интернациональные интересы трудящихся, но в условиях культа личности, нарастания командно-административных методов управления, роль и значение Советов оказались подрванными. Отсутствовало четкое представление об их правах и обязанностях. Советы работали по указке. Законодательные акты заменяло местное нормотворчество, нередко противоречащее Конституции СССР. На нормальном функционировании Советов отрицательно сказалась также Великая Отечественная война. Объективно необходимая в военное время централизация управления привела к ослаблению демократических начал, обычным стало нарушение принципов коллегиальности, подмена Советов партийными органами. Состав Советов Корякского национального округа за годы войны сильно сократился. В окружном Совете выбыло 13 из 35 депутатов, в районных — 50 из 103, во многих сельских Советах осталось по 1—2 депутата.⁴³ По этой причине нерегулярно созывались сессии, прекратили работу постоянные комиссии, помногу месяцев не проводились заседания окружного и районных исполкомов.

Состоявшиеся в декабре 1947 г. выборы в местные Советы обновили депутатский корпус. Был избран 591 депутат, в том числе 208 коряков,⁴⁴ однако само по себе это мало изменило укоренившийся стиль работы Советов. Общий ее уровень оставался крайне низким. В 1950 г. из 48 сельских Советов исполкомы имелись лишь в четырех. Более половины всех Советов провели за год лишь по одной сессии, у абсолютного большинства не было собственных помещений. В Пенжинском районе, например, их имели лишь 3 Совета из 13. Советы размещались, как правило, на квартирах председателей или секретарей. Отсутствовал должный контроль за их работой со стороны вышестоящих советских органов. Работу Пенжинского райисполкома, например, не слушали в окружном Совете с 1942 г. Руководители Камчатского облисполкома не бывали в округе с 1932 г.⁴⁵

Ослабла роль Советов как выразителей национальных интересов народов Севера. Окрисполком, например, за первые пять послевоенных лет ни разу не слушал вопросы развития оленеводства — основы основ экономики коряков. Свертывалось преподавание родных языков в школах округа, не была закончена ликвидация неграмотности взрослого населения. В Пенжинском районе в 1949 г. неграмотными было более половины председателей сельских Советов. В жалком состоянии находилась система здравоохранения, велика была детская смертность. Численность коряков сократилась в 1940—1950 гг. с 6936 до 5236 человек, в том числе в 1945—1950 гг. на 377 человек.⁴⁶

Демократические преобразования, развернувшиеся в стране со второй половины 50-х гг., затронули и сферу советского и национально-государ-

ственного строительства. В решениях XX—XXII съездов партии, в законодательных актах Советского государства были разработаны и осуществлены меры, значительно расширившие возможности местных Советов. Обновились правовые основы их формирования и деятельности, расширились права. В ведение сельских Советов был передан ряд вопросов, ранее входивших в компетенцию районного Совета. Советы получили право формировать свои бюджеты за счет платежей из прибыли государственных предприятий и хозяйственных организаций местного подчинения, отчисления от налога с оборота и других налогов. Работа Советов стала теснее увязываться с решением конкретных задач хозяйственного и социально-культурного строительства.

К середине 70-х гг. в системе Советов округа произошли большие изменения. С 1956 по 1976 г. в связи с укрупнением колхозов, ликвидацией «неперспективных» сел было упразднено 18 сельских Советов: Карагинский островной, Кичигинский, Пахаче-Корякский, Воямпольский оседлый и др. Были созданы новые Советы. Всего на 1 января 1977 г. в Корякском национальном округе имелось 32 Совета, в том числе 28 сельских. На один Совет приходилось в среднем 1060 жителей (ср. 345 жителей в 1937 г.). Доля жителей коренных национальностей в общей численности населения сократилась с 41.5% в 1939 г. до 24.6% в 1979 г., в том числе коряков — с 29.2% до 16.2%.⁴⁷

По мере углубления процессов интернационализации повышалась ответственность Советов за гармоничное сочетание национального и интернационального, удовлетворение специфических потребностей коренного населения. И они действительно стали значительно чаще обращаться к жизненно важным для народностей Севера вопросам: повышению благосостояния и культурного уровня, развитию в национальных селах жилищного строительства, медицинского и торгового обслуживания, подготовке национальных кадров и т. п.

К сожалению, всей этой работе по-прежнему сопутствовали противоречивость и непоследовательность. Сплошь и рядом возникали парадоксальные ситуации, когда строительство новых благоустроенных поселков, создание новых хозяйственных организаций, расширение социальной инфраструктуры национальных сел оборачивались ростом безработицы народов Севера, снижением их жизненного уровня; когда интенсивное развитие народного просвещения привело не только ко всеобщему среднему образованию, но и к появлению поколений «лишних людей», совершенно неготовых для реальной жизни, а рост численности национальной интеллигенции сопровождался утратой родного языка, пренебрежением к традициям и культуре своих предков.

Точная, но, к сожалению, весьма запоздалая оценка всем этим явлениям была дана в платформе КПСС «Национальная политика партии в современных условиях»: «Административно-командная система, нуждавшаяся в предельно централизованных структурах, чем дальше, тем больше игнорировала потребности национального развития. Возобладал ведомственный, бюрократически-усредненный подход, который сказывался на всем — от размещения производительных сил до проблем языка, образования и культуры».⁴⁸

Социалистическая государственность коряков оказалась не в состоянии защитить их национальные интересы. Округ все более утрачивал черты

национально-государственного образования, превращаясь из автономной национально-административной единицы в административно-территориальную.

Новая конституция СССР (1977 г.), Закон Российской Федерации «Об автономных округах РСФСР» никак не отразились на правовом статусе автономных округов, не привели к повышению их роли как национально-государственных образований. Они по-прежнему не располагали реальными возможностями, чтобы в полной мере реализовать национальные потребности, испытывали на себе ведомственное давление, мелочную опеку республиканских и областных властей.

В этом отношении Закон «Об автономных округах РСФСР» был явным шагом назад даже в сравнении с Положением 1932 г., которое, как уже говорилось, предусматривало право окрисполкома приостанавливать распоряжения отраслевых отделов краевых и областных исполкомов, опротестовывать решения самих этих исполкомов, если они не соответствовали местным условиям. Ничего подобного не могут нынешние окрисполкомы. И не случайно, видимо, в последние годы округ стал рассматриваться на Камчатке как лишнее управленческое звено. Районные и сельские Советы округа обращались в облисполком минуя, а то и просто игнорируя окружной Совет народных депутатов и его исполком.

В ходе демократических преобразований, развернувшихся в стране с апреля 1985 г., в условиях необычайно возросшего национального самосознания со всей очевидностью встал вопрос о кардинальной реформе национально-государственного устройства страны, всей советской политической системы. Основные ее контуры были определены в 1989 г., но жизнь идет стремительно, и сегодня многие ее положения уже не отвечают требованиям времени. Как и 70 лет назад, в центре общественных дискуссий — право наций на самоопределение. Для большинства национально-государственных образований РСФСР, в том числе и для Корякского округа, речь не идет о политическом суверенитете. Право на самоопределение должно осуществляться прежде всего в сфере экономики и культуры. Каждая автономия должна иметь реальные возможности для сохранения культурной самобытности своих народов. Суверенные права автономных округов в этой области не должны отличаться от прав национально-государственных образований более высокого уровня. Назрела острая необходимость в соответствующих законодательных актах. Перестройка дает малочисленным народам страны еще один шанс для национального обновления. Было бы непозволительным не использовать его вновь.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

- ¹ См.: Народы Дальнего Востока СССР в XVII—XX вв.: Историко-этнографические очерки. М., 1985; История и культура чукчей: Историко-этнографические очерки. Л., 1987; История и культура удэгейцев: Историко-этнографические очерки. Л., 1989; История и культура ительменов: Историко-этнографические очерки. Л., 1990.
- ² Исследователи выделяют в корякском языке несколько диалектов: чавчувенский, каменный, апукинский, паренский, итканский, олюторский, карагинский, паланский и керекский. Некоторые лингвисты считают керекский и алюторский диалекты самостоятельными языками (Скорик П. Я. Чукотско-камчатские языки // Языки народов СССР. Л., 1968. Т. 5. С. 235).
- ³ Этногенез народов Севера. М., 1980. С. 226.
- ⁴ Цит. по приложению к кн.: Steller G. W. Beschreibung von dem Lande Kamtchatka. Frankfurt; Leipzig, 1774.
- ⁵ Gmelin I. G. Reise durch Sibirien von dem Jahre 1733 bis 1743. Göttingen, 1751—1752. Т. 1—2.
- ⁶ Steller G. W. Op. cit. Beschreibung von dem Lande Kamtchatka.
- ⁷ ААНЛ. Ф. 21. Оп. 5. № 52 (рукопись на немецком яз.).
- ⁸ Линденау Я. И. Описание коряков, их нравов и обычаев, которые среди них сам наблюдал (рукопись 1743 г. на немецком яз.) // ЦГАДА. Портф. Миллера. № 511, ч. 2. Д. 6 (на 37 листах).
- ⁹ Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки, с приложением рапортов, донесений и других неопубликованных материалов. М.; Л., 1949.
- ¹⁰ Лессепсово путешествие по Камчатке и по южной стороне Сибири (пер. с франц.). М., 1801—1802. Ч. 1—3.
- ¹¹ Дитмар К. 1) О коряках и весьма близких к ним по происхождению чукчах // Вестник РГО. 1855. Ч. 15; 1856. Ч. 16; 2) Поездки и пребывание в Камчатке в 1851—1855 гг. СПб., 1901. Ч. 1: Исторический отчет по путевым дневникам.
- ¹² Слюнин Н. В. Охотско-Камчатский край. Естественно-историческое описание. СПб., 1900. Т. 1—2; Ресин А. А. Очерк инородцев русского побережья Тихого океана // Известия РГО. 1888. Т. 24. Вып. 3; Маргаритов В. П. Камчатка и ее обитатели // Записки Приамурского отдела РГО. Хабаровск. 1899. Т. 5. Вып. 1.
- ¹³ Iochelson W. I. The Koryaks // The Journal of the American Museum of Natural History (Leiden; New York). 1905—1908. Vol. 2—6. Part 1—2.
- ¹⁴ Iochelson W. I. Archaeological Investigation in Kamchatka. Washington, 1928.
- ¹⁵ См.: Кроток М. А. Условия работы В. Г. Богоразы и В. И. Иохельсона в Северо-Тихоокеанской экспедиции 1901—1902 гг. // Сб. материалов к изучению Якутии. Якутск, 1922. Вып. 1. С. 12—14.
- ¹⁶ Bergman S. Vulkane, Bären und Nomaden. Reisen und Erlebnisse im Wilden Kamtchatka. Stuttgart, 1926.
- ¹⁷ Арсеньев В. К. Гижигинский промысловый район // Экономическая жизнь Дальнего Востока. 1925. № 5—6.

- 18 Беретти Н. Н. На Крайнем Северо-Востоке // Записки Владивостокского отд. РГО. Владивосток, 1929. Т. 4.
- 19 Бауэрман К. И. Пенжинский район Камчатского округа: Краткий физическо-географический, статистико-экономический и этнографический обзор // Дальневосточное статистическое обозрение. (Хабаровск; Благовещенск). 1928. № 10.
- 20 Шавров К. Б. О населении северной части полуострова Камчатки // Статистический бюллетень (Хабаровск; Благовещенск). 1927. № 5—6.
- 21 Орлова Е. П. Коряки полуострова Камчатка // Северная Азия. 1929. № 3.
- 22 Аполлов А. Г. 1) Морской зверобойный промысел в Пенжинском районе. (Рукопись) // АИЭ. К-1. Оп. 1. № 54; 2) Классовое расслоение среди береговых коряков Пенжинского района. (Рукопись) // Там же. № 101; Билибин Н. Н. 1) Формы материального производства береговых коряков Пенжинской губы // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1934. № 6; 2) Обмен у коряков. Л., 1934; 3) Батрацкий труд в кочевом хозяйстве коряков. Л., 1932; Крылов В. М. В Пенжинском районе // Советский Север. 1935. № 1.
- 23 Стебницкий С. Н. 1) У коряков на Камчатке. М., 1931; 2) Нымьланский (коряцкий) язык // Языки и письменность народов Севера. М.; Л., 1934; 3) Основные фонетические различия диалектов нымьланского (коряцкого) языка // Памяти В. Г. Богораза (1865—1936). М.; Л., 1937. С. 285—307; 4) Олюторский диалект нымьланского (коряцкого) языка // Советский Север. 1938. № 1; 5) Нымьлане-олюторцы: к вопросу о происхождении оленеводства у южных коряков // СЭ. 1938. № 1. С. 129—145; 6) Нымьлане-карагинцы по материалам С. П. Крашенинникова: к вопросу о происхождении карагинского диалекта нымьланского (коряцкого) языка в свете лингвистических материалов С. П. Крашенинникова // Советский Север. 1939. № 2. С. 129—170; 7) Из истории падежных суффиксов в корякском и чукотском языках. Л., 1941.
- 24 Стебницкий С. Н. Очерк этнографии коряков. (Рукопись, 1941 г.) // АИЭ. К-1. Оп. 1. № 50. 236 л.
- 25 Шнакенбург Н. Б. Нымьлане-кэрэки // Советский Север. 1939. № 3; Борисковский П. И. О пережитках родовых отношений на Северо-Востоке Азии, юкагиры и коряки // СЭ. 1935. № 4—5; Гапанович И. И. 1) Камчатские коряки. Современное положение племени и значение его оленного хозяйства. Тяньцзинь, 1932; 2) Основные вопросы этнографии камчатских коряков. Прага, 1928; Сергеев М. А. 1) Коряцкий национальный округ. Л., 1934; 2) Народное хозяйство Камчатского края. М., 1936; 3) Реконструкция быта народов Севера // Революция и национальности. 1934. № 3. С. 90—95.
- 26 См., напр.: Вдовин И. С. 1) Ительмены и коряки в первые десятилетия XVIII века: по неопубликованным материалам участника Камчатской экспедиции А. П. Горланова // Страны и народы Востока. М., 1975. С. 58—66; 2) Древние гребни коряков // Материальная культура народов Сибири и Севера. Л., 1976. С. 89—93; 3) Юкагиры в этнической истории коряков и чукчей // Этническая история народов Азии. М., 1972. С. 99—114; 4) Эскимосские элементы в культуре чукчей и коряков // ТИЭ. М.; Л., 1961. Т. 64. С. 27—63; Кузаков К. Г. У коряков среднего течения реки Пенжины // КСИЭ. 1959. Вып. 32. С. 122—129; Кузаков К. Г., Ларькин В. Г. Развитие экономики и культуры Корякского национального округа на современном этапе // КЗКОКМ (Петропавловск-Камчатский). 1968. Вып. 1. С. 60—68; Сергеев М. А. Некапиталистический путь развития малых народов Севера. М.; Л., 1955; Дебец Г. Ф. Антропологические исследования в Камчатской области. М., 1951; Левин М. Г. Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока. М., 1958; Васильевский Р. С. 1) Происхождение и древняя культура коряков. Новосибирск, 1971; 2) Древняя корякская культура // Доклады научной конференции по истории Сибири и Дальнего Востока. Иркутск, 1960. С. 18—20; 3) Древняя корякская культура: по археологическим раскопкам на Охотском побережье // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока (Новосибирск). 1961. Т. 1. С. 321—325; Иванов С. В. 1) Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX—начала XX в. Сюжетный рисунок и другие виды изображений на плоскости. М.; Л., 1954. С. 504—519; 2) Орнамент народов Сибири как исторический источник (по материалам XIX—начала XX в.) // Народы Севера и Дальнего Востока. М.; Л., 1963. С. 163—248; Гурвич И. С. 1) Этническая история Северо-Востока Сибири. М., 1966. С. 47—54, 94—112, 183—188, 241—249; 2) Проблемы происхождения чукчей, коряков и ительменов // Этногенез народов Севера. М., 1980. С. 211—226; Левин М. Г. К проблеме происхождения северо-восточных палеоазиатов // Сб. статей по истории Дальнего Востока. М., 1958. С. 186—199.
- 27 Гурвич И. С., Кузаков К. Г. Корякский национальный округ. М., 1960; Гурвич И. С. Этнографическая поездка в Корякский национальный округ // СЭ. 1957. № 6. С. 43—58;

- Яйлеткан А. И. Ачайваямская группа коряков-оленевонов: этнографические заметки // КЗКОКМ. 1971. Вып. 3. С. 32—50; Кузаков К. Г. 1) Заметки о населении Корякского национального округа // КЗКОКМ. 1974. Вып. 5. С. 139—145; 2) К истории образования Корякского национального округа. 1924—1932 гг. // Там же. 1971. Вып. 3. С. 3—10; 3) Социолого-лингвистические исследования в Корякском национальном округе // СЭ. 1972. № 5. С. 89—93.
- 28 Антропова В. В. 1) К вопросу о межплеменных отношениях и военных укреплениях у народов Северо-Востока Сибири // КСИЭ. 1947. Вып. 3. С. 64—65; 2) К истории археологического изучения Камчатки // Сб. МАЭ. 1949. Т. 11. С. 380—394; 3) Коряки // Народы Сибири. Этнографические очерки. М.; Л., 1956. С. 950—977; 4) Культура и быт коряков. Л., 1971.
- 29 Вдовин И. С. Очерки этнической истории коряков. Л., 1973.
- 30 Прыткова Н. Ф. Одежда чукчей, коряков и ительменов // Материальная культура народов Сибири и Севера. Л., 1976. С. 5—88.
- 31 Смолицкий В. Г. Некоторые способы декорирования современной корякской одежды // Традиционное искусство и современные промыслы народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. М., 1981. С. 77—91.
- 32 Каплан Н. И. 1) Из камуса, ровдуги, бисера: Декоративно-прикладное искусство малых народов Крайнего Севера // Радуга на снегу. Культура, традиции и современное искусство народов советского Крайнего Севера. М., 1972. С. 110—126; 2) Ремесла Сибири // ДИ СССР. 1977. № 1. С. 27—31; 3) Народное декоративно-прикладное искусство Крайнего Севера и Дальнего Востока. Книга для учащихся старших классов. М., 1980; Кочешков Н. В. 1) Декоративное искусство малых народов советского Дальнего Востока: традиции и проблемы развития // Опыт некапиталистического пути развития малых народов Дальнего Востока СССР. Владивосток, 1981. С. 89—97; 2) Проблемы этнических традиций в декоративном искусстве малых народов советского Дальнего Востока // Традиции и современность в культуре народов Дальнего Востока. Владивосток, 1983. С. 3—17; 3) Народное декоративное искусство // Народы Дальнего Востока СССР в XVII—XX вв. Историко-этнографические очерки. М., 1985. С. 128—133, 198—202; 4) Этнические традиции в декоративном искусстве народов Крайнего Северо-Востока СССР. Л., 1989; Смирнова Л. И. Миниатюрная корякская скульптура из кости и дерева // Страны и народы Востока. М., 1972. Вып. 13, кн. 2. С. 93—113; Чубарова Л. И. 1) Художественно-технические приемы обработки кожи и меха у чукчей, эскимосов и коряков // Традиционное искусство и современные промыслы народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. М., 1981. С. 91—104; 2) Художественная обработка меха у коряков // Сельскому учителю о народных ремеслах Сибири и Дальнего Востока. М., 1983. С. 64—87.
- 33 Жорницкая М. Я. Народное хореографическое искусство коренного населения Северо-Востока Сибири. М., 1983.
- 34 Мелетинский Е. М. Палеоазиатский мифологический эпос. Цикл Ворона. М., 1979. С. 33—79, 80—94.
- 35 Малюкович В. Н. 1) Корякские народные праздники // КЗКОКМ. 1974. Вып. 5. С. 68—85; 2) Праздник карагинских коряков «Хололо» // Там же. 1971. Вып. 3. С. 59—66; 1973. Вып. 4. С. 170—178; 3) Советские интернациональные праздники в корякском селе // Там же. 1973. Вып. 4. С. 29—41; Романов В. Т., Шейкин Ю. И. Музыкальные инструменты народностей Камчатки // Культура народов Дальнего Востока. Традиции и современность. Владивосток, 1984. С. 70—80.
- 36 См., напр.: Горбачева В. В., Мастюгина Т. М. Коряки // Семейная обрядность народов Сибири: опыт сравнительного изучения. М., 1980. С. 216—221; Лебедев В. В. Похоронный обряд ачайваямских коряков-оленевонов // Полевые исследования Ин-та этнографии в 1975 г. М., 1977.
- 37 Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960. С. 561.
- 38 Гурвич И. С. Этническая история Северо-Востока Сибири. М., 1966. С. 188.
- 39 Антропова В. В. Культура и быт коряков... С. 18.
- 40 Вдовин И. С. Очерки этнической истории коряков... С. 54.
- 41 АИЭ. К.-1. Оп. 1. № 50. Л. 67.
- 42 Вдовин И. С. Очерки этнической истории коряков... С. 102.
- 43 Национальный состав населения СССР. М., 1991. С. 22.
- 44 Об изменении численности и состава населения малых народностей Камчатской области. Петропавловск-Камчатский, 1990. С. 6—7.
- 45 Брук С. И. Население мира: Этнодемографический справочник. М., 1981. С. 188.

Этногенез и этнические связи коряков

- 1 Iochelson W. 1) Archaeological Investigations in the Aleution Islands. Washington, 1925. IX. P. 6—10. 2) The Ethnological Problems of the Bering Sea // Natural History (Washington). 1926. Vol. 26. P. 3; 3) The Koryaks // The Journal of the American Museum of Natural History (Leiden; New York). 1905—1908. Vol. 2—6.
- 2 Iochelson W. The Ethnological Problems... P. 3.
- 3 Богораз В. Г. Древнее переселение народов в Северной Евразии и в Америке // СМАЭ. 1927. Т. 4. С. 43.
- 4 Золотарев А. М. Из истории этнических взаимоотношений на Северо-Востоке Азии // Изв. Воронежского гос. пед. ин-та. 1938. Т. 4. С. 83—84.
- 5 Левин М. Г. Этническая антропология и проблемы этногенезов народов Дальнего Востока. М., 1958. С. 228, 300.
- 6 Дебец Г. Ф. Антропологические исследования в Камчатской области // Тр. Северо-восточной экспедиции. М., 1951. Т. 1. С. 114.
- 7 Левин М. Г. Указ. соч. С. 225.
- 8 Арутюнов С. А., Сергеев Д. А., Таксами Ч. М. Этнокультурные связи коренных народов прибрежной Северо-Восточной Азии // Этническая история народов Азии. М., 1972. С. 83.
- 9 Васильевский Р. С. Происхождение и древняя культура коряков. Новосибирск, 1971. С. 174—189.
- 10 Очерки истории Чукотки с древнейших времен до наших дней. Новосибирск, 1974. С. 66.
- 11 Васильевский Р. С. Происхождение... С. 31.
- 12 Васильевский Р. С. Древнее население Охотского побережья и его культура // Древняя Сибирь. Улан-Удэ, 1964. С. 674.
- 13 Очерки истории Чукотки... С. 67.
- 14 Арутюнов С. А., Сергеев Д. А., Таксами Ч. М. Указ. соч. С. 83—98; Васильевский Р. С. Происхождение... С. 174—199; Симченко Ю. Б. Культура охотников на оленей Северной Евразии. М., 1976. С. 311.
- 15 Диков Н. Н. Палеолит на Крайнем Северо-Востоке Азии // История, археология и этнография народов Дальнего Востока: Научные доклады VIII Дальневосточной конференции по проблемам исторической науки. Владивосток, 1973. Вып. 1. С. 137.
- 16 Стебницкий С. Н. Нымыланы-олюторцы. К вопросу о происхождении оленеводства у южных коряков // СЭ. 1938. № 1. С. 137.
- 17 Кочешков Н. В. Этнические традиции в декоративном искусстве народов Крайнего Северо-Востока СССР. Л., 1989. С. 79.
- 18 Жорницкая М. Я. Народное хореографическое искусство коренного населения Северо-Востока Сибири. М., 1983. С. 104—107.
- 19 Леонтьев В. В., Новикова К. А. Топонимический словарь Северо-Востока СССР. Магадан, 1989. С. 26.
- 20 Вдовин И. С., Терещенко Н. М. Очерки истории изучения палеоазиатских и самодийских языков. Л., 1959. С. 3.
- 21 История и культура ительменов: Историко-этнографические очерки. Л., 1990. С. 17.
- 22 Стебницкий С. Н. Основные фонетические различия диалектов нымыланского (корякского) языка // Памяти В. Г. Богораза (1865—1936). М.; Л., 1937. С. 286.
- 23 Скорик П. Я. Чукотско-камчатские языки // Языки народов СССР. Монгольские, тунгусо-маньчжурские и палеоазиатские языки. Л., 1965. Т. 5. С. 246.
- 24 Вдовин И. С. К проблеме этногенеза ительменов // Материалы конференции «Этногенез народов Азии». Новосибирск, 1969. С. 153—154.
- 25 Скорик П. Я. О генетической общности чукотско-камчатских языков // Происхождение аборигенов Сибири. Томск, 1969. С. 42.
- 26 Васильевский Р. С. Происхождение... С. 174—199; Жорницкая М. Я. Указ. соч. С. 76; Кочешков Н. В. Указ. соч. С. 76.
- 27 Никонов В. А. Этнонимы Дальнего Востока СССР // Этническая ономастика. М., 1984. С. 52.
- 28 Богораз В. Г. Материалы по изучению чукотского языка и фольклора. СПб., 1900. Ч. 1. С. 338—350.
- 29 Вдовин И. С. Эскимосские элементы в культуре чукчей и коряков // Сиб. этнограф. сб. М.: Л., 1961. Т. 3. С. 3.
- 30 Iochelson W. The Koryaks... 1905. Vol. 2. Part 1. P. 359.
- 31 Богораз В. Г. Древнейшие элементы в языке азиатских эскимосов // Сб. АН СССР. 1935. Вып. 16. С. 356.

- 32 Вдовин И. С. Очерки этнической истории коряков. Л., 1973. С. 262.
- 33 Рубцова Е. С. Материалы по языку и фольклору эскимосов. М.; Л., 1954. Тексты № 1—19.
- 34 Вдовин И. С. Очерки этнической истории... С. 264.
- 35 Иванов С. В. Орнамент народов Сибири как исторический источник (по материалам XIX—начала XX в.) // Народы Севера и Дальнего Востока. М.; Л., 1963. С. 180—181.
- 36 Жорницкая М. Я. Народное хореографическое искусство коренного населения Северо-Востока Сибири. М., 1983. С. 66—72.
- 37 Вдовин И. С. Очерки этнической истории... С. 256—257.
- 38 История и культура чукчей. Л., 1987. С. 45.
- 39 Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. М.; Л., 1949. С. 449.
- 40 Гурвич И. С. Этническая история Северо-Востока Сибири. М., 1966. С. 115.
- 41 Сгибнев А. Исторический очерк главнейших событий в Камчатке // Морской сборник. 1869. № 5. С. 73; Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М., 1960. С. 571.
- 42 Гурвич И. С. Указ. соч. С. 110.
- 43 Вдовин И. С. История и культура чукчей. Л., 1987. С. 48.
- 44 Вдовин И. С. Юкагиры в этнической истории... С. 108.
- 45 Гоголев З. В., Гурвич И. С., Золотарева И. М., Жорницкая М. Я. Юкагиры (историко-этнографический очерк). Новосибирск, 1975. С. 34.
- 46 История и культура ительменов. Л., 1990. С. 30.
- 47 Там же. С. 31.
- 48 Крашенинников С. П. Указ. соч. С. 448.
- 49 Иванов С. В. Указ. соч. С. 189.
- 50 Жорницкая М. Я. Указ. соч. С. 132.
- 51 Гурвич И. С. Указ. соч. С. 95.
- 52 История и культура ительменов. С. 32.
- 53 Крашенинников С. П. Указ. соч. С. 131.
- 54 История и культура ительменов. С. 31.
- 55 Крашенинников С. П. Указ. соч. С. 136.
- 56 Стебницкий С. Н. Нымьланы-карагинцы по материалам С. П. Крашенинникова: К вопросу о происхождении карагинского диалекта нымьланского (корякского) языка в свете лингвистических материалов С. П. Крашенинникова // С. С. 1939. № 2. С. 129—170.
- 57 Гурвич И. С. Указ. соч. С. 50.
- 58 Народы Дальнего Востока СССР в XVII—XX вв.: Историко-этнографические очерки. М., 1985. С. 59.
- 59 Гурвич И. С. Указ. соч. С. 109.
- 60 Дитмар К. О коряках и весьма близких к ним по происхождению чукчах // Вестник РГО. 1855. Ч. 15. С. 60.

Материальная культура

- 1 Список населенных мест по районам, охваченным в Дальневосточном крае Приполярной переписью 1926/27 г. Хабаровск; Благовещенск, 1928. С. 11—25.
- 2 Кеккетын Кецай. Хоялхот. Л., 1939. С. 78.
- 3 Огрызко И. И. Очерки истории сближения коренного и русского населения Камчатки. Л., 1973. С. 43.
- 4 Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки: С приложением рапортов, донесений и других неопубликованных материалов. М.; Л., 1949. С. 131, 134.
- 5 ЦГНАХ СССР. Ф. 9570. Оп. 2. Д. 3467. Л. 13.
- 6 ГАКАО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 84. Л. 34.
- 7 Камчатская область. Административно-территориальное деление. Петропавловск-Камчатский. 1976. С. 23—25.
- 8 Камчатская правда. 1989. 13 сент.
- 9 Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР. М., 1963. С. 336; Итоги Всесоюзной переписи населения 1980 года. М., 1973. Т. 4. С. 92; Численность и состав населения СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. М., 1985. С. 86.
- 10 Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР. М., 1963. С. 306; Основные показатели развития экономики и культуры малочисленных народов Севера. М., 1990. С. 8.

- 11 АИЭ. Ф. К.-1. Оп. 1. № 50. Л. 42—43.
- 12 Iochelson W. The Koryaks // The Journal of the American Museum of Natural History (Leiden; New-York). 1908. Vol. 6. Part 2.
- 13 То же самое характерно для кочевых жилищ монголов, казахов, киргизов, алтайцев, тувинцев, бурят, каракалпаков и других скотоводческих народов Азии. См.: Типы традиционного сельского жилища народов Юго-Восточной, Восточной и Центральной Азии. М., 1979. С. 201—203.
- 14 АИЭ. Ф. К.-1. Оп. 1. № 50. Л. 71.
- 15 Там же. Л. 71—72.
- 16 Иохельсон В. И. Древние и современные подземные жилища племен Северо-Восточной Азии и Северо-Западной Америки. СПб., 1908. С. 46—47.
- 17 Там же. С. 40—43.
- 18 АИЭ. Ф. К.-1. Оп. 1. № 50. Л. 74.
- 19 ЦГАНХ СССР. Ф. 9570. Оп. 2. Д. 3445. Л. 60.
- 20 Там же. Д. 3457. Л. 1.
- 21 Шаталов В. С. Заря над Камчаткой. Владивосток, 1984. С. 190.
- 22 ГАХК. Ф. 137. Оп. 4. Д. 20. Л. 60.
- 23 ЦГАНХ СССР. Ф. 9570. Оп. 2. Д. 3437. Л. 9.
- 24 ГАХК. Ф. 137. Оп. 14. Д. 152. Л. 52.
- 25 Советы Северо-Востока СССР. Магадан, 1982. С. 122.
- 26 ГАКАО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 23. Л. 73.
- 27 ГАХК. Ф. 137. Оп. 14. Д. 86. Л. 91.
- 28 ГАКАО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 40. Л. 106.
- 29 Антропова В. В. Культура и быт коряков. Л., 1977. С. 60—61.
- 30 Там же. С. 60.
- 31 Iochelson W. The Koryaks... Vol. 6. Part 2. P. 565.
- 32 Антропова В. В. Указ. соч. С. 61.
- 33 Вдовин И. С. Очерки этнической истории коряков. Л., 1973. С. 80.
- 34 Крашенинников С. П. Указ. соч. С. 292.
- 35 АИЭ. Ф. К.-1. Оп. 1. № 30. Л. 126.
- 36 Вдовин И. С. Указ. соч. С. 81—82.
- 37 ЦГАОР СССР. Ф. 3977. Оп. 1. Д. 241. Л. 14.
- 38 ЦГАНХ СССР. Ф. 9570. Оп. 2. Д. 3445. Д. 86.
- 39 Iochelson W. The Koryaks... Vol. 6 Part. 2. P. 577.
- 40 См.: Баранников И. (Тымлаткэн). Сказки об Эмэмкуте / Пер. с коряк. Л., 1940. С. 103.
- 41 Антропова В. В. Указ. соч. С. 64—65.
- 42 Беретти Н. Н. На Крайнем Северо-Востоке // Записки Владивосток. отд. РГО. 1929. Т. 4. С. 27.
- 43 АИЭ. Ф. К.-1. Оп. 1. № 50. Л. 118.
- 44 Орлова Е. П. Коряки полуострова Камчатки // Советская Азия. 1929. № 3. С. 6.
- 45 Сергеев М. А. Народное хозяйство Камчатского края. М., 1936. С. 714.
- 46 Отчет о землеустройстве колхозов и совхозов Корякского национального округа Камчатской области. Палана, 1955. (Рукопись). С. 41, 77, 106, 148.
- 47 Баскин Л. М. Сегодня — кочевка. М., 1974. С. 76.
- 48 Антропова В. В. Указ. соч. С. 184.
- 49 ТРА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 9. Л. 26.
- 50 Антропова В. В. Указ. соч. С. 85.
- 51 ЦГАНХ СССР. Ф. 9570. Оп. 2. Д. 3445. Л. 62.
- 52 Прыткова Н. Ф. Одежда чукчей, коряков и ительменов // Материальная культура народов Сибири и Севера. Л., 1976. С. 50.
- 53 Беретти Н. Н. Указ. соч. С. 31.
- 54 «Упован — м. кмч. подзор, край подола, полоса в ладонь, пришиваемая к подолу кухлянки...». (Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1956. Т. 4. С. 502).
- 55 Прыткова Н. Ф. Указ. соч. С. 52.
- 56 Крашенинников С. П. Указ. соч. С. 610.
- 57 Iochelson W. The Koryaks... Vol. 6. Part. 2. P. 591.
- 58 Прыткова Н. Ф. Указ. соч. С. 72.
- 59 Василевич Г. М. Типы обуви народов Сибири // Сб. МАЭ. М.; Л., 1963. Т. 21. С. 36—40.
- 60 Прыткова Н. Ф. Указ. соч. С. 55.
- 61 Антропова В. В. Указ. соч. С. 68—69.

- 62 Iochelson W. The Koryaks... Vol. 6. Part 2. P. 601.
 63 Ibid. P. 588.
 64 АИЭ. Ф. К.-1. Оп. 1. № 50. Л. 40.
 65 Прыткова Н. Ф. Указ. соч. С. 62.
 66 Iochelson W. The Koryaks... Vol. 6. Part 2. P. 598.
 67 Крашенинников С. П. Указ. соч. С. 703; АИЭ. Ф. К.-1. Оп. 1. № 30. Л. 383.
 68 Прыткова Н. Ф. Указ. соч. С. 68.
 69 См.: Орлова Е. П. Обряд погребения и погребальная одежда коряков Камчатской области // Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск, 1974. С. 350—359.
 70 Iochelson W. The Koryaks... Vol. 6. Part 1. III. 26, B.
 71 Беретти Н. Н. Указ. соч. С. 31.
 72 Сергеев М. А. Некапиталистическое развитие малых народов Севера. М.; Л., 1955. С. 480.
 73 Антропова В. В. Указ. соч. С. 182.
 74 Этническое развитие народностей Севера в советский период. М., 1987. С. 120.
 75 Баскин Л. М. Указ. соч. С. 13—14.
 76 АИЭ. Ф. К.-11. Оп. 1. Л. 190.
 77 Историко-этнографический атлас Сибири. М.; Л., 1961. С. 17—18; АИЭ. Ф. К.-11. Оп. 1. Л. 203—206.
 78 См.: Историко-этнографический атлас Сибири. С. 56—58; Дитмар К. Поездки и пребывание в Камчатке в 1851—1855 гг. СПб., 1901. Ч. 1. С. 139.
 79 Антропова В. В. Указ. соч. С. 82.
 80 См.: Историко-этнографический атлас Сибири. С. 111; АИЭ. Ф. К.-11. Оп. 1. Л. 272—277.
 81 АИЭ. Ф. К.-11. Оп. 1. Л. 275.
 82 Там же. Л. 277.
 83 Подробно каяк коряков описан В. И. Иохельсоном (АИЭ. Ф. К.-11. Оп. 1. Л. 278—280).
 84 Историко-этнографический атлас Сибири. С. 111.
 85 Там же.
 86 См.: Антропова В. В. Указ. соч. С. 83; Историко-этнографический атлас Сибири. С. 81—82, 104, табл. 7; Iochelson W. The Koryak... Part. 2. P. 603—605.
 87 ГАХК. Ф. 137. Оп. 14. Д. 207. Л. 20.
 88 Гурвич И. С., Кузаков К. Г. Корякский национальный округ. М., 1960. С. 257.
 89 ГАХК. Ф. 137. Оп. 14. Д. 98. Л. 202.
 90 Там же. Д. 207. Л. 20.
 91 ГАКАО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 14; Д. 4. Л. 60.
 92 Антропова В. В. Указ. соч. С. 181.

Хозяйство

- 1 Антропова В. В. Культура и быт коряков. Л., 1971. С. 27.
 2 Стебницкий С. Н. Очерки этнографии коряков (Машинописный текст лекций). 1940—1941 гг. // АИЭ. Ф. К.-1. Оп. 1. № 50. Л. 99—100.
 3 Иохельсон В. И. Коряки (Машинописный пер. с англ.) // АИЭ. Ф. К.-11. Оп. 1. Л. 271.
 4 Рахманин Г. Е., Сергеев М. А. Очерки по охотничьему хозяйству и звероводству Крайнего Севера. Л., 1936. С. 61, 72.
 5 ЦГАНХ СССР. Ф. 9570. Оп. 2. Д. 3445. Л. 56.
 6 Летопись жизни народов Северо-Востока РСФСР. 1917—1985. Петропавловск-Камчатский. 1986. С. 124.
 7 Отчет о землеустройстве колхозов и совхозов Корякского национального округа Камчатской области. Палана. 1955. (Рукопись). С. 84, 121, 164.
 8 ЦГАНХ СССР. Ф. 8033. Оп. 1. Д. 48. Л. 5.
 9 ГАКО. Ф. 169. Оп. 1. Д. 1553. Л. 7.
 10 Гурвич И. С., Кузаков К. Г. Корякский национальный округ. М., 1960. С. 179.
 11 Кузаков К. Г. Подъем экономики и культуры коренного населения Корякского национального округа // Осуществление ленинской национальной политики у народов Крайнего Севера. М., 1971. С. 298—299.
 12 ГАКО. Ф. 169. Оп. 1. Д. 810. Л. 30.
 13 Там же. Д. 807. Л. 103.
 14 Камчатская правда. 1990. 19 янв.

- 15 ГАКО. Ф. 169. Оп. 1. Д. 680. Л. 87.
- 16 Итоги переписи северных окраин Дальневосточного края. Благовещенск, 1929. С. 200, 219.
- 17 Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки с приложением рапортов, донесений и других неопубликованных материалов. М.; Л., 1949. С. 292; АИЭ. Ф. К.-1. Оп. 1. № 30. Л. 126. См. также: Вдовин И. С. Очерки этнической истории коряков. Л., 1973. С. 183.
- 18 АИЭ. Ф. К.-11. Оп. 1. Л. 295—296.
- 19 Арсеньев В. К. Гижигинский промысловый район // Экономическая жизнь Дальнего Востока. 1925. № 6. С. 28.
- 20 Сергеев М. Н. Корякский национальный округ. Л., 1934. С. 34, 62.
- 21 ГАКО. Ф. 209. Оп. 1. Д. 2. Л. 7—8.
- 22 АИЭ. Ф. К.-1. Оп. 1. Л. 294.
- 23 Отчет по охотозооэкономическому обследованию и организации Тигильского коопзверпромпхоза. Петропавловск-Камчатский, 1960. (Рукопись). С. 8.
- 24 Гурвич И. С., Кузаков К. Г. Указ. соч. С. 246.
- 25 Березин А. А., Перлов А. С. Ресурсы морских млекопитающих // Биологические ресурсы Тихого океана. М., 1986. С. 381.
- 26 ГАКО. Ф. 169. Оп. 1. Д. 680. Л. 162.
- 27 Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII веке: Сб. документов. Л., 1935. С. 26.
- 28 Сергеев М. А. Указ. соч. С. 65.
- 29 Гурвич И. С. Этническая история Северо-Востока Сибири. М., 1966. С. 51.
- 30 Иохельсон В. И. Очерк зверопромышленности и торговли мехами в Колымском округе. СПб., С. 41—48.
- 31 АИЭ. Ф. К.-1. Оп. 1. № 50. Л. 108.
- 32 Там же. Л. 297.
- 33 Там же. Л. 304.
- 34 Антропова В. В. Указ. соч. С. 42.
- 35 Итоги переписи северных окраин... С. 204.
- 36 Рахманин Г. Е., Сергеев М. А. Очерки... С. 52.
- 37 ГАХК. Ф. 137. Оп. 4. Д. 15. Л. 386.
- 38 ЦГАНХ СССР. Ф. 9570. Оп. 2. Д. 3457. Л. 9.
- 39 ГАХК. Ф. 389. Оп. 1. Д. 67. Л. 8.
- 40 Антропова В. В. Указ. соч. С. 148.
- 41 Отчет о землеустройстве... С. 132.
- 42 Научная сессия по проблемам развития производительных сил Камчатской области. Секция сельского и лесного хозяйства: Тез. докл. Петропавловск-Камчатский. 1957. С. 36.
- 43 ГАХК. Ф. 137. Оп. 14. Д. 207. Л. 134.
- 44 Отчет о землеустройстве... С. 93, 133, 170.
- 45 ЦГАОР СССР. Ф. 3977. Оп. 1. Д. 308. Л. 7; Д. 241. Л. 15.
- 46 ГАКАО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 17. Л. 24.
- 47 ЦГАОР СССР. Ф. 3977. Оп. 1. Д. 241. Л. 17.
- 48 ГАКО. Ф. 288. Оп. 1. Д. 248. Л. 12—13.
- 49 Итоги переписи северных окраин... С. 172—178; Сергеев М. А. Указ. соч. С. 44.
- 50 АИЭ. Ф. К.-11. Оп. 1. Л. 202.
- 51 См.: Богораз-Тан В. Г. Чукчи. Л., 1934. Ч. 1. С. 89, 124.
- 52 АИЭ. Ф. К.-11. Оп. 1. Л. 202—203.
- 53 Там же. Л. 203—204.
- 54 Стебницкий С. Н. Нымыланы-алюторцы. К вопросу о происхождении оленеводства у южных коряков // СЭ. 1938. № 1. С. 129.
- 55 ГАКО. Ф. 209. Оп. 1. Д. 1. Л. 111.
- 56 Сергеев М. А. Указ. соч. С. 45.
- 57 ЦГАНХ СССР. Ф. 8198. Оп. 1. Д. 8. Л. 52—53.
- 58 Сергеев М. А. Указ. соч. С. 51.
- 59 ЦГАНХ СССР. Ф. 8198. Оп. 1. Д. 8. Л. 52—53.
- 60 ГАХК. Ф. 137. Оп. 4. Д. 22. Л. 203.
- 61 ЦГАНХ СССР. Ф. 8198. Оп. 2. Д. 32. Л. 22.
- 62 ГАХК. Ф. 353. Оп. 4. Д. 17. Л. 25.
- 63 Крылов В. М. Оленеводство Пенжинского района // Ковязин Н. М., Крылов В. М., Подэкрат А. Г. Очерки по промысловому хозяйству и оленеводству Крайнего Севера. Л., 1936. С. 63.
- 64 ЦГАНХ СССР. Ф. 8198. Оп. 2. Д. 3454. Л. 3.

- 65 Отчет о землеустройстве... С. 75, 104, 145.
 66 ГАКАО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 40. Л. 94—95.
 67 Там же. Д. 258. Л. 1.
 68 Отчет о землеустройстве... С. 187; ГАКАО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 40. Л. 94; ГАКО. Ф. 88. Оп. 4. Д. 90. Л. 1.
 69 Камчатская правда. 1975. 18 нояб.
 70 Тынентекьев А. Н. Новь камчатской тундры // Верность ленинским идеям. Петропавловск-Камчатский. 1981. С. 70.
 71 Полярная звезда. 1986. 18 июня.
 72 ГАКО. Ф. 88. Оп. 4. Д. 9. Л. 5.
 73 Баскин Л. М. Сегодня — кочевка. М., 1974. С. 125; ГАКО. Ф. 169. Оп. 1. Л. 1847. Л. 1; Камчатская правда. 1984. 28 февр.
 74 ГАКАО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 323. Л. 22—23.
 75 Камчатская правда. 1989. 18 и 26 июля.
 76 Полярная звезда. 1986. 16 апр.
 77 ГАКАО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 388. Л. 122.
 78 Состояние оленеводства в хозяйствах Камчатской области. Петропавловск-Камчатский. 1986. С. 25.
 79 Камчатская правда. 1989. 18 июля.
 80 Дитмар К. Поездки и пребывание в Камчатке в 1851—1855 гг. Ч. 1: Исторический отчет по путевым дневникам. СПб., 1901. С. 495.
 81 Итоги переписи северных окраин... С. 204, 209.
 82 Сергеев М. А. Указ. соч. С. 81.
 83 ГАКАО. Ф. 9. Оп. 2. Д. 4. Л. 142.
 84 Там же. Д. 2. Л. 11.
 85 Там же. Д. 4. Л. 50.
 86 Народное хозяйство РСФСР в 1960 г.: Стат. ежегодник. М., 1961. С. 296—297; ГАКАО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 4. Л. 50.
 87 ГАХК. Ф. 137. Оп. 14. Д. 207. Л. 41; Д. 408. Л. 37.
 88 ГАКАО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 14. Л. 18.
 89 ГАКО. Ф. 88. Оп. 1. Д. 807. Л. 107.
 90 Антропова В. В. Указ. соч. С. 45.
 91 АИЭ. Ф. К.-11. Оп. 1. Л. 305—306.
 92 Подробности изготовления дымленниги описаны в работе Беретти Н. Н. На Крайнем Северо-Востоке. Владивосток, 1929. С. 91.
 93 АИЭ. Ф. К.-11. Оп. 1. Л. 338—339.
 94 Вдовин И. С. Очерки этнической истории коряков. Л., 1973. С. 149.
 95 Майдель Г. Путешествие по северо-восточной части Якутской области в 1868—1870 гг. СПб., 1894. Т. 1. С. 235.
 96 АИЭ. Ф. К.-11. Оп. 1. Л. 327.
 97 Там же. Л. 333.
 98 ГАКО. Ф. 209. Оп. 1. Д. 2. Л. 4—8.
 99 Сергеев М. А. Указ. соч. С. 69.
 100 Богачев В. Сталь и пламя Парени // Северные просторы. 1987. № 3. С. 27—29.

Социально-экономическое развитие

- 1 За Власть Советов на Камчатке (1917—1924). Петропавловск-Камчатский, 1957. С. 57—59.
 2 Зибарев В., Чистякова Н. С помощью победившего пролетариата. Магадан, 1982. С. 60.
 3 ЦГАНХ СССР. Ф. 8198. Оп. 2. Д. 448. Л. 5—8.
 4 ЦГАОР СССР. Ф. 3977. Оп. 1. Д. 166. Л. 16; Д. 141. Л. 2.
 5 ГАКО. Ф. 195. Оп. 1. Д. 13. Л. 14.
 6 ГАХК. Ф. 137. Оп. 11. Д. 3. Л. 47, 54а, 62, 139.
 7 Сергеев М. А. Корякский национальный округ. Л., 1934. С. 108—109.
 8 ГАКО. Ф. 209. Оп. 1. Д. 3. Л. 20.
 9 ЦГАОР СССР. Ф. 3977. Оп. 1. Д. 833. Л. 69, 93—95, 97.
 10 ГАХК. Ф. 682. Оп. 1. Д. 8. Л. 17.
 11 Советы Северо-Востока СССР (1928—1940): Сб. документов и материалов. Магадан, 1979. Ч. 1. С. 80.

- 12 Документы свидетельствуют. Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации 1927—1932 гг. М., 1989. С. 38—39.
- 13 Тураев В. А. Социалистическое строительство у малых народностей Таймыра (октябрь 1917—1941 гг.). Дис.... канд. ист. наук. Владивосток, 1974. С. 134—141.
- 14 Постановление ЦК ВКП(б) «О работе в национальных районах Крайнего Севера» от 26. 6. 1932 г. // Партийное строительство. 1932. № 13. С. 53—56; Постановление ЦК ВКП(б) «О формах коллективизации в районах народностей Крайнего Севера» от 1. 9. 1932 г. // Сов. Север. 1932. № 10. С. 6—8.
- 15 КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1983. Т. 2. С. 254, 438; 1984. Т. 4. С. 45, 136.
- 16 Сов. Север. 1930. № 1. С. 191.
- 17 ЦГАНХ СССР. Ф. 8198. Оп. 2. Д. 414. Л. 3.
- 18 Сов. Север. 1930. № 1. С. 184—185.
- 19 Там же. № 4. С. 134.
- 20 Постановление СНК РСФСР от 8 сентября 1931 г. «О хозяйственном развитии районов Крайнего Севера» // Сов. Север. 1931. № 10. С. 190.
- 21 Ковязин Н. М., Крылов В. М., Подэкрат А. Г. Очерки по промысловому хозяйству и оленеводству Крайнего Севера. Л., 1936. С. 61.
- 22 Там же. С. 65—66.
- 23 ГАКО. Ф. 209. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.
- 24 ЦГАНХ СССР. Ф. 9570. Оп. 2. Д. 3437. Л. 25.
- 25 Там же. Д. 3457. Л. 7.
- 26 Там же. Д. 3445. Л. 58—59.
- 27 ГАХК. Ф. 137. Оп. 14. Д. 207. Л. 216.
- 28 ГАКО. Ф. 209. Оп. 1. Д. 2. Л. 29.
- 29 Сергеев М. А. Указ. соч. С. 44.
- 30 ЦГАНХ СССР. Ф. 8033. Оп. 1. Д. 48. Л. 5.
- 31 ГАКАО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 10. Л. 50; Антропова В. В. Культура и быт коряков. Л., 1971. С. 131; Летопись жизни народов Северо-Востока РСФСР. 1917—1985. Петропавловск-Камчатский, 1986. С. 119.
- 32 ГАКО. Ф. 195. Оп. 1. Д. 3. Л. 97, 156; Д. 18. Л. 10.
- 33 ГАКАО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 17. Л. 19; Ф. 1. Оп. 1. Д. 5. Л. 62.
- 34 Бубнис Г. К. Руководство КПСС колхозным строительством в Корякском национальном округе // Из истории социалистического и коммунистического строительства на Дальнем Востоке СССР (1917—1975). Владивосток, 1975. С. 55.
- 35 ГАХК. Ф. 353. Оп. 4. Д. 89. Л. 123. Товарищество «Оленевод» по совместному выпасу оленей возникло в Ассоевском сельском Совете в 1938 г. Его созданием завершился первый этап колхозного строительства в Пенжинской тундре. Хозяйство вело кочевой образ жизни. В 1942 г. была сделана попытка основать центральную усадьбу товарищества на правом берегу р. Пенжины, примерно в 5 км выше с. Каменского. В 1949 г. товарищество перекочевало на р. Капеваам.
- 36 ГАХК. Ф. 137. Оп. 14. Д. 33. Л. 156.
- 37 Там же. Д. 102. Л. 126.
- 38 Сельское и промысловое хозяйство Тигильского района Корякского национального округа Камчатской области. Палана, 1954. (Рукопись). С. 75.
- 39 ГАХК. Ф. 353. Оп. 4. Д. 89. Л. 123. Сельское и промысловое хозяйство Тигильского района... С. 36.
- 40 Колхозникам рыбартели во время добычи рыбы трудодни не начислялись. За добытую рыбу с ними рассчитывалось государство наличными деньгами. По этой причине среднее число трудодней у них было значительно меньше, чем у колхозников в сельхозартелях. Так, например, в Тигильском районе в 1950—1953 гг. каждый трудоспособный в рыбартелях заработал в среднем за год 113 трудодней, в оленеводческих колхозах 153, а в сельскохозяйственных артелях ительменов 215 трудодней.
- 41 КПСС в резолюциях и решениях... 1985. Т. 7. С. 257—263.
- 42 ГАКАО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 40. Л. 93—94, 100; Ф. 9. Оп. 1. Д. 4. Л. 19, 25.
- 43 Там же. Ф. 24. Оп. 1. Д. 28. Л. 23.
- 44 ГАКО. Ф. 169. Оп. 4. Д. 90. Л. 6.
- 45 Тураев В. А. Некоторые проблемы использования трудовых ресурсов народностей Северо-Востока СССР // Социальные проблемы труда у народностей Севера. Новосибирск, 1986. С. 70.
- 46 Донской Ф. С. Актуальные проблемы обеспечения полной занятости народностей Севера общественно-полезным трудом. Приложения. Якутск, 1990. С. 144.

Духовная культура

- 1 Iochelson W. Religion and Myths of the Koryak // Memoirs of the American Museum of Natural History (Leiden), 1909. Vol. 10. Part 1. P. 121.
- 2 Ibid. P. 25.
- 3 Ibid. P. 47.
- 4 Антропова В. В. Коряки // Народы Сибири: Историко-этнографические очерки. М.; Л. 1956. С. 967.
- 5 Вдовин И. С. Жертвенные места коряков и их историко-этнографическое значение // Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX—начале XX века. Л., 1971. С. 274—279.
- 6 Вдовин И. С. Очерки этнической истории коряков. Л., 1973. С. 54.
- 7 Леонтьев В. В., Новикова К. А. Топонимический словарь Северо-Востока СССР. Магадан, 1989. С. 32—40.
- 8 Вдовин И. С. Очерки этнической истории коряков. С. 273.
- 9 Слюнин Н. В. Охотско-Камчатский край. СПб., 1900. Т. 1. С. 390.
- 10 Iochelson W. The Koryaks // The Journal of the American of National History (Leiden; New York). 1908. Vol. 6. Part 2. P. 731.
- 11 Кись Р. Я., Лебедев В. В. Некоторые аспекты изучения традиционного оленеводства Чукотки // Полевые исследования Института этнографии 1978 г. М., 1980. С. 124.
- 12 Беретти Н. Н. На Крайнем Северо-Востоке. Владивосток, 1929. С. 59.
- 13 Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. М.; Л., 1949. С. 456.
- 14 Слюнин Н. В. Указ. соч. С. 391.
- 15 Крашенинников С. П. Указ. соч. С. 456.
- 16 Беретти Н. Н. Указ. соч. С. 35, 40.
- 17 Слюнин Н. В. Указ. соч. С. 456.
- 18 Стебницкий С. Н. Нымыланы-олоторцы. К вопросу о происхождении оленеводства у южных коряков // СЭ. 1938. № 1. С. 137.
- 19 Беретти Н. Н. Указ. соч. С. 34—35, 61.
- 20 Крашенинников С. П. Указ. соч. С. 464.
- 21 Вдовин И. С. Очерки этнической истории коряков. С. 242—243.
- 22 Кись Р. Я., Лебедев В. В. Указ. соч. С. 125—127; Вдовин И. С. Очерки этнической истории коряков. С. 242.
- 23 Беретти Н. Н. Указ. соч. С. 79.
- 24 Антропова В. В. Культура и быт коряков. Л., 1971. С. 47—48.
- 25 Васильевский Р. С. Происхождение и древняя культура коряков. Новосибирск, 1971. С. 163.
- 26 Слюнин Н. В. Указ. соч. С. 390.
- 27 Степанов Н. Н. К истории освободительной борьбы народностей Северо-Востока Сибири в XVII в. // Сборник памяти В. Г. Богораза. М.; Л., 1937. С. 220.
- 28 Антропова В. В. Военная организация у народов Крайнего Северо-Востока Сибири // Сибирский этнограф. сб. М.; Л., 1957. Т. 2. С. 165—166.
- 29 Беретти Н. Н. Указ. соч. С. 6.
- 30 Богораз-Тан В. Г. Миф об умирающем и воскрешающем звере // Художественный фольклор. № 1. М., 1926. С. 71.
- 31 Iochelson W. The Koryaks... 1905. Vol. 2. Part 1. P. 89.
- 32 Архив ЛОИЭ АН СССР. К. 1. Оп. 1. № 50. С. 108.
- 33 Богораз-Тан В. Г. Христианство в свете этнографии. М.; Л., 1928. С. 74.
- 34 Крашенинников С. П. Указ. соч. С. 292.
- 35 Линденау Я. И. Описание коряков, их нравов и обычаев по личным наблюдениям автора и по сведениям, полученным от других. 1743 // Описание народов Сибири (первая половина XVIII века). Магадан, 1983. С. 125, 126; Беретти Н. Н. Указ. соч. С. 41.
- 36 Iochelson W. The Koryaks... Vol. 2. Part 1. P. 65.
- 37 ЛОИВ АН СССР. Ф. 631. Оп. 1. № 128. Л. 52, 52 об.
- 38 Архив ЛОИЭ АН СССР. К.-1. Оп. 1. № 50. Л. 96 об.; Вдовин И. С. Очерки этнической истории коряков. С. 54, 85, 295.
- 39 Архив ЛОИЭ АН СССР. К.-1. Оп. 1. № 50. Л. 96.
- 40 Семенов Ю. И. Происхождение брака и семьи. М., 1974. С. 78, 79.
- 41 Малюкович В. Н. Корякские народные праздники // Краеведческие записки. Петропавловск-Камчатский, 1974. Вып. 5. С. 76.

- 42 Гурвич И. С. Корякские промысловые праздники // Сибир. этнограф. сб. М., 1962. Т. 4. С. 246.
- 43 Iochelson W. The Koryaks... Vol. 6. Part 2. P. 87—88.
- 44 Гурвич И. С. Указ. соч. С. 250.
- 45 Крашенинников С. П. Указ. соч. С. 435.
- 46 Сокольников Н. П. Болезни и рождение человека в селе Маркове на Анадыре // Этнограф. обозрение. 1911. № 3—4; 1912. С. 168.
- 47 Архив ЛОИЭ АН СССР. К.-1. Оп. 1. № 50. Л. 216.
- 48 Горбачева В. В., Мастюгина Т. М. Похоронная обрядность. Коряки // Семейная обрядность народов Сибири. М., 1980. С. 217.
- 49 Iochelson W. The Koryaks... Vol. 2. Part 1. P. 102—103.
- 50 Лебедев В. В. Похоронный обряд ачайвайямской группы коряков-оленьеводов // Полевые исследования Института этнографии. 1975. М., 1977. С. 61.
- 51 Архив ЛОИЭ АН СССР. К.-1. Оп. 1. № 50. Л. 231.
- 52 Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960. С. 554; Народы Сибири. М.; Л., 1956. С. 950—953; Гурвич И. С. Этническая история Северо-Востока Сибири. 1966. С. 103—112, 183—189, 241—249; Вдовин И. С. Очерки этнической истории коряков. Л., 1973; и др.
- 53 Iochelson W. The Koryaks... Vol 2. Part 1; Vol. 6. Part 2.
- 54 Малюкович В. Н. Ленаты счастья (корякские праздники). Петропавловск-Камчатский, 1974.
- 55 Богораз В. Г. Игры малых народностей Севера // Сб. МАЭ. М.; Л., 1949. Т. XI. С. 238, 245.
- 56 Вдовин И. С. Очерки этнической истории коряков. С. 38—40.
- 57 Богораз В. Г. Чукчи. Л., 1939. Ч. 2. С. 70.
- 58 Гурвич И. С. Указ. соч. С. 240.
- 59 Вдовин И. С. Очерки этнической истории коряков. С. 43—44.
- 60 Богораз В. Г. Чукчи. Ч. 2. С. 74—76.
- 61 Гурвич И. С., Яйлеткан А. И. Ачайвайямская группа коряков-оленьеводов // Краевед. записки. Петропавловск-Камчатский. 1971. Вып. 3. С. 32—50.
- 62 Бродский А. Комментарий к пластинке «Музыка народов Дальнего Востока» (Д-033187-88).
- 63 Вдовин И. С. Очерки этнической истории коряков. С. 41.
- 64 Крашенинников С. П. Указ. соч. С. 415.
- 65 Сергеев М. А. Некапиталистический путь развития малых народов Севера. М.; Л., 1955. С. 200—201.
- 66 Стебницкий С. Н. Корякский исторический фольклор и зарождающаяся корякская литература. (Рукопись) // АЛОИЭ АН СССР. Ф. К.-1. Оп. 1. Д. 175. Л. 106—107, 142, 147.
- 67 См.: Языки и фольклор народов Севера: Сб. науч. тр. ЛГПИ им. А. И. Герцена. Л., 1973. С. 82—83.
- 68 Малетинский Е. М. Палеоазиатский мифологический эпос. Цикл Ворона. М., 1979. С. 38—39.
- 69 Там же. С. 59.
- 70 Меновщиков Г. Об устном повествовательном творчестве народностей Чукотки и Камчатки // Сказки и мифы народов Чукотки и Камчатки (азиатские эскимосы, чукчи, коряки и ительмены). М., 1974. С. 20.
- 71 Там же. С. 43—44.
- 72 Стебницкий С. Н. Указ. соч. Л. 110; Языки и фольклор народов Севера. С. 80.
- 73 См.: Вдовин И. С. О научном значении фольклора народов Камчатки // Краеведческие записки. Вып. 3. Петропавловск-Камчатский, 1971. С. 51—59; Памятники Сибирской истории XVIII в. СПб., 1885. Кн. 2. С. 44.
- 74 Вдовин И. С. О научном значении фольклора. С. 56.
- 75 Иванов В. Н. Интересный документ об обычаях чукчей в XIX в. // Якутский архив. 1960. Вып. 1. С. 174.
- 76 См.: Антропова В. В. Культура и быт коряков. С. 44—50; Вдовин И. С. Очерки этнической истории коряков. С. 80—84, 131—132, 149—152.
- 77 Беретти Н. Н. На Крайнем Северо-Востоке // Записки Владивостокского отд. РГО, т. 4 /21/. Владивосток, 1929. С. 91.
- 78 Iochelson W. I. The Koryaks... Vol. 6. Part 2. Material Culture and Social Organization. Leiden; New York, 1906. P. 631.

- 79 Антропова В. В. Культура и быт коряков. С. 47.
- 80 Иванов С. В. Художественные изделия из бересты // Полярная звезда. 1978. № 1. С. 119—120.
- 81 Антропова В. В. Культура и быт коряков. С. 77.
- 82 Каплан Н. И. Народное декоративно-прикладное искусство Крайнего Севера и Дальнего Востока. М., 1980. С. 83.
- 83 Иванов С. В. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX—начала XX в. М.; Л., 1954. С. 509.
- 84 Iochelson W. I. The Koryaks... Vol. 6. Part 2. P. 713.
- 85 Иванов С. В. Материалы по изобразительному искусству... С. 513—514.
- 86 Иванов С. В. Орнамент народов Сибири... С. 210.
- 87 Слюнин Н. В. Указ. соч. Табл. 18.
- 88 Иванов С. В. Орнамент // Историко-этнографический атлас Сибири. М.; Л., 1961. С. 371.
- 89 Богородский А. Медико-топографическое описание Гижигинской округи // Журнал МВД (СПб.). 1853. Ч. 2. С. 112.
- 90 Дитмар К. О. О коряках и весьма близких к ним по происхождению чукчах // Вестник РГО (СПб.). 1855. Ч. 15. Кн. 6. С. 59.
- 91 Майдель Г. Путешествие по северо-восточной части Якутской области в 1868—1870 годах. СПб., 1894. Т. 1. С. 235.
- 92 Иванов С. В. Орнамент народов Сибири... С. 192.
- 93 Bogoras W. G. The Chukchee. Part 1; Material Culture. Leiden; New York, 1904. P. 160.
- 94 Iochelson W. I. The Koryaks... Vol. 6. Part 2. Tabl. 147, 149.
- 95 Иванов С. В. Материалы по изобразительному искусству. Рис. 68 — 1, 68 — 2.
- 96 Iochelson W. I. The Koryaks... Vol. 6. Part 2. P. 675—676.
- 97 Кочешков Н. В. Орнамент монголоязычных народов как исторический источник // Этнографические вести Калм. НИИЯЛИ (Элиста). 1973. Вып. 3. С. 3—24.
- 98 Орлова Е. П. Чукотская, корякская, эскимосская, алеутская резная кость. Новосибирск, 1964. С. 10—11.
- 99 Иванов С. В. Орнамент народов Сибири... С. 180.
- 100 Орлова Е. П. Коряки полуострова Камчатки // Советская Азия. 1929. № 3. С. 89.
- 101 Слюнин Н. В. Указ. соч. Рис. 42—43.
- 102 Бульчев И. Путешествие по Восточной Сибири. СПб., 1856. Ч. 1. Рис. 13—14.
- 103 См.: Иванов С. В. Века, оставшиеся в бронзе. Скульптура студентов Института народов Севера // Радуга на снегу. Культура, традиционное и современное искусство народов советского Крайнего Севера. М., 1972. С. 177—179.
- 104 Шестая зональная художественная выставка «Советский Дальний Восток»: Каталог. Владивосток, 1985. С. 63. Торбаса летние. Мастер Е. И. Чечулина. 1982. Камус, ровдуга, меховая мозаика, вышивка подбородным волосом оленя.
- 105 Выставка произведений самодельных художников Дальнего Востока к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина: Каталог. Хабаровск, 1970. С. 47—50.
- 106 Выставка произведений мастеров народных художественных промыслов: Каталог. М., 1977.
- 107 На выставке произведений художников Камчатки в Москве было показано свыше 100 работ 32 мастеров декоративно-прикладного и народного искусства. См.: Выставка произведений художников Камчатки; Каталог. М., 1984. С. 56—59.
- 108 Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1976. Т. 10. С. 354.
- 109 На последней Зональной выставке во Владивостоке участвовали 11 мастериц из Корякского автономного округа, представившие свыше 50 произведений, вдвое больше, чем на выставке в Чите.

Культурное строительство

- 1 Терлецкий П. Е. Население Крайнего Севера (По данным Переписи 1926/27 г.) Л., 1932.
- 2 Отчет Далькрайисполкома за 1925/26 г. II краевому съезду Советов. Хабаровск, 1927. Приложение «Камчатка». С. 13.
- 3 ГАКО. Ф. 182. Оп. 1. Д. 1. Л. 12—14.
- 4 Там же. Ф. 29. Оп. 1. Л. 51 об., 52.
- 5 ПАКО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 161. Л. 160—161.
- 6 Канторович В. По Советской Камчатке: Книга путевых очерков. М., 1931. С. 154.

- 7 Ковалевский П. В школе-юрте // Советский Север. 1934. № 2. С. 103.
- 8 Сергеев М. А. Некапиталистический путь развития малых народов Севера. М.; Л., 1955. С. 274.
- 9 Орлова Е. П. Десять лет социально-культурного строительства на Севере ДВК // Советский Север. 1935. № 3—4. С. 53.
- 10 Сергеев М. А. Указ. соч. С. 271—272.
- 11 Антропова В. В. Культура и быт коряков. Л., 1971. С. 198.
- 12 Ковалевский П. Указ. соч. С. 103—107.
- 13 Билибин Н. Н. Среди коряков // Советский Север. 1933, № 3. С. 93—94.
- 14 Ковалевский П. Указ. соч. С. 106.
- 15 Стебницкий С. Н. Нымьланский (корякский) язык // Языки и письменность народов Севера. Л., 1934. Ч. III. С. 48.
- 16 Собрание указаний и распоряжений 1930 г. № 39. Ст. 420.
- 17 Антропова В. В. Культура и быт коряков. Л., 1971. С. 199—200.
- 18 Сергеев М. А. Указ. соч. С. 384.
- 19 Летопись жизни народов Северо-Востока РСФСР 1917—1985. Петропавловск-Камчатский, 1986. С. 121.
- 20 Камчатская правда. 1945. 14 марта.
- 21 Кронгуаз Ф. Ф. К истории школы на Крайнем Севере // Просвещение на советском Крайнем Севере. В помощь учителю школ Крайнего Севера. Л., 1958. Вып. 8. С. 41.
- 22 Антропова В. В. Указ. соч. С. 200—201.
- 23 Летопись жизни народов Северо-Востока... С. 154.
- 24 Антропова В. В. Указ. соч. С. 202—203.
- 25 См.: Летопись жизни народов Северо-Востока... С. 186; Шевель П. М. Реализация решений партии и правительства о школе // Просвещение на Крайнем Севере. Л., 1981. Сб. 19. С. 50.
- 26 Летопись жизни народов Северо-Востока... С. 188.
- 27 Там же.
- 28 Кузаков К. Г. Маршрутом счастья. Петропавловск-Камчатский, 1980. С. 82, 84.
- 29 Сергеев М. А. Указ. соч. С. 286—287.
- 30 ЦГА РСФСР ДВ. Ф. Р.-5. Оп. 1. Д. 88. Л. 110; Ф. Р.-3711. Оп. 1. Д. 7. Л. 22.
- 31 Методическая записка // Красная Грамота: Учебная книга на нымьланском языке. Л., 1932. С. 68.
- 32 АЛОИЭ АН СССР. Ф. К.-1. Оп. 1. Д. 175. Л. 102.
- 33 См.: Цинциус В. И. Родной язык в начальных школах Крайнего Севера // Просвещение на Советском Крайнем Севере. В помощь учителю школ Крайнего Севера. Л., 1958. Вып. 8. С. 84—85.
- 34 Кеккетын К. 1) Книга для чтения. 1-я книга для чтения на нымьланском (корякском) языке для 1-го кл. нымьлан. нач. школы. М.; Л., 1936. 104 с., ил.; 2) То же, 1937. Ч. 1; 3) То же, 1938. Ч. II; Кеккетын К., Стебницкий С. Н. Книга для чтения. Ч. II. Для 2-го класса для нымьлан. (коряк.) начальн. школы / Пер. с нымьлан. (коряк.) яз. С. Н. Стебницкого. Л., 1938. 62 с.
- 35 ЦГА РСФСР ДВ. Ф. Р.-352. Оп. 1. Д. 118. Л. 25; Д. 103. Л. 50.
- 36 Ленинградские писатели-фронтовики. 1941—1945: Автобиографии. Биографии. Книги. Л., 1985. С. 349.
- 37 Стебницкий С. Н. Букварь. Для корякской начальной школы. Изд. испр. и доп. / На коряк. яз. Л., 1947. 99 с.
- 38 См.: Кавав В. И., Дедык Е. И. Северянин: Книга для дополнительного чтения в подготовительном—первом классах корякских школ. Л., 1982. С. 28, 59—60, 65—66, 118; Икавав М. Ф., Попов М. И. Корякский язык: Учебник и книга для чтения в первом классе. Л., 1983. С. 113, 117, 122.
- 39 Цинциус В. И. Родной язык... С. 88.
- 40 ЦГАОР СССР. Ф. 3977. Оп. 1. Д. 448. Л. 205, 213, 213 об., 214.
- 41 ЦГА ДВ РСФСР. Ф. 2328. Оп. 1. Д. 33. Л. 629; Ф. 3138. Оп. 1. Д. 117. Л. 127.
- 42 ПАКО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 177. Л. 75—76; ГАКО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 8. Л. 5; Д. 32. Л. 4; Д. 60. Л. 25; Д. 67. Л. 24; Д. 70. Л. 47.
- 43 ПАКО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 51. Л. 55.
- 44 ГАКО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 8. Л. 5; Советы Северо-Востока СССР (1928—1940 гг.): Сб. документов и материалов. Магадан, 1979. Ч. 1. С. 197.
- 45 Бубнис Г. К., Нефедова С. П. Социалистические преобразования в Корякском автономном округе. М., 1981. С. 94.

- 46 ЦГАОР СССР. Ф. 3977. Оп. 1. Д. 1136. Л. 1.
 47 Бубнис Г. К., Нефёдова С. П. Указ. соч. С. 95.
 48 ГАКО. Ф. 138. Оп. 1. Д. 26. Л. 170—171.
 49 Там же. Д. 29. Л. 5—12; ГАЧАО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 10. Л. 252.
 50 ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС. Ф. 475. Оп. 2. Д. 73. Л. 486, 493, 504.
 51 Антропова В. В. Указ. соч. С. 205.
 52 ГАКО. Ф. 88. Оп. 1. Д. 143. Л. 25—27.
 53 Коянто В. Люди моей земли // Камчатка: Лит.-худож. сб. Петропавловск-Камчатский, 1980. С. 43.
 54 Корякский коммунист. 1967. 9 авг.
 55 Летопись жизни народов Северо-Востока... С. 155—156, 163—168; Народное хозяйство Камчатской области: Стат. сб. Хабаровск, 1966. С. 122.
 56 ПАКО. Ф. 2. Оп. 42. Д. 16. Л. 116, 120.
 57 Летопись жизни народов Северо-Востока... С. 186—188.
 58 Коянто В. Указ. соч. С. 45.
 59 ПАКО. Ф. 2. Оп. 38. Д. 26. Л. 997.
 60 См.: Сергеев М. А. Литература народов Севера // Литература народов Сибири. Новосибирск, 1956. С. 137—138.
 61 Цит. по: Корякские писатели и поэты. Палана, 1970. С. 1.
 62 Автобиография нымьланов // Советская этнография. 1938. № 1. С. 77.
 63 Кеккетын К. Последняя битва / На нымьлан. (коряк.) яз.; Ред. С. Н. Стебницкий. Л., 1936. 78 с.
 64 Жуков Л. 1) Нотаймэ: Историч. рассказ / Ред. С. Н. Стебницкий. М.; Л., 1937. 98 с.; 2) То же / На нымьлан. (коряк.) яз. 1938. 120 с.
 65 Кеккетын Кецай. Хоялхот: Рассказ / На коряк. яз. Л., 1939. 120 с.
 66 Писатели малых народов Дальнего Востока: Библиограф. справочник. Хабаровск, 1966. С. 13—14.
 67 Коянто (Косыгин) В. Оленьими тропами. Владивосток, 1970.
 68 Косыгин В. Месяц молочных важенок. Новосибирск, 1974. 256 с.
 69 Коянто (Косыгин) В. Верхние люди подождут: Повести и рассказы. М., 1976. 192 с.
 70 Цит. по: Писатель Владимир Косыгин. С. 3.
 71 См.: Писатели малых народов... С. 24; Таежные родники. С. 93.
 72 Иннокентий Яганов (к 50-летию корякского поэта). Палана, 1980. С. 1.

Национально-государственное строительство

- 1 Ленин В. И. Полн. соб. соч. Т. 24. С. 148.
 2 Там же. Т. 26. С. 370.
 3 Там же. Т. 41. С. 245—246.
 4 Сергеев М. А. Некапиталистический путь развития малых народов Севера. М.; Л., 1955. С. 212.
 5 Мухачев Б. И. Советы Северо-Востока СССР в период социалистической реконструкции народного хозяйства (1926—1936 гг.). Магадан, 1987. С. 23.
 6 Якимов А. Т. Руководство Камчатской парторганизации строительством Советской власти на Северо-Востоке в 1923—1926 гг. // Из истории социалистического и коммунистического строительства на Дальнем Востоке СССР (1917—1975 гг.). Владивосток, 1976. С. 85.
 7 Мухачев Б. И. Указ. соч. С. 34; СУ РСФСР. 1926. № 73. Ст. 575.
 8 Зибарев В. А. Советское строительство у малых народностей Севера. Томск, 1968. С. 154—160.
 9 Список населенных мест по районам, охваченным в Дальневосточном крае Приполярной переписью 1926/27 г. Хабаровск; Благовещенск, 1928. С. 11—25.
 10 Летопись жизни народов Северо-Востока РСФСР. 1917—1985. Петропавловск-Камчатский, 1986. С. 47.
 11 Ревкомы Северо-Востока СССР (1922—1928 гг.): Сб. документов и материалов. Магадан, 1973. С. 194, 205.
 12 Там же. С. 154.
 13 Зибарев В. С. Указ. соч. С. 174.
 14 ГАКО. В. 164. Оп. 1. Д. 3. Л. 9.
 15 Антропова В. В. Культура и быт коряков. Л.; 1971. С. 89.
 16 ЦГАОР СССР. Ф. 3977. Оп. 1. Д. 308. Л. 20.

- 17 Билибин Н. Классовое расслоение кочевых коряков. Владивосток, 1933. С. 18.
- 18 Ревкомы Северо-Востока СССР... С. 199.
- 19 ГАКО. Ф. 182. Оп. 1. Д. 1. Л. 14.
- 20 ЦГАОР СССР. Ф. 3977. Оп. 1. Д. 109. Л. 1.
- 21 Зибарев В. А. Указ. соч. С. 109.
- 22 ЦГАОР СССР. Ф. 3977. Оп. 1. Д. 221. Л. 155—156, 190; Летопись жизни народов Северо-Востока... С. 69.
- 23 ГАКО. Ф. 205. Оп. 1. Д. 1. Л. 7; Мухачев Б. И. Указ. соч. С. 75.
- 24 Зибарев В. А. Указ. соч. С. 142.
- 25 ГАКО. Ф. 206. Оп. 1. Д. 2. Л. 1—2, 11; Д. 3. Л. 3—5.
- 26 Советы Северо-Востока СССР (1928—1940 гг.): Сб. документов и материалов. Магадан, 1979. Ч. 1. С. 47—48.
- 27 СУ РСФСР. 1931. № 8. Ст. 98.
- 28 Мухачев Б. И. Указ. соч. С. 96.
- 29 Билибин Н. Указ. соч. С. 32.
- 30 ЦГАДВ РСФСР. Ф. 2411. Оп. 1. Д. 50. Л. 25.
- 31 ЦГАДВ РСФСР. Ф. 2411. Оп. 1. Д. 50. Л. 26—27.
- 32 ЦГАОР СССР. Ф. 3977. Оп. 1. Д. 758. Л. 86.
- 33 Там же. Д. 221. Л. 147.
- 34 Там же. Д. 308. Л. 20.
- 35 Там же. Л. 21—22.
- 36 Мухачев Б. И. Указ. соч. С. 102.
- 37 Советский Север. 1932, № 3. С. 124.
- 38 Советы Северо-Востока СССР... С. 77.
- 39 СУ РСФСР. 1932. № 33. Ст. 154.
- 40 Антропова В. В. Указ. соч. С. 123.
- 41 СУ РСФСР. 1932. № 32. Ст. 176.
- 42 ГАКО. Ф. 164. Оп. 1. Д. 12. Л. 143.
- 43 Советы Северо-Востока СССР (1941—1961 гг.): Сб. документов и материалов. Магадан, 1982. Ч. 2. С. 111.
- 44 ГАХК. Ф. 137. Оп. 14. Д. 102. Л. 2.
- 45 Там же. Л. 151; Д. 152. Л. 51.
- 46 Там же. Д. 33. Л. 198; Д. 102. Л. 140.
- 47 Там же. Д. 33. Л. 198; Ф. 389. Оп. 1. Д. 67. Л. 4; Народное хозяйство РСФСР за 60 лет. М., 1977. С. 9, 21; Численность и состав населения СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. М., 1985. С. 86.
- 48 Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС. М., 1989. С. 215.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ *

ААН	— Архив Академии наук СССР
ААН ЛЧ	— Архив АН СССР, Ленинградская часть
АИЭ	— Архив Института этнографии АН СССР
АЛОИЭ	— Архив Ленинградского отделения Института этнографии АН СССР
ГАКАО	— Государственный архив Корякского автономного округа
ГАКО	— Государственный архив Камчатской области
ГАПК	— Государственный архив Приморского края
ГАХК	— Государственный архив Хабаровского края
ГАЧАО	— Государственный архив Чукотского автономного округа
ГМЭ	— Государственный музей этнографии народов СССР
ДВК	— Дальневосточный край
ДВНЦ	— Дальневосточный научный центр АН СССР
ДИ СССР	— Декоративное искусство СССР
Калм.НИИЯЛИ	— Калмыцкий научно-исследовательский институт языка, литературы и искусства АН СССР
КЗКОКМ	— Краеведческие записки Камчатского областного краеведческого музея
КСИЭ	— Краткие сообщения Института этнографии АН СССР
ЛГПИ	— Ленинградский государственный педагогический институт им. А. И. Герцена
ЛОИВ АН СССР	— Ленинградское отделение института востоковедения АН СССР
ЛОИЭ АН СССР	— Ленинградское отделение института этнографии АН СССР
МАЭ	— Музей антропологии и этнографии АН СССР
МВД	— Министерство внутренних дел
НИИХП	— Научно-исследовательский институт художественных промыслов
ПАКК	— Партийный архив Красноярского крайкома КПСС
ПАКО	— Партийный архив Камчатского обкома КПСС
РГО	— Русское географическое общество
СТОЭ	— Северо-Тихоокеанская экспедиция К. Джекзупа
СУ РСФСР	— Собрание узаконений рабочего и крестьянского Правительства РСФСР
СЭ	— Советская этнография
СЭС	— Сибирский этнографический сборник
ТИЭ	— Труды института этнографии АН СССР
ТНИА ИНС	— Труды научно-исследовательской ассоциации Института народов Севера
ТРА	— Тигильский районный архив Камчатской области
ЦГАДА	— Центральный государственный архив древних актов
ЦГА ДВ РСФСР	— Центральный государственный архив РСФСР Дальнего Востока
ЦГАНХ СССР	— Центральный государственный архив народного хозяйства СССР
ЦГАОР СССР	— Центральный государственный архив Октябрьской революции СССР
ЦПА ИМЛ ЦК КПСС	— Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС

* Названия учреждений даны по состоянию на 1990 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
История изучения коряков (5). Численность и расселение коряков (8). Географические условия (11).	
Этногенез и этнические связи коряков	12
Этногенез (12). Корякско-эскимосские связи (17). Корякско-чукотские связи (18). Корякско-юкагирские связи (19). Корякско-ительменские связи (20). Корякско-русские связи (22).	
Материальная культура	25
Поселения (25). Жилище (29). Утварь (35). Пища (38). Одежда (43). Средства передвижения (51).	
Хозяйство	56
Рыболовство (56). Морской зверобойный промысел (62). Охотничий промысел (65). Оленеводство (72). Сельское хозяйство (87). Домашние занятия, ремесла и промыслы (93).	
Социально-экономическое развитие	97
Духовная культура	113
Мировоззрение (113). Народные знания (118). Праздники и обряды (123). Хореографическое искусство (135). Музыкальная культура (144). Фольклор (147). Народное декоративное искусство (153).	
Культурное строительство в советский период	182
Народное просвещение (182). Создание письменности (190). Культурно-просветительская работа (194). Художественная литература (199).	
Национально-государственное строительство	205
Примечания	219
Список сокращений	235

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА КОРЯКОВ

Историко-этнографические очерки

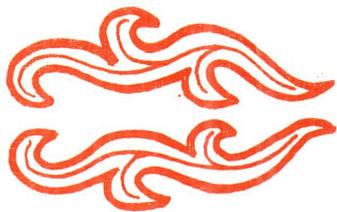
*Утверждено к печати Институтом истории, археологии
и этнографии народов Дальнего Востока*

Художник Л. А. Яценко
Технический редактор Н. А. Кругликова
Корректоры Г. Н. Мартыанова, Н. В. Малахова и М. В. Орлова

Сдано в набор 25.05.92. Подписано к печати 06.05.93.
Формат 70 × 90 1/16. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 17,4. Усл. кр.-от. 17,69. Уч.-изд. л. 19,99.
Тираж 550 экз. Тип. зак. № 3209. С 463.

Санкт-Петербургская издательская фирма ВО «Наука».
199034, Санкт-Петербург, В-34, Менделеевская лин., 1.

Санкт-Петербургская типография № 1 ВО «Наука».
199034, Санкт-Петербург, В-34, 9 лин., 12.

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА КОРЯКОВ

В коллективной монографии на большом фактическом материале, охватывающем период с XVII в. до наших дней, рассматриваются вопросы этнической истории и культуры коряков. Монография содержит новые сведения о создании национальной государственности, социально-экономическом развитии и проблемах современного состояния народности. Показано влияние социально-экономических преобразований на материальную и духовную культуру, семейно-брачные отношения коряков.

„Наука”

С.-Петербургское отделение

